Сочиненія

А. Н. Островскаго

VII 4 Б.

DUKE
UNIVERSITY

LIBRARY

Семенъ Борисовичъ
№ 228
Масленниковъ.

Драматическія сочиненія

А. Н. Островскаго, Н. Я. Соловьева и П. М. Невѣжина.

Томъ первый.

Всемірная библіотека.

Собранія сочиненій знаменитыхъ
русскихъ и иностранныхъ писателей.

Въ эту серію входятъ слѣдующія
собранія сочиненій:

А. С. Пушкина, подъ редакціей **П. О. Морозова** и **В. В. Каллаша;**
М. Ю. Лермонтова, подъ редакціей **Арс. И. Введенскаго;**
Н. В. Гоголя, подъ редакціей **В. В. Каллаша;**
И. А. Крылова, подъ редакціей **В. В. Каллаша;**
А. В. Кольцова, подъ редакціей **Арс. И. Введенскаго;**
А. Н. Островскаго, подъ редакціей **М. И. Писарева;**
Н. Г. Помяловскаго, съ біограф. очерк. **Н. А. Благовѣщенскаго;**
С. Т. Аксакова, подъ редакціей **А. Г. Горнфельда;**
А. А. Потѣхина, подъ наблюденіемъ **автора;**
С. В. Максимова, съ біограф. очеркомъ **П. В. Быкова;**
Георга Брандеса, съ предисловіемъ **М. В. Лучицкой;**
Элизы Оржешко, подъ редакціей **С. С. Зелинскаго;**
Чарльза Диккенса, со вступит. статьей **Д. П. Сильчевскаго;**
Гюи де Мопасана, съ критико-біографическ. очеркомъ **З. А. Венгеровой;**
Эдгара По, съ критико-біографическ. очеркомъ **М. А. Энгельгардта.**

С.-Петербургъ.
Книгоиздательское Товарищество „Просвѣщеніе",
Забалканскій просп., соб. д. № 75.

Драматическія
сочиненія

А. Н. Островскаго,
Н. Я. Соловьева и П. М. Невѣжина.

[т. 11]

Томъ первый.

Со вступительной статьей
С. В. Максимова
„А Н. Островскій по моимъ воспоминаніямъ".

С.-Петербургъ.
Книгоиздательское Товарищество „Просвѣщеніе",
Забалканскій просп., соб. д. № 75.

1896
Т-ВО ПРОСВѢЩЕНІЕ

891.72
O85PA
t.11

Оглавленіе.

Стр.

А. Н. Островскій. (По моимъ воспоминаніямъ.) С. В. Максимова 1

Счастливый день. Сцены изъ жизни уѣзднаго захолустья 173

На порогѣ къ дѣлу. Деревенскія сцены . . . 243

Блажь. Комедія 341

А. Н. Островскій.

(По моимъ воспоминаніямъ.)

Александръ Николаевичъ Островскій.

Если съ Большой Лубянской площади пойти по Солянкѣ, мимо Опекунскаго Совѣта, въ которомъ нѣкогда находилась въ закладѣ и перезалогѣ почти вся помѣщичья Россія, повернуть налѣво, то ударишься (какъ говорятъ въ Москвѣ) въ узкій переулокъ. Огибая церковь Іоанна Предтечи и дѣлая длинное и кривое колѣно, Серебряническій переулокъ приводитъ на поперечную улицу. Прямо противъ устья переулка стоялъ неказистый деревянный домъ, обычнаго московскаго пошиба. Обшитъ онъ былъ тесомъ и покрашенъ темною коричневою краской; размѣрами небольшой, въ пять оконъ. Съ улицы онъ казался одноэтажнымъ, такъ какъ второй этажъ глядѣлъ окнами на свой и сосѣдній дворъ. Домъ стоялъ на самомъ низу, у подошвы горки, и начиналъ собою рядъ другихъ домовъ такого же узенькаго, но на этотъ разъ прямого переулка, примыкающаго на верхушкѣ къ церкви Николы въ Воробинѣ.

Московской городской управѣ на этомъ некрасивомъ домѣ, слѣдуя добрымъ обычаямъ петербургской, уже не доведется прибить доску съ надписью, напоминающею о томъ, что, въ честь родного слова и во славу отечественнаго искусства, здѣсь жилъ и работалъ Александръ Николаевичъ Островскій. „И

ста запустѣніе на мѣстѣ святѣ“: домовое мѣсто прорѣзано теперь новымъ переулкомъ, носящимъ иностранное имя, вѣроятно, того фабриканта, который взгромоздилъ тутъ же на углу безобразное зданіе своего заведенія, а противъ него выстроились два дома, покрашенные голубою краской.

Какъ все въ Москвѣ дышитъ почтенной и внушительной стариной и еще многое до сихъ поръ живетъ ея остаточнымъ наслѣдіемъ, такъ и это мѣсто, куда привели насъ личныя благодарныя воспоминанія, не лишено историческаго значенія, хотя и въ малыхъ размѣрахъ.

Прямо передъ окнами А. Н. Островскаго разстилался обширный пустырь, принадлежавшій народнымъ банямъ, изстари называвшимся „серебряными“, — и, вѣроятно, онѣ были первыми въ Москвѣ общими и торговыми; по крайней мѣрѣ, упоминаніе о нихъ во владѣнныхъ старыхъ актахъ относится ко временамъ царя Алексѣя. Черезъ сто лѣтъ послѣ него и почти ровно за столько же до нашихъ дней какой-то заѣзжій иностранный художникъ остановился на нихъ, зарисовалъ, отгравировалъ и раскрасилъ, посвятивъ свою картину императору Павлу. Съ его соизволенія, она дозволена была во всенародное обращеніе (о чемъ и напечатано внизу) и, какъ библіографическая рѣдкость, попадается въ двухъ варіантахъ. На обоихъ изображенъ этотъ самый предбанный дворъ, въ томъ видѣ и обстановкѣ, когда общія бани, по самой сущности своего названія, дѣйствительно были общими, т. е. мытье производилось въ нихъ японскимъ или вообще азіатскимъ обычаемъ, въ одномъ помѣщеніи и лицами обоего пола совмѣстно и одновременно. На одной (раскрашенной) гравюрѣ по направленію къ голымъ фигурамъ моющихся степенно шествуетъ, съ пузатымъ главою впереди, купеческое семейство въ полномъ составѣ, отъ мала до велика. На дру-

гой гравюрѣ (не раскрашенной) группу красныхъ дѣвицъ, въ тѣлогрѣяхъ и косыночкахъ, сопровождаетъ такая же группа добрыхъ молодцевъ въ кучерскихъ шляпахъ. На той и другой, на заднемъ планѣ, двое рабочихъ взгромоздились на вышку и накачиваютъ въ чанъ ручнымъ рычагомъ воду изъ Яузы, занимающей добрую половину рисунка, — ту воду, которая и въ то время несомнѣнно не была пригодною. На самомъ заднемъ планѣ уже дымитъ фабричная труба и виднѣется самое зданіе фабрики, изготовляющей для мелкой рѣки густые, тяжелые и липкіе отбросы [1].

Изъ оконъ второго этажа, который занималъ Александръ Николаевичъ въ 50 годахъ, и мы видали виды, которые также ушли въ преданіе: выскакивали изъ банной двери такія же откровенныя фигуры, какія изображены на павловскихъ гравюрахъ. Срывались онѣ, очевидно, прямо съ баннаго полка, потому что въ зимнее время валилъ съ нихъ паръ. Оторопѣло выскочивъ, онѣ начинали валяться съ боку на бокъ въ глубокихъ сугробахъ снѣга, который, конечно, не сгребался. Затѣмъ опрометью же эти очумѣлые люди бросались назадъ въ баню на полокъ доколачивать, ласково и ругательно вперемежку обращаясь къ парильщику, горячими намыленными вѣниками бѣлое тѣло, въ прокъ и стальной закалъ „на предыдущее время". „Стомаха же ради и частыхъ недуговъ", для закрѣпы свѣжей стали въ надлежащую оправу, послѣ горячей и дешевой бани, имѣлся тутъ же и передъ окнами кабакъ: въ банные дни, не переставая, взвизгивала входная его дверь на блокѣ съ кирпичикомъ.

---

[1] Въ началѣ девяностыхъ годовъ и самыя бани, за ветхостью, срыты съ лица земли и замѣщены жилыми постройками и дровянымъ складомъ; такимъ образомъ, рѣдкая гравюра становится еще болѣе цѣнною въ глазахъ антикваріевъ. Только одинъ извозчикъ, старикъ, отъ цѣлой биржи, вызвался довезти насъ къ „серебрянымъ" банямъ, прочіе уже этого мѣста не знали: такъ коротка стала память современной молодежи.

Предбанный пустырекъ и неказистый домъ нашего драматурга обезпеченъ былъ полицейской будкой, ушедшей также въ преданіе. Не столько охранялся онъ ею, сколько докучливо торчала она сама передъ глазами, единственно съ тою цѣлью, что такъ угодно было начальству. Будку эту съ подчаскомъ занималъ беззубый полицейскій стражъ Николай, сдѣлавшійся теперь (по крайней мѣрѣ, лично для насъ) также въ своемъ родѣ лицомъ историческимъ, при всемъ ничтожествѣ его значенія для обывателей. Въ самомъ дѣлѣ, онъ былъ послѣднимъ человѣкомъ въ этомъ тихомъ и удаленномъ уголкѣ широко раскинувшагося на семи холмахъ города. Подъ седьмымъ и послѣднимъ холмомъ и стояла эта послѣдняя будка съ остаточнымъ будочникомъ въ тяжелой сермяжной бронѣ и съ неуклюжей алебардой не задолго до преобразованія московской полиціи.

Хотя и ходила еще по Москвѣ въ ней сложившаяся, но владѣющая всероссійскимъ глубокимъ значеніемъ, поговорка: „Мнѣ все ни-почемъ, былъ бы будочникъ знакомъ“, но Николай вовсе подъ нее не подходилъ. Этого мнѣнія слѣпо придерживался только дворникъ Александра Николаевича, Иванъ Михайловъ, и то лишь изъ личныхъ видовъ. Прямыя свои обязанности Николай исполнялъ болѣе, чѣмъ всѣ прочіе его сослуживцы, неисправно. Окольная сплетня говорила, что лишь только особому счастью обязанъ онъ сохраненіемъ, если не жизни, то житья въ городской будкѣ въ ту страшную ночь, о которой рѣчь впереди. Не страшенъ онъ былъ обывателямъ, хотя также не могъ и не смѣлъ похвалиться предъ ними неподкупною совѣстью. На обычный ночной его окликъ: „Хто йдеть?“ — привычный обыватель либо ничего не отвѣчалъ, либо его же самого дерзко останавливалъ:

— Ну, что ты, братецъ, орешь на всю улицу;

всѣхъ ты только пугаешь понапрасну. Спалъ бы себѣ во всю носовую завертку.

Иной, впрочемъ, позволялъ себѣ дружелюбно вступать съ нимъ въ ласково-шутливый разговоръ:

— Что ты, въ самомъ дѣлѣ, пѣтухомъ-то кричишь: али ужъ проснулся на счастье? Вотъ погоди ужо — проѣдетъ Лужинъ (оберъ-полицеймейстеръ тѣхъ временъ), отберетъ у тебя топорище то твое, — другое запоешь. Зададутъ тебѣ завтра „раздѣлюцію“... Давай-ка, однако, свѣженькаго-то твоего понюхать.

Угрожающій намекъ напоминаетъ событіе, долгое время занимавшее Москву и служившее предметомъ толковъ и пересудовъ всего первопрестольнаго города. Предмѣстникъ Лужина Цинскій, объѣзжая ночью полицейскіе посты, набралъ въ свои сани 12 алебардъ, стоявшихъ прислоненными къ будкамъ (живыхъ охранителей налицо не оказалось). Набралъ бы онъ и больше, если бы позволяло мѣсто въ его саняхъ. Такая попечительность новаго главнѣйшаго оберегателя городского спокойствія и блюстителя благочинія явилась, дѣйствительно, историческимъ событіемъ такой особой важности и значенія, что его поспѣшили обезсмертить въ стихахъ. Аркадій Марковъ, извѣстный составитель дѣловыхъ письмовниковъ и поставщикъ многочисленныхъ переводовъ французскихъ романовъ Евг. Сю и Дюма-отца, для книжнаго издательскаго рынка на Никольской, написалъ, въ подражаніе извѣстной балладѣ Жуковскаго, довольно остроумную пародію „Двѣнадцать спящихъ будочниковъ“, — поэму, вызвавшую неудовольствіе и сдѣлавшуюся запрещенною. Самъ авторъ искусно и ловко сумѣлъ скрыться отъ преслѣдованій, оставивъ для историческихъ изслѣдователей имя свое полутемнымъ и спорнымъ. Безспорнымъ, однако, остается то, что въ разсчетѣ личной корысти, въ видахъ охраны собственной пер-

соны, на всякій недобрый часъ и неудачный случай, Марковъ былъ на дружеской ногѣ со всѣми будочниками, зналъ всѣхъ по именамъ (но безъ отчествъ). Проходя мимо каждой будки въ ночное время, всегда интересовался, кто стоитъ на часахъ и куда дѣвался товарищъ-подчасокъ, и былъ очень доволенъ, когда получалъ въ отвѣтъ:

— Отпустилъ я его на всю ночь, до утра. Къ своей сударкѣ пошелъ.

Опросы этого рода иногда имѣли существественное значеніе для талантливаго, но потеряннаго Маркова, въ тѣхъ частыхъ случаяхъ его жизни, когда, налаживая въ переплетъ нетвердыя ноги, онъ не доходилъ на нихъ до квартирки у вдовой дьячихи-просвирки на монастырѣ церкви Трехъ Святителей, и ему неодолимо хотѣлось свободнаго мѣста: въ казенныхъ будкахъ Марковъ зачастую ночевывалъ добровольцемъ. И во всякомъ случаѣ мимо рѣдкой будки проходилъ онъ безъ того, чтобы, ради скрѣпленія дружбы и пріятнаго компанства, не попросить понюхать даромъ или присыпать въ табакерку на мѣдный пятакъ свѣженькаго табачку-зеленчака. Всѣ будочники Москвы занимались въ тѣ времена изготовленіемъ въ ступкахъ и безакцизною продажею этого продукта, получая его большей частью въ подарокъ изъ сосѣдней лавки, торговавшей шлеями и хомутами, или прикупая на мѣдную гривну знаменитые нѣжинскіе корешки. Такъ поступалъ, вслѣдъ за другими, и этотъ Николай, съ цѣлью розничной продажи въ подспорье къ жалованью, о размѣрѣ котораго въ настоящее время и сказать даже стыдно.

Невозможно затѣмъ понять и объяснить, чѣмъ обезпечивалась охрана жилища Александра Николаевича и для чего поставлена была противъ самыхъ оконъ его безобразная будка. Въ то время, впрочемъ, вопросъ этотъ рѣшенъ былъ тѣмъ, что Николай существовалъ для одного лишь Ивана Михай-

лова. Всегда навеселѣ и нерѣдко въ невмѣняемомъ состояніи, Михайлычъ явно показывалъ, съ кѣмъ дѣлилъ добрую долю своихъ удовольствій, праздничныхъ и будничныхъ утѣхъ. Все досужее время, котораго у него было въ избыткѣ, такъ какъ въ услугахъ его мало нуждались, дѣлилъ или у него въ конурѣ, или на-голо и открыто въ подручномъ питейномъ съ нимъ же. Оправдывая себя, оправдывалъ онъ и своего друга:

— Иного жулика онъ и спугнетъ! Слышь, какъ стучитъ топорищемъ-то своимъ!

Несмотря, однакоже, на это, Иванъ Михайловъ все-таки прикормилъ и приспособилъ ко двору сердитую собаку, по тогдашнему всеобщему московскому обычаю. Онъ въ то же время безмѣрно любилъ и ласкалъ комнатную породистую и чуткую „Гольку“ (особой англійской породы собачку), которая до глубокой собачьей старости прожила въ этомъ не оберегаемомъ, но богохранимомъ домѣ.

Гостепріимный хозяинъ жилъ здѣсь въ простотѣ уединеннаго и неказоваго быта, подчиняясь всеобщимъ московскимъ обычаямъ, намѣренно не желая отъ нихъ отставать, какъ заповѣдныхъ и священныхъ для него, въ особенности какъ для коренного истинно-русскаго человѣка въ самомъ высшемъ значеніи этого великаго слова. Такъ, между прочимъ, когда онъ жилъ въ верхнемъ этажѣ, у него туда не было проведено звонка. И въ этомъ онъ не отставалъ отъ сосѣдей.

Когда медленнымъ шагомъ и съ опасливой оглядкой „не наша“ цивилизація, вмѣстѣ съ комфортомъ, пробиралась по стогнамъ богоспасаемаго града — Москвы (вскорѣ послѣ крестьянской свободы), зацѣпляя, однако, и захолустныя Зацѣпы, — звонки начали проводить во дворы. Надо было повѣситься на ручкѣ у калитки любого дома на Таганкѣ и въ Замоскворѣчьѣ, чтобы вызвать заспаннаго сторожа

и, подъ защитою его, входить со двора мимо лохматой собаки. Она испуганно надрывалась отъ лая до перехватовъ въ горлѣ, а привязана была такимъ удобнымъ способомъ, чтобы всѣхъ входящихъ чужихъ возможно ей было хватать прямо за икры.

Удостоенные чести свободнаго входа въ открытыя двери, войдемъ сюда подъ радушный кровъ этого свѣтила нашей литературы въ то время, когда еще вокругъ него и въ немъ самомъ весело играла молодая жизнь, — войдемъ, и

Съ благоговѣйною слезою
Благословимъ мы, что прошло,
И передъ урной гробовою
Преклонимъ скорбное чело.

Дѣйствительно, особенная умилительная сердечная простота во взаимныхъ отношеніяхъ господствовала въ полной силѣ здѣсь, въ безыскусственной обстановкѣ жизни нашего великаго писателя. Онъ въ коротенькой поддѣвочкѣ нараспашку, съ открытою грудью, въ туфляхъ, покуривая жуковскій табакъ изъ черешневаго чубука, съ ласковой и неизмѣнно привѣтливой улыбкой встрѣчалъ всякаго, кто получилъ къ нему право входа. Требованія для того были скромны, но обусловлены твердо и рѣшительно, не по писаной инструкціи, а на основахъ обычнаго права: обязательно быть прежде всего русскимъ человѣкомъ и доказать свои услуги какой-либо изъ отраслей родного искусства, той или другой безразлично. Если давалось преимущество литературнымъ и театральнымъ дѣятелямъ, то это зависѣло отъ того, что самъ хозяинъ исключительно въ эту сторону обратилъ всю свою любовь и здѣсь же укрѣпилъ свои вѣрованія безраздѣльно и безповоротно.

Открытое исповѣданіе этой твердой и непоколебимой вѣры въ силу и мощь народнаго духа онъ успѣлъ уже предъявить громогласно ко всенародному извѣстію, — и сталъ онъ посвященнымъ избранникомъ. Неразлучная съ вѣрой лобовь къ отечественному искусству и родному слову обаяніемъ своимъ послужила притягательной силой, — и избранникъ сталъ во главѣ первенствующимъ. Неотложно объявились у него пособники и не замедлили вскорѣ затѣмъ явиться поклонники. Всякій принесъ свою посильную лепту, а при жертвахъ и на эти доброхотные вклады усилились и средства къ укрѣпленію самой вѣры, и облегчилось поступательное движеніе по тернистому пути къ открытой и ясно обозначившейся, сквозь полумракъ, желанной цѣли. Соединенныя усилія уже одни обнадеживали успѣхомъ, несмотря на то, что дорога тянулась по рытвинамъ, черезъ груды наваленныхъ препонъ, и мосты черезъ рѣки были поломаны или совсѣмъ разрушены, и подъемы на горы либо запущены и, будучи заброшенными, стали заростать, либо намѣренно были попорчены такъ, что не только ослабѣвала надежда на какую-либо побѣду, но недоставало и многихъ орудій, необходимыхъ и пригодныхъ для борьбы. У старорусскихъ богатырей на эти роковые случаи недобрыхъ встрѣчъ съ препонами припасено было вѣщее слово зарока — идти дорогою прямоѣзжею и твердо вѣровать, что все то не Божіимъ изволеніемъ, а по злому вражьему попущенію. Шли увѣренно впередъ и эти новые, по завѣтамъ старыхъ, и вели борьбу неустанно, испытывая временами тяжелыя пораженія, временами же освѣжаясь и укрѣпляясь сладкими плодами счастливыхъ побѣдъ. Когда же совсѣмъ разсвѣло, исчезъ ночной сумракъ и загорѣлось на небѣ яркое красное солнце, оказалось, что въ честной борьбѣ у этихъ путниковъ прибавилось силы. За великую любовь ихъ не только

досталась имъ побѣда съ одолѣніемъ, но и въ силу того, на законныхъ основаніяхъ, многое имъ было выдѣлено въ пріобрѣтеніе и приращеніе добровольно уступленнымъ, какъ бы и въ самомъ дѣлѣ въ прямую награду за старые труды и дознанные подвиги. Какъ до этой поры эта любовь къ родинѣ и страдающему меньшему брату закаляла мужество, такъ теперь, когда и для этого наступили счастливые дни, старая любовь еще болѣе окрѣпла и, сдѣлавшись сознательною, повела къ новымъ побѣдамъ и пріобрѣтеніямъ.

Въ самомъ дѣлѣ, разбираясь въ воспоминаніяхъ о прожитомъ и провѣряя свои давнія наблюденія надъ видѣннымъ, слышаннымъ и испытаннымъ, увѣренно приходишь къ заключенію, что единственно любовь къ народу руководила всѣми мыслями и дѣяніями того московскаго литературнаго кружка, которому посвящены эти строки. Живыми, какъ бы сейчасъ и наглядно дѣйствующими, являются усиленныя заботы и работы, дружныя и совмѣстныя, всего кружка, уже успѣвшаго оставить „Москвитянинъ“ и возрости численностью отъ вновь примкнувшихъ добровольцевъ. На первомъ планѣ и на видномъ мѣстѣ стояла русская народная пѣсня. Она прежде всего и напрашивается на воспоминанія наши.

Русскія народныя пѣсни въ компаніи молодыхъ московскихъ писателей очень долгое время пользовались особымъ почетомъ. Хорошихъ безыскусныхъ исполнителей, умѣвшихъ передавать ихъ голосомъ, безъ выкрутовъ и завитковъ, разыскивали всюду, не гнушаясь грязныхъ, но шумливыхъ и веселыхъ трактировъ и нисходя до погребковъ, гдѣ пристраивались добровольцы изъ мастеровъ пѣнія и виртуозовъ игры на инструментахъ. Здѣсь услаждали они издавна праздныхъ любителей изъ купечества.

— Дѣлай, дѣлай! — раздавались поощрительные

возгласы загулявшихъ и разгулявшихся, отъ которыхъ, въ награду и поощреніе пѣвцовъ и музыкантовъ, слѣдовало угощеніе сладкими водками, денежныя награды, наконецъ, объятія и поцѣлуи.

— Выпьемъ еще плоскодонную рюмочку. Вѣдь пьешь?

— Пью все, окромя купороснаго масла.

— Повторимъ по рюмочкѣ для вѣрности глаза.

— Давай ему еще этого самаго, монплезиру.

— Наливай намъ разгонную, — и т. д.

Т. И. Филипповъ, въ одномъ изъ послѣднихъ своихъ писемъ къ Горбунову, вспоминаетъ о подобномъ веселомъ заведеніи у Каменнаго моста: „Николка рыжій — гитаристъ, Алексѣй съ торбаномъ: водку запивалъ квасомъ, потому что никакой закуски желудокъ уже не принималъ. А былъ артистъ и „венгерку“ на торбанѣ игралъ такъ, что и до сихъ поръ помню“. Будучи самъ превосходнымъ исполнителемъ народныхъ пѣсенъ и въ то же время ученымъ изслѣдователемъ и знатокомъ отечественной поэзіи, онъ придавалъ своимъ выразительнымъ художественнымъ исполненіемъ высокую цѣнность всѣмъ этимъ перламъ родного творчества, отыскивалъ и пѣлъ наиболѣе типичныя или самыя рѣдкія, полузабытыя или совсѣмъ исчезающія изъ народнаго обращенія.

Вспоминая товарищескія сходки у Аполлона Григорьева, съ неподдѣльнымъ искреннимъ увлеченіемъ, Горбуновъ записалъ про себя на память: „За душу захватывала русская пѣсня въ натуральномъ исполненіи Т. И. Филиппова; ходнемъ ходила гитара въ рукахъ М. А. Стаховича; сплошной смѣхъ раздавался въ залѣ отъ разсказовъ Садовскаго; Римомъ вѣяло отъ итальянскихъ пѣсенокъ Рамазанова“.

Дѣйствительно, надъ всѣми пѣвцами изяществомъ и точностью исполненія главенствовалъ Тертій Ивановичъ и былъ непобѣдимъ. Безплодно силились

соперничать съ нимъ два земляка-друга: М. А. Стаховичъ и П. И. Якушкинъ, пристававшіе со своими орловскими пѣснями, вѣрно передаваемыми по говору и мотивамъ. Первый, впрочемъ, восполнялъ недостатки въ пѣніи искусною игрою на гитарѣ и былъ неподражаемъ въ пляскѣ, а Якушкинъ, зная огромное количество пѣсенъ, напѣвы ихъ, своимъ крикливымъ раскатистымъ голосомъ не умѣлъ передавать вѣрно и очень многіе путалъ. Самого А. Н. Островскаго г-жа Воронова засчитала въ пѣвца, свидѣтельствуя, что онъ недурно пѣлъ. Она умѣла аккомпанировать; у нея нашлись знакомые ему романсы, и онъ никогда не отказывался пѣть, когда его просили. „Мнѣ, — пишетъ г-жа Воронова, — никогда впослѣдствіи не приходило въ голову спросить у кого-нибудь изъ людей, близкихъ къ Островскому, что сдѣлалось съ его голосомъ и его пѣніемъ, но тогда мы имъ очень любовались“. На этотъ вопросъ отвѣтъ простой: онъ пересталъ пѣть; по крайней мѣрѣ, я, да и никто изъ ближайшихъ къ нему лицъ, ни разу не слыхалъ его пѣнія, потому ли, что спалъ съ голоса и огорчился до молчанія, или потому, что счелъ болѣе полезнымъ и безопаснымъ для себя уступить мѣсто лучшимъ и настоящимъ пѣвцамъ.

Въ числѣ послѣднихъ выдѣлялся, разысканный въ погребкѣ на Тверской (уголъ Университетскаго переулка), приказчикъ, торговавшій на отчетѣ, — М. Е. Соболевъ, ярославецъ родомъ, владѣвшій, что называется, серебрянымъ голосомъ: высокимъ, звучнымъ и чистымъ теноромъ, ловко и умѣло приготовленнымъ къ заунывнымъ деревенскимъ пѣснямъ. Стремился онъ, впрочемъ, доморощеннымъ вкусомъ, къ чувствительнѣйшимъ романсамъ и аріямъ изъ оперъ, въ виду увлеченія знаменитымъ и несравненнымъ театральнымъ пѣвцомъ Бантышевымъ. Впрочемъ, Соболевъ умѣлъ уловить только быстрый и разудалый переходъ отъ аріи въ „Аскольдовой могилѣ“ къ

пѣсенкѣ: „Чарочки по столику похаживаютъ“. Въ пѣсенкѣ Торопки: „Близко города Славянска“ — Соболевъ немного походилъ на Баптышева; въ исполненіи „Размолодчиковъ“, „Не бѣлыхъ снѣговъ во чистомъ полѣ“ и „Вспомни, любезная, мою прежнюю любовь“ — имѣлъ соперника только въ одномъ Т. И. Филипповѣ. Слушать его сходились и такіе мастера пѣнія, какъ старикъ цыганъ, родной братъ Матрены, восхищавшей Пушкина, — старикъ купеческой осанки, знавшій много старинныхъ былинъ (я со словъ его записалъ нигдѣ не напечатанную про Алешу Поповича, — прекрасную). А заходилъ онъ сюда, между прочимъ, выпить самодѣльной мадерцы бутылочку и закусить ее, на условный московскій вкусъ, либо мятнымъ пряничкомъ, либо винной ягодой. Видывали здѣсь и Ивана Васильева, извѣстнаго и въ Петербургѣ содержателя самаго лучшаго хора (въ страхѣ, смиреніи и цѣломудріи), почтеннаго и всѣми уважаемаго человѣка, который и въ компаніи Островскаго пользовался должнымъ вниманіемъ и любовью. Здѣсь же, въ погребкѣ, нерѣдко засѣдалъ театральный пѣвецъ Климовскій, пѣніемъ котораго одинъ любитель восхитился до того, что назначилъ ему ежегодную пенсію, и проч.

Во всякомъ случаѣ, этотъ погребокъ Зайцева (по вывѣсочной надписи: Zeizow) былъ своего рода клубомъ. Для посѣтителей изъ любителей пѣнія предоставлено было особое помѣщеніе наверху, надъ погребкомъ, въ видѣ довольно просторной залы. Насколько же не признавали его отдѣленіемъ кабачка, доказалъ одинъ изъ посѣтителей, извѣстный художникъ, не задумавшійся нарисовать на стѣнѣ мастерски углемъ свой портретъ, который бережно потомъ охранялся, конечно, служа въ то же время и нѣкоторой рекламой.

Вскорѣ клубнымъ мѣстомъ пріятельскихъ свиданій сдѣлался, по завѣтному обычаю, общему всей

Москвѣ, московскій трактиръ Гурина, или лучше—то его отдѣленіе, которое очень издавна называлось „Печкинской кофейной“ и имѣло отдѣльные кабинеты. Покинутый Соболевъ впослѣдствіи, при случайной встрѣчѣ съ Горбуновымъ на одномъ изъ волжскихъ пароходовъ, вспоминая со вздохомъ милое прошлое, своей теноровой фистулой говорилъ:

— Меня, Ваничка, не поняли тогда: я все это свое дѣло и бросилъ.

Осталось неизвѣстнымъ, чего въ немъ не поняли и что заставило его покинуть выгодную торговлю: то ли, что онъ большой талантъ, заслуживавшій лучшей участи и, вѣроятно, Императорской сцены, или то, что онъ хотѣлъ вплотную торговать, а къ нему ходили пѣть или всласть его самого слушать и приглашать его на домъ. Впрочемъ, эта претензія заднимъ числомъ — неосновательна: заслуги его указаны однимъ изъ посѣтителей въ нижеслѣдующемъ шутливомъ стихотвореніи, написанномъ для пріятелей и занесенномъ въ особый сборникъ, называвшійся „Субботникомъ“:

У Щученко въ домѣ,
Въ часъ заката звѣздъ,
Въ память по Содомѣ
Былъ великій съѣздъ.

Трезвый и степенный
Собирался людъ.
Былъ тутъ Келль почтенный,
Максинъ и Шервудъ,
Петя Безобразовъ
И толстякъ Борисъ
И Борисъ Алмазовъ —
Всѣ перепились;
Лонгиновъ Михайло
Капли не бралъ въ ротъ,
Видно онъ...
Потихоньку пьетъ.
А Алмазовъ Борька

И Садовскій Провъ
Водки самой горькой
Выпили полштофъ;
Костя ключъ отъ шкафа
Часто вынималъ
И издѣлья Яффа
Пилъ и одобрялъ;
Максинъ[1] отъ коньяку
Вовсе не былъ пьянъ, —
Спиртового лаку
Требовалъ стаканъ;
Михаилъ Ефремычъ,
Русскій соловей,
Врачевалъ ихъ немочь
Пѣснею своей, —
И подъ звуки арій,
Отягченъ виномъ,
Между тѣмъ, Мардарій
Спалъ глубокимъ сномъ.

Увлеченіе кружка Островскаго или молодой редакціи „Москвитянина“ русскою пѣсней, можетъ быть, имѣло прямымъ или косвеннымъ источникомъ движеніе въ эту сторону славянофиловъ, во главѣ съ П. В. Кирѣевскимъ, примыкавшихъ также своими симпатіями къ погодинскому журналу. Съ другой стороны, тѣмъ не менѣе, перлы народнаго творчества здѣсь получали живое художественное толкованіе. Пѣсня оживала не въ мертвыхъ записяхъ, а въ своихъ цѣльныхъ образахъ. Тутъ уже вовсе не требовалось сухихъ комментарій, которыми, вскорѣ по выходѣ въ свѣтъ сборника Кирѣевскаго, совершенно затемнили ея истинный, глубокій смыслъ, а ненуж-

[1] Актеръ-комикъ въ трагическихъ роляхъ, извѣстный болѣе тѣмъ, что игралъ тѣнь отца Гамлета и былъ неудачливъ въ роляхъ съ провалами. Извѣстно было всѣмъ, что, ложась въ постель на ночь, онъ ставилъ подъ кроватью полуштофъ водки, чтобъ имъ начинать свой вѣчно праздный день. Разъ, вмѣсто животворной влаги, по ошибкѣ, выпилъ лаку — и остался живъ. Костя Булгаковъ — знаменитый своими остроумными шалостями во время службы въ гвардіи, подъ покровительствомъ великаго князя Михаила Павловича — друга его отца, московскаго почтъ-директора, къ которому присланъ былъ изъ Петербурга для исправленія въ поведеніи, но не исправился. Яффъ — извѣстный въ то время виноторговецъ въ Москвѣ и фабрикантъ винъ иностраннаго происхожденія. Мардарій — слуга.

ными и неумѣстными мудрствованіями умалили и ея высокую цѣнность. То же увлеченіе кружка производило и другія благотворныя вліянія и, между прочимъ, на творчество современныхъ поэтовъ. Наиболѣе талантливый изъ нихъ, примкнувшій нѣсколько позднѣе (бывшій въ то время инспекторомъ 2-й московской гимназіи на Разгуляѣ), Левъ Александровичъ Мей, успѣвшій создать прелестныя лирическія произведенія на восточные мотивы, и преимущественно еврейскіе, на библейскія темы, евангельскія событія и событія изъ римской жизни, рѣшительно перемѣнилъ строй своей лиры, перейдя на родную отечественную почву. Здѣсь онъ сразу нашелъ себѣ новые, вдохновляющіе мотивы, которые до той поры были ему мало или вовсе неизвѣстны. Съ несомнѣнною искренностью, судя по силѣ выраженія и образовъ, въ своей превосходной запѣвкѣ: „Охъ, пора тебѣ на волю, пѣсня русская, благовѣстная, побѣдная, раздольная, непогодою - невзгодою повитая, во крови, въ слезахъ крещеная - омытая“, — онъ показалъ, насколько была сильна его рѣшимость, разорвать связи со старымъ и налаженнымъ, и насколько было беззавѣтно и безповоротно отреченіе. Доказательства тому послѣдовательно являлись налицо въ пѣсняхъ: о царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ (озаглавленной имъ „Спаситель“), про боярина Евпатія Коловрата, про княгиню Ульяну Андреевну Вяземскую, про Александра Невскаго и проч., и въ драмахъ: „Царская невѣста“ и „Псковитянка“, заставившихъ забыть его скучную и неудавшуюся „Сервилію“ — драму изъ древней римской жизни. Переводы съ иностранныхъ языковъ (греческаго, англійскаго, нѣмецкаго и французскаго) онъ началъ усиленно пополнять тою же, мастерскою по стиху и удачною по выбору, передачею стихотвореній славянскихъ поэтовъ: польскихъ — Мицкевича, Сырокомли, Одынца, Залѣсскаго, Ходзьки, Реута, и укра-

инскаго — Шевченки. Увлеченіе же пѣснями въ строгомъ народномъ смыслѣ, кромѣ пробы своей поэтической силы въ великорусскихъ народныхъ мотивахъ и на темы, взятыя изъ преданій и суевѣрій, Л. А. Мей очевидно и съ большимъ успѣхомъ обнаружилъ въ переводахъ народныхъ пѣсенъ прочихъ славянскихъ племенъ. Душѣ поэта стало теперь дорого и выраженіе богатырской самоувѣренности русскаго народа, столь образно выражавшейся въ „Словѣ о полку Игоревѣ“ (одинъ изъ наиболѣе удачныхъ переводовъ изъ существующихъ въ русской литературѣ), въ равной степени милы и цѣнны ему и меланхолическіе мотивы, подслушанные имъ въ народныхъ пѣсняхъ. Насколько прочувствовано Меемъ житье-бытье русской женщины, — высказано имъ въ трехъ прелестныхъ пѣсенкахъ и въ той четвертой („Какъ у всѣхъ-то людей свѣтлый праздничекъ“), которая наиболѣе другихъ осталась у всѣхъ въ памяти вмѣстѣ съ „Русалкой“ и „Вихремъ“. Въ послѣднемъ поэтъ показалъ изумительную виртуозность стиха, составляющую, впрочемъ, одну изъ блестящихъ характерныхъ чертъ его поэтическаго таланта. Въ товарищескія бесѣды кружка Островскаго Мей, конечно, имѣлъ полную возможность внести извѣстную дозу эстетическихъ наслажденій, но несравненно меньшую тѣхъ, которыя доставлялись исполненіемъ не сочиненныхъ и оглашенныхъ, а коренныхъ народныхъ пѣсенъ, принятыхъ непосредственно изъ устъ самого народа.

Во всякомъ случаѣ, на этомъ наглядномъ примѣрѣ поэта представляется для насъ незабвеннымъ и знаменательнымъ то явленіе, что если въ кружкѣ московскихъ друзей привольно было лишь кореннымъ русскимъ людямъ, то побывавшій здѣсь уходилъ и съ болѣе приподнятымъ челомъ, увѣренною и твердою поступью, какъ будто онъ на свое прирожденное званіе получилъ оформленный и засвидѣтельствованный патентъ.

Извѣстное право, какъ бы своего рода патентъ, требовалось, конечно, для того, чтобъ обратить на себя вниманіе кого-либо изъ членовъ кружка и быть сюда представленнымъ и затѣмъ допущеннымъ. Вспоминаю про эту молодежь, которая окружила А. Н. Островскаго, удачно была имъ подобрана, а между собою успѣла спѣться такъ, что умѣла подцвѣтить досужіе часы работниковъ мысли и слова, когда они, для обмѣна мнѣніями и для развлеченій, собирались у Островскаго, у Григорьева, у Ев. Эдельсона. Братъ послѣдняго, Аркадій, представилъ своего товарища по рязанской гимназіи, Колюбакина. Этотъ прихватилъ съ собою Мальцева и т. д. Образовалась, такимъ образомъ, небольшая компанія живой и веселой молодежи, въ составѣ 4—5 человѣкъ, прозванная шутливымъ образомъ „оглашенныхъ". Бродяжною или праздною она не была: либо училась, либо служила и, привлеченная притягательною силою литературнаго свѣтила, составилась изъ самыхъ усердныхъ и горячихъ его поклонниковъ. Благодарная за допускъ и счастливая исключительностью своего положенія, она, въ свою очередь и въ мѣру наличныхъ силъ и способностей, желала и умѣла послужить кружку избранныхъ хотя бы веселостью, вообще неразлучною съ молодостью. Самъ хозяинъ добродушно и искренно увлекался шаловливыми, остроумными и находчивыми шутками Мальцева; заливался дѣтскимъ, визгливымъ хохоткомъ своимъ смѣшливый Писемскій; приходилъ въ обычный восторгъ, проявлявшійся громкимъ откровеннымъ смѣхомъ, легко увлекавшійся Ап. Григорьевъ. Подхваченные здѣсь пѣсенки и романсы выносились въ нашу студенческую семью, гдѣ и распѣвались тѣ изъ нихъ, какъ, напримѣръ, „Спи, моя Яцента", которые наиболѣе отвѣчали молодому настроенію и рѣзвому задору.

Живой и всегда неизмѣнно веселый, съ явнымъ

оттѣнкомъ беззаботнаго характера и открытой души, „Костя“ Мальцевъ необычайною подвижностью нервной природы успѣлъ выдѣлиться изъ всѣхъ прочихъ. Онъ съ неподражаемымъ мастерствомъ умѣлъ представлять сцену молящейся старухи. Стоило ему лишь накинуть на свою курчавую голову носовой платокъ, подвязавъ его подъ подбородкомъ, вытянуть этотъ подбородокъ, измять морщинами свое красивое лицо съ правильными чертами, — и подобіе 70-тилѣтней шепелявой и беззубой старухи было изумительно и по сходству, и по быстротѣ превращенія. Она расположилась молиться усердно, накладывая широкіе кресты на лобъ и плечи, но вдругъ и неожиданно привязалась чужая и злая собака. Старуха молится, собака теребитъ ее за подолъ и намѣревается укусить за ногу. Одна лаетъ, другая ворчитъ на нее и отмахивается, не забывая, въ то же время, шепелявить молитвенныя слова. Собака, наконецъ, добилась своего — укусила, старуха своего — больно ударила ногой въ морду. Въ одно время и собака визжитъ отъ боли, и старуха отъ той же причины вскрикиваетъ. И вой, и крикъ, перемѣшаясь, сливаются, пока изумительный артистъ не оставитъ мѣста представленія и не удалится, прихрамывая. Еще забавнѣе была эта же сцена, когда она разыгрывалась вдвоемъ съ Колюбакинымъ, но вызывала гомерическій смѣхъ ихъ же обоихъ; сцена, представляющая стадо, которое гонитъ пастухъ съ поля и животныя, большія и малыя, съ изумительнымъ сходствомъ, подавали свои голоса. Въ москворѣцкой банѣ у Каменнаго моста шустрый Костя, вбѣгая въ раздѣвальную, разъ заржалъ жеребенкомъ. Банщикъ Иванъ Миронычъ Антоновъ, маленькій ростомъ, говорившій фальцетомъ и отборными книжными словами, на шалость Мальцева замѣтилъ тѣмъ выраженіемъ, которымъ воспользовался Ал. Ник. въ одной изъ своихъ комедій: „малодушествомъ занимается“.

На помощь Мальцеву являлись либо И. Е. Турчаниновъ, либо „Межевой“, либо иные досужіе и умѣлые разсказчики. Первый — Иванъ Егорычъ — числился въ драматической труппѣ Малаго театра, неизмѣнный и постоянный спутникъ Островскаго, сблизившійся съ нимъ и пріятный ему по одной общей страсти. Оба были страстные и замѣчательные рыболовы, особенно въ мудреномъ способѣ лова на удочку, для чего уѣзжали они на знаменитые карасями пруды подмосковныхъ селъ Коломенскаго и Царицына. Ив. Ег. придумалъ изображать на своемъ лицѣ и всей фигурой старую истасканную шубу. Нѣкто весельчакъ и чудакъ, служившій землемѣромъ, а въ компаніи извѣстный подъ названіемъ „Межевого“ и „Николая послѣдняго“, охотно во всякое время уморительно представлялъ утку, и т. д. [1]. Мелкіе разсказы и забавныя сцены не переставали чередоваться одна за другою, вперегонку и соревнованіе, пока не появился Иванъ Ѳедоровъ. Горбуновъ, заставившій всѣхъ прочихъ или стушеваться, или совсѣмъ замолчать. Осталось имъ перенимать его сцены, съ большею или меньшею удачею ему подражать и, во всякомъ случаѣ, распространять о немъ молву и помогать укрѣпленію его славы. Какъ компетентные (отчасти) судьи, эти его предмѣстники были первыми его пріятелями и восторженными поклонниками. Мальцевъ, напримѣръ, вскорѣ покинулъ старуху, какъ только Горбуновъ воспользовался тою же природною подвижностью своихъ лицевыхъ мускуловъ и успѣлъ создать класси-

[1] Это былъ Николай Ягужинскій, доброхотно пристроившій себя въ безсмѣнные ординарцы Александра Николаевича. Будучи человѣкомъ весьма неглупымъ, очень любилъ выпить и служилъ предметомъ постоянныхъ шутокъ всего кружка. Особенно забавенъ онъ былъ, когда приступалъ къ выпивкѣ, какъ бы къ какому священному дѣйствію: любовался хмѣльной влагой, прикидывая на свѣтъ, гладилъ съ ласковыми приговорами стеклянную посуду и проч.; однажды онъ залился горькими искренними слезами, когда, шутки ради, одинъ изъ свидѣтелей этой забавной игры, притворившійся спящимъ, подмѣнилъ водку водой.

ческаго и неумирающаго генерала Дитятина[1]. Колюбакина, богато одареннаго отъ природы разнороднымъ дарованіемъ и обѣщавшаго сдѣлаться серьезнымъ артистомъ комикомъ, въ компаніи веселой молодежи Горбуновъ уже не нашелъ. Живы были о немъ разсказы, и памятной осталась мимоходная легкая замѣтка Александра Николаевича, въ шутливой формѣ, вызванная случайнымъ совпаденіемъ: университетскіе студенты Колюбакинъ и Мальцевъ были рязанцами. Это дало поводъ Островскому, задумавшему тогда своего „Минина“ и занимавшемуся разборомъ старыхъ историческихъ актовъ, сдѣлать бытовую справку:

— Эти рязанцы по природѣ уже таковы, что, какъ нѣмцы, безъ штуки и съ лавки не свалятся. Вѣдь вотъ нашъ костромичъ Сусанинъ не шумѣлъ: выбралъ время къ ночи, завелъ враговъ въ самую лѣсную глушь; тамъ и погибъ съ ними безъ вѣсти, да такъ, что до сихъ поръ историки не кончили еще спора о томъ, существовалъ ли еще онъ въ самомъ дѣлѣ на бѣломъ свѣтѣ. А Прокопію Ляпунову понадобилась веревка на шею, чтобы растрогать: и вовсе въ этой штукѣ не было нужды. Актерская жилка у всѣхъ рязанцевъ прирожденная (и онъ перечислилъ достаточное число извѣстныхъ лицъ). Надо же вѣдь случиться тому, что и Садовскій родился рязанцемъ.

„Ваничку“ Колюбакина природа наградила щедрою рукой, заботливо снабдивъ разнообразными способностями и задатками. При высокомъ, 9-ти вершковъ, ростѣ, онъ сложенъ былъ богатыремъ и владѣлъ

---

[1] Сохранился портретъ его въ этомъ видѣ. Подъ форменной каской сурово смотритъ измятое морщинами (безъ всякой гримировки и иныхъ искусственныхъ средствъ) лицо этого добродушнаго человѣка, болтливаго и находчиваго въ отвѣтахъ на самые неожиданные, странные иногда и глупые нерѣдко вопросы. Этого сподвижника 12-го года, къ слову сказать, Горбуновъ, замѣчательный каллиграфъ и рисовальщикъ, умѣлъ прекрасно зарисовывать своимъ бойкимъ карандашомъ. Портретъ снятъ въ Саратовѣ извѣстнымъ въ свое время по Волгѣ фотографомъ Муренко. Садовскій, напримѣръ, въ своихъ письмахъ къ Горбунову обращался всегда съ титуломъ превосходительства, и проч.

замѣчательною силой: онъ легко поднималъ 18 пудовъ, носилъ на себѣ 26 пудовъ, и на рукахъ его не было никакой возможности ущипнуть натянутую на стальныхъ мускулахъ кожу. Вообще, сложенъ онъ былъ, какъ античная фигура Геркулеса. Когда ему нужно было отправиться на знакомство съ Островскимъ, во всей Ножовой линіи Гостинаго двора мы не могли найти готовыхъ сапогъ, и тѣ, которые предложилъ намъ торговецъ съ увѣреніемъ, что войдутъ даже на ноги „Минину-Пожарскому", нашему богатырю оказались узкими. Благодаря этимъ внѣшнимъ качествамъ, онъ тотчасъ выдѣлился изъ толпы сверстниковъ и университетскихъ товарищей далеко до конца перваго полугодія по поступленіи на первый курсъ медицинскаго факультета. Хотя слава ему предшествовала, но наглядныя доказательства не замедлили ее подкрѣпить, когда въ той залѣ знаменитой студенческой Британіи, гдѣ тогдашняя новость машина-оркестріонъ наигрывала „Вотъ на пути село большое", а студенты, собравшіеся пить чай, подпѣвали, — Колюбакинъ побѣдилъ полового Семена, прозваннаго „крѣпкорукимъ". Сидя на полу и ухватившись за желѣзную кочергу, съ цѣлью испытанія, кто кого перетянетъ, Ваничка, въ виду толпы собравшихся на зрѣлище, свободно приподнялъ соперника съ полу и, какъ легкій куль, перекинулъ его черезъ себя, сдержалъ на рукахъ и о полъ не шлепнулъ. Опытъ повторенъ былъ съ равнымъ успѣхомъ три раза, въ виду возникавшихъ споровъ и по требованію эксперта. Этотъ случайный и посторонній посѣтитель, подойдя къ побѣдителю, крѣпко пожалъ его руку, назвавъ его своимъ старшимъ братомъ. Оказалось, что это былъ то же извѣстный силачъ изъ окончившихъ курсъ студентовъ, память о которомъ еще очень свѣжа была въ университетѣ, и, оказывается, была непрерывною и преемственною, нисходя отъ Дахредена до И. В. Павлова.

Намъ, дружившимъ съ Колюбакинымъ, ближе всѣхъ другихъ извѣстна была его голубиная кротость и та обычная силачамъ сдержанность и увѣренность въ себѣ, которыя останавливали его отъ всякаго порыва къ проявленію мускульной мощи. Доброта его доходила до евангельской заповѣди, и онъ буквально и не одинъ разъ исполнялъ ту, которая повелѣваетъ отдать ближнему своему рубаху. И самъ онъ въ настоящемъ народномъ смыслѣ былъ дѣйствительно „рубахой“: веселъ и беззаботенъ, и расточителенъ даже въ скудныхъ своихъ средствахъ, и простъ, и легокъ на товарищескія сближенія. Когда мы, по пыльнымъ шоссейнымъ дорогамъ, изъ всѣхъ 9-ти губернскихъ гимназій московскаго учебнаго округа, подъ шлагбаумами всѣхъ четырнадцати городскихъ заставъ, съѣхались въ Москву ради университета, въ Сандуновскихъ баняхъ произошла наша встрѣча. Когда, послѣ одѣванія, сосѣди по диванамъ оказались въ вицмундирахъ съ голубыми воротниками, тотчасъ же и наладился разговоръ.

— Давайте, господа, познакомимся: мы вотъ рязанцы, — сказалъ Колюбакинъ.

— А мы костромичи.

— Зайдемте къ намъ чайку попить, табачку покурить. Впрочемъ, къ кому ближе?

Квартира рязанцевъ оказалась ближе.

Касинъ притащилъ отъ хозяйки нечищенный самоваръ, снялъ съ лѣвой ноги сапогъ и началъ имъ раздувать непрогорѣвшіе уголья. Мы сбѣгали за калачами и сайкой, прихвативъ попутно четвертку жуковскаго табаку, потому что папиросы только что начинали входить въ употребленіе и были пока доступны состоятельнымъ людямъ, продавались съ деревянными мундштучками. Мы стояли на рубежѣ перелома стараго пріема куренья на новый и накакунѣ перехода Москвы съ ассигнаціоннаго или мѣднаго рубля на серебряный. Стали пить чай; Нестеровъ

заигралъ на гитарѣ, Колюбакинъ подпѣвалъ ему свѣтлымъ, чистымъ, замѣчательно пріятнымъ басомъ. Въ хозяйствѣ рязанцевъ оказалась одна трубка съ длиннымъ черешневымъ чубукомъ и стамбулкой, прокуренной, однако, до видимыхъ слезъ и слышнаго вопля. Курили всѣ, и трубка была пущена вкруговую: одинъ докуритъ и выколотитъ, другой набьетъ. Захаровъ наблюдаетъ очередь, чтобъ увлекшійся не задерживалъ трубки свыше опредѣленнаго времени, и она успѣла бы всѣхъ обойти, прежде чѣмъ тоскливо не скажетъ, что она уже вся, — надо набивать новымъ табакомъ. Была тогда въ студенческомъ кругу мода на дроздовку (она же и рябиновка), достали въ складчину и ее, — по гривеннику съ брата. Она требовала откровенности и еще больше упростила товарищескія отношенія. Колюбакинъ сразу выдѣлился тѣмъ, что его гимназическіе товарищи обращались къ нему съ самою нѣжною заботливостью, любовно стараясь передъ новыми знакомыми выставить его впередъ и показать намъ его выдающіяся способности. Оказалось вообще, что рязанцы гораздо развитѣе насъ, костромичей, и открыли намъ свободно и услужливо множество такихъ убѣжденій и вѣрованій, о которыхъ мы не имѣли понятія или запуганно не смѣли думать. Сдѣлалъ это для нихъ одинъ человѣкъ (Крастелевъ, учитель русскаго языка), помимо воли начальства, которое оказалось такимъ же строгимъ, какъ и наше.

Расщедрившаяся на дары свои природа, капризно избравшая нашего друга въ любимцы, дала ему способность превосходно рисовать, изумительно схватывая портретное сходство лицъ съ каррикатурнымъ оттѣнкомъ, всегда остроумнаго свойства. Такого рода изображеніе бывшаго въ наше время инспектора студентовъ Ивана Абрамовича Шпейера, изъ моряковъ, толстаго, неуклюжаго, гладко подъ гре-

бенку выстриженнаго (причемъ короткіе волосы торчали щетиной, а изъ-подъ очковъ на обрюзгломъ лицѣ глядѣли сердитые, недобрые глаза), Колюбакинъ изобразилъ во всей прелести изумительнаго сходства до смѣшного. Б. Н. Алмазовъ не удержался отъ того, чтобы не скрѣпить точность изображенія собственноручнымъ свидѣтельствомъ. Онъ написалъ подъ портретомъ (а мы его наклеили надъ входною дверью квартиры нелюбимаго нами инспектора) слѣдующее двустишіе:

Се Шпейеръ, се Омаръ, се бегемотовъ внукъ,
Оберегающій Россію отъ наукъ.

Незадолго передъ тѣмъ И. С. Тургеневъ, во время посѣщенія вмѣстѣ съ А. Н. Островскимъ университетскаго диспута, при видѣ Шпейера, пожелалъ узнать, кто это такой, и замѣтилъ:

— Увѣряю васъ, что кто-то изъ предковъ, даже, вѣроятно, не дальше, какъ его дѣдъ, принадлежалъ къ породѣ бегемотовъ.

Мнѣ до сихъ не удалось забыть того неистоваго бегемотскаго рева, которымъ разразился Шпейеръ утромъ, въ столовой казенныхъ студентовъ, послѣ того, какъ познакомился онъ съ надписью подъ портретомъ, вернувшись изъ клуба.

Не малое наслажденіе доставляли намъ неслыханные комическіе разсказы собственнаго сочиненія Колюбакина, которые потомъ высоко оцѣнены были компаніей Островскаго. Особенное же удовольствіе испытывали мы отъ его прелестнаго голоса. А насколько мы этимъ не увлекались, вотъ и ясное доказательство. Проходимъ однажды мимо церкви Сергія въ Пушкаряхъ, куда собирался народъ поглазѣть на купеческую свадьбу. Протолкались и мы въ церковь, въ самый передъ. Переговоривъ съ дьячкомъ и, принявъ благословеніе священника, Колюбакинъ уже стоялъ слѣва спереди аналоя и дер-

жалъ передъ собою поднятую по общимъ пріемамъ книгу „Апостолъ“, придерживая пальцемъ то мѣсто, гдѣ ему надо было читать. Когда кончилось вѣнчаніе, и мы двинулись къ выходу, сѣденькій старичокъ придержалъ нашего „Ваничку“ за капюшонъ шинели и сказалъ:

— Ивану Антоновичу и въ молодыхъ его лѣтахъ ни въ жисть такъ бы не сдѣлать, какъ вышло у васъ, милостивый государь! Очень вамъ за все это благодарны: прочитали и чувствительно, и деликатно, безъ крику. Позвольте вамъ поклониться „лобанчикомъ“.

И совалъ Колюбакину въ руку французскій золотой съ изображеніемъ головы. Монета, конечно, заготовлена имъ была для игры среди прочихъ свадебныхъ забавъ и утѣхъ — для игры въ трынку (въ „три листка“, она же и „подкаретная“). Уподобленіе же чтенія Апостола относилось къ тогдашнему протодьякону митрополита Филарета, докрикивавшему уже послѣднія свои могучія басовыя ноты.

Еще лучше и, можно смѣло сказать, съ художественнымъ мастерствомъ читалъ Колюбакинъ гоголевскія комедіи, въ особенности „Тяжбу“; самъ Садовскій отдавалъ ему преимущество передъ своимъ чтеніемъ, и съ этимъ согласны были всѣ прочіе. Такое-то мастерство, заявленное нашимъ другомъ на несказанную радость и гордость нашу, между прочимъ, по дошедшимъ слухамъ, заинтересовало Островскаго. Привелъ къ нему милаго и любимаго товарища Арк. Эдельсонъ, а чрезъ него уже устроилась и первая наша встрѣча съ знаменитымъ писателемъ. Не для отвѣтнаго визита, а уже прямо съ цѣлью готоваго отозваться на зовъ человѣка, который пришелся по душѣ, и еще лишній разъ полюбоваться имъ въ его товарищеской семьѣ, Александръ Николаевичъ Островскій пришелъ къ намъ на чердачокъ, на Спиридоновку.

Посмотрѣть на его ясные очи мы настроились торжественно и радостно; нервно, хлопотливо и суетливо готовились мы къ встрѣчѣ его. Вымели комнатку, прибрали постели, побрились, вычистили самоваръ, собрали цѣлый капиталъ, суммою свыше пяти рублей, на угощеніе, въ которомъ къ бутылкѣ дроздовки прибавлена была еще бутылка мадеры. Думали было на оставшуюся сдачу купить монашенокъ и покурить ими, но Колюбакинъ отклонилъ: дорогой гость самъ курилъ жуковскій табакъ и, помнится, носилъ его при себѣ въ кисетѣ. Давно уже мы бѣгали по трактирамъ съ исключительною цѣлью добиться книжки „Москвитянина", гдѣ была напечатана комедія „Свои люди — сочтемся". Ни протекція половыхъ, Семена и Кузьмы, ни переходъ въ Московскій желѣзный трактиръ, гдѣ также выписывались всѣ журналы, не помогли нашей неутомимой жаждѣ. Понапрасну мы съѣли много пироговъ въ 25 к. ас. и выпили нѣсколько паръ чаю, пока добились книжки для прочтенія второпяхъ, такъ какъ настороженные половые стояли, что называется, надъ душой, выжидая, когда отложена будетъ книжка въ сторону, схватить и унести ее къ болѣе почетному и уважаемому посѣтителю. Насладившись торопливымъ чтеніемъ, мы какъ будто совсѣмъ не читали, узнали ее совершенно вновь, когда Колюбакинъ принесъ отъ Евг. Ник. Эдельсона эту комедію и своимъ мастерскимъ чтеніемъ протолковалъ ее намъ во всю художественную силу въ рельефно выраженныхъ красотахъ ея. Мы уже давно знали, что Гоголь умеръ для творчества, и не разъ бѣгали взглянуть на него еще живого, ожидая, когда онъ изъ воротъ дома Талызина выходилъ на Никитскій бульваръ для прогулки. Здѣсь онъ жилъ подъ дружескимъ попеченіемъ, окруженный ласкою и любовью извѣстныхъ своею христіанскою жизнью супруговъ: графа Александра Петровича Толстого и графини,

жены его, Анны Ѳеодоровны[1]. До насъ уже дошелъ слухъ о томъ, что Островскій у Погодина читалъ ему свою комедію, что Гоголь опоздалъ противъ назначеннаго имъ срока, пришелъ, когда уже началось чтеніе, пробылъ до конца чтенія и, на вопросъ хозяина, отозвался о пьесѣ одобрительно, но къ Александру Николаевичу не подходилъ и не изъявлялъ желанія съ нимъ познакомиться. Похвальный отзывъ Гоголя, написанный на клочкѣ бумаги карандашомъ, переданъ былъ Погодинымъ А. Н. Островскому и сохранялся имъ, какъ драгоцѣнность, конечно, въ томъ же убѣжденіи, какое высказалъ тому же Гоголю въ письмѣ своемъ В. Г. Бѣлинскій: „Я чувствую, что это не мелкое самолюбіе съ моей стороны, а то, что я понимаю, что такое человѣкъ, какъ Пушкинъ, и что такое одобреніе со стороны такого человѣка, какъ Пушкинъ. Послѣ этого вы поймете, почему для меня такъ дорогъ вашъ человѣческій привѣтливый отзывъ“.

На покинутое Гоголемъ добровольно и вакантное мѣсто выступилъ достойный послѣдователь и прямой наслѣдникъ его, съ выработаннымъ новымъ взглядомъ на русскую жизнь и русскаго человѣка, съ особеннымъ преимуществомъ знатока великорусскаго народнаго быта и его, несомнѣнно, вѣрныхъ и до тонкости изученныхъ національныхъ свойствъ, а въ особенности отечественнаго языка въ изумительномъ совершенствѣ.

Передъ нами въявѣ уже объявилось новое, вспыхнувшее яркимъ блескомъ свѣтило, и съ трепетнымъ чувствомъ благоговѣнія смотрѣли мы на него, всматривались во всѣ черты его умнаго лица, прислушивались къ звукамъ его голоса, который казался намъ музыкально-мелодичнымъ, и ловили каждое слово. Изумлены были въ то же время его простымъ то-

[1] Извѣстно, что Александръ Петровичъ былъ тверскимъ губернаторомъ, а потомъ оберъ-прокуроромъ святѣйшаго синода.

варищескимъ отношеніемъ къ Колюбакину и ласковымъ, прислушливымъ и внимательнымъ обращеніемъ съ нами. И, помнится, всѣмъ этимъ были даже несколько недовольны: не того мы ждали, не то рисовало намъ прислужливое воображеніе, забѣжавшее впередъ. Словно надо было бы какъ-нибудь повеличественнѣе и повнушительнѣе: вѣдь уже избранникъ, вѣдь уже лежитъ на широкомъ и открытомъ челѣ его печать безсмертія. И какіе мы счастливые передъ прочими товарищами, тоже своего рода избранные, малые избранные, которымъ, однакоже, многіе позавидуютъ изъ бѣгавшихъ вмѣстѣ съ нами смотрѣть на Гоголя. Позавидуютъ намъ, въ особенности Николаевъ, знавшій наизусть письма Герцена объ изученіи природы, и Глазковъ, тоже безподобно читавшій „Мертвыя души“ съ артистическимъ оттѣнкомъ, признаннымъ всѣми, и Сапчаковъ, который велъ постоянные, доходившіе иногда до дерзкихъ выходокъ, споры съ профессоромъ Шевыревымъ, гоголевскимъ другомъ и душеприказчикомъ.

Вотъ передъ нами вживѣ воскресшія надежды на возрожденіе примолкавшей художественной литературы, надъ которой неумытыми руками хозяйничали Елагинъ, Ахматовъ, Мусинъ-Пушкинъ и прочая братія. На первый взглядъ А. Н. показался намъ, судя по внѣшнему виду, замкнутымъ, какъ будто даже суровымъ, но, вглядѣвшись, мы замѣтили, что каждая черта лица рѣзко обозначена, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ и дышала жизнью. Верхняя часть лица въ особенности показалась намъ привлекательною и изящною. Но лишь только развернулся Колюбакинъ, куда эта вся черствость взгляда скрылась. Глаза сдѣлались ласковыми, исчезло величавое выраженіе всего лица и замѣтная на немъ легкая складка лукаваго юмора — уступила теперь добродушному и открытому смѣху. Эта быстрая смѣна впечатлѣній въ подвижныхъ и живыхъ чертахъ лица, выражав-

шаяся неожиданнымъ переходомъ отъ задумчиваго къ открытому и веселому выраженію, всегда была поразительна. Мы приняли это въ свидѣтельство, что подъ обманчивой и призрачной невозмутимостью и при видимой солидности въ движеніяхъ скрывалась тонкая чувствительность и хранились источники безпредѣльной нѣжности, иначе бы онъ такъ мягко и ласково не улыбался и не былъ бы такъ очаровательно простъ. Бѣлокурый, стройный и даже, какъ и мы всѣ, малые и приниженные, застѣнчивый, онъ и общимъ обворожительнымъ видомъ, и всею фигурой совершенно побѣдилъ насъ, расположивъ въ свою пользу до послѣдней степени.

Сопоставляя свои первыя наблюденія съ впечатлѣніями Горбунова при каждой встрѣчѣ съ Островскимъ, невольно останавливаешься на тождествѣ чувствъ. Мы благоговѣли передъ нимъ не потому только, что этому обязывала насъ молодость, впечатлительная и гибкая, а также главнымъ образомъ потому, что мы еще не были заражены современною модною и ходовою болѣзнью „ничему не удивляться“ (nihil admirari), но воспламенялись энтузіазмомъ въ равной степени, какъ къ красотамъ природы, такъ и къ людямъ. Мы видѣли въ нихъ героевъ. Намъ и въ голову не приходило смѣяться надъ товарищами и стыдить самихъ себя за то, что ходили на Никитскій бульваръ любоваться, какъ гулялъ Гоголь.

Впослѣдствіи и вскорѣ Островскій поспѣшилъ доказать и многоразличными фактами убѣдить всѣхъ насъ въ томъ, что онъ былъ поистинѣ нравственно сильный человѣкъ, и эта сила соединялась въ немъ со скромностью, нѣжностью, привлекательностью. Кроткая натура его обладала способностью огромнаго вліянія на окружающихъ. Никогда ни одинъ мыслящій человѣкъ не сближался съ нимъ, не почувствовавъ всей силы этого передового человѣка Онъ дѣйствовалъ, вдохновлялъ, оживлялъ, поощряя

тѣхъ, кто подлежалъ его вліянію и избранію. Дружба его умножала нравственныя средства, подкрѣпляла насъ въ нашихъ намѣреніяхъ, возвышала и облагораживала наши цѣли и давала возможность дѣйствовать съ большою способностью въ собственныхъ дѣлахъ и съ большою пользой для другихъ.

При такихъ высокихъ свойствахъ Островскаго приблизившіеся къ нему уже не отставали отъ него, пребывая вѣрными ему до конца. Вглядываясь во всѣхъ окружавшихъ его и близко стоявшихъ къ нему и вспоминая каждаго въ лицо и по имени, вижу не одинъ десятокъ такихъ, которые, какъ звенья въ цѣпи, какъ плетешекъ въ хороводѣ, цѣпляясь одинъ за другого, тянулись сюда неудержимо. Всѣ твердо знали, что здѣсь почувствуютъ они себя самихъ въ наивысшемъ нравственномъ довольствѣ, утѣшенными и успокоенными. Никогда и никому ни разу въ жизни Александръ Николаевичъ не далъ почувствовать своего превосходства. Онъ былъ уступчивъ и терпѣливъ даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда отысканная имъ или только обласканная личность въ самобытности своей переходила границу и вступала въ область оригинальности, вызывавшей улыбку или напрашивавшейся на насмѣшку, — словомъ, когда этотъ оригинальный человѣкъ начиналъ казаться чудакомъ. Конечно, это было на руку драматическому писателю, одаренному тонкимъ чутьемъ наблюдателя, и заявляемыя странныя уклоненія въ характерахъ принимались про запасъ для будущихъ работъ, какъ матеріалъ для комедій; но самый наблюдаемый субъектъ не испытывалъ неловкости положенія. Не оскорблялось его самолюбіе, и онъ самъ не только не спѣшилъ отходить прочь, но еще прочнѣе и душевнѣе привязывался къ наблюдателю.

Колюбакинъ былъ неудачливъ и даже несчастливъ, именно, тѣмъ, что слишкомъ короткое время находился подъ вліяніемъ этой высокой личности и пред-

ставлялъ противоположный образчикъ тому, чѣмъ сталъ впослѣдствіи Горбуновъ, какъ художникъ, выработавшійся подъ ближайшимъ и долговременнымъ вліяніемъ Островскаго. Послѣдній успѣлъ помочь Колюбакину, по оставленіи университета, тѣмъ, что исхлопоталъ ему мѣсто помощника капитана на меркурьевскомъ пароходѣ „Гермогенъ“.

Поступили мы въ университетъ въ 1850 году, когда всѣ факультеты, кромѣ медицинскаго, были закрыты. Колюбакину, страстному словеснику, волей-неволей привелось съ верхнихъ скамеекъ амфитеатра слушать крикливую трескотню латинскихъ словъ и фразъ на лекціи лысаго Севрука по описательной анатоміи. Крутая государственная мѣра, вызванная революціонными движеніями въ Европѣ конца сороковыхъ годовъ, примѣненная въ пятидесятомъ, едва не помѣшала, напримѣръ, гимназическому товарищу Колюбакина, Д. И. Иловайскому сдѣлаться профессоромъ и историкомъ, хотя въ то же время палка, дѣйствуя неожиданно оборотнымъ концомъ, убила въ знаменитомъ Сергѣѣ Петровичѣ Боткинѣ юриста: воспитался знаменитый клиницистъ, выдающійся діагностъ, получившій европейскую извѣстность среди ученаго міра и болящаго люда. Зато половина курса разбрелась въ разныя стороны, и однимъ изъ первыхъ сбѣжалъ Колюбакинъ сначала на Волгу, а потомъ въ бродячую труппу перелетныхъ птицъ — провинціальныхъ актеровъ, среди которыхъ онъ погрязъ и погибъ. А. Н. Островскій во время поѣздки по южной Россіи съ геніальнымъ артистомъ, умирающимъ Мартыновымъ, видѣлъ гдѣ-то на ярмарочномъ театрѣ нашего неудавшагося медика и остался недоволенъ игрою его. Природная комическая жилка еще оставалась, но лишь мѣстами и неровными порывами; балаганная сцена сдѣлала уже свое: въ „Женитьбѣ“ Гоголя, которую нѣкогда онъ зналъ всю наизусть, онъ поразилъ не

только незнаніемъ своей роли, но и вставками собственнаго вымысла въ угоду райка, возмутившими компетентнаго судью до глубины любящаго сердца. Народившееся въ немъ самомнѣніе довело его до нервной раздражительности при выслушиваніи неодобрительныхъ отзывовъ даже такихъ лицъ, сужденія которыхъ явно не стоили вниманія, не имѣя никакой цѣны. Въ Балашовѣ, городкѣ Саратовской губерніи, Колюбакинъ набѣжалъ на одного изъ такихъ, прожившаго отцовское имѣніе въ поискахъ всякаго рода забавъ и увеселеній и прожигавшаго скудные остатки его около той труппы, въ которой первое амплуа занималъ нашъ неудавшійся артистъ, милый и дорогой товарищъ. Рѣзкій отзывъ гуляки Докукина объ игрѣ его вызвалъ за трактирнымъ столомъ послѣ выпивки крупную ссору, доведшую до оскорбленія дѣйствіемъ со стороны угощавшаго. Кроткій нравомъ и незлобивый сердцемъ Колюбакинъ не вынесъ оскорбленія и, отвѣчая тѣмъ же, при своей необыкновенной силѣ, больно отомстилъ за обиду. Свидѣтели поспѣшили примирить ихъ, заставили поцѣловаться, — выпили бутылку шампанскаго и разошлись. Колюбакинъ еще не успѣлъ заснуть въ своемъ номерѣ гостиницы, какъ въ его дверь раздался стукъ и послышался въ нѣжныхъ и ласковыхъ тонахъ, голосъ его оскорбителя. Радушно открылъ дверь Колюбакинъ и, какъ снопъ, повалился тутъ же навзничь, пораженный предательской пулей прямо въ сердце. Убійцу судили и сослали въ Сибирь въ каторжныя работы, именемъ убитаго дополнивъ безконечно длинный списокъ безвременно погибающихъ, несомнѣнно, талантливыхъ русскихъ натуръ.

Среди счастливцевъ, окружавшихъ Островскаго въ первые годы его литературной дѣятельности, былъ и тотъ Несчастливцевъ, который далъ ему нѣсколько чертъ для обрисовки симпатичнаго образа

этого имени въ извѣстной, любимой публикою, комедіи „Лѣсъ“, роль котораго съ такимъ блестящимъ и неослабѣвающимъ успѣхомъ исполнялъ на петербургской сценѣ Модестъ Ивановичъ Писаревъ.

Самъ авторъ, давно знавшій этого уважаемаго артиста, какъ образованнаго человѣка и прекраснаго исполнителя многихъ ролей въ его разныхъ пьесахъ, пожелалъ видѣть Писарева въ этой расхваленной роли. По окончаніи пьесы въ Солодовниковскомъ театрѣ въ Москвѣ весною 1880 года, Александръ Николаевичъ пришелъ на сцену, взволнованный, въ слезахъ:

— Что вы со мной сдѣлали? Вы мнѣ сердце разорвали. Это — необыкновенно!

— А я боялся сегодня только одного васъ, Александръ Николаевичъ. Кромѣ васъ для меня никого не существовало.

— Вамъ некого бояться, Модестъ Ивановичъ!... Это высоко-художественно!... Это, повторяю, необыкновенно!

Передавая незабвенныя слова, благородный артистъ можетъ съ полнымъ правомъ сказать словами Бѣлинскаго: „Я не заношусь слишкомъ высоко, но, признаюсь, и не думаю о себѣ слишкомъ много. Я слышалъ похвалы себѣ отъ умныхъ людей и — что еще лестнѣе — имѣлъ счастье пріобрѣсти себѣ ожесточенныхъ враговъ; и все-таки больше всего этого меня радуетъ доселѣ и всегда будетъ радовать, какъ лучшее мое достояніе, нѣсколько привѣтливыхъ словъ, сказанныхъ обо мнѣ Пушкинымъ и, къ счастью, дошедшихъ до меня изъ вѣрныхъ источниковъ“.

Такая же жертва личнаго темперамента, столько же талантливый, но болѣе опытный сценическій дѣятель въ драматическихъ роляхъ былъ въ то же время послѣднимъ изъ могиканъ, послѣднимъ трагикомъ, пользовавшимся огромною извѣстностью въ

провинціяхъ и горячею привязанностью товарищеской семьи — несчастныхъ пролетаріевъ, бездомныхъ и бездольныхъ скитальцевъ, на судьбу которыхъ лишь въ послѣдніе дни обратила вниманіе благотворительность. Это — Корнилій Полтавцевъ, несомнѣнный благодѣтель меньшей актерской братіи, единоличный, скорый и умѣлый заступникъ и охранитель ея при хищническихъ и безнаказанныхъ поползновеніяхъ театральныхъ антрепренеровъ. Во всякомъ случаѣ, память о немъ благодарно сберегалась столь долгое время, и имя его въ своей сферѣ заслуженно переходитъ въ потомство. Обладая горячимъ сердцемъ, привлекательнымъ, уживчивымъ и ласковымъ нравомъ, онъ дѣлился съ товарищами послѣднимъ кускомъ черстваго хлѣба и, какъ Колюбакинъ, въ буквальномъ смыслѣ, послѣднею, оставшеюся въ дорожной сумкѣ, рубашкою. Изъ всѣхъ знакомыхъ артистовъ Корнилій, какъ хорошо мнѣ помнится, у Александра Николаевича Островскаго пользовался особенною, предпочтительною любовью, а потому не имѣю права умолчать и объ этой прекрасной личности, также еще и по поводу нижеслѣдующаго знаменательнаго явленія, ярко выразившагося въ тѣ дни, когда Корнилій Полтавцевъ сводилъ свои послѣдніе расчеты съ жизнью и подвелъ уже итоги.

Вотъ что, между прочимъ, писалъ мнѣ Е. Э. Дріанскій тотчасъ послѣ похоронъ этого артиста-человѣка, Корнилія Николаевича Полтавцева, въ письмѣ отъ 1 января 1866 г.: „Вчера, въ 2 часа дня, опустили мы въ могилу нашего Корнилія. Скончался онъ 30-го, въ часъ и 10 минутъ пополудни, такъ: велѣлъ натереть себѣ бокъ; въ это время вошелъ къ нему И. В. Самаринъ, больной сдѣлалъ рукой поцѣлуй, улыбнулся. Рука уже безнадежно упала, глаза закрылись, и присутствующіе минутъ пять не догадывались, что онъ уже скончался. Меня извѣстили объ этомъ уже въ 4 часа. Слѣдовало успѣть похо-

ронить его на другой же день, потому что новый годъ — табельный. Не успѣли ни хорошенько опубликовать, ни успѣшно устроиться, однакоже, все сдѣлалось какъ нельзя лучше. Откуда набралось народу, Богъ вѣсть! Театральные всѣ, а прочаго люда столько, что половина его осталась на паперти. Гробъ усыпали весь цвѣтами; я во время обѣдни получалъ ихъ нивѣсть отъ кого корзину за корзиной. Всѣ солисты наши: Владиславлевъ, Куровъ, Лавровъ, Бижановскій, Константиновъ и проч., и проч., пѣли обѣдню на два хора. Каретъ и прочихъ экипажей набралось и провожало гробъ вплоть до Пятницкаго кладбища не меньше, какъ на версту. Положили его по сосѣдству съ Щепкинымъ, Грановскимъ и Павловымъ, Только въ этотъ день объяснилось, какимъ искреннимъ сочувствіемъ пользовался у всѣхъ этотъ человѣкъ, у котораго была постоянно, какъ говорятъ, „душа нараспашку“...

Егоръ Эдуардовичъ Дріанскій изъ всѣхъ московскихъ литераторовъ былъ наиболѣе частымъ посѣтителемъ и собесѣдникомъ Островскаго, и не одно лишь это обстоятельство обязываетъ насъ остановиться на немъ воспоминаніями. За отзывчивое, мягкое сердце онъ въ равной степени оцѣненъ былъ и литературными, и театральными кружками: у постели умиравшаго Корнилія Полтавцева онъ проводилъ цѣлые дни и темныя ночи; въ литературныхъ кружкахъ возбуждалъ сочувствіе постоянными неудачами въ дѣлахъ. Казалось, не было человѣка насчастнѣе его. А онъ и не скорбѣлъ, и не унывалъ, и тотчасъ забывалъ о себѣ, какъ только требовалась на сторонѣ его помощь или простое участіе, и затѣмъ хлопоталъ безъ устали. „Сейчасъ тороплюсь на похороны (пишетъ онъ въ одномъ письмѣ). На нашихъ театральныхъ моръ пошелъ. Вотъ въ одинъ мѣсяцъ хоронимъ другую актрису: у Суворова жену спрятали на-дняхъ, а теперь бу-

демъ ховать Рензгаузена: этого, вѣрно, видали въ „Фаустѣ“, товарищъ Кузнецова, а Корнилій впереди. Объ этомъ не могу вспомнить равнодушно: того и жду, что прибѣгутъ сказать“... Въ то же время вспоминаются его хлопоты о новоявленномъ разсказчикѣ, прибывшемъ изъ Рязани (Ф. Ф. Смердовѣ), котораго онъ также представлялъ Островскому, дѣйствительно, съ забавными разсказами, изъ которыхъ особенно выдавался „Рекрутскій наборъ“, болѣе крупный и лучше отдѣланный. Въ печать ихъ не удалось пристроить въ то время, бѣдное литературными органами, — обстоятельство, въ самомъ дѣлѣ, существеннаго значенія. Теперь имъ отвели бы мѣсто въ любомъ изданіи, не принимая даже въ разсчетъ строгую разборчивость. Самъ Дріанскій не мало помыкался и пострадалъ отъ этихъ затрудненій, несмотря на то, что „Записки Мелкотравчатаго“ (въ особенности) въ „Библіотекѣ для чтенія“, 1857 г. и тамъ же „Панычъ“, „Одарка“, комедія въ „Русскомъ Словѣ“ изд. гр. Кушелева-Безбородко, „Квартетъ“ (всего до 15 вещей) обратили на это дарованіе вниманіе читателей[1]. На писанія онъ былъ скоръ и плодовитъ. Покойный Горбуновъ до самой смерти не могъ забыть той формы извѣщенія, съ которой явился разъ Дріанскій къ А. Н. Островскому, какъ бы съ какимъ рапортомъ:

— Ту повѣстушку, что читалъ на-дняхъ, исправилъ, какъ указывали. Теперь романъ „заквасилъ“.

Романъ этотъ, взятый Катковымъ для „Русскаго Вѣстника“, вызвалъ цѣлую бурю недоразумѣній и споровъ, приведшихъ даже къ жалобѣ Дріанскаго въ газетахъ. „Положеніе мое хуже въ десять разъ, чѣмъ

---

[1] Его разсказы, „Записки Мелкотравчатаго“, настолько не утратили своей свѣжести, что были оцѣнены спеціалистами и, въ видѣ приложенія, перепечатаны въ 1883 году при журналѣ „Природа и Охота“.

сказать бы скверное (пишетъ онъ ко мнѣ). Брожу, какъ очумѣлый, и не придумаю, что начать, и съ каждымъ днемъ прихожу къ болѣе и болѣе грустному убѣжденію, что у насъ на Руси добыть кусокъ насущнаго рѣшительно нѣтъ возможности честнымъ литературнымъ трудомъ. Романъ, по милости Каткова, теперь долженъ, кажется, прокиснуть, лежа на столѣ: у насъ въ Москвѣ издателя не найдешь со свѣчой. Одинъ Салаевъ — и тотъ, при всей охотѣ, отнѣкивается, ссылаясь на трудность ладить съ цензорами, которые, вслѣдствіе новаго благодѣтельнаго постановленія, отказываются читать рукописи, превышающія 10 печатныхъ листовъ, а по отпечатаніи могутъ кромсать вещь, какъ ихъ душенькѣ угодно. Одинъ изъ самыхъ честныхъ и надежныхъ у насъ — это И. Г. Соловьевъ, но этотъ просто не имѣетъ свободной минуты, прочіе — безденежная мелкота, съ которою сходиться опасно, и т. д.". Романъ этотъ такъ и не вышелъ въ свѣтъ, въ доказательство того, какъ можно было 30 лѣтъ тому назадъ пристроить литературно-отдѣланное произведеніе. Въ настоящее время оно бы не залежалось и не обезсилило бы въ конецъ достойнаго человѣка, страдавшаго всѣми жизненными невзгодами.

Впрочемъ, не одинъ неудачливый Дріанскій сѣтовалъ на подобныя затрудненія въ обнародованіи заготовленныхъ для печати произведеній. Тотъ же досадливо нахмуренный тонъ слышится и отъ не менѣе извѣстнаго писателя и болѣе близкаго пріятеля А. Н. Островскаго, каковъ авторъ „Ночного" и проч. Въ письмѣ М. А. Стаховича къ П. И. Якушкину, въ которомъ онъ, между прочимъ, извѣщалъ о томъ, что началъ писать воспоминанія свои о Петрѣ Васильевичѣ Кирѣевскомъ, — извѣстномъ собирателѣ народныхъ пѣсенъ,—находимъ такія строки: „Плохая участь провинціальныхъ литераторовъ! Два раза посылаю „Мельницу", и все невпопадъ.

Если она не помѣщена въ „Библ. для чтенія“, то сходи къ Писемскому или Дружинину и моимъ именемъ возьми ее. А какъ я не хочу имѣть „Библіотеки“ даромъ, то пришлю имъ 6 переводовъ изъ Гейне и своихъ четыре стихотворенія. Тогда „Мельницу“ перешлешь ко мнѣ или къ Павлову, вмѣстѣ отдѣлаемъ съ общаго совѣта, и она намъ годится впередъ,“ и проч. М. А. Стаховичъ, однако, не подходитъ подъ уровень съ Дріанскимъ, какъ очень богатый человѣкъ, вовсе не нуждавшійся въ литературномъ заработкѣ, и притомъ настолько денежный, что это самое богатство послужило одною изъ причинъ его преждевременной насильственной смерти.

Странствуя по черноземнымъ губерніямъ Россіи и направляясь отъ Ельца на Пензу, отгостилъ я у него съ Павломъ Якушкинымъ въ усадьбѣ Пальнѣ, случайно попавши на сельскій храмовой праздникъ; осенью 1858 года М. А. проводилъ Якушкина въ усадьбу его матери — Сабурово, Малоархангельскаго уѣзда. Это было въ началѣ октября, а въ концѣ этого мѣсяца въ гостепріимной и радушной семьѣ Якушкиныхъ услыхали, что недавній гость ихъ (27 октября) удавился. Стали припоминать, что онъ былъ грустенъ, — и повѣрили, плакали по немъ, какъ по родномъ, зная его за хорошаго и умнаго человѣка; служили панихиды и заупокойную обѣдню; чтобы узнать подробности несчастія, писали бурмистру Михаила Александровича съ пожеланіемъ, чтобы простилъ ему Богъ это страшное преступленіе. Вся губернія вѣрила въ то, что несчастный, дѣйствительно, — самоубійца, такъ какъ нашли его голову въ петлѣ. Однако, по слѣдамъ истязаній, найденныхъ на тѣлѣ, предположено было убійство, заподозрили бурмистра, приближеннаго къ барину человѣка, съ которымъ на нашихъ глазахъ Михаилъ Александровичъ обращался черезчуръ за панибрата, и письмоводителя Киндякова (Стаховичъ былъ елец-

кимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства). Киндяковъ незадолго передъ тѣмъ ѣздилъ съ довѣренностью въ Орелъ за полученіемъ очень крупной суммы денегъ, неизвѣстно куда исчезнувшей, и, повидимому, Стаховичу недоставленной. Слѣдователи: Мироненко съ жандармскимъ поковникомъ Артишевскимъ — довели обоихъ убійцъ до полнаго сознанія. Ихъ наказали и сослали въ Сибирь, а московскій кружокъ литераторовъ вынужденъ былъ занести въ свой синодикъ новую жертву неуравновѣшеннаго характера и новую потерю несомнѣнно даровитаго писателя, умѣвшаго оживлять кружокъ и вносить въ него и заразительную веселость, и умныя, живыя бесѣды. Стаховичъ не только былъ незауряднымъ пѣсенникомъ, но и большимъ знатокомъ народнаго быта; былъ общительнымъ и популярнымъ въ народѣ человѣкомъ, какъ прямой и искренній радѣтель крестьянскихъ интересовъ въ достопамятную эпоху реформъ, и въ первые годы проведенія ихъ въ жизнь среди множества опасныхъ подводныхъ скалъ.

По невольному тяготѣнію и сродству душъ, всѣ наличныя художественныя силы Москвы находились естественнымъ образомъ въ тѣсномъ сближеніи съ литературнымъ кружкомъ „молодой редакціи“ Москвитянина“, начиная съ музыкальныхъ художниковъ, каковы: Николай Рубинштейнъ и Дютшъ, и кончая художниками въ собственномъ значеніи, каковы: профессоръ школы живописи и ваянія Рамазановъ и художникъ Боклевскій (скончавшійся въ Москвѣ въ 1907 году).

Петръ Михайловичъ Боклевскій, къ самому началу литературной извѣстности Островскаго, успѣлъ вернуться изъ-за границы, куда ѣздилъ для изученія школъ живописи (преимущественно испанской), по окончаніи полнаго университетскаго курса. Съѣздилъ онъ не только въ Италію, но и въ Испанію, счаст-

ливцемъ для тѣхъ временъ строжайшихъ запретовъ на выѣздъ, осложненныхъ большими хлопотами и усиленныхъ дороговизною заграничныхъ паспортовъ. Когда выросла слава Островскаго, — Боклевскій явился къ нему на помощь, какъ истолкователь художественныхъ красотъ во всеоружіи опыта и силы. Испробовавъ ихъ въ блестящихъ, всѣмъ извѣстныхъ, рисункахъ бойкимъ мастерскимъ карандашемъ типовъ „Мертвыхъ душъ“ и другихъ произведеній Гоголя,— Петръ Михайловичъ съ такою же любовью и съ такимъ же точно проникновеніемъ въ суть творческаго замысла изобразилъ типы изъ комедіи „Бѣдность не порокъ“. Они плѣнили Тургенева въ оригиналѣ до такой степени, что онъ добровольно вызвался дать имъ ходъ и заботливо хлопоталъ объ изданіи рисунковъ у петербургскихъ издателей.

Это сближеніе передовыхъ людей московской интеллигенціи въ особенный кружокъ (отдѣльно отъ профессорскаго), если и произошло отъ того, что, по случайному совпаденію, всѣ были „ровесниками,“ т. е. ровнями по годамъ, то, съ другой стороны, скрѣпленію его главнѣйшимъ образомъ содѣйствовало другое важное обстоятельство: всѣ они безусловно были „сверстниками“: сплоченность союза облегчалась тѣмъ, что подошли другъ къ другу подъ ладъ и подстать. Тѣмъ не менѣе, мягкой и любящей, снисходительной и уступчивой натурѣ А. Н. Островскаго значительною долею обязанъ былъ этотъ кружокъ тѣмъ, что дружно велъ свое дѣло и не расходился долгое время, несмотря на замѣчательное разнообразіе составныхъ элементовъ. Въ московскомъ разобщенномъ обществѣ, охотно и ярко предъявлявшемъ наклонность къ уединенію и отчужденію отъ того, что находится внѣ сферы личныхъ коммерческихъ интересовъ, уже одна эта возможность сближенія составляетъ немалую заслугу. Быть же связующимъ звеномъ въ такомъ разнохарактерномъ

сборѣ видимо не подходящихъ лицъ, въ какомъ поставили Александра Николаевича случайныя обстоятельства, — это уже нѣчто, выходящее изъ ряда всеобщихъ обычныхъ явленій. Уральскій казакъ и торговецъ изъ оптоваго склада Ильинскихъ рядовъ, знаменитый виртуозъ, не имѣвшій себѣ соперниковъ въ Москвѣ и раздѣлявшій славу съ Антономъ Рубинштейномъ и его братомъ Николаемъ, и рядомъ кимровскій мужичекъ — бывшій сапожникъ; учитель чистописанія и рисованія и извѣстные критики эстетики; землемѣръ и актеры — всѣ объединены и согласованы, всѣ, подъ однимъ знаменемъ служенія изящному и любви къ народу, исполняютъ честный долгъ предъ дорогой и святой родиной.

Уральскій казакъ — Іосафъ Игнатьевичъ Желѣзновъ прибылъ въ Москву случайно для временнаго жительства по казенной надобности, какъ адъютантъ командира казачьей сотни, а уѣхалъ изъ нея почтеннымъ литературнымъ дѣятелемъ, извѣстнымъ не въ однихъ лишь предѣлахъ своего войска. Можно смѣло сказать, что кружокъ Островскаго создалъ въ немъ литератора, и онъ сталъ таковымъ, даже лично для себя, совершенно неожиданнымъ и незамѣтнымъ образомъ.

Чтобы сдѣлаться Желѣзнову литераторомъ-народникомъ, понадобилась случайная встрѣча съ Шаповаловымъ и Дріанскимъ. Послѣдній и ввелъ его въ компанію Островскаго, съ которою Іосафъ Игнатьевичъ не прерывалъ своихъ связей во все время пребыванія своего въ Москвѣ въ теченіе двухъ послѣднихъ сроковъ командировки. Съ 1853 года его можно было встрѣчать и въ тѣхъ двухъ комнатахъ на антресоляхъ своего дома, которыя занималъ Островскій и въ большихъ залахъ стариннаго барскаго дома М. П. Погодина на Дѣвичьемъ полѣ, въ тѣхъ двухъ просторныхъ квартирахъ Е. Н. Эдельсона на Полянкѣ и Кисловкѣ, гдѣ всего чаще собирались московскіе

литераторы читать свои произведенія и обмѣниваться мыслями. Здѣсь главнѣйшими руководителями при оцѣнкѣ и въ направленіи неизбѣжно возникавшихъ при этомъ споровъ являлись: самъ хозяинъ, превосходно образованный, воспитавшійся на началахъ нѣмецкой эстетической критики, переводчикъ Лессингова „Лаокоона", и Ап. Ал. Григорьевъ, горячій поклонникъ Островскаго, съ самаго появленія его первой комедіи отыскавшій въ ней и въ послѣдующихъ то классическое „новое слово", съ которымъ, какъ съ литературнымъ терминомъ, неразрывно связано и самое имя этого знаменитаго критика, восторженнаго до крайнихъ увлеченій, — совершенный контрастъ съ симпатичнымъ — деликатнымъ и нѣжнымъ — и совершенно уравновѣшеннымъ Е. Н. Эдельсономъ. Не нуждавшійся въ матеріальныхъ средствахъ Е. Н., въ новую противоположность — именно съ А. Н. Островскимъ, почти полжизни проведшимъ въ тискахъ нужды, — имѣлъ полную возможность учащать собраніе друзей и съ тою же гостепріимною готовностью, привѣтомъ и ласкою принимать, не тяготясь, и новыхъ добровольцевъ, обнаружившихъ литературныя способности, хотя бы и въ зачаткахъ.

На этомъ послѣднемъ основаніи допущенъ былъ сюда и Желѣзновъ — пришелецъ съ вольнаго Яика и изъ киргизскихъ степей, — обратившій на себя вниманіе живыми разсказами объ удалыхъ казачьихъ подвигахъ на Каспійскомъ морѣ, во время такъ называемаго аханнаго рыболовства. Его уговорили записать этотъ разсказъ на бумагѣ; общимъ совѣтомъ выровняли, вычистили, исправили написанное и, по общему же приговору, постановили его напечатать въ послѣднихъ книжкахъ „Москвитянина" 1854 г. „Картинами аханнаго рыболовства" Погодинъ остался очень доволенъ и затѣмъ хвастливо разсказывалъ: „Въ немъ (Желѣзновѣ), несомнѣнно, есть та-

лантъ, и, если бъ онъ получилъ получше образованіе, онъ далеко пошелъ бы. Я благословилъ его на литературное поприще и не ошибся въ его призваніи". Не ошиблась собственно въ Желѣзновѣ „молодая редакція", которая одна и дала направленіе дѣятельности молодого писателя, разъяснивъ ему значеніе, государственное и общечеловѣческое, всего того жизненнаго строя, которымъ три уже столѣтія руководилось родное ему казачье войско. Во время горячихъ и безконечныхъ споровъ того времени о русской общинѣ, уральскій казакъ могъ вывести спорившихъ, вѣровавшихъ и сомнѣвавшихся, изъ области теорій на ту почву, гдѣ на самой практикѣ воочію осуществлялось это основное начало всей русской народной экономической жизни. Нарисовавши картину, гдѣ казачья община, вѣрная завѣтамъ предковъ, въ примѣненіи коренныхъ основъ общиннаго строя, не останавливается передъ смертельными опасностями на морскихъ промыслахъ, Желѣзновъ могъ развернуть и такія мирныя, изящныя степныя картины, какія представляютъ два другіе способа рыболовства, такъ называемый „севрюги" и въ особенности „плавня". Въ томъ и другомъ одновременно принимаетъ участіе все наличное казачье населеніе богатаго рыбою Урала, — и зрѣлище является дѣйствительно изумительнымъ и, положительно, единственнымъ въ цѣломъ мірѣ. Богатство рѣки съ золотымъ донышкомъ настолько обезпечивало все войско, что оно не имѣло нужды прибѣгать къ подспорнымъ промысламъ и занятіямъ иного рода. До 30-хъ годовъ XIX столѣтія впустѣ лежали, въ сѣверной части казачьей земли, невоздѣланными и нетронутыми богатыя черноземныя вѣковыя залежи, на которыхъ родится теперь пшеница, признанная на волжскихъ хлѣбныхъ пристаняхъ за самый высшій сортъ. Самую торговлю, какъ и хлѣбопашество, считали коренные казаки неприличнымъ для своего зва-

нія занятіемъ, предоставляя ее наѣзжимъ изъ Россіи купцамъ. Въ то же время казаки упорно лишали своихъ гостей права осѣдлости на своихъ земляхъ, стѣсняли пріобрѣтеніемъ земельныхъ участковъ даже подъ дома и сады въ обоихъ своихъ городахъ (Уральскѣ и Гурьевѣ) и во всѣхъ форпостахъ и награждали сверхъ того этихъ „иногороднихъ“ злыми и насмѣшливыми прозвищами. Словомъ сказать, во время пребыванія Желѣзнова въ Москвѣ, родной и возлюбленный его Уралъ продолжалъ еще жить обособленно, отрѣзаннымъ ломтемъ, независимо отъ метрополіи, слѣдуя завѣту предковъ: „живи, пока Москва не провѣдала“. Это казакамъ удавалось въ прошлыя два столѣтія, но къ срединѣ XIX-го уже съ меньшимъ успѣхомъ, и съ нѣкоторыми зловѣщими признаками, которые свидѣтельствовали о томъ, что роковая бѣда надвигается. На колебаніе общиннаго строя, внушительно налаженнаго ко благу народа тремя вѣками, уже устремились властныя руки, опасныя своимъ равнодушіемъ при внѣшней силѣ и своимъ неумѣлымъ и скороспѣлымъ вмѣшательствомъ. Въ борьбѣ съ ними и погибъ этотъ истый казакъ, страстно преданный интересамъ родины, когда осложнились условія жизни казачьей общины и на почвѣ ея интересовъ возникли столкновенія съ властью наказнаго атамана. Какъ типичный представитель казачества, Желѣзновъ былъ по взглядамъ на государство несомнѣннымъ консерваторомъ и монархистомъ: идеалъ его заключался въ вѣчевомъ устройствѣ, полной независимости и въ возможно широкомъ самоуправленіи общины.

Болѣе умный, чѣмъ талантливый, менѣе образованный, чѣмъ дѣловой и практическій, Іосафъ Игнатьевичъ сдѣлался любимцемъ московскаго кружка наиболѣе тѣмъ, что былъ самобытнымъ и цѣльнымъ человѣкомъ, съ тѣми исключительными чертами, которыя свойственны были ему, какъ природному ка-

заку. Не какъ особникъ или новинка, онъ оказался симпатичнымъ и сдѣлался своимъ человѣкомъ по личнымъ качествамъ, по готовности дѣлиться богатыми сырыми матеріалами и по той горячей любви, которая ярко свѣтилась во всѣхъ его разсказахъ о родной странѣ.

Молчаливый, глубоко сосредоточенный въ себѣ, какъ сама казачья думка о грядущихъ временахъ, навѣянная лихими вѣтрами съ Оренбургской стороны, и скорѣе прислушливый, чѣмъ разговорчивый, Желѣзновъ переставалъ походить на себя, когда разговоръ заходилъ о казачествѣ, а въ особенности о казачьемъ офицерѣ, ярмо котораго онъ давно уже носилъ и имъ тяготился. Тогда оживлялось его круглое лицо съ нѣсколько слишкомъ развитыми верхними челюстями и загорались глаза въ узкопрорѣзанныхъ орбитахъ, — коренныхъ признакахъ его происхожденія на степномъ Уралѣ, смежномъ съ кочевьями киргизовъ (дѣдъ Желѣзнова полжизни провелъ въ степи, отецъ также ходилъ по службамъ и пропалъ безъ вѣсти). Нельзя было не любоваться на его коренастую, широкоплечую фигуру, когда онъ свободно, по закону кружка, знакомилъ съ частностями быта своей родины, рисуя ее, какъ бы вновь открытую страну, и щедро, массою новыхъ и вовсе неизвѣстныхъ данныхъ, восполнялъ усвоенныя кружкомъ знанія новыми чертами для характеристики русскаго духа, въ лицѣ этого оторваннаго и уединившагося осколка великорусскаго племени. Какъ съ подлинными новинками, онъ знакомилъ съ казачьими пѣснями, а главнѣйшимъ образомъ съ ихъ „сказаніями". Для собранія послѣднихъ, подъ вліяніемъ московскаго кружка, онъ даже нарочно съѣздилъ изъ Москвы на побывку, а вернувшись въ Москву — снова и усердно занялся самообразованіемъ и главнымъ образомъ изученіемъ историческихъ актовъ, относящихся до казачества. Подъ руководствомъ москов-

скихъ друзей и при ихъ хлопотахъ и содѣйствіи, онъ усидчиво занимался въ московскомъ архивѣ инспекторскаго департамента военнаго министерства, написалъ сочиненіе „Уральцы“, записалъ „Преданія о Пугачевѣ“, готовился къ составленію „Исторіи войска“ (всѣ его сочиненія, напечатанныя въ 1888 г., составили три тома, а до того времени они печатались по частямъ въ: „Москвитянинѣ“, „Библіотекѣ для чтенія“ и друг. изданіяхъ). Въ отвѣтъ на дружескій пріемъ и фактическую помощь Желѣзновъ отвѣтилъ искреннею привязанностью къ Москвѣ, мечталъ въ ней поселиться на болѣе продолжительное время, чѣмъ дозволяли его временныя казенныя командировки. Онъ успѣлъ уже установить съ Москвою прочныя связи; сюда устремилъ всѣ свои симпатіи. Сюда же звали его друзья и глубоко сожалѣли о томъ, что коренные казачьи законы воспрещаютъ всякій выходъ изъ сословія, дѣлая казака на вѣки прикрѣпленнымъ, со всѣмъ нисходящимъ потомствомъ, къ своей землѣ и своему войску.

Мы были личными свидѣтелями того глубокаго сожалѣнія, съ какимъ встрѣчено было въ Москвѣ роковое извѣстіе, что І. И. Желѣзновъ застрѣлился въ Уральскѣ (въ 1863 году). Недостойная интрига и злобная зависть, съ примѣсью рабскаго прислуживанья и угодничества, дерзнула покуситься на его прочно установившуюся репутацію честнаго человѣка, образцоваго патріота и даровитаго изслѣдователя родины и уважаемаго отечественнаго писателя. Онъ сталъ еще болѣе задумчивымъ и необщительнымъ: началъ заговариваться, измѣнилъ всѣ свои прежнія отношенія къ казакамъ: пересталъ ихъ принимать и бесѣдовать съ ними. А по свидѣтельству земляковъ, онъ былъ ласковъ и обходителенъ съ простыми казаками. И эти отвѣчали ему такимъ расположеніемъ и откровенностью, какими едва ли кто-либо и когда-либо пользовался изъ лицъ привви-

легированныхъ и офицеровъ. Вскорѣ затѣмъ онъ очень настойчиво сталъ указывать на преслѣдованія и называть такихъ лицъ, которыя совсѣмъ сюда не подходили. Какъ ни старался онъ сохранить присутствіе духа и себя подбадривать, умопомѣшательство его стало обнаруживать острую форму и ждало лишь новаго толчка. Онъ не замедлилъ. Его, избраннаго обществомъ ассесора войскового правленія, назначили въ полкъ даже не сотеннымъ командиромъ и предписали выѣхать изъ Уральска въ убійственную степную глушь.

10 іюня 1863 г. Желѣзновъ выстрѣлилъ себѣ въ ротъ изъ охотничьяго ружья, заряженнаго дробью. Пока товарищи собирались въ Уральскѣ поставить на его могилѣ памятникъ, московскіе друзья помянули его добрымъ словомъ и панихидою. Когда издатель „Дѣтскаго чтенія“ (казакъ В. П. Бородинъ) задумалъ черезъ 23 года по смерти Іос. Игн. издать „Преданія“, „Сказанія“ и „Пѣсни уральскихъ казаковъ“, А. Н. Островскій на письмо къ нему отвѣчалъ полнѣйшею готовностью изготовить свои воспоминанія объ этомъ превосходномъ, честнѣйшемъ, но несчастномъ человѣкѣ. Только смерть Александра Николаевича въ томъ же 1886 году помѣшала исполнить его завѣтное желаніе.

Когда зимою рокового года привелось мнѣ, по порученію морского министерства, прибыть въ Уральскъ, тамъ не только живы были разсказы о страшной катастрофѣ, но далеко не смолкъ всеобщій ропотъ, сдержанный лишь благоразуміемъ тогдашней молодежи.

Одинъ старикъ казакъ, готовно пересказывая мнѣ (неважныя, впрочемъ) подробности событія, взволновавшаго все войско, высказался такъ:

— Пропала наша „застòя“.

Одновременно съ Желѣзновымъ въ кружкѣ Островскаго можно было встрѣтить другого радѣль-

ника и печальника за народные интересы, но иного склада и покроя, хотя столь же любящаго и искренняго, это — Сергѣя Арсеньевича Волкова. Въ молодости шилъ онъ на всю молодую редакцію „Москвитянина“ фасонистые и крѣпкіе сапоги. Когда стали подростать его сыновья и вступать въ тотъ возрастъ, когда нуженъ внимательный и строгій отцовскій глазъ, онъ перебрался въ родную деревню Сухую — на Волгу, въ 7 верстахъ внизъ по Волгѣ отъ села Кимръ, однако, все въ томъ „сапожномъ государствѣ“, гдѣ у всякаго „шильцо въ рукахъ и щетинка въ зубахъ“. Волковъ занялся, впрочемъ, исключительно сельскимъ хозяйствомъ, но съ особенною охотою облюбовалъ Божью угодницу пчелку. Когда я, послѣ пушкинскихъ празднествъ, съ товарищами навѣстилъ его въ деревнѣ, онъ, какъ увлекающійся юноша, хвастался успѣхами въ этомъ хозяйствѣ и, несмотря на раннюю пору лѣта, вырѣзалъ-таки соты и попотчивалъ насъ. По обычаю жаловался онъ и въ этотъ разъ на распущенность нравовъ своихъ сосѣдей, — попечалился и на свою пчелку:

— Раскурили наши озорники табашныя трубки на сѣновалахъ, — и занялась наша деревня съ того конца. Ну, думаю, Божья власть: этотъ старый домъ не жаль, — довольно онъ мнѣ послужилъ. А вспомнилъ я про пчелку и пожалѣлъ, — повелась она у меня умница на усладу и великое утѣшеніе. Пожалѣлъ я ее всѣмъ сердцемъ: сталъ таскать колодки, сколь ни тяжелы онѣ, — на своихъ рукахъ. Ухвачу въ охапку и тащу въ свой омшаникъ за деревней. Восемь колодокъ перетаскалъ, съ девятою такъ и повалился на нее, какъ снопъ.

— Усталъ, что ли, выбился изъ силъ?

— Нѣту, — стерпѣть не могъ: изожгли.

Такимъ-то вотъ богатыремъ онъ сохранилъ себя далеко за 70 лѣтъ и разсказывалъ о своихъ стар-

ческихъ подвигахъ съ тѣмъ откровеннымъ простосердечіемъ, которымъ всѣ, знавшіе его, положительно любовались. Бывало слушаетъ-слушаетъ чтеніе Александра Николаевича да и вставитъ свое вѣское словцо въ подтвержденіе. На это онъ былъ охотливъ и большой мастеръ, хотя нерѣдко книжныя, вычитанныя въ житіяхъ, слова передѣлывалъ на свой ладъ иногда очень забавно. Не затруднялся онъ также дополнять кое-какими своими замѣтками многіе художественные характеры въ выслушанныхъ имъ пьесахъ нашего драматурга, который все это принималъ легкимъ сердцемъ къ своему свѣдѣнію, такъ какъ и высказывалось все это спроста и сразу, безъ всякихъ заднихъ мыслей и подходовъ. Впрочемъ, въ завѣтныхъ спорахъ о порчѣ нравовъ и въ придуманныхъ имъ дома строжайшихъ мѣрахъ исправленія былъ неуступчивъ и упрямъ. Ко всѣмъ знакомымъ сохранялъ неизмѣнную дружбу до гроба, а потому у всѣхъ былъ дорогимъ гостемъ, когда, пользуясь глухимъ зимнимъ временемъ, наѣзжалъ сюда или въ Москву навѣстить дружковъ, прислушаться къ новостямъ, разсказать о томъ, что теперь и впрямь съ молодежью никакого нѣтъ слада.

— Все перемѣнили: и лики свои, и одѣянія, какъ и въ житіяхъ писано. Понадѣли куцые спинжаки, по жилету цѣпочку распустили. Пора стоитъ лѣтняя, жаркая, а у него калоши на ногахъ и зонтикъ въ рукахъ. До того всѣ одурѣли!

Слово у нашего мужичка еще ни разу въ его жизни не разошлось съ дѣломъ. Какъ живую, всѣ мы отлично помнимъ его коренастую, небольшого роста, фигуру. Наѣзжая по зимамъ, онъ являлся въ теплой поддевкѣ со сборами, подпоясанной домотканымъ кушакомъ, — въ ней ходилъ по улицамъ, въ ней же садился и въ гостяхъ за столъ. На головѣ носилъ такую высокую мѣховую шапку, какую на нашей памяти перестали носить священники и ста-

рики-купцы. Войдетъ, бывало, въ комнату и, прежде всего, отыщетъ въ углу Божье милосердіе, истово помолится и потомъ уже поздоровается и со всѣми перецѣлуется, не разбирая женщинъ и дѣвицъ. Вытащитъ изъ-за пазухи завернутый въ ситцевомъ платочкѣ тверской пряникъ, изображающій скрюченную стерлядку — это дѣтямъ въ подарокъ, безъ котораго онъ никогда не являлся.

Угощенія чаемъ не принималъ, и водки въ ротъ не бралъ не потому, что былъ старовѣромъ (наоборотъ, былъ искреннимъ и усерднымъ православнымъ). Попроситъ кваску, къ нему прикрошатъ ему огурцовъ, варенаго картофеля, луку, подольютъ постнаго масла, прикупятъ чернаго рѣшетнаго хлѣба — и угощеніе готово. Поѣстъ круто и неторопливо, поблагодаритъ Бога и въ поясъ поклонится хлѣбосольнымъ хозяевамъ со своимъ обычнымъ благодарнымъ словомъ:

— Ужъ и не знаю, чѣмъ мнѣ будетъ вашу любовь платить.

И весь этотъ обиходъ ведетъ онъ — словно священнодѣйствуетъ.

— Не прикрошить ли соленаго судачка?

— Да, вѣдь, филипповки идутъ, а сегодня къ тому же пятница. Завтра приду — угости, пожалуй, рыбкой.

Въ разговорахъ толковалъ все объ одномъ, все о томъ же больномъ мѣстѣ, которое такъ и не излѣчилось до самой смерти этого истиннаго патріота и народнаго друга. Не умѣлъ онъ понять и легко примиряться съ тѣми новѣйшими порядками, которые вызваны были недавнимъ великимъ переворотомъ въ народной жизни, указывавшимъ новыя стези экономическаго быта послѣ ежовыхъ рукавицъ, стѣсненій, запретовъ и взысканій.

— Въ Кимрѣ обѣдни поютъ, а ребята въ трактирѣ, противъ самаго собора, за пивомъ сидятъ и

играютъ въ чётъ-нечетъ. Теперь уже въ каждомъ домѣ кабакъ: о какую хошь глухую пору ночи приходи — продадутъ. Совсѣмъ наши сапожники Бога забыли.

И вотъ, чтобъ они Его помнили и не казались бы упреки благочестиваго человѣка пустымъ словомъ, брошеннымъ на вѣтеръ, Сергѣй Арсеньевичъ давно ходилъ по знакомымъ въ Москвѣ и Петербургѣ, собирая посильное даяніе на построеніе Божьяго храма въ Сухомъ. Постройку довелъ онъ до конца, изъ деревни сдѣлалъ новое село; получилъ отъ архіепископа Саввы священника „трезвеннаго и учительнаго"; немного отдохнулъ дома и опять пошелъ за сборомъ на колокольню — и ее соорудилъ. И вотъ недавно сложилъ онъ свои старыя кости подъ поломъ этого самаго храма, что считалъ для себя единственною наградою, о чемъ изрѣдка и проговаривался съ обычною скромностью.

Этотъ добродушный и открытый, весь налицо, умный человѣкъ евангельской простоты, къ А. Н. Островскому питалъ особенныя чувства глубокой привязанности. Для великаго художника этотъ волгарь былъ драгоцѣненъ въ значеніи безпримѣснаго, непорченаго и непорочнаго человѣка, какъ всесовершенный образецъ настоящаго великоросса. Украшенный долготою дней, кимровскій старикъ съ своей стороны остался неизмѣнно преданнымъ священной памяти дорогого человѣка „во блаженномъ его успеніи" (какъ писалъ онъ сюда въ отвѣтъ на извѣщеніе мое о нашей тяжелой и невозвратимой утратѣ). Самъ Александръ Николаевичъ не только цѣнилъ въ немъ эту стойкость въ коренныхъ народныхъ нравахъ и обычаяхъ до крайнихъ мелочей, но и любовался тою цѣльностью русской природы, черты которой рѣдко являются въ такомъ твердомъ и согласномъ сочетаніи. Насколько уважалъ и цѣнилъ А. Н. Островскій кимровскаго пріятеля, можно ви-

дѣть изъ отвѣтнаго письма по случаю приглашенія на освященіе вновь сооруженнаго въ Сухомъ храма:

„Любезный другъ, Сергѣй Арсеньевичъ. Я и Марья Васильевна благодаримъ тебя за приглашеніе. Жаль, что оно пришло не ко времени, а то и бы пріѣхалъ непремѣнно. 30 августа, на другой день Иванова дня, я именинникъ и мнѣ уѣзжать отъ своихъ именинъ неловко: я, не зная о вашемъ праздникѣ, пригласилъ кое-кого изъ сосѣдей. Поздравляю тебя съ твоимъ душевнымъ праздникомъ! Будь здоровъ и помолись за насъ, грѣшныхъ: Александра и Марію съ чадами. Вся семья тебѣ кланяется. Искренно любящій тебя А. Островскій. Кинешма, 27 августа 1875 г.“.

Такова была и та притягательная сила богатства даровъ, какими обладалъ этотъ отечественный писатель и истинно-русскій человѣкъ и какіе съ избыткомъ отпущены на его долю. Умилительно было видѣть съ какимъ почтеніемъ и искреннею преданностью относились къ нашему драматургу лучшіе представители изъ московскаго купечества. Никто изъ насъ не забудетъ той истинно-родственной и дружеской привязанности къ нему братьевъ Кошеверовыхъ (доводившихся П. М. Садовскому дядями). Въ ихъ семьѣ не только самъ Александръ Николаевичъ, но и всѣ „присные“ его встрѣчали тѣ же ласки, находили такой же дружескій пріемъ. Особеннымъ радушіемъ отличался старшій братъ, Алексѣй Семеновичъ, глава дома и верховный хозяинъ дѣла, по законамъ старины, къ которому всѣ остальные братья относились съ трогательнымъ уваженіемъ и покорностью. Изъ нихъ болѣе тѣснымъ образомъ примыкалъ къ кружку молодой редакціи одинъ изъ младшихъ, Сергѣй Семеновичъ, статный красавецъ съ солидной походкой, внѣшностью своей напоминавшій намъ старую Москву. Таковы, невольно думалось намъ, должны быть тѣ бояре, которымъ до-

вѣряли цари охраненіе внутренняго порядка въ государствѣ или защиту политическихъ интересовъ передъ иностранными государями въ чужихъ земляхъ: одинъ видъ и поступь могли уже внушать нѣмцу убѣжденіе въ непобѣдимой стойкости до упрямства. Извѣстное московское хлѣбосольство въ лицѣ старшаго брата Алексѣя доведено было даже до крайнихъ предѣловъ, почти до чудачества. Такъ, напримѣръ, онъ никому, сидѣвшему съ нимъ въ одномъ кабинетѣ Гуринскаго трактира, не позволялъ платить денегъ за угощеніе. Когда заѣзжій гвардейскій офицеръ, получившій отъ полового отвѣтъ, что деньги уже заплачены, вломился въ амбицію и дознался до виновника, — послѣдній добродушно, своимъ мягкимъ голосомъ и съ кроткою улыбкой, отвѣчалъ:

— Извините меня, старика; я вотъ уже 25 лѣтъ занимаюсь здѣсь этимъ самымъ дѣломъ. Не обижайте же и вы меня: примите наше московское угощеніе, какъ хлѣбъ-соль пріѣзжему въ честь.

Надо было видѣть и нельзя было вдосталь налюбоваться, съ какою торопливою готовностью, весело и поспѣшно развязывалъ Сергѣй Семенычъ на загородной гулянкѣ кульки и корзинки съ привезенными съѣстными и питейными припасами. Одинъ онъ и хлѣбъ рѣжетъ, и колбасу крошитъ, откупориваетъ одну бутылку за другой, вытираетъ рюмки и стаканы, за нѣсколькихъ поваровъ и оффиціантовъ вмѣстѣ, съ артистическою ловкостью, съ изумительнымъ добродушіемъ, съ своеобразными приговорами вслухъ и лично для себя:

— Рѣжь! руби! кроши! — наливай!..

И для гостей:

— Пожалуйте, мадерцы выкушайте!.. Провѣсная бѣлорыбица очень хороша, какъ сливочное масло!.. Выпитыхъ рюмокъ не считаютъ!.. Проша! (обращаніе къ П. М. Садовскому) съѣшь ранетку! и т. д.

И, въ полномъ блаженномъ настроеніи, самодовольно потираетъ онъ себѣ руки.

Прикинетъ онъ на свѣтъ рюмку, налитую „листовкой“ (настойкой на свѣжихъ смородинныхъ почкахъ), пригубитъ, причмокнетъ и возгласитъ съ торжествомъ въ похвалу: — Сады! — значитъ пейте въ полное удовольствіе: домашняя настойка сохранила въ себѣ весь ароматъ ягоднаго листа, во всей его цѣльности и совокупности, и тому подобное.

Стоило кому-нибудь изъ гостей только слегка пошевелиться, какъ Сергѣй Семеновичъ уже замѣчалъ, привставалъ съ мѣста и быстро вопрошалъ: „Вамъ какого?“ (Весь столъ бесѣдки уставленъ былъ бутылками.)

— А вотъ теперь и по садамъ пройтись хорошо, и на пруды посмотрѣть пріятно, — приговаривалъ онъ, закупоривая недопитое, завертывая не доѣденное, такъ какъ собственно это былъ починъ, выпивка и закуска, что называлось „начерно“: въ ящикахъ нанятыхъ долгушекъ-линеекъ спрятаны были новые, и въ болѣе серьезномъ количествѣ, съѣстные припасы.

Съ наслажденіемъ истиннаго художника вращаясь здѣсь, среди Русаковыхъ, Островскій восполнялъ новыми пріобрѣтеніями прежній и ранній запасъ добрыхъ чувствъ и укрѣплялся въ тѣхъ симпатіяхъ къ коренному русскому человѣку, которыя затѣмъ съ неподражаемымъ мастерствомъ высказалъ въ положительныхъ типахъ своихъ безсмертныхъ комедій. Если въ молодые годы его, при исключительныхъ условіяхъ обстановки и встрѣчъ, могли являться наблюдательному взору эти лучшіе и дѣльные люди, какъ рѣдкость, то въ эпоху его литературной славы они охотно шли къ нему съ благодарными чувствами истиннаго благоговѣнія и полнаго уваженія, безъ всякой задней мысли, безъ лицепріятія. Такъ,

напримѣръ, Иванъ Ивановичъ Шанинъ (торговавшій въ оптовыхъ Ильинскихъ рядахъ Гостинаго двора) весь готовъ былъ къ услугамъ со своимъ замѣчательнымъ остроуміемъ, бойкимъ, мѣткимъ словомъ, умнымъ и своеобразнымъ взглядомъ на московскую жизнь вообще и на купеческій бытъ въ частности, и замѣчательною находчивостью при мимоходныхъ характеристикахъ лицъ и бытовыхъ явленій. Это — своего рода талантъ, и притомъ, какъ увѣряли, наслѣдственный, во всякомъ же случаѣ рѣзко выдающійся и самостоятельный. До сихъ поръ памятенъ его игривый мастерской разсказъ о томъ, какъ обдѣлываютъ иногороднихъ покупателей московскіе оптовые торговцы, чтобы затуманить имъ глаза и не дать возможности хорошенько разобраться въ отпущенной товарной залежи и въ такъ называемомъ „навалѣ", не указанномъ въ требовательномъ реестрѣ, довѣряемомъ на кредитъ, въ прямомъ разсчетѣ, что и этотъ излишекъ и гнилье сойдетъ съ рукъ и въ темной провинціальной глуши легко распродастся. По самымъ достовѣрнымъ извѣстіямъ, полученнымъ изъ вѣрнаго источника, ему, Ив. Ив. Шанину, принадлежитъ основа того разсказа о похожденіяхъ купеческаго брата, предавшагося загулу и потерявшагося, на которой возникъ высоко-художественный образъ Любима Торцова (шанинскій разсказъ, говорятъ, нарисованъ былъ болѣе мягкими чертами). Съ его бойкаго языка немало срывалось такихъ ловкихъ и тонкихъ выраженій и прозвищъ (вродѣ, напр., „метеоровъ" — для пропащихъ пропойныхъ людей), которыя пригодились въ отдѣлкѣ комедій потомъ, какъ прикрасы, для пущаго оттѣнка лицъ и образа ихъ дѣйствій и міровоззрѣній.

Было бы недостойно памяти почившаго драматурга и нашихъ благодарныхъ чувствъ, если бъ мы не послушались пословичнаго завѣта: „изъ пѣсни слова не выкинешь", и прошли молчаніемъ мимо

первой спутницы его жизни въ суровой нуждѣ, въ борьбѣ съ лишеніями, во время подготовки къ великому служенію родному искусству. Агаѳья Ивановна, простая по происхожденію, очень умная отъ природы и сердечная въ отношеніяхъ ко всѣмъ окружавшимъ Александра Николаевича въ первые годы его литературной дѣятельности, поставила себя такъ, что мы не только глубоко уважали ее, но и сердечно любили. Въ ея наружности не было ничего привлекательнаго, но ея внутреннія качества были безусловно симпатичны. Шутя приравнивали мы ее къ типу Марѳы Посадницы, тѣмъ не менѣе, наглядными фактами убѣждались въ томъ, что ея искусному хлопотливому уряду обязана была семейная обстановка нашего знаменитаго драматурга тѣмъ, что, при ограниченныхъ матеріальныхъ средствахъ, въ простотѣ жизни было довольство быта. Все, что было въ печи, становилось на столъ съ шутливыми привѣтами, съ ласковыми приговорами. Беззаботное и неизсякаемое веселье поддерживалось ея дѣятельнымъ участіемъ: она, прелестнымъ голосомъ, превосходно пѣла русскія пѣсни, которыхъ знала очень много. Хорошо понимала она и московскую купеческую жизнь въ ея частностяхъ, чѣмъ несомнѣнно во многомъ послужила своему избраннику. Онъ самъ не только не чуждался ея мнѣній и отзывовъ, но охотно шелъ къ нимъ навстрѣчу, прислушливо совѣтовался и многое исправлялъ послѣ того, какъ написанное прочитывалъ въ ея присутстіи, и когда она сама успѣвала выслушать разнорѣчивыя мнѣнія разнообразныхъ цѣнителей. Большую долю участія и вліянія приписываютъ ей вѣроятные слухи при созданіи комедіи „Свои люди — сочтемся“, по крайней мѣрѣ относительно фабулы и ея внѣшней обстановки. Сколь ни опасно рѣшать подобные неуловимые вопросы положительнымъ образомъ, съ полною вѣроятностью впасть въ грубыя ошибки,

тѣмъ не менѣе, вліяніе на Александра Николаевича этой прекрасной и выдающейся личности — типичной представительницы коренной русской женщины идеальнаго образца — было и безспорно, и благотворно. Не сомнѣваюсь въ томъ, что все сказанное сейчасъ охотно подтвердятъ всѣ оставшіеся въ живыхъ свидѣтели, и могу даже признаться въ томъ, что по довѣренности двухъ изъ нихъ, ближайшихъ къ покойному, заношу эти строки въ свои воспоминанія, какъ слабую дань нашего общаго и искренняго уваженія къ памяти давно почившей, но незабвенной для всѣхъ насъ до сего времени.

Вотъ вся та нравственная сфера и область дѣятельности и подвиговъ, въ которой вращалось срединное свѣтило, окруженное постоянными спутниками, по общимъ законамъ тяготѣнія и взаимныхъ вліяній. Подобно движенію по проводникамъ обоихъ электрическихъ токовъ, положительнаго и отрицательнаго (отъ него къ нимъ и отъ нихъ къ нему), присутствіе ихъ, по физическому закону, стало незамѣтнымъ и неуловимымъ, какъ только они соединились между собою. Очевиденъ лишь конечный изумительный результатъ: вольтова дуга накалилась, и заблисталъ яркій ослѣпительный свѣтъ.

— Поздравляю васъ, господа, съ новымъ свѣтиломъ въ отечественной литературѣ! — торжественно, съ привычнымъ паѳосомъ, сказалъ профессоръ русской словесности С. П. Шевыревъ, признававшійся тогда корифеемъ эстетической критики и бывшій соредакторомъ Погодина въ „Москвитянинѣ“, гдѣ впервые и напечатана была комедія „Свои люди — сочтемся“.

Этотъ восторженный, смѣло и громко высказанный возгласъ послѣдовалъ тотчасъ же за тѣмъ, какъ самъ авторъ прочелъ на вечерѣ у М. П. Погодина свою комедію и когда удалился (также слушавшій ее) Н. В. Гоголь.

„Комедія „Банкротъ“ удивительная! Ее прочелъ Садовскій и авторъ“, — поспѣшилъ записать, по горячимъ слѣдамъ, въ своемъ дневникѣ Погодинъ съ тою своеобразною краткостью, которой не измѣнилъ онъ даже въ описаніяхъ своего заграничнаго путешествія, давшихъ случай остроумнѣйшему изъ русскихъ писателей помѣстить въ „Отечественныхъ Запискахъ“ („Записки Вёдрина“) блестящую пародію, гдѣ соблюденъ и грубо отрывистый стиль писанія, и поразительные выводами пріемы сужденій.

„Отъ души радуюсь замѣчательному произведенію и замѣчательному таланту, озарившимъ нашу немощность и нашъ застой, — писала Погодину гр. Евд. Петр. Ростопчина, извѣстная своею горячею преданностью интересамъ отечественной литературы. — Chaque chose et chaque oeuvre a les dêfauts et les qualités, поэтому нельзя, чтобы немного грязнаго не примѣшалось въ олицетвореніи типовъ, взятыхъ живьемъ и цѣликомъ изъ общества“.

Прослушавши комедію два раза, она прямо и кратко выразила свой неподдѣльный восторгъ отъ пьесы такимъ искреннимъ возгласомъ въ другомъ изъ своихъ писемъ:

„Ура! у насъ рождается своя театральная литература!“

Ко мнѣнію Ростопчиной присоединился и другой правдивый и признанный судья, поэтъ и публицистъ, стоявшій во главѣ славянофильской партіи. А. С. Хомяковъ, любившій и знавшій русскій народъ теоретически, также одобрялъ пьесу и предсказывалъ:

„Ученость дремлетъ, словесность пишетъ дребедень, за исключеніемъ комедіи Островскаго, которая — превосходное твореніе“.

Графинѣ А. Д. Блудовой онъ же писалъ:

„Грустное явленіе эта комедія Островскаго, но она имѣетъ свою утѣшительную сторону. Сильная сатира, рѣзкая комедія свидѣтельствуетъ о внутрен-

ней жизни, которая когда-нибудь еще можетъ устроиться въ формахъ болѣе изящныхъ и благородныхъ".

„Въ Островскомъ признаю помазаніе!" — писалъ Ив. Ив. Давыдовъ, бывшій до 1847 года въ московскомъ университетѣ профессоромъ словесности, а потомъ директоромъ спб. педагогическаго института. Онъ, впрочемъ, пожалѣлъ, вѣрный началамъ теоріи по своему же сочиненію „Чтеніе о словесности" (по изданію 1837—1838 гг.), — пожалѣлъ онъ о томъ, что авторъ написалъ драматическое сочиненіе, а не повѣсть: — „я назвалъ бы повѣсть прекрасною".

Отставного словесника поправилъ князь Владиміръ Ѳедоровичъ Одоевскій. Самъ большой художникъ-писатель, всею душой любившій литературу и фактически радѣвшій объ успѣхахъ изящныхъ искусствъ (онъ, между прочимъ, однимъ изъ первыхъ приласкалъ въ Петербургѣ Горбунова и дружески сблизился съ Писемскимъ), — В. Ѳ. Одоевскій („Дѣдушко Ириней") писалъ своему пріятелю, между прочимъ:

„Если это не минутная вспышка, не грибъ, выдавившійся самъ собою изъ земли, просоченной всякою гнилью, то этотъ человѣкъ есть талантъ огромный. Я считаю на Руси три трагедіи: „Недоросль", „Горе отъ ума", „Ревизоръ"; на „Банкротѣ" я поставилъ номеръ четвертый".

По напечатаніи комедіи послышались Погодину со всѣхъ сторохъ поощрительные голоса тотчасъ же, какъ только вышла мартовская книжка „Москвитянина" 1850 года. Вскорѣ стало очевиднымъ, что и коммерческая сторона дѣла стала улучшаться: вмѣсто 500 подписчиковъ въ теченіе того же года оказалось 1,100, — приростъ, судя по тѣмъ временамъ, изумительный и блестящій. Невольно вспоминается при этомъ успѣхъ въ ходѣ изданія, благодаря помѣщенію въ ученомъ журналѣ литературнаго

произведенія, начальный поводъ и самый пріемъ, знаменательные и своеобразные, какъ и все у этого самобытнаго и независимаго человѣка, съ какими разыскивалъ Погодинъ для себя новаго сотрудника, когда на Дѣвичье поле дошелъ слухъ о появленіи подходящаго. Онъ писалъ Шевыреву, обычно на клочкѣ бумаги, первомъ подвернувшемся подъ руку, и, конечно, дождавшись, по старинному и по деревенскому обычаю, „оказіи", — способомъ, которому оставался онъ вѣрнымъ и послѣ, когда уже заведена была городская почта:

„Есть какой-то Островскій, который хорошо пишетъ въ легкомъ родѣ, какъ я слышалъ. Спроси г. Попова (товарища Островскаго по гимназіи, бывшаго у Шевырева учителемъ его дѣтей). И не можетъ ли онъ спросить его трудовъ. Я посмотрѣлъ бы ихъ и потомъ объявилъ бы свои условія" [1].

Не только въ средѣ университетскихъ студентовъ всѣхъ четырехъ факультетовъ новая комедія произвела сильное впечатлѣніе, но вся Москва заговорила о ней, начиная съ высшихъ слоевъ до захолустнаго Замоскворѣчья. Не только въ городскихъ трактирахъ нельзя было дождаться очереди, чтобы получить книжку „Москвитянина" рано утромъ и поздно вечеромъ, но и въ отдаленномъ трактирѣ Грабостова, у Чугуннаго моста (привлекавшаго посѣтителей единственною въ то время на всю Москву машиною съ барабанами), мы получили книжку, довольно измызганною. Ежедневно являлся какой-то досужій доброволецъ и вслухъ всѣмъ, дьячковскимъ способомъ, прочитывалъ ее по нѣскольку разъ въ день за приличное угощеніе. Впрочемъ, какимъ бы то ни было путемъ, но молва о томъ, что нѣкоторый человѣкъ

---

[1] Сообщеніемъ этихъ послѣднихъ данныхъ я обязанъ предупредительной любезности Николая Платоновича Барсукова, автора капитальнаго труда: „Жизнь М. П. Погодина", готовно уступленныхъ до выхода въ свѣтъ XI части сочиненія.

„пустилъ мораль“ на все торгующее купечество, побрела по Москвѣ, заглядывая въ тѣ торговые дома, гдѣ готовились совершить или успѣли уже продѣлать на практикѣ „ловкое колѣнцо“ банкротства. Добрела молва и до самой Тверской, по той причинѣ, что очень многіе обидѣлись, а вліятельные изъ купечества пошли даже жаловаться. Комедія не только не была допущена до сцены, но успѣла навлечь на автора нѣкоторыя непріятности. И эта пьеса обречена была на ту же участь — покоиться до радостнаго утра, — какую испытали и двѣ ея великія предшественницы: „Горе отъ ума“ и „Ревизоръ“. Невинный авторъ „взятъ былъ подъ сумлѣніе“, какъ у него же выразился потомъ Любимъ Торцовъ. Изъ Петербурга послѣдовалъ запросъ, что такое Островскій, и, по полученіи надлежащихъ свѣдѣній, его отдали подъ негласный надзоръ полиціи.

Это обстоятельство не помѣшало, однакожъ, Островскому знакомить со своимъ классически-художественнымъ произведеніемъ интеллигентные кружки Москвы, начиная съ артистическаго салона графини-поэтессы Е. П. Ростопчиной (въ своемъ домѣ на Кудринской Садовой) и кончая казеннымъ и суровымъ кабинетомъ самого графа Закревскаго на Тверской. Наперерывъ другъ передъ другомъ приглашали читать автора это и послѣдующія его произведенія почти ежедневно. Графъ Закревскій оказался, наконецъ, въ числѣ его поклонниковъ: на всѣхъ первыхъ представленіяхъ „Бѣдность не порокъ“ и слѣдующихъ пьесъ молодого сочинителя гладкая, какъ ладонь, голова графа неизбѣжно вырисовывалась въ первыхъ рядахъ креселъ рядомъ со львиной головой, украшенной цѣлою копной непослушной шевелюры, знаменитаго кавказскаго героя, генерала А. П. Ермолова. Этотъ, впрочемъ, добровольно зачислилъ самъ себя въ поклонники собственно П. М. Садовскаго, котораго очень любилъ. Артистъ про-

водилъ у опальнаго генерала цѣлые вечера въ его скромномъ и пустынномъ кабинетѣ на Большой Никитской, всегда вдвоемъ и глазъ на-глазъ.

Какъ бы то ни было, въ залахъ гр. Закревскаго Островскій не разъ читалъ свои произведенія, обѣ первыя пьесы, и тутъ же услыхалъ оригинальное утѣшеніе изъ устъ самого грознаго и ревностнаго блюстителя за спокойствіемъ умовъ столицы, когда пожаловался нашъ чтецъ вскользь о недоразумѣніи, возникшемъ въ Петербургѣ и вызвавшемъ полицейскій надзоръ.

— Это вамъ дѣлаетъ больше чести! — лукаво отыгрывался властный старикъ почти наканунѣ своего паденія.

При вступленіи на престолъ Императора Александра II, по всемилостивѣйшему манифесту, полицейскій надзоръ былъ снятъ, и явившійся въ квартиру Островскаго мѣстный квартальный надзиратель благодарилъ его и поздравлялъ съ пріятною новостью. Благодарилъ за то, что освободилъ полицію поведеніемъ своимъ отъ излишнихъ безпокойствъ и сохранилъ его, квартальнаго, здравымъ и невредимымъ, а поздравлялъ словами, хорошо запечатлѣвшимися въ памяти свидѣтелей этого посѣщенія:

— Кажется, мы васъ не безпокоили, — расшаркивался квартальный. — Мы доносили о васъ, какъ о благородномъ человѣкѣ. Не скрою, однако, что мнѣ одинъ разъ была за васъ нахлобучка.

Съ 1850 г. началась сразу опредѣлившаяся литературная извѣстность А. Н. Островскаго, но лишь черезъ три года удалось ему, тоже съ перваго разу, возобладать сценой съ небывалымъ блескомъ, прочно укрѣпиться на ней и прославиться.

25 января 1853 года въ Маломъ театрѣ представлена была въ первый разъ комедія „Бѣдность не порокъ“. Она не сходила затѣмъ со сцены во весь театральный сезонъ до первой недѣли Великаго по-

ста, несмотря на то, что высшіе и интеллигентные слои московскаго общества увлекались въ то время представленіями знаменитой Рашели, антрепренеръ которой вынужденъ былъ давать спектакли утромъ. Около того же времени объявлено было всенародно о разрывѣ дипломатическихъ сношеній съ Англіей и Франціей и наступило роковое время рекрутскихъ наборовъ, особенно тягостныхъ тогда по тѣмъ пріемамъ, которые грубо практиковались. Несмотря на хвастливыя и задорныя увѣренія въ побѣдѣ надъ врагами, выразившіяся и патріотическими стихотвореніями, и такого же направленія пьесами и неудачнымъ афоризмомъ, пообѣщавшимъ „закидать враговъ шапками", недобрыя предчувствія все-таки успѣли уже проникнуть въ общественное сознаніе. Они обнаруживались тревожнымъ настроеніемъ именно въ той средѣ, которая была наиболѣе подготовлена и способна къ пониманію и воспріятію художественныхъ красотъ. Тѣмъ не менѣе, эти неожиданныя событія не помѣшали совершиться поразительному перевороту, наступленію новой эры въ отечественномъ театрѣ.

— Шире дорогу: Любимъ Торцовъ идетъ! — выслушалъ И. Ѳ. Горбуновъ со сцены, въ райкѣ, а здѣсь подслушалъ восторженное толкованіе постояннаго театральнаго посѣтителя и знатока (въ лицѣ учителя русской словесности):

— Шире дорогу: правда на сцену пришла. Любимъ Торцовъ — правда. Это конецъ сценическимъ пейзажамъ, конецъ Кукольнику. Воплощенная правда выступила на сцену, и вамъ, молодые люди, предстоитъ впереди чрезвычайное множество высокихъ художественныхъ наслажденій, — приготовьтесь!

Въ одно слово съ нимъ заговорила и вся московская разнокалиберная и несогласная критика, и несмѣлая въ окончательныхъ выводахъ, и дерзкая, и скороспѣлая въ сужденіяхъ, и та, которая привыкла

съ холоднымъ равнодушіемъ и свысока относиться ко всякому новому и сильному литературному явленію. Всѣ согласились на томъ, что этотъ начинающій молодой писатель съ перваго же шага обогналъ всѣхъ своихъ предшественниковъ, что онъ явно всталъ плечо-о-плечо съ самимъ Гоголемъ, что отъ него всѣ вправѣ ожидать теперь заповѣднаго и великаго „новаго слова“ и проч.

На самой же сценѣ произошло нѣчто совершенно неожиданное и чрезвычайное. Въ томъ веселомъ беззаботномъ комикѣ, который игриво подплясывалъ въ „Материнскомъ благословеніи“ подъ пѣсенку „За моей женой три су“, ярко блеснулъ художественный комическій талантъ высшей пробы и высокаго давленія (какъ выразился А. А. Григорьевъ). Когда Сергѣй Васильевичъ Васильевъ обратился къ Дуничкѣ (Люб. Пав. Косицкой) со словами: „Помни, Дуня, какъ любилъ тебя Ваня Бородкинъ!“ — театръ разразился апплодисментами, въ ложахъ и креслахъ замелькали бѣлые платки [1].

„Восторженный менторъ нашъ, — припоминалъ И. Ѳ. Горбуновъ, — обтеръ выступившія изъ глазъ слезы и тихо, про себя, произнесъ:

— Это — не игра, это — священнодѣйствіе! Какой талантъ удивительный!

За Сергѣемъ Васильевымъ, въ тонъ ему и въ соревнованіе съ нимъ, неожиданно поспѣшили и тѣ

---

[1] Московская публика должна помнить еще болѣе потрясающія слезы на сценѣ и въ партерѣ, когда неистощимый веселостью, богатый необыкновеннымъ талантомъ комика, этотъ же С. В. Васильевъ въ прощальномъ бенефисѣ 28 января 1861 г., совершенно ослѣпшимъ, выведенъ былъ на сцену Акимовой и разрыдался. Ничему подобному, трагическому не по ходу пьесы, а въ строгомъ смыслѣ, русскія театральныя залы еще не бывали свидѣтелями. Несмотря на то, что водевиль „Что имѣемъ — не хранимъ, потерявши плачемъ“, при исполненіи Васильевымъ роли Морковкина, всегда вызывалъ общій неудержимый смѣхъ и все время поддерживалъ веселое настроеніе, этотъ беззаботный смѣхъ неожиданно смѣшался съ такими же искренними слезами по заживо-отпѣтомъ. Сцена невозвратно утрачивала молодую силу, которая только что вошла въ совершенный возрастъ и начала проявлять неистощимые запасы и легкаго въ водевиляхъ и высокаго комизма въ произведеніяхъ Островскаго.

два водевильные „рѣзвые“ и „весельчаки“ — Никифоровъ и Степановъ, разыгравшіе необыкновенную по своей реальности вводную аксессуарную сцену въ трактирѣ. Всѣ дѣйствовали, по искреннему увлеченію, за одно, и съ такой силой ансамбля, что трудно подыскать и припомнить что-либо подобное тому, неожиданно цѣльному и увлекательному. Бороздина и Косицкая проявили всю силу своихъ талантовъ до такой степени, что лучше сыграть было невозможно.

По настойчивому требованію публики въ директорской ложѣ появился и самъ главный виновникъ и руководитель небывалаго торжества. Онъ предсталъ зардѣвшимся, какъ красная дѣвушка, съ потупленнымъ взоромъ и съ тою застѣнчивостью, которая у него была чрезвычайно тонкой природы, не увѣренный въ томъ, что она можетъ нравиться и привлекать, и лишенный всякаго самомнѣнія и тщеславія. Островскій всю жизнь не чувствовалъ себя особенно легко и свободно въ присутствіи чужихъ и имѣлъ обманчивый видъ человѣка, не привычнаго бывать въ обществѣ, а подъ призрачною суровостью, замѣчавшеюся на его лицѣ, особенно когда онъ былъ задумчивъ, все-таки хранились постоянные источники безпредѣльной нѣжности.

На этомъ незабвенномъ праздникѣ обрученія нашего великаго драматурга со сценою (и въ такомъ счастливомъ представительствѣ) П. М. Садовскій всталъ во весь ростъ своего огромнаго таланта. Вровень съ нимъ уже не привелось наладиться никому: самъ великій комикъ М. С. Щепкинъ попробовалъ было впослѣдствіи свои силы въ этой же роли Любима Торцова, но не имѣлъ никакого успѣха[1].

---

[1] Знаменательно, между прочимъ, то обстоятельство, что Щепкинъ не рѣшился примѣнить свои крупныя силы къ роли Любима въ Москвѣ. Онъ обдуманно и разсчетливо приготовился полюбовать себя передъ тою развеселою отобранною московскою публикою, которая выѣзжаетъ въ Нижній на ярмарку, куда и Мих. Сем. прибылъ затѣмъ, чтобы дать 19 спектаклей. Хитрый старикъ, малороссійскаго закала,

Самойловъ не заслуживаетъ никакого сравненія, и только Павелъ Васильевъ своеобразно и до извѣстной степени приблизился къ исполненію знаменитаго артиста. Когда Садовскій рѣшился предстать передъ петербургскою публикою въ этой же роли во время перваго своего пріѣзда въ Петербургъ и въ ней дебютировать, — въ здѣшней труппѣ произошло неблагопріятное волненіе. На вечерѣ у начальника тогдашняго репертуара (П. С. Федорова) Самойловъ не затруднился при свидѣтеляхъ обратиться съ просьбою не давать Садовскому играть этой роли. А какъ онъ игралъ ее здѣсь, на то имѣется безпристрастное сужденіе тонкаго критика, какимъ былъ авторъ литературныхъ обзоровъ въ „Москвитянинѣ", переводчикъ классическаго произведенія Лессинга „Лаокоонъ" — Евгеній Николаевичъ Эдельсонъ. Въ письмѣ, адресованномъ автору, онъ писалъ изъ Петербурга 27 апрѣля 1857 г. (письмо получено Островскимъ въ Ярославлѣ, во время поѣздки его по Волгѣ, о чемъ сказано будетъ дальше):

„Садовскій дебютировалъ въ „Бѣдность не порокъ" во вторникъ 23 апрѣля. Несмотря на дурную погоду въ этотъ день, театръ былъ почти полонъ и, по замѣчанію здѣшнихъ, публика была гораздо чище обыкновенной александринской. Нетерпѣніе видѣть и привѣтствовать дорогого гостя было такъ сильно, что каждый разъ, какъ отворялась дверь

оправдывалъ это намѣреніе свое слѣдующимъ образомъ (въ письмѣ къ сыну 27 августа 1858 г.): „Я выучилъ лѣтомъ роль Любима Торцова изъ комедіи „Бѣдность не порокъ" Островскаго, въ которой Садовскій такъ хорошъ. Сыграть мнѣ ее нужно было бы во что бы то ни стало. Это являлось потребностью моей души. Въ Москвѣ я не могъ ее сыграть, потому что это было бы не по-товарищески: и какъ будто бы сталъ просить себѣ 40 руб. разовыхъ, между тѣмъ Садовскій еще не получаетъ и полнаго оклада. Роль сама по себѣ „грязна" (?!), но и въ ней есть свѣтлыя стороны. Моя старая голова вѣрно поняла; разогрѣтое воображеніе затронуло невѣдомыя дотолѣ струны, которыя сильно зазвучали и подѣйствовали на сердце зрителя. П. В. Анненковъ хотѣлъ написать статью, которая расшевелила бы Садовскаго. Онъ, бѣдный, успокоился на лаврахъ, думая, что искусство дальше идти не можетъ, что при его талантѣ очень и очень обидно".

и показывалось на сцену новое лицо, раздавались рукоплесканія, которыя, конечно, тотчасъ умолкали, какъ скоро публика замѣчала свою ошибку. Наконецъ, появился и Садовскій. Я, какъ вамъ извѣстно, видѣлъ его и въ первый разъ, видѣлъ и потомъ, но никогда онъ не производилъ на меня такого впечатлѣнія. Онъ мнѣ даже показался выше ростомъ (говорю безъ преувеличенія). Минуты двѣ или три публика не давала ему начать, и онъ оставался въ дверяхъ въ своей монументальной позѣ, съ поднятою рукой. Дальнѣйшая его игра была рядомъ торжествъ. Ужъ и постарался же онъ! Я спрашивалъ его на другой день, что онъ дѣлалъ особаго въ этотъ разъ и почему игра его была такъ особенно рельефна, всякое слово такъ хлестко. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что хотѣлъ повнятнѣе передать публикѣ точныя слова роли, которыя здѣсь безжалостно коверкаются. Можете удовлетвориться или нѣтъ этимъ объясненіемъ, а я, по обязанности разсказчика, перехожу опять къ разсказу о представленіи. Впечатлѣніе, произведенное на всѣхъ незнакомою петербургской публикѣ игрою Садовскаго, новость и неожиданность смысла, которыя онъ придалъ знакомой всѣмъ роли, были такъ сильны, что сами актеры поддались этому обаянію и сдѣлались тоже какъ будто публикой. Съ ними случилось то же самое, что съ самимъ Садовскимъ при появленіи Васильева въ „Наѣздникахъ". Дамы, старики, гусары и проч. плакали безъ различія. Какой-то старикъ со звѣздой, кажется, Гречъ, говорилъ во всеуслышаніе, что онъ въ первый разъ видитъ истинное и высокое исполненіе этой роли. По окончаніи этой пьесы Садовскій былъ вызываемъ неоднократно; объ остальныхъ актерахъ всѣ какъ будто забыли (да ужъ и плохи же были остальные). Садовскій игралъ послѣ того еще три раза: въ четвергъ, т.-е. 25, въ „Женитьбѣ", въ воскресенье, по желанію публики, опять въ „Бѣдность не порокъ" и въ

понедѣльникъ, въ бенефисъ М. Максимова (Лоскутова), въ „Что имѣемъ не хранимъ...“ вмѣстѣ съ Мартыновымъ. Въ послѣднихъ двухъ я, по болѣзни, не былъ, а о второмъ скажу вамъ нѣсколько словъ. Публика да и самъ остались не совсѣмъ довольны этимъ представленіемъ. На это было много причинъ. Во-первыхъ, тонъ, взятый Садовскимъ въ первомъ дебютѣ, былъ такъ высокъ, что ни въ какой другой роли нельзя уже приблизиться къ нему, и какъ бы хорошо ни знала публика разницу между ролью Любима Торцова и Подколесина, подъ вліяніемъ свѣжаго еще перваго впечатлѣнія, она все-таки ждетъ отъ новаго, еще впервые представшаго ей, актера чего-то, подобнаго первому впечатлѣнію. Во-вторыхъ, всѣ остальные актеры наводили просто тоску, съ небольшими исключеніями, особенно Марковецкій (въ роли Кочкарева), котораго хорошая игра такъ необходима для яркости лица Подколесина, былъ невыносимъ. Не зная совершенно роли, онъ говорилъ Богъ знаетъ что, кричалъ, ломался, даже заставилъ самого Садовскаго пропустить цѣлую тираду. Въ-третьихъ, наконецъ, самъ Садовскій былъ, по моему мнѣнію, не совсѣмъ удовлетворителенъ въ этой роли, но объ этомъ я поговорю съ вами при свиданіи. Не испугалъ ли я васъ, однако, и не подумали ли вы, что Садовскій хлопнулся въ „Женитьбѣ“? Напротивъ, вызововъ было много, хотя и холоднѣе перваго представленія. Спѣшу, однако, кончить письмо, потому что усталъ“.

Съ такою любовною требовательностью относились одинъ къ другому и съ такою заботой охраняла и цѣнила другъ въ другѣ твердо и согласно установившіеся взгляды и убѣжденія эта кучка друзей, составившихъ кружокъ Островскаго, гдѣ Е. Н. Эдельсону, изъ числа четырехъ лицъ, принадлежало одно изъ первыхъ мѣстъ. У него чаще собирались они; къ его сужденіямъ охотнѣе прислушивались и

его мягкимъ и нѣжнымъ, почти женственнымъ характеромъ одновременно и наслаждались, какъ своего рода изящнымъ явленіемъ, и еще болѣе скрѣплялись тѣсными дружескими узами. Невозможно, конечно, уловить степень взаимныхъ услугъ, кромѣ, можетъ-быть, одного Ап. Григорьева, который въ полной мѣрѣ и съ достаточной искренностью убѣжденія восторгался въ печати новоявленнымъ талантомъ. Неудержимые восторги свои онъ доводилъ во многихъ случаяхъ до такой степени, что многимъ — и не безъ нѣкотораго основанія — видѣлась въ нихъ достаточная доза фанатическихъ увлеченій. Тѣмъ не менѣе, искренность и безграничная любовь къ литературѣ свѣтятся въ каждой строчкѣ этого замѣчательнаго и не въ полную мѣру оцѣненнаго критика и въ то же время самобытнаго и своеобразнаго человѣка, стойкаго въ дружбѣ, твердаго и непоколебимаго въ своихъ убѣжденіяхъ и, не въ примѣръ со многими противниками, чрезвычайно образованнаго и высоко-талантливаго. Во всякомъ случаѣ, ожиданія, надежды и самыя чувствованія и его и остальныхъ членовъ кружка упорно сосредоточились на успѣхахъ Островскаго и его двухъ главныхъ истолкователей — на Садовскомъ и Васильевѣ.

Оставляя въ сторонѣ всѣ невыясненные вопросы, незатронутые даже критикой извѣстнаго публициста, взглянувшаго на литературныя заслуги Островскаго совершенно съ другой, общественной, стороны, считаемъ себя удовлетворенными тѣмъ, что имѣемъ возможность представить наглядными симпатичныя черты дружескихъ связей всего кружка. Особенно трогательны они по отношенію къ тому лицу, которое стояло въ центрѣ, на самомъ видномъ мѣстѣ, въ средѣ исполнителей новыхъ комедій на сценической аренѣ, когда очевидно и несомнѣнно созидалось новое зданіе русскаго народнаго театра и теперь очень поспѣшно и дружно закладывался его фундаментъ. Та-

лантъ Садовскаго возрасталъ по мѣрѣ того, какъ одновременно и параллельно развертывался, постепенно мужая, необыкновенный талантъ нашего знаменитаго драматурга. Садовскій задался задачею передавать характеры во всей ихъ цѣлости, не прибѣгая ни къ какому искусственному сценическому оживленію своей роли, на что не менѣе прочихъ былъ падокъ и такой знаменитый комикъ, какимъ былъ Щепкинъ. Отвѣчая именно этимъ новымъ требованіямъ искусства, Садовскій здѣсь-то и былъ самымъ строгимъ и безкорыстнымъ исполнителемъ, не заботившимся о томъ, что исполненіе роли могло показаться сухимъ и, при совершенномъ отсутствіи искусственнаго оживленія, даже холоднымъ. Но это-то воздержаніе и составляетъ съ его стороны важный подвигъ, новизну и шагъ впередъ въ искусствѣ противъ всѣхъ самыхъ талантливыхъ предшественниковъ.

Вообще, невольно хочется сказать, подъ давленіемъ всѣхъ этихъ испытанныхъ наслажденій вновѣ и въявѣ, что то былое, давнее время носило видъ какой-то небывалой торжественности, чего-то праздничнаго, веселаго, поучительнаго и увлекательнаго.

Слава основателя русскаго народнаго театра возростала съ поразительною быстротою и очевиднымъ постоянствомъ, потому что и творческія силы не знали устали, освѣжаемыя обиліемъ новыхъ наблюденій, укрѣпившихся на твердыхъ основахъ глубокаго знанія людей и быта. Трудолюбіе автора, счастливое блестящими послѣдствіями, поистинѣ было изумительно.

За „Не въ свои сани не садись“ вскорѣ послѣдовали: „Бѣдная невѣста“, „Бѣдность не порокъ“. Наконецъ, дозволено было къ исполненію на сценѣ и первое произведеніе ихъ автора: „Свои люди — сочтемся“ въ 1860 году. И время, и обстоятельства показали, насколько отношенія къ ней вліятельныхъ лицъ были несправедливы. Новому директору

театровъ Сабурову, послѣ представленія „Грозы“ въ Высочайшемъ присутствіи стоило лишь написать по-французски письмо къ шефу жандармовъ князю Долгорукову, — и пьеса подвергнута была новому цензурному пересмотру. Стоило лишь затѣмъ автору войти въ соглашеніе съ цензоромъ драматическихъ произведеній (Нордстремомъ) и пьесой не только перестали обижаться купцы, но заурядъ со всѣми стали вникать и наслаждаться ея яркими красотами. Весь секретъ заключается въ томъ, что въ лицѣ Подхалюзина предложено было наказать порокъ. Въ то время обыкновенно производили преслѣдованія и налагали взысканія квартальные надзиратели, — „и вотъ (остроумно замѣчаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ И. Ѳ. Горбуновъ) въ концѣ пьесы авторъ пригласилъ квартальнаго. Въ послѣднее время, когда при новыхъ судахъ квартальные потеряли свой престижъ, изъ высоко-художественной комедіи и квартальнаго убрали“.

Если теперь установить наши воспоминанія въ хронологическія рамки, то придется сознаться, что на этотъ разъ довелось забѣжать нѣсколько впередъ. Въ самой серединѣ пятидесятыхъ годовъ, именно въ началѣ 1856 года, — въ жизни и дѣятельности Островскаго положено было начало новымъ творческимъ обогащеніямъ. Къ прежнему своему жанру ему представилась возможность присоединить историческую драму или драматическую хронику, на которой одно время онъ хотѣлъ даже сосредоточить всю свою работу; этимъ намѣреніемъ онъ отвѣчалъ внѣшнимъ гнетущимъ обстоятельствамъ, именно — временному разладу съ театральными руководителями. Такому повороту на новый путь содѣйствовалъ, главнымъ образомъ, совсѣмъ неожиданный случай.

На это время хотя уже и успѣли умолкнуть военные громы, но „глубокая еще дымилась рана“, нанесенная намъ во время севастопольскаго героическаго стоянія. На врачеваніе ея быстро устремились всѣ властительныя и вліятельныя силы дружнымъ и поспѣшнымъ натискомъ.

Прежде всего стало врачевать свои раны морское вѣдомство, находившееся подъ руководствомъ молодого генералъ-адмирала, имя котораго, не потухая, будетъ блестѣть въ вѣнцѣ славы Царя-Освободителя. Въ число сотрудниковъ, по различнымъ частямъ осуществляемыхъ великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ преобразованій по флоту, ему понадобились литературныя силы. Между многими изъ нихъ остановилъ свое высокое вниманіе августѣйшій руководитель и на Островскомъ, который и былъ приглашенъ въ составъ членовъ „литературной экспедиціи“, снаряженной на средства морского министерства. Пишущій эти строки имѣлъ уже случай подробно разсказать объ этомъ эпизодѣ въ жизни и дѣятельности литературныхъ работниковъ. Повторяться нѣтъ нужды и охоты, — довольно припомнить, что, по соглашенію съ А. А. Потѣхинымъ, при разверсткѣ района изслѣдованій, Островскому уступлена была верхняя Волга до Нижняго Новгорода, и что началъ онъ свою работу съ Твери[1].

Изъ Москвы А. Н. Островскій захватилъ себѣ въ помощь грамотнаго скорописца и довольно начитаннаго человѣка, Гурія Бурлакова (остававшагося, между прочимъ, до конца своей жизни въ 1891 г. искренно-преданнымъ другомъ Горбунова). Дружба не только проводила Островскаго до вагона, но нашла его и въ начальномъ пунктѣ изслѣдованій. „Мнѣ очень жаль (счелъ за нужное оправдаться въ

[1] „Русская Мысль“, 1890 г., кн. II, ст. „Литературная экспедиція“ (по архивнымъ документамъ и личнымъ воспоминаніямъ).

письмѣ Е. Н. Эдельсонъ), что я не успѣлъ проститься съ вами при отъѣздѣ. Я только что вбѣжалъ въ вагонъ, чтобы положить на мѣсто свои вещи, и тотчасъ же воротился на галлерею, а васъ всѣхъ уже и слѣдъ простылъ". Садовскій успѣлъ проводить до Твери, несмотря на свою малую подвижность и великое домосѣдство. Здѣсь, пользуясь подходящимъ случаемъ, онъ даже рѣшился познакомить обывателей Твери со своимъ любимцемъ, о чемъ и повѣщено было весьма заблаговременно въ афишахъ. Театръ оказался пустымъ. Весь городъ, отъ верхняго края даже до нижняго, устремился на вокзалъ желѣзной дороги: провозили большого слона, подареннаго персидскимъ шахомъ (знакомаго петербуржцамъ по его штукамъ и долговременному пребыванію подъ навѣсомъ Зоологическаго сада). Эта маленькая неудача на починѣ новаго дѣла прошла бы незамѣченною, если бы роковымъ образомъ, для нарушенія благодушно настроеннаго состоянія духа, столь необходимаго на первыхъ шагахъ при починѣ всякаго важнаго дѣла, не подвернулись новыя непріятности. Онѣ главнымъ образомъ нарушили благопріятно налаженный строй мыслей: одна — съ меньшею горечью, другая, возмутившая нашего путешественника до глубины чистой и честной души его.

— Никакой рыбы у насъ не ловится, никакимъ судостроеніемъ здѣсь не занимаются, и ничего интереснаго въ нашихъ краяхъ нѣтъ и, при всѣхъ усиліяхъ, вамъ не найти — почти такими словами, но авторитетнымъ тономъ увѣрялъ начальникъ губерніи (г. Сомовъ).

Злобная клевета, порожденная недостойною завистью двухъ литераторовъ и мщеніемъ одного журналиста, бросила посредствомъ печатнаго слова грязный камень въ незапятнанную репутацію великаго художника, свободнаго отъ всѣхъ подозрѣній. А

теперь-то онъ и находился именно на томъ пути самостоятельнаго и нагляднаго изученія, какимъ всю жизнь пользовался нашъ великій художникъ и безпримѣрный наблюдатель характеровъ и быта русскаго народа. Неразсчетливо сама себя побивающая клевета дерзнула обвинить Островскаго въ плагіатѣ его первой комедіи, подставивъ ему мнимаго сотрудника въ качествѣ главнѣйшаго вдохновителя и помощника въ лицѣ купеческаго сына Горева, оправдывавшаго свою фамилію въ несчастной жизненной обстановкѣ провинціальнаго актера. Онъ напоминалъ собою подлиннаго Любима Торцова, будучи оборваннымъ и обдерганнымъ гулякой, которому до художественнаго творчества было такъ же далеко, какъ до звѣзды небесной. Однако, завистливая злоба успѣла сдѣлать свое скверное дѣло, вынудивъ со стороны оскорбленнаго объяснительныя строки (въ „Москов. Вѣдомостяхъ“) и поселивъ въ сердцѣ его то непріятное ощущеніе, которое испытывается при всякой неожиданной, несвоевременной и глубоко возмутительной встрѣчѣ.

Тѣмъ не менѣе, неудачное начало увѣнчалось блестящимъ концомъ. Послѣ Волги у Островскаго совершился знаменательный переходъ отъ комедіи къ драмѣ, т. е. отъ современныхъ бытовыхъ явленій къ прошлому Руси, какъ бы для повѣрки воспринятаго въ настоящемъ бытовыми чертами старинной жизни, оставшимися во множествѣ цѣльными въ старорусскомъ верховомъ Поволжьѣ.

На родной Волгѣ Островскій вдохновился живыми картинами и богато запасся новыми темами для послѣдующихъ художественныхъ произведеній. Здѣсь родились и созрѣли: и глубоко-поэтическая „Гроза“, и получилъ окончательную форму „Сонъ на Волгѣ“; надумалась, отъ случайной и забавной дорожной встрѣчи, новая комедія „На бойкомъ мѣстѣ“; живыми красками на мѣстахъ дѣйствія вы-

рисовался величественный въ своей простотѣ и силѣ образомъ безсмертнаго патріота Кузьмы Минина и т. д. Въ то же время потрачено было много труда на исполненіе сухой задачи морского министерства, результаты котораго выразились массою собраннаго вчернѣ матеріала. Приведенію его въ порядокъ для окончательной отдѣлки помѣшала автору послѣдующая дѣятельность его на драматическомъ поприщѣ, мало имѣющая общности съ заказною, какъ добровольная и самостоятельная.

Менѣе примѣтными результатами ознаменовалась слѣдующая поѣздка А. Н. Островскаго за границу, черезъ шесть лѣтъ послѣ волжской, когда понадобился и заслуженный отдыхъ, и потребовалось освѣженіе силъ.

На этой дальней и веселой поѣздкѣ теперь и остановимся, чтобы дополнить воспоминанія о необыкновенномъ человѣкѣ, не для насъ однихъ дорогомъ и приснопамятномъ.

Слѣдуя завѣтной пословицѣ, что „одному и у каши не споро“, А. Н. Островскій для заграничнаго путешествія озаботился заручиться спутниками, и изъ желающихъ ограничился двумя, въ такую мѣру, что ни одинъ не былъ лишнимъ, и оба легки на подъемъ. На короткое время двухъ мѣсяцевъ скрѣплялся такой союзъ, въ которомъ каждый, оставаясь независимымъ, былъ бы податливъ, при взаимныхъ соглашеніяхъ, покладистъ при встрѣчахъ съ дорожными неудобствами и сговорчивъ на случай перемѣнъ въ направленіи пути и времени остановокъ. Когда все оказалось налицо, явилась легко и скоро и обоюдная помощь, — главнѣйшая въ виду того, что двое спутниковъ мало владѣли разговорными иностранными языками, наиболѣе расхожими,

каковы нѣмецкій и французскій. На выручку слабыхъ явился третій сильный въ лицѣ Макара Ѳедосѣевича Шишко, извѣстнаго химика, завѣдывавшаго долгое время освѣщеніемъ петербургскихъ театровъ и знакомаго Островскому еще въ Москвѣ, во время первоначальной службы Шишко въ университетской аптекѣ. Только лишь съ такимъ умѣлымъ „языкомъ", въ смыслѣ проводника и руководителя, и могла осуществиться разнообразная и дальняя поѣздка черезъ Берлинъ, Вѣну, Венецію и Римъ до Парижа и Лондона. Вторымъ спутникомъ былъ Ив. Ѳед. Горбуновъ, сумѣвшій стать съ первыхъ дней встрѣчи съ Островскимъ въ столь тѣсныя отношенія къ нему, что сдѣлался человѣкомъ необходимымъ, самымъ близкимъ, почти роднымъ.

„Я прибылъ, почему вы и имѣете явиться для безпрестаннаго пребыванія при мнѣ", — коротко и въ шутливомъ тонѣ строгаго приказа по начальству, пишетъ Горбунову Александръ Николаевичъ въ одинъ изъ своихъ пріѣздовъ изъ Москвы въ Петербургъ.

Или такъ (въ другомъ случаѣ): „Любезнѣйшій Иванъ Ѳедоровичъ, вы не стоите того, чтобъ я къ вамъ писалъ,—вы сами знаете почему. Но милосердіе наше неисчерпаемо, и мы васъ до поры до времени прощаемъ. Зачѣмъ вы просили записать себя въ члены кружка (московскаго артистическаго)? — вы и безъ того могли бы посѣщать его, какъ пріѣзжій артистъ, а теперь, если вы не внесете денегъ до 15 декабря, васъ вычеркнутъ изъ списка и вы уже никогда не можете имѣть входа. Вы сдѣлали это напрасно: зачѣмъ платить каждый годъ даромъ десять рублей?" — заботливо прибавляетъ Александръ Николаевичъ, къ той шутливой угрозѣ, которою началъ свое дѣловое письмо (по поводу представленія „Воеводы" на премію въ академіи наукъ).

„Пріѣзжайте поскорѣе, — пишетъ Островскій,

между прочимъ, въ третьемъ письмѣ: — вы можете быть очень полезны артистическому клубу, а сами извлечь значительныя выгоды".

Въ четвертомъ письмѣ Островскій, съ тою же дружескою заботливостью, извѣщаетъ Горбунова: „Отвѣчайте немедленно, пріѣдете ли вы постомъ въ Москву, и когда именно, и будете ли участвовать въ вечерахъ артистическаго кружка. Мы можемъ предложить вамъ очень большія выгоды, но намъ нужно знать время навѣрное, чтобы заранѣе составить росписаніе и выпустить публикаціи. Запаситесь отъ начальства дозволеніемъ, если оно нужно. Любящій васъ".

„Горбуновъ не пріѣхалъ: большаго огорченія онъ не могъ мнѣ сдѣлать!" — досадливо записалъ про себя въ своемъ путевомъ древникѣ Александръ Николаевичъ, когда, по прибытіи изъ Вильны на вокзалъ Варшавской дороги, чтобы ѣхать за границу, — въ петербургскомъ поѣздѣ не нашелъ необходимаго, пріятнаго и дорогого своего спутника, задержаннаго семейными дѣлами. Онъ догналъ обоихъ товарищей уже въ Берлинѣ, и Островскій вынужденъ былъ записать себѣ на память новыя строки: „Изъ театра поѣхали на желѣзную дорогу, на всякій случай: не пріѣдетъ ли Горбуновъ. Я остался въ фаэтонѣ, а Шишко пошелъ на дебаркадеръ. Минуты черезъ двѣ я смотрю — онъ тащитъ Горбунова. Обрадовались ему очень и сейчасъ же повезли ѣсть устрицъ". „А ужъ какъ Островскій-то былъ радъ, что я пріѣхалъ!" — сообщаетъ Горбуновъ въ письмѣ къ женѣ.

И эта быстрая и легкая смѣна шутливаго гнѣва на милость, и эта отеческая хлопотливость о матеріальныхъ благахъ нѣсколько беззаботнаго и увлекавшагося человѣка — безъ излишнихъ объясненій и съ достаточною ясностью опредѣляютъ дѣйствительныя и прочныя дружескія отношенія обоихъ при свидѣ-

телѣ, пользовавшемся также давними симпатіями и глубокимъ уваженіемъ Островскаго.

М. Ѳ. Шишко имѣлъ за собою немаловажныя заслуги, выдвинувшія его изъ ряда дюжинныхъ людей и въ театральномъ дѣлѣ доставившія ему видное и почетное мѣсто. Настойчиво разрабатывая задачи прикладной химіи и при этомъ владѣя несомнѣннымъ художественнымъ вкусомъ, онъ успѣлъ сдѣлать значительный переворотъ въ декоративномъ дѣлѣ, даже въ узкихъ рамкахъ освѣщенія сцены по его спеціальной должности. Онъ сталъ изобрѣтателемъ, успѣвшимъ оставить по себѣ вполнѣ заслуженную и достойную память. И тѣмъ, кто помнитъ это почтенное имя лишь по театральнымъ афишамъ, гдѣ не такъ давно мелькало оно зачастую и тѣмъ, кто къ этому имени по незнанію относится совершенно равнодушно, считаемъ долгомъ, пользуясь случаемъ, объяснить его значеніе и вспомнить о заслугахъ того лица, которое его носило честно и съ достоинствомъ.

Прежде всего безъ Шишко петербургскимъ жителямъ, падкимъ до крайней степени увлеченія всевозможными зрѣлищами, не любоваться бы тѣмъ, которое предъявляется въ Исакіевскомъ соборѣ одинъ разъ въ годъ за полчаса до Свѣтлой заутрени.

Вспыхиваютъ въ разныхъ мѣстахъ по двѣ звѣздочки и быстро взлетаютъ на всѣ массивныя паникадилы, усаженныя сотнями восковыхъ свѣчей. Тутъ съ двухъ сторонъ, прыгая съ одной на другую, эти звѣзды зажигаютъ каждую свѣчу порознь и всѣ безъ исключенія. И сновая прорѣзая густой мракъ безпримѣрно темнаго собора (еще усиленный на этотъ разъ туманомъ отъ дыханія тысячъ молящихся), взыграли на двухъ противоположныхъ колоннахъ новыя звѣздочки. Разбрызгивая по сторонамъ мелкія искорки, онѣ, такъ же, какъ акробатъ по спущенной съ трапеціи веревкѣ, легко и безъ остановокъ, взбираются по ниткамъ въ высь къ самому куполу, спо-

путно зажигаютъ ту тысячу свѣчей, которыми опоясано кольцо средняго яруса, и, встрѣтившись каждая на своей послѣдней свѣчѣ, исчезаютъ. Еще нѣсколько мгновеній, и скрывшіяся, но не потухшія звѣздочки снова всползаютъ, видимо медленнѣе, какъ будто бы и въ самомъ дѣлѣ утомленныя, по стѣнкамъ широкаго барабана. Здѣсь освѣщаютъ онѣ самый верхній поясъ купола и тѣмъ кончаютъ свою работу, — легкую, хотя въ самомъ дѣлѣ на нее потребовались бы усилія десятковъ рабочихъ рукъ, и интересную потому, что каждая звѣздочка представляется живымъ и самостоятельнымъ существомъ. Головы всѣхъ молящихся подняты вверхъ и всѣ глаза устремлены на эту игру огоньковъ и не медлятъ затѣмъ раздаваться изъ людской массы отчаянные крики зазѣвавшихся и оплошавшихъ, заглушающіе громкое хоровое пѣніе ста человѣкъ пѣвчихъ.

Всѣ эти движенія и увлеченія произвела та стапиновая нитка, съ которою познакомилъ впервые М. Ѳ. Шишко театральныя и концертныя залы, домовыя и общественныя церкви и всѣ тѣ обширныя помѣщенія, которыя освѣщаются восковыми и стеариновыми свѣчами, а равно и огромныя деревья рождественскихъ благотворительныхъ ёлокъ для учащихся дѣтей и т. п. Простое свойство пироксилиновой ваты онъ примѣнилъ къ бумажной ниткѣ и получилъ ту зажигательную, которая прошла извѣстные процессы, т. е. обработана въ кислотахъ, промыта въ нѣсколькихъ водахъ и высушена. Первый опытъ, въ присутствіи императора Николая I, Шишко показалъ въ Зимнемъ дворцѣ съ блестящимъ успѣхомъ. Такого же эффекта передъ театральною публикой добился онъ при освѣщеніи фонтановъ (въ первый разъ въ балетѣ „Конекъ-Горбунокъ“), когда съ колосниковъ направлялъ электрическій свѣтъ черезъ разноцвѣтныя, постоянно мѣняющіяся, стекла. Затѣмъ ни одна изъ коронаціонныхъ иллюминацій

въ Москвѣ не обходилась безъ его дѣятельнаго участія. Здѣсь особенно выдавалась его изобрѣтательность и богатая фантазія, проявлявшаяся въ немъ еще съ ранняго дѣтства. Ему должны быть благодарны всѣ тѣ нѣжные родители, которые тѣшатъ своихъ дѣтей комнатными бенгальскими безвредными огнями, которые онъ широко примѣнилъ какъ для театральныхъ эффектовъ, такъ и для домашнихъ забавъ, изготовляя ихъ въ своей лабораторіи и доведя продажную цѣну до всѣмъ доступнаго минимума.

Обладая этими свойствами даровитой природы, пригодившимися на службу и пользу общества, М. Ѳ. Шишко для тѣснаго круга друзей и знакомыхъ незамѣнимъ былъ, какъ пріятный собесѣдникъ, отличавшійся неистощимою веселостью и замѣчательнымъ остроуміемъ. Привѣтливый ко всѣмъ, находчивый въ любой компаніи, собралась ли она для важныхъ бесѣдъ, или на веселую пирушку, Шишко отличался именно тѣми свойствами, которыя составляютъ принадлежность всѣхъ такъ называемыхъ общественныхъ людей, съ перевѣсомъ неизмѣнно веселаго настроенія, умѣвшаго высказаться и остроумной шуткой, и забавнымъ анекдотомъ. Онъ былъ настоящій артистъ въ душѣ и, между прочимъ, владѣлъ въ совершенствѣ мастерствомъ представлять евреевъ въ различныхъ критическихъ положеніяхъ ихъ быта. Въ этомъ жанрѣ онъ былъ неистощимъ до импровизацій, не уступалъ ни одному изъ тѣхъ разсказчиковъ, которые выходили на сцену и исключительно представляли евреевъ и притомъ лишь съ внѣшнихъ комическихъ сторонъ. Вообще, такой умный, наблюдательный и неизмѣнно веселый, притомъ же еще и бывалый человѣкъ былъ истиннымъ сокровищемъ для серьезно настроившагося А. Н. Островскаго въ его заграничномъ путешествіи, начатомъ 2 апрѣля 1862 г. и оконченномъ 28 мая.

Столь короткое время, удѣленное на поѣздку

тремя друзьями, конечно, находилось въ зависимости отъ матеріальныхъ средствъ, слишкомъ ограниченныхъ въ бюджетѣ людей, живущихъ литературнымъ и артистическимъ трудомъ. Очевидно, не задаваясь широкими задачами серьезнаго изученія Европы, они разсчитывали лишь на то, чтобы, слѣдомъ за ринувшимися на Западъ соотечественниками, отправиться посмотрѣть на иноземные порядки. Для этого царскою волей тогда широко были открыты двери: уничтожены всякія стѣсненія въ справкахъ о благонадежности и правахъ на заграничный выѣздъ и до крайняго предѣла ослаблена стѣснительная дороговизна паспортовъ, стоимость которыхъ съ 500 руб. низведена всего до 5 рублей, и т. д.

Заручившись всѣмъ необходимымъ, запаслись наши путники и записными книжками, куда заносили, конечно, про себя лично, на память бѣглыя замѣтки обо всемъ выдающемся, самобытномъ и интересномъ. Впрочемъ, ничего цѣльнаго, отдѣланнаго для печати, по классическимъ образцамъ талантливыхъ предшественниковъ, здѣсь нѣтъ и быть не могло по той простой причинѣ, что эта работа не входила въ программу. Поѣхали просто прогуляться, отдохнуть, заручиться новыми впечатлѣніями, освѣжиться ими и самолично убѣдиться въ прославленной разницѣ между родною русскою и европейскою жизнью, — разницѣ, опредѣлявшейся обычно въ цѣлую пропасть. Все, воспринятое для домашняго обихода и житейскаго руководства, конечно, умолчано про себя и въ запискахъ остались короткія замѣтки вродѣ тѣхъ, какими пишутся либретто для оперъ и въ которыхъ постороннему и непосвященному не въ силахъ разобраться. Видны лишь слѣды такихъ наблюденій, которыя были пригодны для личныхъ живыхъ бесѣдъ и, подъ таинственными заголовками въ записной книжкѣ, береглись до встрѣчи съ близкими людьми и друзьями, чтобы предстать предъ ними

въ живыхъ образахъ и образныхъ картинахъ. Особенно характерны въ этомъ отношеніи пріемы въ записяхъ И. Ѳ. Горбунова, владѣвшаго, какъ извѣстно, изумительною памятью и избалованнаго исключительною способностью необыкновенной наблюдательности. Вотъ для примѣра запись его, сдѣланная въ Римѣ 1 мая: „Пошли въ картинную галлерею Ватикана, Преображеніе Рафаэля. Были опять въ храмѣ Петра. Въ церкви постоянно народъ молится. Завтракали у Лепри съ Кабановымъ и Боткинымъ (Вас. Петр., авторомъ „Писемъ изъ Испаніи"). Послѣ завтрака взяли коляску. Посѣщали Marie Magiore, термы Діоклиціана: тамъ французы содержатъ солому. „Моисей" Микель-Анжело, „Speranza" Гвидо-Рени. Термы Каракаллы, — лазали наверхъ. Римскіе рынки утромъ. Женщинъ хорошенькихъ мало. Попы на каждомъ шагу. Попы съ закрытыми лицами. Простота въ ресторанахъ. Въ гостиницѣ на стѣнахъ есть русскія надписи. Изъ попугая сдѣланъ сенаторъ съ подписью внизу: „Изъ губернаторовъ въ сенаторы". Такова, какъ и всѣ, эта короткая замѣтка, взятая положительно первою, попавшеюся на глаза. Между тѣмъ, въ живомъ разсказѣ о впечатлѣніяхъ этого самаго дня, полученныхъ въ знаменитомъ храмѣ, нарисованъ былъ сбереженный памятью, выхваченный живьемъ изъ римскаго клира забавный типъ сытаго и пузатаго кардинала. Внезапный выкрикъ его могучимъ басомъ во все горло надъ самымъ ухомъ Горбунова: „salve, salve", — такъ запечатлѣлся въ его воспоминаніяхъ, что прежде всѣхъ и чаще прочихъ напрашивался въ разсказъ о церемоніалѣ папскаго служенія, свидѣтелями котораго удалось быть нашимъ путешественникамъ [1].

---

[1] Дальше, въ своемъ мѣстѣ, мы представимъ образецъ того, какъ изъ этихъ рубрикъ складывались цѣлыя картины, и на ихъ мѣстѣ создавался интересный разсказъ (напримѣръ, по впечатлѣніямъ, навѣяннымъ Флоренціей).

Съ большею обстоятельностью и подобающею сосредоточенностью приготовился воспринимать новыя впечатлѣнія и давать въ нихъ себѣ отчетъ А. Н. Островскій, какъ это и приличествовало его выдержанному и солидному характеру. Такимъ онъ и представляется въ начальныхъ страницахъ дневника, начатаго въ Вильнѣ 2 апрѣля, гдѣ онъ остановился ждать пріѣзда задержавшагося въ Петербургѣ Горбунова. Дорожа каждою строкой нашего знаменитаго писателя, а тѣмъ болѣе такими, гдѣ онъ рисуется намъ безъ прикрасъ, въ домашнемъ нарядѣ, привожу эту починную запись въ ея неприкосновенной цѣлости, „безъ романическихъ прикрасъ“:

„Мы рѣшились остановиться въ Вильнѣ, чтобъ осмотрѣть городъ и подождать Горбунова. Изъ городовъ по дорогѣ замѣчателенъ Динабургъ со своей крѣпостью, разливомъ Двины и великолѣпнымъ мостомъ“.

„3 апрѣля (15). Въ 12 съ 1/2 мы пріѣхали въ Вильну. Погода восхитительная; снѣгу и слѣда нѣтъ; такіе дни бываютъ въ Москвѣ только въ концѣ апрѣля. Остановились въ гостиницѣ Жмуркевича за Остробрамскими воротами. Городъ съ перваго разу поражаетъ своей оригинальностью: онъ весь каменный съ узенькими, необыкновенно чистыми улицами, съ высокими домами, крытыми черепицей, и съ величественными костелами. Обѣдали мы у Іодки, — трактиръ маленькій, всего двѣ комнаты; прислуживаютъ: хлопецъ, хозяйская дочь и самъ хозяинъ (комикъ), который поминутно достаетъ изъ шкапчика мадеру и выпиваетъ по рюмочкѣ. Послѣ обѣда ѣздили осматривать городъ. Надъ нимъ возвышается гора, состоящая изъ нѣскольскихъ отроговъ или гребешковъ. На одномъ изъ этихъ отроговъ конической формы построена башня. Эти горы, вмѣстѣ съ городомъ, представляютъ замѣчательно рѣдкую по красотѣ картину. Мы наняли извозчика,

чтобы везъ насъ на гору; проѣхали мимо костела Яна, мимо губернаторскаго дома, мимо каѳедральнаго костела (въ который заходили); выѣхали на берегъ Виліи, которая въ разливѣ; у какой-то казармы слѣзли съ извозчика и стали подыматься на гору пѣшкомъ. Намъ очень хотѣлось взглянуть на городъ сверху. Пріема въ четыре, съ большими отдыхами, мы кое-какъ вскарабкались на гору, но тамъ оказались бастіоны и насъ попросили убираться внизъ. При сходѣ одинъ очень милый гимназистикъ нарвалъ намъ первыхъ весеннихъ цвѣтовъ (анемоновъ). Цвѣты уже показались, а трава едва еще пробивается. Мы сѣли на извозчика и поѣхали къ костелу Петра и Павла. Съ лѣвой стороны костела — Вилія, а съ правой, на пригоркахъ, сосновая роща: отличное лѣтнее гулянье. Снаружи костелъ не представляетъ ничего особеннаго, но внутри стѣны и куполъ унизаны лѣпными работами въ такомъ количествѣ, что едва ли гдѣ-нибудь еще можно найти подобную роскошь".

„4 апрѣля (16). Пасмурно и холодно. Побродили по городу, заходили въ костелъ бернардинцевъ — самый замѣчательный по архитектурѣ. Заходили въ костелъ Яна, огромный и величественный, полный народа. У дверей красавица-полька исправляетъ должность старосты церковнаго и стучитъ хорошенькими пальчиками по тарелкѣ, чтобы обратить вниманіе проходящихъ. Вообще, въ Вильнѣ красавицъ-полекъ довольно; попадаются и хорошенькія еврейки, но мало. Здѣсь я въ первый разъ увидалъ католическую набожность. Мужчины и женщины на колѣняхъ, съ книжками, совершенно погружены въ молитву, и не только въ костелахъ, но и на улицѣ, передъ воротами Остро-брамы. Это — мѣстная святыня: надъ воротами часовня, въ которой чудотворная икона Божіей Матери греческаго письма (прежде принадлежала православнымъ, а по-

томъ какъ-то попала къ полякамъ). Въ костелѣ бернардинцевъ мы видѣли поляка, который лежалъ на холодномъ каменномъ полу, вытянувши руки крестообразно. Костелы открыты цѣлый день и всегда найдете молящихся, преимущественно женщинъ, которыя, по случаю Страстной недѣли, смотрятъ очень серьезно. Для контраста у евреевъ — Пасха; разряженные и чистые, какъ никогда, расхаживаютъ евреи толпами по городу съ нарядными женами и дѣтьми. У евреекъ по преимуществу изукрашены головы: мы встрѣчали очень много евреекъ, одѣтыхъ въ простыя ситцевыя блузы, но въ кружевныхъ черныхъ наколкахъ сверхъ париковъ съ разноцвѣтными лентами и цвѣтами".

„Мы завтракали у Іодки, гдѣ я ѣлъ очень хорошую мѣстную рыбу sielawa. Надо отдать честь польской прислугѣ: учтивы, благодушны и безъ всякаго холопства; то же и извозчики".

„5 апрѣля (17). Проснулись — снѣгъ. Собрались и поѣхали на желѣзную дорогу; довольно долго ждали поѣзда; впрочемъ, это у французовъ — дѣло обыкновенное. Со всѣхъ сторонъ сыпятся на нихъ ругательства и проклятія, совершенно заслуженныя: грубы и сверхъ того мошенники".

Этотъ рѣзкій отзывъ относился къ той пресловутой французской компаніи строителей варшавской желѣзной дороги, которой сданъ былъ для эксплоатаціи весь длинный и новый путь неудобо-забываемой памяти графомъ Клейнмихелемъ, но затѣмъ немедленно отобранъ былъ въ казну его преемникомъ. Самый же разсказъ о виленскихъ впечатлѣніяхъ и въ настоящее время не утрачиваетъ своей свѣжести, точности и полноты: и современный обозрѣватель не въ состояніи сказать что-либо больше, если не увлечется историческими справками и окрестностями города. Онѣ дѣйствительно прелестны и представляютъ собою не меньшія достопримѣчательности, во всякомъ случаѣ

болѣе привлекательныя, чѣмъ самый городъ, испорченный евреями. Исчезли только красивыя польки, собирающія деньги, все же остальное на старомъ положеніи: лежатъ „кржижемъ“ (съ распростертыми „крестомъ“ руками) передъ иконою „Виленской“ Богоматери, представляющей собою правую половину царскихъ вратъ, гдѣ изображена Пресвятая Дѣва, выслушивающая отъ архангела радостную вѣсть о благодатномъ рожденіи Спасителя міра (лѣвой половины уже не существуетъ). Точно также переполняется молящимися каѳедральный соборъ Станислава, потому что здѣсь хранятся (въ серебряной ракѣ, вѣсомъ въ 70 пудовъ) останки св. Станислава III. Не перестаетъ поражать затѣйливымъ изяществомъ готическаго стиля костелъ св. Анны, бывшій (до послѣдняго повстанія) бернардинскимъ монастыремъ, при видѣ котораго, судя по мѣстному преданію, Наполеонъ, шедшій на Москву, высказалъ сожалѣніе, что онъ не обладаетъ такою силою могущества, чтобы поставить этотъ храмъ себѣ на ладонь, и въ полной цѣлости, не нарушивъ ни мельчайшаго орнамента, перенести его въ Парижъ. Такъ же недоступна по старому для постороннихъ посѣтителей Замковая гора съ развалинами части огромнаго королевскаго замка Ягайловъ, нѣкогда соединеннаго съ соборнымъ костеломъ, который, въ свою очередь, знаменитъ тѣмъ, что сооруженъ въ 1387 г. на томъ мѣстѣ, гдѣ пылалъ у Литвы жертвенникъ Перуна, и точно также восхваляютъ и теперь рыбку „селяву“ изъ породы уклеекъ (cyprinus alburnus), какъ исключительную особенность западныхъ рѣкъ и достопримѣчательность цѣлаго края, и т. п.

„Первая станція отъ Вильны очень красива, — продолжаетъ свой дневникъ Ал. Ник., — идетъ въ горахъ. Холодно, изморозь, день прескучный. На дорогѣ до Ковно два тоннеля; подъ самымъ Ковно тоннель въ 600 саженъ: сначала испытываешь очень

странное чувство въ этой совершенной темнотѣ. Подъ Ковно кое-гдѣ зелень, за Ковно ровная, унылая мѣстность. Холодъ и снѣжокъ. Въ Вержболовѣ — европейскій буфетъ, въ Эйдкуненѣ — порядокъ и солидность".

Такимъ образомъ (6 апрѣля) наши путники были уже внѣ предѣловъ отечества: первый разъ въ жизни, вмѣсто одѣялъ, ночевали подъ перинами и ѣли чудовищной величины прусскіе бутерброды. Затѣмъ въ нѣмецкихъ вагонахъ, которые оказались гораздо лучше русскихъ и совершенно безъ тряски, Островскій съ Шишко отправились въ Берлинъ, и первый записалъ свои первыя заграничныя впечатлѣнія въ такомъ видѣ:

„Поля кое-гдѣ зеленѣютъ, пахано загонами, мѣстность ровная, большею частью песчаная. Поля воздѣланы превосходно: унавожены сплошь. Деревни всѣ каменныя и выстроены чисто: на всемъ довольство. Боже мой! Когда-то мы этого дождемся?" Затѣмъ и нашего наблюдателя, какъ и всѣхъ русскихъ людей, остановилъ на себѣ тотъ рѣзкій контрастъ, которымъ характеризуются нѣмецкія деревни съ каменными домами, покрытыми черепицей, къ чему такъ пріученъ нашъ глазъ на всевозможныхъ заграничныхъ литографіяхъ и гравюрахъ, знакомящихъ съ нѣмецкими ландшафтами. „Хороши постройки изъ камня съ деревянными перекладинами. На одной изъ станцій меня непріятно поразила фигура прусскаго офицера: синій мундиръ, голубой воротникъ, брюки съ краснымъ кантомъ; маленькая фуражка надѣта на-бекрень; волосы причесаны съ англійскимъ проборомъ; рябоватъ, бѣлокуръ, поднимаетъ носъ и щуритъ глаза".

По пріѣздѣ въ Берлинъ Островскій со спутниками, конечно, прежде всего поспѣшилъ заручиться наблюденіями въ той сферѣ, которая для всѣхъ троихъ была призваніемъ, гдѣ они были подлинными

знатоками и цѣнителями, на улучшеніе и усовершенствованіе чего они посвятили всю свою жизнь, устремили всѣ свои завѣтныя мысли и живыя желанія. Они прежде всего посѣтили театры: оперный и драматическій. Послѣ посѣщенія перваго нашъ знаменитый драматургъ записалъ себѣ на память:

„Слушали „Трубадура“: декораціи, постановка, оркестръ и выполненіе совершенно увлекаютъ, особенно честностью и порядкомъ: здѣсь опера исполняется, какъ классическій квартетъ. Кабы намъ сколько-нибудь порядочное управленіе театрами, можно бы дѣлать дѣло!“ — пророчески заключилъ свои наблюденія Ал. Ник. за 25 лѣтъ до того времени, когда, наконецъ, во-очію исполнились его раннія мечтанія и, на короткій срокъ оставшихся ему дней жизни, досталось въ руки управленіе излюбленнымъ театральнымъ дѣломъ въ Москвѣ.

На другой день (9 числа) Островскій писалъ въ Берлинѣ:

„Видѣли балетъ „Ellinor“: смысла въ немъ никакого, но постановка безподобная, особенно карнавалъ и панорама Неаполя Танцовщицы велики и тяжелы, скромность въ юбкахъ необыкновенная“.

Послѣ посѣщенія драматическаго театра онъ откровенно и шутливо замѣчалъ:

„Вечеромъ (10 апрѣля) были въ театрѣ „Викторія“. Давали „Альпійскаго короля“. Мы не досмотрѣли представленія; но какъ здѣсь всѣ стараются! Нѣмецкій комизмъ надобно прежде понять умомъ, а потомъ уже смѣшно станетъ.

„Вечеромъ (11 числа) мы съ восторгомъ устремились въ театръ: давали „Донъ-Жуана“, но не сбылись мои ожиданія — пѣвцы были очень плохіе. Впрочемъ, несмотря на это, все-таки много было прекраснаго“.

Преслѣдуя завѣтныя цѣли, наблюдатели наши не упускали ни одного случая на дальнѣйшемъ пути

своемъ, гдѣ только представлялась возможность посѣщать театры. Такъ, между прочимъ, на пути изъ Вѣны въ Италію въ Тріестѣ заходили въ театръ „Гармонія“, поразившій своею наружной красотой, а внутри сильнымъ теноромъ и ровнымъ подборомъ всѣхъ голосовъ. Давали „Отелло“. „Вотъ бы намъ такого тенора!“ — пожелалъ нашъ завѣдомый патріотъ. Въ Миланѣ странники наши, конечно, побывали въ театрѣ La Scala, въ которомъ Островскій пораженъ былъ громадностью залы (15 рядовъ мѣстъ, большое пространство для стоящихъ, креселъ 500), но нашелъ его менѣе богатымъ, чѣмъ Большой московскій, и писалъ: „Въ Scala при насъ открыли въ первый разъ новый занавѣсъ. Всѣ апплодировали, два раза вызывали автора, потомъ, посудя довольно долго, еще вызвали единогласно“. О представленіи на этотъ разъ, однако, деликатно умолчалъ, увлекшійся европейскими впечатлѣніями до крайностей, нашъ строгій, но справедливый судья. Его замѣстилъ Горбуновъ своимъ свободно высказаннымъ на этотъ разъ отзывомъ. Въ его запискахъ мы читаемъ такой отчетъ: „Давали балетъ „Flik und flok“. Танцовщицы и танцовщики противъ нашихъ ничего не стоятъ. Кордебалетъ плохъ. Во второмъ дѣйствіи одна госпожа танцовала русскій танецъ подъ музыку: „Не шей ты мнѣ, матушка, красный сарафанъ“. Чортъ знаетъ что! Вышла въ коротенькомъ платьѣ съ распущенными волосами и т. д.; потомъ танцовали тоже русскій танецъ фигуранты, одѣтые въ красные черкесскіе костюмы. Смѣшно, потому что не похоже“.

Само собою разумѣется, что, одновременно съ театрами, наши туристы въ одинъ и тотъ же день, вынужденные короткимъ срокомъ, назначеннымъ для поѣздки, спѣшили любоваться безсмертными художественными произведеніями всемірныхъ геніевъ. Бѣгло осматривая города съ внѣшнихъ сторонъ и

знакомясь съ удобствами жизни въ нихъ, добытыми цивилизаціей и еще болѣе очевидными съ примѣненіемъ русской мѣрки для оцѣнки комфорта, они не упустили изъ виду ни одного музея, ни одной картинной галлереи, ни одной прославленной библіотеки.

Берлинъ, съ котораго начался обстоятельный обзоръ достопримѣчательностей, облегчилъ, между прочимъ, А. Н. Островскому возможность произвести разнородныя наблюденія и дать этому городу своеобразную оцѣнку:

„Улица подъ липами — нѣчто среднее между Тверскимъ бульваромъ и Невскимъ проспектомъ, и весь Берлинъ есть помѣсь стараго нѣмецкаго города съ Петербургомъ, только дома лучше петербургскихъ. Женщины ни хороши, ни дурны; одѣваются плохо, особенно некрасивы шляпы въ видѣ гриба-поганки. Здѣсь на дворахъ стѣны оплетены дикимъ виноградомъ, да и по дорогѣ въ Берлинъ станціи точно также оплетены вьющимися растеніями. Тепло, пріятно; есть какая-то влажность въ воздухѣ, какой нѣтъ въ Россіи въ столицахъ. Каждый день идетъ нѣсколько разъ маленькій дождь. Если это всегда такъ, то какой здоровый климатъ долженъ здѣсь быть! Во всемъ Берлинѣ воздухъ такой же, какъ и за городомъ“.

И дальше: „Въ Магдебургѣ улицы узки, какъ коридоры, уже виленскихъ. Первое, что бросается здѣсь въ глаза, это — няньки въ ситцевыхъ плащахъ съ капюшонами, обшитыми оборкой, и то, что дѣти ходятъ на ходуляхъ. Смотрѣли Dom Kirche: намъ его показывала дѣвушка, которую мы нашли въ какихъ-то склепахъ съ могильными плитами, въ жилищѣ сторожа. Хорошъ бронзовый архіепископъ, гробницы Оттона I и его жены; по стѣнамъ скульптурныя изображенія, и въ особенности хороша алебастровая скульптурная каѳедра; вообще, соборъ величественъ какъ внутри, такъ и снаружи“.

Въ спопутномъ (во время прогулки на Рейнъ и еще разъ на обратномъ пути) городѣ Франкфуртѣ (на Майнѣ), несмотря на то, что здѣсь родина Гете и Гуттенберга, никакихъ музеевъ изящныхъ искусствъ показать не могли, кромѣ статуи Аріадны, помѣщенной въ какомъ-то маленькомъ зданіи (при красномъ освѣщеніи она показалась восхитительною). Въ этомъ городѣ — родинѣ банкировъ — могли остановить вниманіе достопримѣчательности совсѣмъ иного рода. „Въ узенькой улицѣ еврейскаго квартала, вродѣ Щербакова переулка, среди также узенькихъ и высокихъ домовъ его показываютъ тотъ, очень бѣдный и невзрачный, гдѣ зародилось и откуда вышло семейство Ротшильдовъ. Домъ нынѣшняго „короля биржи“ утопаетъ въ роскошныхъ садахъ, наполненныхъ рѣдкими цвѣтами и деревьями, — въ ряду съ другими изящными дворцами банкировъ — въ новомъ городѣ по шоссе, окружающемъ старый Франкфуртъ“.

Въ Дрезденѣ, къ сожалѣнію и удивленію, нашимъ туристамъ не удалось посѣтить знаменитой галлереи съ ея сокровищемъ — рафаэлевской Мадонной: „насъ не пустили (сѣтуетъ Островскій): тамъ ревизія“. Зато въ Миланѣ, на пути въ Римъ, довелось испытать полное эстетическое наслажденіе, и Островскій въ свою записную книжку могъ занести восторженныя строки:

„Пошли осматривать городъ, — во-первыхъ, къ собору. Все, что я видѣлъ доселѣ, было или ожидаемое, или меньше того, что ожидалось. Миланскій соборъ превзошелъ всѣ мечты и предположенія. Послѣ него уже чудесъ нѣтъ на свѣтѣ! Бѣгло осмотрѣли внутренность собора, — что за скульптура! — особенно изъ большихъ фигуръ, черныя фигуры подъ каѳедрой справа отъ входа и въ придѣлѣ налѣво вторая фигура!“

На сколько же всѣ эти геніальныя творенія про-

изводили свое впечатлѣніе на художественную душу нашего знаменитаго драматурга, можно судить по тому тайному признанію его, продуманному про себя и невольно вылившемуся на бумагу послѣ первоначальнаго обзора „всемірнаго города“:

„Проѣхали по мосту черезъ Тибръ, потомъ мимо св. Ангела и, наконецъ, выѣхали на величественную площадь св. Петра. Осмотрѣли соборъ мелькомъ: у меня раза два готовы были навернуться слезы“. „Поѣхали въ Колизей: этого величія описать невозможно“. „Чудесъ Ватикана описывать я не стану“. „Видѣли въ немъ всѣ перлы живописи, ложи Рафаэля — Преображеніе, Причащеніе Доминикина и другія сокровища“. „Въ церкви S. Giovanni laterana — много замѣчательныхъ скульптурныхъ произведеній: алтарь Торлони; еще болѣе замѣчателенъ алтарь Корсини, внизу котораго группа Бернини: Спаситель и Божія Матерь“. „Изъ громадныхъ величественныхъ развалинъ термъ Каракаллы (ходили наверхъ) заѣзжали въ St.-Pietro in vinculis, гдѣ любовались чудомъ искусства — Моисеемъ Микель-Анжело и внизу Speranza Гвидо-Рени“.

Во Флоренціи, послѣ осмотра дворца Медичисовъ, восторгъ нашего художника достигъ до высшей степени напряженія, судя по его собственному откровенному признанію: „Несказанное богатство художественныхъ произведеній подѣйствовало на меня такъ сильно, что я не нахожу словъ для выраженія того душевнаго счастья, которое я чувствовалъ всѣмъ существомъ моимъ, проходя эти залы. Чего тутъ нѣтъ: и Рафаэль, и сокровища Тиціановой кисти, и Дель-Сарто, и древняя скульптура!“

Въ Римѣ туристы наши были счастливы тѣмъ, что въ осмотрахъ рѣдкостей и древностей руководились такимъ знатокомъ ихъ, каковымъ былъ Василій Петровичъ Боткинъ, полжизни проведшій за границей въ Италіи и Парижѣ (благодаря своимъ

богатымъ матеріальнымъ средствамъ) и той колоніи русскихъ художниковъ, которые обычно живутъ въ этомъ городѣ пансіонерами академіи художествъ. Въ благодарность за помощь и на обмѣнъ эстетическими наслажденіями, А. Н. Островскій въ кружкѣ соотечественниковъ (у Боткина) прочелъ новую свою пьесу „Мининъ“ съ присущимъ автору художественнымъ мастерствомъ. Художники въ свою очередь отблагодарили его также и тѣмъ, что сопровождали въ прогулкахъ по римскимъ окрестностямъ пѣшкомъ и на ослахъ: посреди цвѣтниковъ и въ гору по оливковой рощѣ въ Тиволи — городокъ въ живописной мѣстности со многими остатками старины, отсюда въ виллу д'Эсте съ садомъ, наполненную фонтанами и гротами и расположенную на горѣ, — въ гротъ Нептуна и еще ниже въ гротъ Сирены, на площадку папы Григорія, съ которой вся рѣка падаетъ въ пропасть, въ развалины виллы Горація (откуда открывается прелестный видъ на водопадъ), — на виллу Мецената (на которой построена фабрика), и, наконецъ, на грандіозную постройку виллы Адріана, настойчиво требовавшей реставраціи. По возвращеніи въ Римъ снова послѣдовало въ компаніи художниковъ посѣщеніе храма св. Петра, и на этотъ разъ лазили въ куполъ, читали тамъ надписи русскихъ людей, страдавшихъ болѣзненными приступами тщеславія. А. Н. Островскій замѣтилъ между прочими одну: „Я былъ здесъ“ — и по этому поводу добродушно подсмѣялся записью: „былъ-то былъ, да не умѣлъ написать!“ А вотъ эти несомнѣнно умѣли: „князь Василій Максутовъ, Петръ Петровъ Семеновъ 1855“, — свободно и размашисто — располагая своими орфографическими познаніями — расписались оба и здѣсь съ равною готовностью, какъ на грошовыхъ обояхъ ярославскихъ постоялыхъ дворовъ, такъ и въ вѣковыхъ куполахъ историческихъ храмовъ и на оконныхъ стеклахъ римскихъ гостиницъ.

Вообще веселое настроеніе духа, навѣянное благодатной Италіей, не оставляло нашихъ путниковъ. Все имъ улыбалось въ окрестной природѣ, а потому и все нравилось: и на узкихъ городскихъ улицахъ, и на обширныхъ площадяхъ. Послѣ прогулки по очаровательнымъ окрестностямъ, по возвращеніи въ самый городъ Римъ, А. Н. Островскій записалъ:

„Какіе молодцы извозчики въ Римѣ, и у всѣхъ маленькія желтенькія собачки, съ колокольчиками на ошейникахъ. Въ траторіяхъ прислуга въ бархатныхъ фуражкахъ и бѣлыхъ курткахъ — красавцы!“.

Все окрашивалось розовымъ цвѣтомъ, и въ самомъ дѣлѣ на многое нельзя было не залюбоваться и не записать себѣ на память. Такъ, напримѣръ, по дорогѣ изъ Асти въ Туринъ напросилась слѣдующая замѣтка:

„По сторонамъ дороги — садъ. Воздухъ пахнетъ сѣномъ, и такое громадное количество свѣтящихся червячковъ по деревьямъ, кустамъ и полямъ, что мы ѣдемъ точно по брилліантовому морю“.

Въ другомъ мѣстѣ: „За Гардскимъ озеромъ увидали первые васильки, — прелестные полевые цвѣты, и между ними играетъ первую роль макъ; особенно красивъ въ голубыхъ цвѣтахъ ленъ. У плодовыхъ деревьевъ сучья прямые и сплошь покрыты листьями“.

И опять: „Дорога во Флоренцію — это рай, цвѣтущій и отлично воздѣланный. Какъ свободно, легко дышется!“ [1].

Въ третьемъ мѣстѣ (на пути въ Венецію за Горицей): „Ѣдемъ непрерывнымъ садомъ; по полямъ китайскій макъ. Спустились въ долину: деревья по-

---

[1] По поводу благоуханія съ садовъ и полей, которыми награждала въ особенности Италія, А. Н. Островскій дѣлаетъ о себѣ слѣдующую интересную патологическую замѣтку: „Во всякомъ благоуханіи есть какая-то тоненькая струя запаха, которая преслѣдовала меня въ Россіи отъ Псела до Одессы и въ Одессѣ съ 1 по 15 іюля. Другіе не слышатъ этого запаха, но меня онъ мучаетъ“.

сажены рядами, между ними пашня, между деревьями висятъ гирляндами виноградныя вѣтви“ и т. под.

А вотъ и отставная „Царица морей“ — препрославленная Венеція:

„Отъ станціи до гостиницы „Cavaletto“ ѣхали въ гондолѣ. Пообѣдавши (салатъ роменъ) ходили на площадь св. Марка и Дожа, на Schiavone; лазили на башню смотрѣть на городъ. Были въ храмѣ св. Марка, — много похожъ на наши храмы. Вечеромъ сидѣли на площади св. Марка: это — громадная зала подъ открытымъ небомъ. Въ разныхъ мѣстахъ слышится музыка; изъ кофейныхъ стулья вынесены на площадь; горитъ газъ, сверху свѣтитъ луна“. „Народу тысячи (подтверждаетъ увлеченіе Александра Николаевича Горбуновъ въ письмѣ своемъ къ семьѣ), гремитъ музыка, раздается пѣніе, шумъ, говоръ... Я въ себя не могу придти. Нѣтъ словъ, чтобы описать то впечатлѣніе, какое произвела на меня Венеція!“ На другой день Островскій заносилъ въ дневникъ: „Превосходное утро. Осматривали дворецъ Дожей. Вотъ это истинно дворецъ: зала Десяти и сената приводятъ въ восторгъ. Въ этихъ стѣнахъ патріотизмъ долженъ былъ развиваться сильно. Послѣ обѣда катались по каналу Grande и кругомъ всей Венеціи. Были на Ріальто и на рынкахъ. Что за молодцы гондольеры! Вечеромъ опять гуляли на площади св. Марка. Я влюбился въ эту площадь. Это еще первый городъ, изъ котораго мнѣ не хочется уѣзжать“ [1]. На третій день

---

[1] Совершенно иными впечатлѣніями заручился въ Венеціи Горбуновъ. При наклонности къ археологическимъ изслѣдованіямъ и по страсти къ давнимъ историческимъ временамъ, онъ усердно всматривался во дворецъ Дожей, залу Совѣта Десяти; даже тщательно зачертилъ съ указаніемъ возвышенія для дожа и выхода для него на балконъ, къ народу, входныя двери и мѣсто каѳедры, у которой видѣлъ помѣщеніе для табакерокъ и носовыхъ платковъ древнихъ ораторовъ. Осмотрѣлъ небольшую комнату для „Совѣта Трехъ“, обтянутую прежде чернымъ сукномъ, и представлялъ себѣ картину казни. Осмотрѣлъ (и также тщательно зачертилъ) тюрьму — каменный мѣшокъ, обшитый досками, въ который сажали приговоренныхъ за три дня до казни, и здѣсь указалъ на планѣ отверстіе, черезъ которое заключенный пользовался свѣтомъ. Объяснилъ значеніе „Моста вздоховъ“ и видѣлъ по-

по отъѣздѣ: „Утро отличное (забылъ записать, что въ Венеціи превосходныя груши). Костюмы: мужской — пестрядинныя панталоны, жилетъ, куртка, шляпа съ широкими полями; женскій: пестрядинное платье, набивной платокъ на шеѣ, соломенная шляпа. Какъ до Венеціи, такъ и въ ней одинъ непрерывный садъ". На слѣдующій день (въ дорогѣ): „Переѣзжаемъ Минчіо, — что за горы! Въ первый разъ въ жизни я вижу такой колоритъ". Въ другомъ мѣстѣ (уже въ Италіи) — еще новое подкупающее благодушное настроеніе, выразившееся слѣдующею замѣткою: „Каждый день въ Италіи мы ѣдимъ отличную землянику и черешни (съ хлѣбомъ): земляника крупна (съ грецкій орѣхъ) и душиста". „Ѣдимъ апельсины величиною съ дыню", и т. под.

Давая волю поэтическому настроенію души своей, чуткой къ красотамъ природы и прислужливой къ разнообразнымъ голосамъ въ ея согласномъ хорѣ, А. Н. Островскій не пропускалъ мимо себя ничего, что являлось рѣзкимъ контрастомъ передъ строгими и суровыми картинами родины. Этихъ контрастовъ оказалось въ избыткѣ, и они поспѣшили обнаружиться еще на самыхъ первыхъ шагахъ за границей. Ѣдутъ къ Маріенбургу сыпучими песками, но на нихъ виднѣются всюду цвѣтущіе фруктовые сады. На поляхъ работаютъ женщины въ синихъ набойчатыхъ платьяхъ и шляпкахъ, на подобіе нашихъ дѣтскихъ. На дебаркадерѣ толкутся солдаты — совершенные кадеты, а таковы они во всей Пруссіи. До Берлина кормили плохо: „нѣтъ, чтобы телятинки подать, какъ у насъ, по душѣ, съ картофелькомъ", —

рогъ, на которомъ казнили преступниковъ. У собора св. Марка ему показывали столбъ, на которомъ выставляли банкротовъ. Все это внушительно дѣйствовало, настраивая его воображеніе на поэтическій ладъ. Однако, когда черезъ 10 лѣтъ, въ 1882 г., онъ вторично навѣстилъ Венецію, свѣжая воспріимчивость уже была имъ утрачена и въ записной книжкѣ этого года находимъ такую памятку: „Заходилъ въ тюрьмы, но онѣ уже не произвели на меня такого впечатлѣнія, какъ въ первую поѣздку".

замѣчаетъ Горбуновъ. И онъ же зарисовываетъ въ запискахъ своихъ голову студента съ длинными волосами, прикрытыми шапочкой, вродѣ ермолки, зеленаго цвѣта, вышитой серебрянымъ галуномъ. Шапочка на-бекрень, открытый и свободный взглядъ, обратившіе на себя вниманіе нашихъ путниковъ при входѣ студента въ вагонъ передъ Геттингеномъ, какъ бы намѣренно (казалось имъ) придуманы для того, чтобы сдѣлать молодого человѣка недоступнымъ для всякихъ разговоровъ и готовымъ на грубые или дерзкіе отвѣты. Когда же Шишко вступилъ съ нимъ въ разговоръ, студентъ предъявился добродушнымъ, откровеннымъ и разговорчивымъ малымъ. Оказалось, что онъ ѣздилъ вербовать для своего университета новаго товарища (какъ дѣлаютъ всѣ), и вотъ теперь везетъ его туда. Въ Геттингенѣ его встрѣтили другіе товарищи съ необыкновенною радостью — всѣ въ такихъ же зеленыхъ шапочкахъ и въ статскихъ сюртукахъ, черныхъ и сѣрыхъ, но лишь съ зелеными отложными воротниками.

Въ благодушномъ настроеніи по поводу увлеченія новыми и неизвѣданными впечатлѣніями наши странники въ то же время спѣшили насладиться прелестями теплыхъ странъ. Точно всѣ они находились въ тревогѣ, постоянно опасаясь не замѣтить однихъ особенностей и отмѣнъ, не воспользоваться всѣми предлагаемыми и доступными удобствами. При невольной трактирной жизни и по общему обычаю всѣхъ русскихъ путешественниковъ, обращено было особенное вниманіе на ѣду: съ выѣздомъ въ Европу всѣ какъ будто бы задались тѣмъ предположеніемъ, что попали на какое-то пиршество, обязательное, продолжительное и дешевое. И наши трое не отказывали себѣ въ этомъ, благодаря прислужливости европейцовъ, ихъ ловкой и умѣлой приноровкѣ къ русскому вкусу и характеру въ виду необычнаго и

поразительнаго наплыва туристовъ [1]. Родина, однако, неотступно стоитъ передъ глазами и служитъ постояннымъ мѣриломъ при усвоеніи и расцѣнкѣ всего, что особенно поражаетъ и веселитъ въ чужихъ краяхъ, и въ этихъ иноземныхъ городахъ. Сравненіе и уподобленіе навѣваютъ грустныя мысли, и если вызываютъ иногда юмористическую или саркастическую замѣтку, то въ ней всегда подразумѣвается доброжелательное чувство, истекающее изъ глубокой любви къ родной странѣ и своему народу. При въѣздѣ въ Вѣну обратило на себя особенное вниманіе, повидимому, маловажное обстоятельство, но по поводу его довелось написать такія строки: „Кажется, Австрія земля порядка, а локомотивы убраны зеленью; у насъ бы не позволили: ужъ коли порядокъ, такъ порядокъ!“ Впрочемъ, настоящіе австрійскіе порядки яснѣе всего дали себя знать на таможняхъ: на границѣ передъ Прагой Шишко не пустили въ Австрію за то, что у него не былъ визированъ паспортъ, въ Пескверѣ затѣяли длинную возню съ багажомъ — его не смотрѣли, а лишь мяли, и чемоданы все-таки заставляли отпирать. „Одно только и утѣшало (вынужденъ былъ записать А. Н.), что это послѣдній городъ Австріи, а впереди свободная Италія. Слава Богу, выбрались: точно гора съ плечъ свалилась! Непріятности никакой намъ не

[1] А. Н. Островскій записалъ даже себѣ на память меню обѣда у Крола въ Берлинѣ за одинъ талеръ, въ десять блюдъ: супъ, сардинки, ветчина съ картофелемъ, форель съ картофелемъ, котлеты съ горошкомъ, пуддингъ съ малиновымъ сиропомъ, дикая коза, салатъ и варенье къ ней, сыръ и бисквиты съ кремомъ. И. Ѳ. Горбуновъ то и дѣло заносилъ въ свою книжку: „ужинали въ прекрасномъ отелѣ... обѣдали у Казино — превосходный обѣдъ въ большомъ обществѣ; пошли завтракать — дешевизна необыкновенная“ и т. д. О парижскихъ кулинарныхъ наслажденіяхъ онъ уже и не говоритъ. Между тѣмъ, онъ успѣлъ подучиться изготовленію нѣкоторыхъ итальянскихъ и французскихъ блюдъ и охотно предъявлялъ свои, дѣйствительно, выдающіяся способности въ этомъ дѣлѣ ближайшимъ московскимъ и петербургскимъ друзьямъ. Третій спутникъ (М. Ѳ. Шишко) пошелъ дальше, руководясь афоризмомъ, что для изученія народа и его характера, прежде всего, необходимо знать, что онъ ѣстъ, а потому, не участвуя въ первыхъ осмотрахъ и посѣщеніяхъ, бѣжалъ раннимъ утромъ на рынокъ и тамъ пропадалъ по цѣлымъ часамъ.

сдѣлали, а было тяжело. Тяжелы пріемы полицейскіе". „Палацкій, солидный старикъ, сильно негодуетъ на настоящее положеніе дѣлъ", — записалъ Островскій въ Прагѣ послѣ посѣщенія этого знаменитаго славянскаго патріота и послѣ знакомства и сближенія съ профессоромъ Лезберой и Пуркиной. „Lezbera много дѣлаетъ для славянъ: издаетъ книжки, затѣваетъ все славянскій журналъ. Въ лицѣ и въ голосѣ у него какая-то унылость, какъ на всемъ въ Прагѣ. Впрочемъ, Прага одинъ изъ лучшихъ городовъ Германіи, ничѣмъ не хуже Дрездена, а еще чище и богаче. Улицы написаны по-чешски. Многое въ немъ напоминаетъ Россію, есть даже дворянская улица (Pansca ulice)". Въ особенности же пріятно было русскому чувству нашего туриста занести въ дневникъ общее впечатлѣніе, полученное среди славянъ передъ Тріестомъ: „Въ деревняхъ женщины совершенно русскія и такія же лавы черезъ рѣчку, какъ и у насъ", а затѣмъ въ самомъ Тріестѣ послѣ посѣщенія тамошняго пратера: „Много хорошенькихъ женщинъ, красавицъ дѣвушекъ и красавцевъ мальчиковъ. Дѣтей красивѣе я не видалъ никогда". Поддаваясь, такимъ образомъ, доброму чувству сознанія племенного родства, нашъ коренной русскій человѣкъ остановилъ свое вниманіе даже на костюмѣ иллирійцевъ, чтобы полюбоваться и похвалить необыкновенную чистоту бѣлья и роскошные бюсты и черные, какъ вороново крыло, волосы и такіе же глаза этихъ славянокъ южнаго типа, пришедшихъ изъ деревень продавать розаны.

Слѣдуя исконному московскому обычаю, въ удовлетвореніе религіознаго чувства, наши москвичи не упускали случая поклониться святынямъ того высочайшаго всемірнаго значенія, каковыя, подъ своимъ авторитетнымъ ручательствомъ, охранила римско-католическая церковь въ предѣлахъ Папской области. Островскій не только поклонился, но и зачертилъ

въ дневникѣ своемъ наружную форму небольшого столбика изъ сѣраго полированнаго камня, находящагося въ одной небольшой церкви въ Римѣ. Къ столбику этому, по преданію, былъ привязанъ Христосъ въ день страстей для бичеванія и на поруганіе. Горбуновъ въ Римѣ ходилъ въ церковь Santa Scala, чтобы видѣть лѣстницу, по которой шелъ Христосъ на Голгоѳу. „Въ церкви (записалъ онъ) постоянно молится народъ и благочестивые люди всходятъ по лѣстницѣ на колѣняхъ". Въ Генуѣ показывали ему сосудъ, который былъ на Тайной Вечери, въ Туринѣ — полотно, которымъ обвито было тѣло Христа послѣ распятія.

Будучи основательнымъ знатокомъ обрядовъ православной церкви и ревностнымъ исполнителемъ ихъ во время посѣщеній Москвы обязательно изъ года въ годъ на великіе дни Страстной и Святой недѣль, Горбуновъ и въ заграничной поѣздкѣ своей отдалъ значительную долю времени, чтобъ удовлетворить своему благочестивому настроенію. Помимо посѣщенія храмовъ онъ не упускалъ одного случая, гдѣ, декоративно и театрально обставленныя, церемоніи и крестные ходы воинствующаго и торжествующаго католичества могли дать поводъ къ сопоставленіямъ или просто интересное зрѣлище безъ всякихъ поученій. Будучи въ Лондонѣ, не успѣлъ, однако, посмотрѣть въ Вестминстерскомъ аббатствѣ на тотъ камень, на которомъ спалъ патріархъ еврейскій Іаковъ и видѣлъ во снѣ лѣстницу. Зато, напримѣръ, въ Римѣ онъ записалъ въ свою книжку: „Въ 10-мъ часу мимо оконъ прошла вереница монаховъ парами, выстроилась передъ образомъ Богоматери и читала на-распѣвъ молитву вродѣ нашей: „святіи ангели, архангели, молите о насъ грѣшныхъ". Въ Миланѣ онъ посѣщалъ знаменитый соборъ нѣсколько разъ и въ одно изъ посѣщеній всходилъ на самую высокую башню — „очень легко, не дошелъ только до

послѣдней площадки: сдѣлалось страшно. Нѣтъ ни одного изваянія, которое не было бы испещрено фамиліями, всѣ стѣны исписаны". Въ Римѣ онъ также лазилъ въ куполъ храма св. Петра. Въ Тріестѣ всѣ путешественники наши поспѣшили въ греческую церковь къ обѣднѣ, слушали въ ней прекрасное пѣніе грековъ особеннымъ очень пріятнымъ напѣвомъ, „Христосъ Воскресе", понравившееся такъ, что и Горбуновъ, и Островскій занесли о томъ въ свои дневники. Вспоминая Флоренцію, на досугѣ въ Петербургѣ, послѣ вторичнаго ея посѣщенія, И. Ѳ. Горбуновъ разсказалъ слѣдующее:

„Были въ старинномъ монастырѣ, расположенномъ на высокой горѣ, господствующей надъ Флоренціей. Когда мы вошли въ святыя ворота, одинъ изъ спасающихся старцевъ, красавецъ мужчина, лѣтъ сорока, предложилъ намъ свои услуги — показать монастырь. Посреди огромнаго, покрытаго цвѣтами и зеленью, двора — открытый колодезь съ чистѣйшею водой. Ковшъ для добыванія воды помнитъ времена Медичисовъ. Монахъ обратилъ на это наше вниманіе. Обойдя капеллы, украшенныя произведеніями знаменитыхъ итальянскихъ живописцевъ, мы вышли на терраску и любовались видомъ Флоренціи съ ея церквами, дворцами и колокольнями, съ горделиво высящимся огромнымъ куполомъ каѳедральнаго собора. Подъ окнами монашескихъ келлій раскинуты цвѣтники. Монастырская трапеза — свѣтлая, чистая и изящная зала. Здѣсь я невольно вспомнилъ монастырскія трапезы моего отечества. Вспомнился мнѣ присущій каждой изъ нихъ, специфическій запахъ братскихъ сѣрыхъ щей, грязно содержимая посуда, вспоминались мнѣ „укруги хлѣба" и на нихъ мухи, имъ же нѣсть числа. Монахъ показалъ на келью, въ которой жилъ папа Пій VI во время изгнанія его изъ Рима французами, и, наконецъ, свелъ насъ въ аптеку, въ которой фабрику-

ются очень плохіе духи и очень хорошій ликеръ „шартрезъ". Трое монастырскихъ старцевъ сидѣли за мраморнымъ столикомъ и, „стомаха ради", вкушали эту душистую вкусную влагу; одинъ изъ нихъ, судя по нѣжно-розовому колеру кончика носа, должно быть, „прилежалъ къ ней довольно". Путеводитель нашъ очень любезно проводилъ насъ за монастырскую ограду и напутствовалъ именемъ св. Троицы" [1].

Въ Римъ наши путешественники попали раньше, чѣмъ предполагалось по намѣченному плану, благодаря той неудачѣ, которую привелось испытать на пути изъ Генуи черезъ Ливорно моремъ, чтобы полюбоваться расхваленнымъ Неаполемъ. Всѣмъ троимъ впервые приходилось знакомиться съ морскимъ плаваніемъ и на бѣду въ такое время, когда море сердито настроилось и, въ видѣ контраста, постаралось наградить иными впечатлѣніями, разрушившими веселое настроеніе духа. До Ливорно море еще было милостиво; хотя и шелъ дождь и, по словамъ Островскаго, „вѣтеръ рѣзалъ прямо въ глаза и едва можно было стоять на палубѣ", но дѣло обошлось безъ сильнаго волненія. По крайней мѣрѣ, ему удалось погулять на палубѣ и отлично заснуть въ каютѣ; въ Ливорно выдти на берегъ и осмотрѣть городъ. Когда поплыли дальше, вѣтеръ усилился. „Я сначала было испугался качки (записалъ Алек. Ник.) и легъ въ каютѣ, приготовившись переносить морскую болѣзнь; потомъ мнѣ это надоѣло и я вышелъ на верхнюю палубу, гдѣ любовался моремъ. Мѣсяцъ покрытъ флеромъ; море сине и сердито, впереди бѣлесоватыя облака. Качка усиливается. Я

---

[1] Пребываніе свое во Флоренціи Горбуновъ изъ обычныхъ краткихъ замѣтокъ въ „Дневникѣ" возстановилъ потомъ въ подобномъ видѣ и впослѣдствіи напечаталъ. И вотъ изъ какихъ замѣтокъ это описаніе составилось: „монастырь на горѣ; площадь; колодезь; заходили въ келью; видъ изъ нея на садикъ; аптека, гдѣ приготовлялся шартрезъ".

напился чаю и пошелъ въ каюту: твори Богъ волю свою. Горбуновъ спитъ съ самаго обѣда. Я полежалъ и уснулъ. Впросонкахъ слышалъ великія волненія; волны хлестали въ окна каюты; кругомъ раздавались стоны, но я засыпалъ опять довольно равнодушно. Проснулся часу въ 6-мъ: волненіе страшное — скрежетъ зубовный!" Проснулся и Горбуновъ, чтобы написать домой своимъ: „Волны начали хлестать черезъ палубу; качка сдѣлалась невыносимой, — просто хоть въ море бросайся. Этакого волненія, этакой тоски я въ жизнь мою никогда не испытывалъ! Мы сидѣли въ своей каютѣ, мрачно и безпокойно поглядывали другъ на друга и попрекая себя. Часу во второмъ волны такъ стукнули два раза въ бокъ нашего парохода, что я невольно перекрестился; сердце замерло, губы задрожали. На палубѣ забѣгали матросы, послышался стукъ... Я выскочилъ на палубу; ночь черная; пароходъ скрипитъ; волны, какъ звѣри лютые, съ визгомъ перекатываются черезъ бортъ. На вопросъ мой: что случилось? — матросъ отвѣчалъ, что вѣтеръ сталъ силенъ. — Опасно? — Нѣтъ. Я немного успокоился и возвратился въ каюту. Въ 5 часовъ утра мы пришли въ гавань Чивита-Веккія. Первымъ дѣломъ махнули мы рукой на Неаполъ и на деньги, которыя заплатили за мѣста: взяли свои чемоданы и съѣхали на берегъ съ тѣмъ, чтобы съ первымъ же поѣздомъ желѣзной дороги отправиться въ Римъ (путь продолжается $2^1/_2$ часа)". Въ досадной неудачѣ Островскій упрекаетъ Шишко, ни за что не желавшаго уѣхать дальше, а Горбуновъ успокоилъ себя крестнымъ знаменіемъ при сходѣ на берегъ и зарокомъ никогда не ѣздить на пароходахъ, даже по Невѣ, и написалъ: „За нами сошло очень много пассажировъ, потому что оставалось ѣхать до Неаполя 14 часовъ, а вѣтеръ сдѣлался ужаснымъ: пылью намъ всѣ глаза повыѣло".

Изъ Рима, гдѣ любознательность путешественниковъ доведена была до наивысшаго напряженія, они отправились, съ грубымъ кондукторомъ въ тѣсномъ дилижансѣ, въ Сіену по горамъ, съ которыхъ открывается отличный видъ на вѣчный городъ. Въ компаніи съ нами ѣхали два итальянца: одинъ франтъ и дуракъ, другой загорѣлый и черный съ глазами, подобными углямъ, просто одѣтый и унылый: его выгнали изъ Рима и онъ всю дорогу ругалъ монаховъ, папу и полицію — и тихо грустилъ. Среди жандармовъ, разставленныхъ по всей дорогѣ, идущей по горному гребню, откуда направо видны чуть не всѣ папскія владѣнія, путники наши достигли до Витербо, чтобы полюбоваться настоящею итальянскою пасторалью: женщины верхомъ по-мужски, бѣлыя овцы, черныя свиньи и пастухи, точно сатиры въ козьихъ панталонахъ, а одинъ мальчикъ въ овечьей курткѣ, и, по общему итальянскому обычаю, бездна нищихъ всякихъ возрастовъ, докучливыхъ, грубыхъ до назойливости. Горбуновъ среди нихъ замѣтилъ нищенку античной красоты, а также и то, что на папской границѣ исчезли и нищіе.

Наши спутники съ неудобствами пути примирились на бутылкѣ лакрима-кристи — винѣ, напомнившемъ имъ токайское, лишь съ наибольшей сладостью и своеобразнымъ букетомъ, и на бѣломъ орвіетто, другомъ сортѣ, полученномъ въ кабачкѣ, противъ котораго остановился дилижансъ (хозяинъ его оказался совершенно похожимъ на нашего сельскаго дьячка).

Въ гостиницѣ прочитали они на стѣнѣ русскую надпись: „здѣсь ограбили двухъ женщинъ“, и дальше поѣхали, дѣйствительно, въ сопровожденіи конвоя до самой Сіены, гдѣ пили сладкое душистое красное алеатико, а по прибытіи на вокзалъ Островскій успѣлъ записать себѣ на память: „Взятка отлично дѣйствуетъ по всей Европѣ“.

Во Флоренціи, гдѣ особенно поразила кипучая уличная жизнь даже ночью, видѣли аристократическое катанье, повсюдное пѣнье и, между прочимъ, цѣлый хоръ, очень похожій на нашу пѣсню „Любитъ, любитъ...“, только запѣвъ какой-то странный. Очарованные художественными сокровищами дворцовъ Медичисовъ и накупивши себѣ разныхъ мозаическихъ вещей съ обычнаго примѣра всѣхъ иностранцевъ, наши путники, посреди уличнаго шума и крика толпы и подъ скрипичные звуки маленькихъ музыкантовъ, отправились въ знакомое Ливорно, небольшой городокъ, по приморскому положенію, оживленный. Отсюда, на маленькомъ, узенькомъ и вообще дрянненькомъ пароходикѣ, переправились въ Геную, поразившую своимъ очаровательнымъ видомъ съ моря и рыбнымъ рынкомъ, обильно наполненнымъ различною, совершенно незнакомою рыбою: сагари, паламита и др., и обязательно неизбѣжными сардинками, для которыхъ полагается здѣсь отечество, а для устрицъ — всемірный торговый складъ. Здѣсь также, по обычаю, все осмотрѣли: и памятникъ Колумба (который тогда еще только строился), и величественный храмъ Chiese Anunziata, испорченный двумя алтарями съ раскрашенными статуями. Между прочимъ, видѣли одну старуху съ сѣдой бородой и еще двухъ женщинъ также съ бородами и такую картину, наскоро набросанную въ эскизѣ нашимъ драматическимъ художникомъ въ слѣдующемъ видѣ:

„Ослы кричатъ подъ окнами. Повсюду кипучая дѣятельность: купцы, банкиры, жиды, матросы, перевозчики и переносчики несутъ и везутъ вещи и на себѣ, и на лошадяхъ, и на лошадкахъ, и на ослахъ“. Отправившись въ Туринъ по желѣзной дорогѣ, тотчасъ за Генуей проѣхали самымъ большимъ тоннелемъ изъ всѣхъ, какіе доводилось имъ до сихъ поръ видѣть (ѣзды 12 минутъ). Въ Туринѣ на площади

Carlo они были случайными свидѣтелями встрѣчи городомъ короля (Виктора-Эммануила), о которой у Островскаго и у Горбунова находимъ почти до слова согласныя замѣтки. „На площади стояла кавалерія, а по улицамъ, вплоть до станціи — пѣхота. Площадь и улица были полны народу; балконы тоже. Полиціи почти до самаго пріѣзда короля не было замѣтно. Только когда по выстрѣлу узнали, что король ѣдетъ, полицейскіе учтиво подвигали народъ къ тротуару". Это замѣтилъ А. Н. Островскій, а вотъ какъ подтверждаетъ его И. Ѳ. Горбуновъ (у котораго, также по московской и петербургской памяти, болѣлъ зубъ на этой же сторонѣ): „Нѣтъ ни давки, ни шума; ходятъ всѣ свободно, курятъ сигары; квартальныхъ и въ завѣтѣ нѣтъ. Король сидѣлъ въ коляскѣ, въ партикулярномъ платьѣ; съ нимъ находились двое статскихъ и одинъ военный. Когда коляска въѣхала въ улицу, воздухъ огласился криками и апплодисментами; изъ оконъ начали бросать въ коляску букеты. У насъ не такъ. Толпа стоитъ стѣнкой тихо, превосходно. Квартальный тоже стоитъ все смирно, — вдругъ, словно муха его укусила, — ни съ того, ни съ сего, всполохнулся: „Осади назадъ!" — Зачѣмъ? Почему? Ни шевелиться, ни кричать совсѣмъ не нужно было, — никто не просилъ".

Здѣсь, въ гостиницѣ, за табль-д'отомъ наши, соскучившіеся по родинѣ, странники имѣли случай въ первый разъ за границей поѣсть грибовъ, и А. Н. Островскій, какъ бы по заказу пословицы: поѣлъ пирога съ грибами и задержалъ языкъ за зубами. Выговорилось же такъ не ради дешеваго краснаго словца, а именно по тому принужденію, что на этомъ городѣ прервался дневникъ его. Вотъ, по крайней мѣрѣ, послѣднія въ немъ строки:

„Пріѣхали въ Сузу. Тутъ насъ, послѣ долгихъ сборовъ, посадили на дилижансъ, запряженный въ

семь паръ лошадей. Такихъ дилижансовъ поѣхало за нами еще 2 или 3. Начался крутой подъемъ зигзагами по горѣ. Погонщики и кондуктора бѣжали на гору бѣгомъ. Мы ѣхали надъ пропастями между зеленью, которая къ вершинѣ все болѣе и болѣе походила на нашу. Мы были между двухъ слоевъ облаковъ, изъ которыхъ одни зацѣпились въ ущельяхъ, другія надъ нами, и, наконецъ, мы очутились между верхними облаками и луной; но это еще не вершина. На вершину мы пріѣхали, когда уже совсѣмъ разсвѣло. Мальчикъ принесъ намъ маленькій букетъ синихъ пахучихъ анютиныхъ глазокъ".

Это подношеніе савояра было послѣднимъ подаркомъ на память объ Италіи, столь очаровавшей нашего драматурга, что, по возвращеніи въ отечество, онъ немедля приступилъ къ изученію итальянской драматической литературы и подарилъ свою родную образцовыми переводами съ этого языка одной драмы и 3-хъ комедій (изд. въ 2 томахъ въ 1886 г.).

Цѣль подъема заключалась въ томъ, чтобы черезъ Альпы выбраться въ Швейцарію и направиться въ Женеву.

Утромъ 11 мая, по свидѣтельству Горбунова, наши путешественники пріѣхали въ St.-Michel, пересѣли въ вагоны и отправились въ Кулезъ. Дорогой раздумали ѣхать въ Женеву, а направились изъ Кулеза прямо въ Парижъ. Черезъ 12 часовъ ѣзды они были уже тамъ, и тотчасъ по пріѣздѣ отправились на рынокъ и въ Пале-Рояль. „Вечеромъ были на Елисейскихъ поляхъ и въ Мабилѣ", сообщаетъ Горбуновъ за всю свою компанію. Утомленіе, а можетъ быть и угнетенное состояніе духа подъ давленіемъ новыхъ неизвѣданныхъ впечатлѣній и притомъ въ такихъ крупныхъ дозахъ — вынудили А. Н. Островскаго покинуть перо, которое до сихъ поръ четко, безъ малѣйшихъ помарокъ, почти каллигра-

фически писало и очень тщательно, день за днемъ, все видѣнное и выслушанное. А между тѣмъ теперь во Франціи — да еще вдобавокъ въ Парижѣ — происходилъ ежедневный и безпрестанный наплывъ свѣжихъ и еще болѣе новѣйшихъ и еще наименѣе знакомыхъ и вовсе неизвѣданныхъ впечатлѣній. На этотъ разъ характерная, короткая запись такого торопливаго и непосѣдливаго человѣка, какъ Горбуновъ, вполнѣ соотвѣтствовала положенію дѣлъ и настроенію духа всѣхъ товарищей. Они, конечно, съ тѣмъ же постоянствомъ и терпѣніемъ англійскихъ туристовъ продолжали всматриваться въ европейскую жизнь въ ея самобытной обстановкѣ, но не имѣли уже времени, а кажется — и достаточныхъ силъ для ежедневной записи на бумагу всего пріобрѣтеннаго за день. На все это, сейчасъ высказанное, у Горбунова имѣются прямыя доказательства. Вотъ для образца нѣсколько выдержекъ:

„14 мая. Обѣдали съ Тургеневымъ и Кавелинымъ въ Пале-Роялѣ. Я изображалъ генерала, и Кавелинъ былъ очень доволенъ. Вечеромъ были въ театрѣ („Скупой“ Мольера): Мартыновъ игралъ неизмѣримо лучше. Послѣ театра зашли съ Григоровичемъ и профессоромъ Соколовымъ въ кофейную.

„15 мая. Утромъ были у Боткина, потомъ у Сабурова. Завтракали со студентами въ Пале-Роялѣ. Были въ Луврѣ (любовались Рубенсомъ). Обѣдали на Елисейскихъ поляхъ. Боткины, Сергѣй Льв. Левицкій, его помощникъ Ботвинье. Послѣ обѣда были въ Мабилѣ: очень скучно“.

Особенную радость свиданія съ такими соотечественниками проявилъ нашъ С. Л. Левицкій, нашъ наилучшій и знаменитый фотографъ, заведеніе котораго и въ то время въ Парижѣ считалось первымъ и у французовъ находилось въ большомъ почетѣ и въ модѣ. У Кавелина Горбуновъ встрѣтился съ гр. Муравьевымъ-Амурскимъ, который проводилъ въ

Парижѣ всѣ послѣдніе дни своей жизни, изрѣдка наѣзжая въ Петербургъ пообѣдать у стараго Палкина, который почему-то считался русскимъ трактиромъ на манеръ настоящихъ московскихъ. Съ Кавелинымъ Горбуновъ навѣстилъ, между прочимъ, состарѣвшуюся извѣстность, декабриста Ал. Ив. Тургенева (дядю Ив. Серг.), со дня выѣзда до самой смерти не рѣшавшагося возвращаться въ отечество. У Мокрицкаго, нѣкогда грознаго судьи и воеводы петербургской полиціи, широко и роскошно проживавшаго свой нажитый крупный капиталъ, нашъ веселый и счастливый артистъ простился съ Левицкимъ и встрѣтился съ Ал. Ѳеоф. Писемскимъ. Съ нимъ вмѣстѣ и отправился онъ сначала въ Амьенъ, затѣмъ въ Булонь и отсюда въ Лондонъ, куда А. Н. Островскій, вмѣстѣ съ Шишко, отбылъ нѣсколькими днями раньше.

21 мая И. Ѳ. Горбуновъ записалъ въ свою книжку, между прочимъ: „Проѣхали проливомъ благополучно, и я не слыхалъ, какъ вошли въ Тамизу (Темзу). Рѣка широкая. На пароходѣ подъѣхалъ таможенный чиновникъ и осматривалъ вещи очень благосклонно. Начинаю теряться отъ англійской рѣчи. Проѣхали Гринвичъ, весь затянутый дымомъ отъ каменнаго угля. Морской госпиталь. Корабль-госпиталь. Доки. Когда въѣхали въ Лондонъ, Шишко встрѣтилъ насъ на пристани, проводилъ въ кристальный дворецъ (допотопныя животныя). Отправились гулять и на мосту встрѣтили американскихъ фокусниковъ. Вечеромъ были въ ковентгарденскомъ театрѣ Отыскали лавочку, гдѣ говорятъ по-французски. 23 мая посѣтили выставку (всемірную) и, конечно, прежде всего русское отдѣленіе“.

24 мая Горбуновъ снова записывалъ: „Лондонъ встаетъ рано; во время дождя грязенъ, но въ то же время дѣлаетъ неудобными зонтики среди невиданнаго и неслыханнаго движенія пѣшеходовъ по тро-

туарамъ. Обязательность англичанъ и ужасъ отъ незнанія языка (въ почтамтѣ выручаетъ полякъ)". Къ вечеру дошло дѣло до того, что нашъ подвижной и любознательный туристъ не зналъ, что съ собою дѣлать и куда идти, а потому завалился спать.

На этомъ мѣстѣ записной книжки и у Горбунова иступилось перо и изломался карандашъ. Онъ также оставилъ всякія записи, заявивъ лишь на прощанье съ Европой и своей книжкой, что 27 мая они снова вернулись въ Берлинъ, усаженный по улицамъ березками, по случаю Троицына дня, и въ этотъ праздничный день очень напомнившій нашимъ путникамъ милую Москву [1].

Въ 1865 году А. Н. Островскій еще одинъ разъ прокатился по Волгѣ съ исключительною цѣлью веселой прогулки, не упуская случая знакомиться съ труппами провинціальныхъ актеровъ. По укоренившейся привычкѣ и установившемуся обычаю и на этотъ разъ онъ не могъ обойтись безъ товарищества И. Ѳ. Горбунова. Будучи кореннымъ и оставаясь постояннымъ жителемъ Москвы, гдѣ его всѣ знали, горячо любили и искренно гордились имъ, онъ, тѣмъ не менѣе, каждымъ лѣтомъ оставлялъ ее для милаго и родного Приволжья.

Въ Кинешмѣ надо переѣхать Волгу, чтобы попасть на проселочную дорогу, идущую на Галичъ, на тотъ довольно бойкій проѣзжій трактъ, по которому, въ извѣстныя времена года, возвращается

[1] Вообще, порядокъ передвиженій нашихъ путешественниковъ по Европѣ выразился въ такомъ видѣ: Берлинъ, Магдебургъ, Майнцъ, Кобленцъ (про который Горбуновъ шутливо выразился: „Ну, городъ! Все солдаты да ребятишки"). Изъ Майнца, впрочемъ, успѣли прокатиться на пароходѣ по Рейну мимо городковъ въ порядкѣ ресторанныхъ прейсъ-курантовъ: Гохгеймъ, Хаттенгеймъ, Іоганисбергъ, Рюдесгеймъ. За Майнцемъ слѣдовали города въ такомъ порядкѣ: Франкфуртъ на-Майнѣ, Дрезденъ, Прага, Вѣна, Тріестъ, Венеція, Миланъ, Генуя; отсюда на пароходѣ въ Ливорно и Чивитта-Веккію, гдѣ раздумали ѣхать въ Неаполь и повернули на Римъ. За нимъ: Сіена, Флоренція, Пиза, опять Ливорно и Генуя, Туринъ, Парижъ, Лондонъ и снова Берлинъ.

изъ столицъ на побывку въ родныя деревни партіями рабочій людъ, выходящій на отхожіе промыслы изъ Галицкаго, Чухломскаго и Кологривскаго уѣздовъ Костромской губерніи. На 18 верстѣ находится поворотъ влѣво и черезъ версту, по стоялому и хорошо сбереженному лѣсу, дорога приводитъ къ глубокой долинѣ, на днѣ которой бѣжитъ рѣчка съ запрудой для мельницы, а на пологой горѣ противоположнаго берега высятся зданія усадьбы Щелыкова, принадлежащей нашему знаменитому драматургу [1] вмѣстѣ съ братомъ Михаиломъ Николаевичемъ.

Мѣстность, гдѣ расположено Щелыково, дѣйствительно, одна изъ самыхъ живописныхъ. Ее пересѣкаютъ три рѣчки: первыя двѣ (Куенга и Сендега) быстрыя въ своемъ теченіи по оврагамъ, гдѣ онѣ красиво извиваются и шумятъ, дѣлая безчисленные каскады. Мера — спокойная, сплавная рѣка, текущая также въ красивыхъ берегахъ (на ней Ал. Ник. любилъ ловить рыбу неводомъ). Не было ни одного гостя въ Щелыковѣ, который бы не восхищался его мѣстоположеніемъ. Говорятъ, что отецъ братьевъ Островскихъ, чувствуя приближеніе смерти, просилъ приподнять его съ кровати, на которой кончался, чтобы дать ему возможность въ послѣдній разъ взглянуть на окрестные виды, открывающіеся изъ оконъ дома.

Въ усадьбѣ имѣется старый деревянный двухъэтажный домъ, съ огромнымъ каменнымъ скотнымъ дворомъ и каменнымъ зданіемъ кухни и прачешной

---

[1] Рѣка Сендега принимаетъ воду этой рѣчки Куенги и уноситъ ее въ рѣку Меру, впадающую въ Волгу. Сельцо Щелыково куплено было отцомъ драматурга, который проводилъ въ немъ каждое лѣто; тамъ и скончался (въ той же комнатѣ, гдѣ умеръ и Алек. Ник.) и похороненъ на погостѣ церкви села „Никола-Бережки". Къ приходу его принадлежало Щелыково. А. Н. похороненъ здѣсь же, рядомъ съ могилой отца. Послѣ смерти послѣдняго (Николая Ѳедоровича) имѣніе досталось, по завѣщанію, вдовѣ его (мачехѣ старшихъ двухъ сыновей), у которой оно было куплено младшимъ (Мих. Ник.) при участіи старшаго брата.

съ мезониномъ. Въ мезонинѣ этомъ и въ верхнемъ этажѣ стараго дома находили пріютъ пріѣзжіе гости. Всѣхъ чаще жилъ здѣсь актеръ Александринскаго театра Ѳед. Алек. Бурдинъ съ семьей, издавна находившійся въ дружескихъ отношеніяхъ съ Алек. Ник., пользовавшійся особеннымъ его вниманіемъ передъ прочими и полнымъ довѣріемъ. Рѣдкое лѣто не навѣщали здѣсь Ал. Ник. кто-либо изъ литературныхъ и театральныхъ друзей и всѣхъ чаще, конечно, И. Ѳ. Горбуновъ.

Съ балкона открывается неподлежащій описанію живописный видъ на окрестности съ рѣчкой внизу горы и съ красивой, рисующейся среди зелени, церковью Никольскаго погоста. Послѣ покупки братьями Островскими у своей мачехи Щелыкова, Мих. Ник. не въ далекомъ разстояніи отъ стараго дома выстроилъ собственно для себя небольшой деревянный домикъ, соединенный со старымъ березовой аллеей. Въ этомъ домикѣ проживалъ Мих. Ник. въ рѣдкіе свои пріѣзды въ Щелыково, чтобы отдохнуть отъ нелегкихъ и многосложныхъ своихъ обязанностей по управленію министерствомъ государственныхъ имуществъ. Въ верхнемъ же этажѣ этого домика Алек. Ник. постоянно занимался вырѣзными работами изъ дерева, которыя онъ страстно любилъ и въ которыхъ былъ очень искусенъ. Видъ изъ этого домика еще лучше, чѣмъ изъ стараго дома.

По кончинѣ Алек. Ник., братъ его разбилъ и устроилъ обширный паркъ, идущій частью сосновымъ лѣсомъ по волнистой мѣстности, частью лужками и полянками и, наконецъ, по берегу рѣчки Куенги.

Мы видѣли А. Н., среди этихъ красотъ природы, здоровымъ и жизнерадостнымъ. Съ необыновенно ласковою улыбкою, которую никогда невозможно забыть и которою высказывалось полнѣйшее удовольствіе доброю памятью и посѣщеніемъ, — радушно встрѣчалъ онъ пріѣзжихъ и старался тотчасъ

же устроить ихъ такъ, чтобы они чувствовали себя какъ дома. На деревенское угощеніе имѣлось достаточно запасовъ въ погребѣ и на огородѣ, на которомъ сажалась и сѣялась всякая рѣдкая и нѣжная овощь и которымъ любилъ похвастаться самъ владѣлецъ. У него, какъ у опытнаго и прославленнаго рыболова, что ни заносъ уды, то и клевъ рыбы — обычно щурятъ — въ омутѣ рѣчки передъ мельничной запрудой, и въ такомъ количествѣ, при всякой ловлѣ, что довольно было на цѣлый ужинъ. Оставаясь такимъ же радушнымъ и хлѣбосольнымъ, какъ и въ Москвѣ, въ деревнѣ своей онъ казался упростившимся до дѣтской наивности и полнаго довольства и благодушія. Несомнѣнно онъ отдохнулъ, повеселѣлъ и сталъ совершенно беззаботенъ, а чтобы не обратили ему это все въ упрекъ и обвиненіе, то, вотъ, когда открывается съѣздъ мировыхъ судей, онъ, въ качествѣ почетнаго судьи, каждый мѣсяцъ ѣздитъ въ городъ Кинешму, да и вобще ее старается посѣщать: тамъ у него есть гдѣ остановиться и съ кѣмъ поговорить. А затѣмъ вотъ и газеты и журналы высылаются изъ Москвы: „читаемъ, гуляемъ въ своемъ лѣсу, ѣздимъ на Сендегу ловить рыбу, сбираемъ ягоды, ищемъ грибы“. „Отправляемся въ лугъ съ самоваромъ — чай пьемъ. Соберемъ помочь; станемъ пѣсни слушать; угощеніе жницамъ предоставимъ: все по предписанію врачей и на законномъ основаніи“. Богатырь въ кабинетѣ съ перомъ въ рукахъ — въ столовую къ добрымъ гостямъ выходилъ настоящимъ ребенкомъ, а семьѣ всегда предъявлялась имъ сильная и глубокая любовь къ домашнему очагу. Въ маленькомъ скромномъ хозяйствѣ, не дающемъ ни копейки дохода, ощущалась полная благодать для внутренняго довольства и для здоровья, которое начало сдавать: усилилось колотье въ бокахъ, увеличилась одышка; очень пугаетъ сердце. Въ деревнѣ меньше и рѣже приходится схватываться за

грудь и жаловаться на боли, а по возвращеніи въ городъ, конечно, опять начнется старая исторія и напомнятъ о себѣ застарѣлые недуги. Въ городѣ много работы; не стало отдыха.

— Надо освѣжить голову: потруднѣе какой-нибудь пасьянсъ разложить, — обычно говаривалъ А. О. Островскій, когда достаточно поработавъ надъ отдѣлкою сценъ своихъ драмъ и комедій и довольный работой, желалъ отрѣшиться отъ нея и отдохнуть.

Онъ, по издавна усвоенной привычкѣ, когда приготовлялся что-либо писать, то долго, до утомленія, расхаживалъ по комнатѣ, то раскладывалъ легкіе пасьянсы. Зналъ онъ тѣхъ и другихъ способовъ подбора картъ очень много: трудно было кому-либо показать ему неизвѣстные. Онъ не покидалъ этого стариковскаго развлеченія, столь удачно приспособляемаго въ досужее время на случаи воспоминаній о прожитомъ, — не покидалъ и въ молодые годы, когда создавалъ лучшія свои произведенія, прибѣгая къ нему даже и въ тѣ дни, когда началъ письменную работу.

Писать предпочиталъ А. Н. по ночамъ, по крайней мѣрѣ въ первое время своей литературной дѣятельности, пользуясь тѣми тихими и молчаливыми, какими славятся и красятся всѣ московскія захолустья, а въ томъ числѣ и веребинское. Обыватели очень рано, по крайней мѣрѣ не позднѣе сосѣдней Таганки и всегда въ урочный часъ, какъ по командѣ, засыпали мертвымъ сномъ. Въ сосѣднихъ Серебряныхъ баняхъ усталый до изнеможенія держурный банщикъ бросалъ на каменку послѣднюю шайку, и вода не только не вылетала паромъ, но и не шипѣла. Будочникъ Николай, жившій прямо передъ окнами, приставлялъ алебарду къ двери, присѣдалъ на

порогѣ и, уткнувши голову въ колѣни, также засыпалъ до утра. Московскій день кончался, и для писателя, счастливаго необычайными успѣхами, и для человѣка, доступнаго всѣмъ и привѣтливаго, безпокойный день оставался назади и съ пріятными, и съ докучными посѣщеніями, которыя особенно учащались послѣ каждаго представленія новой пьесы его на сценѣ.

По свойству прирожденнаго характера дѣлать все не спѣша, вдумчиво и основательно, Алек. Ник. обыкновенно писалъ долго, допуская большіе перерывы. Такъ, наприм., надъ „Банкротомъ“ („Свои люди сочтемся“) онъ работалъ свыше четырехъ лѣтъ, несмотря на то, что писалъ уже умѣлою и привычною рукой послѣ сценъ и очерковъ Замоскворѣчья и особенно послѣ „Картины семейнаго счастья“, которая произвела сильное впечатлѣніе на Гоголя. Писалъ Островскій разгонистымъ и крупнымъ, четкимъ почеркомъ, круглыя буквы котораго напоминали неувѣренный женскій, что приводило въ нѣкоторое недоумѣніе Тургенева, одно время увлекавшагося мимоходно возможностью, по внѣшнимъ характернымъ признакамъ автографовъ, опредѣлять не только состояніе духа въ данный моментъ писанія, но и вообще душевныя прирожденныя качества писавшаго лица. Впрочемъ, то было время орѣшковыхъ чернилъ и гусиныхъ перьевъ. Для чиненья ихъ продавались въ лавкахъ особыя машинки, а въ департаментахъ и палатахъ имѣлись особые чиновники, изготовлявшіе для начальства этого рода издѣлія [1].

Несмотря, однакожъ, на поразительную разборчивость своихъ рукописей, Островскій всѣ произве-

[1] Вообще это время — начало 50-хъ годовъ — было переходною эпохою отъ гусиныхъ перьевъ къ стальнымъ, отъ ассигнаціоннаго рубля къ серебряному, отъ сальныхъ свѣчей — къ стеариновымъ, отъ курительныхъ трубокъ къ папиросамъ и т. п., и въ тѣхъ и другихъ случаяхъ съ постепенностью, по градаціямъ.

денія отдавалъ переписывать въ другія руки по нѣскольку разъ. Отъ этого удовольствія не отказывались ближайшіе друзья автора (какъ, наприм., Т. И. Филипповъ и А. А. Григорьевъ), и оно же И. Ѳ. Горбунову, тогда еще неизвѣстному, но уже до обожанія увлекшемуся красотами произведеній новаго писателя, облегчило возможность найти къ нему доступъ, удостоиться вниманія и знакомства, и затѣмъ на всю послѣдующую жизнь сдѣлаться неразлучнымъ спутникомъ и самымъ преданнымъ другомъ. Горбуновъ, наприм., пять разъ переписалъ драму: „Не такъ живи, какъ хочется". Эта народная драма, между прочимъ, служитъ показателемъ того, что плана, предназначеннаго, законченнаго, Алек. Ник. не записывалъ, полагаясь на свою необыкновенную память. Онъ подчинялся тому влеченію творческаго духа, когда завязка и развязка были на второмъ планѣ, а фабула зависѣла уже отъ характера задуманныхъ и выношенныхъ дѣйствующихъ лицъ. Писалъ эту драму, „взятую изъ народныхъ разсказовъ" о событіи конца прошлаго вѣка, подъ вліяніемъ настроенія кружка, гдѣ пѣсня народная была „главною силой, которая постепенно слагала, вырабатывала и выясняла основы міросозерцанія молодыхъ друзей". Писалъ ее Островскій долго, — гораздо медленѣе прочихъ, можетъ быть, также и потому, что принялся за нее нѣсколько поистратившимся и во всякомъ случаѣ очень усталымъ, — принялся тотчасъ же послѣ послѣдней пьесы („Бѣдность не порокъ") изъ прочихъ трехъ, уже игранныхъ на сценѣ („Бѣдная невѣста" и „Не въ свои сани не садись").

Горбуновъ, жившій у автора въ домѣ и имѣвшій легкую и ежедневную возможность слѣдить за процессомъ творчества, сохранилъ полъ-листа бумаги, на которомъ рукою Островскаго небрежно написано что-то вродѣ конспекта:

„Божье крѣпко, а вражье лѣпко“.

Это зачеркнуто, а сверху написано:

„Не такъ живи, какъ хочется“.

Лица:

Старикъ.
Старуха.

Чуетъ мое сердце, не доброе оно чуетъ.

Монастырь.

Наступаютъ дни страшные! Опомнись!

Широкая масляница.

Груша.

Дѣвушки.

Вася.

Ну, пiяй! Ты меня пiять хочешь?
Еремка — олицетвореніе дьявола.
Ужъ я ли твому горю помогу,
Помогу, могу, могу...

Петръ на тройкѣ.

Ночь.

Прорубь на рѣкѣ. Ударъ колокола.

(Балалайка.)

(Входитъ старикъ.)

Сирота ль ты моя, сиротинушка!
Ты запой, сирота, съ горя пѣсенку.

Вотъ и весь сценарій того произведенія, которымъ далеко впослѣдствіи такъ очарованъ былъ знаменитый композиторъ А. Н. Сѣровъ, въ свою очередь увлекшій и автора на передѣлку. И. Ѳ. Горбуновъ, въ запискахъ своихъ, сопровождаетъ этотъ точный подлинникъ такимъ сообщеніемъ:

„Посѣтившему Алек. Ник. артисту К. Н. Пол-

тавцеву онъ разсказалъ пространно, съ мельчайшими подробностями, содержаніе пьесы, но изъ-подъ пера вышло не то, что онъ разсказывалъ. По разсказу сюжетъ могъ быть разработанъ гораздо шире, а не сталось такъ, можетъ быть, отъ того, что въ это время Островскій очень болѣлъ глазами, а пьесу нужно было окончить къ бенефису".

Если Островскій вообще писалъ очень медленно, то имѣются въ то же время факты въ видѣ нѣкоторыхъ немногихъ исключеній. Покойный другъ покойнаго драматурга, въ примѣръ быстрыхъ или ускоренныхъ работъ, сообщаетъ, между прочимъ, что „Воспитанницу" Александръ Николаевичъ написалъ, гостивши въ Петербургѣ, въ три недѣли, „Василису Мелентьеву" (тоже въ Петербургѣ) — въ сорокъ дней. Процессъ писанія этой пьесы онъ называлъ „искушеніемъ отъ Гедеонова" [1].

Драма „Не такъ живи, какъ хочется" къ осени 1854 г. была готова, и авторъ въ первый разъ прочиталъ ее „кружку" у себя на дому, слѣдуя из-

---

[1] Тогдашній директоръ Императорскихъ театровъ Ст. Алек. Гедеоновъ, сынъ прежняго директора, написавшій въ молодости драму „Смерть Ляпунова", задумалъ на возрастѣ новую пьесу, основанную на трагической судьбѣ одной изъ двухъ, извѣстныхъ въ исторіи, наложницъ Ивана Грознаго, — именно Василисы Мелентьевой. Мужъ ея, какъ извѣстно, былъ заколотъ опричникомъ, а сама она за то, что ревнивый царь замѣтилъ ее „зрящу яро на оружничаго Ивана Девтелева князя", пострижена въ Новгородѣ въ монахини. Гедеоновъ, не пожелавшій выступить, во дни своего директорства, на сцену съ пьесой своего сочиненія, рѣшился прикрыться авторитетнымъ знаменемъ драматурга и передалъ ему свою драму для исправленія и отдѣлки. Она А. Н. такъ понравилась, что сюжетомъ ея онъ искренно увлекся и написалъ драму, десятки лѣтъ не сходящую съ репертуара столичныхъ и провинціальныхъ театровъ. А. А. Нильскій, авторъ вышедшей книги, богато снабженной интересными и живыми данными по исторіи театра („Закулисная хроника"), пишетъ, что С. А. Гедеоновъ, „придумавъ сценарій пьесы „Василиса Мелентьева", не сталъ его разрабатывать самъ, а отдалъ весь свой матеріалъ А. Н. Островскому, который, по его конспекту, и написалъ эту драму".

Иначе разсказываетъ объ этомъ И. Ѳ. Горбуновъ, имѣвшій несомнѣнные случаи видѣть подлинную гедеоновскую рукопись при ежедневныхъ своихъ посѣщеніяхъ въ Петербургѣ дорогого московскаго гостя. Онъ пишетъ:

„Директоръ театровъ С. А. Гедеоновъ передалъ написанную пьесу Ал. Ник., который, оставивши въ неприкосновенности сюжетъ, написалъ собственную свою пьесу, не воспользовавшись ни одною сценой, ни однимъ стихомъ изъ творенія Гедеонова".

давна установившемуся обычаю доставлять полное эстетическое удовольствіе слушателямъ своимъ мастерскимъ, несравненнымъ чтеніемъ, искать у компетентныхъ судей: отъ товарищей по перу — совѣтовъ при случаяхъ нарушенія строгаго художественнаго строя цѣльнаго произведенія, отъ артистовъ — указаній практическихъ при уклоненіяхъ отъ требованій сцены. Наибольшимъ довѣріемъ у автора между тѣми и другими оцѣнщиками пользовались: Филипповъ, Эдельсонъ, Садовскій и Ап. Григорьевъ.

Эдельсонъ, по словамъ одного изъ близкихъ друзей и дѣятельныхъ членовъ „кружка“ (Т. И. Филиппова), „отличался полною самостоятельностью мысли, весьма тонкимъ художественнымъ чувствомъ и замѣчательно изящнымъ изложеніемъ. Тонъ былъ всегда спокоенъ и въ высшей степени деликатенъ. Спокойствіе и невозмутимое приличіе его тона истекали изъ глубокаго уваженія къ достоинству литературы“.

Садовскій, сблизившійся съ авторомъ еще въ 1849 г., по мнѣнію того же компетентнаго оцѣнщика, былъ такимъ исполнителемъ типовъ, созданныхъ Островскимъ, какихъ можно видѣть только во снѣ. „Этотъ писатель и этотъ актеръ были буквально созданы другъ для друга и представляли собою идеальное сочетаніе“.

Ап. Ал. Григорьевъ, до фанатизма увлекавшійся Островскимъ, прослушалъ всѣ его художественныя созданія по нѣскольку разъ, съ неустаннымъ и неослабѣвшимъ интересомъ. Если въ это время онъ не успѣлъ подсказать руководящихъ мотивовъ, за то умѣлъ придать энергіи въ работѣ и увѣренности въ силахъ своими толкованіями мѣста и значенія уже созданныхъ и вылившихся въ образы художественныхъ типовъ. Григорьевъ во всякомъ случаѣ своими критическими этюдами сдѣлалъ свое имя, въ

свою очередь, неразрывнымъ и неотдѣлимымъ отъ имени Островскаго.

Конечно, отъ этихъ 4-5-ти получалъ искренніе совѣты и пользовался неподкупною любовью нашъ знаменитый писатель, — конечно, единственно отъ нихъ, а не отъ надутаго Шевырева, чопорнаго и не въ мѣру строгаго Погодина. Такому художнику отъ этихъ нечѣмъ было поживиться, хотя предъ ними раньше другихъ ему довелось впервые обнаружить во всю силу свой необыкновенный талантъ и поразить ихъ всѣхъ обаяніемъ новизны и изумительнаго мастерства какъ въ отдѣлкѣ фабулъ, такъ и въ процессѣ чтенія.

3-го декабря 1849 года Островскій прочелъ „Банкрота" у Погодина (попеременно съ Садовскимъ), и затѣмъ всю зиму читалъ эту пьесу: то у гр. Ростопчиной, то у кн. Мещерскихъ, у Пановой, у Шереметевыхъ, у Каткова, и вездѣ производилъ необыкновенное впечатлѣніе, — читалъ чуть не каждый день, — и быстро разнеслась его слава по Москвѣ. О чтеніи у Погодина поэтъ Бергъ (Ник. Вас.) записалъ, что „Гоголь пріѣхалъ среди чтенія, тихо подошелъ къ двери и всталъ у притолки. Прослушалъ, повидимому, внимательно до конца, но ничего не говорилъ ни съ кѣмъ во весь тотъ вечеръ. Къ Островскому не подходилъ ни разу".

Въ мартѣ 1850 г. комедія, черезъ четыре мѣсяца, была напечатана въ „Москвитянинѣ", упрямо и настойчиво запаздывавшемъ выходомъ своихъ книжекъ, и съ этого времени началась всероссійская извѣстность новаго таланта. Особенно быстро распространилась она по Москвѣ, когда узнали тамъ, что пьеса запрещена для представленія на сценѣ и самъ авторъ отданъ подъ надзоръ полиціи. Воспользовавшись случаемъ сказать объ этомъ въ прежнихъ статьяхъ своихъ, въ настоящее время имѣю возможность сдѣлать дополненіе и разъясненіе, основан-

ныя на свидѣтельствѣ лица, близко стоявшаго къ дѣлу.

Попечитель московскаго учебнаго округа (потомъ генералъ-губернаторъ Сѣверо-Западнаго края, нѣкогда сопровождавшій въ путешествіи по Россіи, вмѣстѣ съ поэтомъ Жуковскимъ, Царя-Освободителя Александра II, бывшаго наслѣдникомъ цесаревичемъ), Влад. Ив. Назимовъ, какъ начальникъ московской цензуры, предварительно прочелъ „Банкрота“ графу Закревскому. Однако, „негласный комитетъ“ изъ Петербурга обратилъ вниманіе министра просвѣщенія графа Уварова (вѣдавшаго всю цензуру), а этотъ, въ свою очередь, Назимова, поручивши ему сдѣлать нѣкоторое вразумленіе автору, что цѣль таланта не только въ живомъ изображеніи смѣшного и дурного, но и въ справедливомъ его порицаніи, въ противопоставленіи пороку добродѣтели, чтобы злодѣяніе находило достойную кару „еще на землѣ“. Назимову Алекс. Ник., съ обычною помощію и по совѣту ближайшихъ друзей, отвѣчалъ письмомъ, исполненнымъ достоинства. Между прочимъ, онъ сказалъ: „твердо убѣжденъ, что всякій талантъ налагаетъ обязанности, которыя честно и прилежно долженъ исполнять человѣкъ, — я не смѣлъ оставаться въ бездѣйствіи. Будетъ часъ, когда спросится у каждаго: „гдѣ талантъ твой?“

Впрочемъ, столь важная неудача на первыхъ шагахъ, очень чувствительная также и въ матеріальномъ отношеніи, не произвела, какъ извѣстно, глубокаго вліянія на впечатлительнаго автора, сумѣвшаго весьма вскорѣ оправиться отъ внезапнаго и сильнаго удара, побороть въ себѣ естественныя и непріятныя ощущенія острастки, исходившей издалека и свысока. Первымъ же порывомъ осмѣлѣвшаго духа онъ направилъ свой путь къ предопредѣленной цѣли. За „Бѣдною невѣстой“ послѣдовали комедіи „Не въ свои сани не садись“, за нею и

„Бѣдность не порокъ“, которыя въ одно и то же время развѣяли прахомъ гнусныя клеветы литературныхъ недоброжелателей, безплодно искавшихъ въ первой комедіи плагіата, и поставили на чрезвычайную небывалую высоту нашу родную (выражаясь словами восторженной гр. Ростопчиной) „театральную литературу“. Въ артистическомъ же мірѣ совершился коренной переворотъ со всѣми спутниками, присущими крупнымъ явленіямъ: завистью, недоброжелательствомъ и даже расколомъ. Совершилось нарожденіе народнаго театра и тотчасъ за нимъ коренное обновленіе стараго съ перваго же почина на знаменитомъ московскомъ.

Высоко-комическій талантъ Прова Михайловича послѣ легкихъ и веселыхъ ролей, вродѣ офицеровъ въ „Что имѣемъ, не хранимъ“, какъ манны небесной, дождался ролей: чиновника Беневоленскаго, богатаго и степеннаго въ полную силу коренного русскаго склада купца Русакова и въ конецъ разорившагося бездомнаго гуляки (обычнаго въ Москвѣ типа купеческаго брата или сына) Любима Торцова и проч. Воплощеніе Садовскаго въ живыхъ, всѣмъ знакомыхъ лицахъ драмъ и комедій Островскаго и послѣ Осипа въ „Ревизорѣ“ было поразительно, а въ частностяхъ исполненіе предстало, какъ совершенно неожиданное новое явленіе. Актеръ какъ бы только и ждалъ этого, подбодряющаго нервы и потрясающаго до вдохновенія, новаго слова. Слѣдомъ за тѣмъ, одно за другимъ безъ отдыха и передышки, свободно вытекали художественные образы, какъ чистыя и свѣтлыя струи изъ неизсякаемаго источника, который до той поры глохъ, не имѣя простора и воли. Всѣмъ существомъ своимъ до увлеченій, столь свойственныхъ этому коренному русскому человѣку, П. М. Садовскій отдался толкованію созданій Островскаго, удѣляя послѣ того лишь изрѣдка по старому и по наряду меньшую дозу усердія дешевымъ ро-

лямъ ежедневнаго театральнаго репертуара. Съ этой поры игра его здѣсь (въ водевиляхъ и переводныхъ комедіяхъ) стала казаться шутками, на досужіе часы отдыха, когда бываетъ забавно и весело самому опроститься до нихъ и легкимъ сердцемъ порѣзвиться и посмѣшить.

Съ этой же поры стала блѣднѣть и свободная, какъ дома, заразительная веселостью, превосходная игра Живокини, неподражаемаго, рѣдкостнаго и единственнаго на русскихъ сценахъ комика-буфа. Забавной, непринужденной шуткой совершенно празднаго оттѣнка стала казаться игра его, не имѣющая иныхъ претензій, кромѣ желанія смѣшить во что бы то ни стало. И это въ особенности сказывалось въ тѣхъ частыхъ случаяхъ, когда (конечно, съ дозволенія начальства и по особому разрѣшенію) этотъ давнишній любимецъ публики, помимо текста разыгрываемыхъ пьесъ, прибѣгалъ къ неожиданнымъ выходкамъ: останавливалъ онъ въ проходѣ направлявшагося къ выходу офицера до окончанія водевиля и усаживалъ его добродушною, безобидною просьбой посмотрѣть и послушать анекдоты изъ своихъ путешествій по провинціи, когда видѣлъ, что товарищи его, актеры или актрисы, замѣшкались въ уборныхъ. Останавливалъ оркестръ, начинавшій уже подыгрывать заключительному куплету, передразнивалъ контрабасъ и укорялъ скрипки въ томъ, что онѣ поспѣшили игрой, когда онъ еще не разсказалъ кое-что изъ того, что хотѣлъ разсказать. Затѣмъ повѣствовалъ о встрѣчѣ, на Тверскомъ бульварѣ съ авторомъ водевиля Тарновскимъ, который предложилъ ему на выборъ два заключительныхъ куплета: одинъ отъ имени автора съ просьбою о снисхожденіи къ сочиненію, другой за артистовъ и за ихъ настоящую игру: такъ вотъ онъ теперь хочетъ пропѣть послѣдній, а не тотъ, который началъ играть оркестръ. Иногда онъ любезно рекламировалъ новыя пьесы, и, приглашая (по

тексту водевиля) на свадьбу дочери и, встрѣтивъ, конечно, на заданый вопросъ отвѣтное молчаніе публики, своимъ своеобразнымъ голосомъ съ пригнуской, ропталъ: „къ намъ вотъ на свадьбу не хотятъ, а на „Свадьбу Кречинскаго“ такъ и ломятся“, и т. под. И злоупотреблялъ: понравившееся публикѣ словечко, вызвавшее хохотъ, любилъ повторять на соблазнъ и на бѣду легкомысленныхъ приказчиковъ изъ Ножовой линіи.

Выходило во всѣхъ случаяхъ такъ, что достаточно было неясныхъ звуковъ знакомаго голоса, раздававшагося еще вдалекѣ за кулисами, какъ уже растворялись на устахъ улыбки и тотчасъ затѣмъ раздавался непрерывный сплошной смѣхъ, переходившій въ откровенный хохотъ. Слышались женскіе взвизги отъ верху до низу, когда начиналъ хозяйничать на сценѣ совсѣмъ по халатному Василій Игнатьевичъ со своими шаловливыми вставками, не имѣвшій соперниковъ и не оставившій, однако, послѣдователей. Въ руку съ нимъ, ему въ помощь, играла и актриса Акимова, безконечно веселая и живая, и актеръ Ленскій, несомнѣнно даровитый каламбуристъ и острякъ, изготовлявшій и подходящія пьесы, какъ „Принцъ съ хохломъ, гербомъ и бѣльмомъ“, какъ „Стряпчій подъ столомъ“ и т. под. Случилось, однако, то, что хотя съ этимъ несомнѣннымъ мастеромъ своего дѣла и давнимъ опытнымъ борцомъ не легко было справляться и отъ него отучать избалованную имъ публику, но и это удалось сдѣлать въ эту эпоху театральнаго воскресенія и явнаго обновленія. И Живокини, наконецъ, привелось осадить назадъ, встать совершеннымъ особнякомъ и безобидно примириться съ новыми вѣяніями. Увлекся и самъ онъ лично, попытавши силы, но онѣ, набалованныя повадкой и надломленныя годами, не выдержали: въ шаржированномъ костюмѣ, съ пересоломъ въ гримировкѣ, Живокини не былъ живымъ лицомъ въ роли Карпа

Карпыча въ картинахъ московской жизни „Не сошлись характерами“. Онъ перестарался, кого-то пересмѣялъ, просто пошутилъ и совсѣмъ характера роли не понялъ, подобно тому, какъ не въ силахъ уже былъ проникнуться цѣлями автора въ Любимѣ Торцовѣ и самъ великій комикъ Щепкинъ. Въ этой роли онъ не имѣлъ успѣха.

Охотно вскочилъ съ кровати и весело и бойко выбѣжалъ изъ „Комнаты съ двумя кроватями“ С. Васильевъ, валявшійся тамъ на одной изъ нихъ, и велъ пустячные разговоры для выясненія какихъ-то совсѣмъ не серьезныхъ недоразумѣній, — выбѣжалъ для того, чтобы возродиться въ Бородкинѣ. Въ лицѣ его, вмѣсто ожидаемаго смѣха, онъ вызвалъ одной лишь фразой непритворныя слезы и откровенныя всхлипыванія простодушныхъ натуръ, совершенно обманутыхъ представленіемъ и окончательно на этотъ разъ забывшихъ о театральной сценѣ. Въ Васильевѣ счастливый авторъ умѣлъ найти ту надежную опору, какъ и въ Садовскомъ, на которой твердо укрѣпился громадный успѣхъ его сценическихъ произведеній на все то время, пока этому артисту не измѣнило зрѣніе и красота его глазъ не сдѣлалась причиною его преждевременной смерти. Идя въ уровень съ сильнымъ товарищемъ, Васильевъ также вдумчиво относился къ принятымъ на себя ролямъ, понимая какую важную отвѣтственность онъ несетъ передъ художественной литературой, передъ русскимъ обществомъ въ этомъ служеніи своемъ житейской правдѣ. Ей оставались они оба, Садовскій и Васильевъ, послѣдовательными и были точными до самыхъ мелочей, не тяготясь и не пренебрегая незначительными вводными лицами. Въ примѣръ, поученіе и руководство послѣдующимъ поколѣніямъ оба умѣли изъ небогатаго матеріала создавать нѣчто такое, что у зрителей не забывается десятками лѣтъ. Васильевъ, чтобъ оттѣнить малозначущую роль всего въ ка-

кихъ-нибудь десятокъ словъ, придалъ ей такой комическій оттѣнокъ, что она дѣлалась цвѣтистою и навсегда памятною. Играя кучера въ картинахъ московской жизни „Не сошлись характерами“ (на дворѣ), болѣе задорнаго и храбраго, чѣмъ первый, и такого молодца, что „хоть сейчасъ подъ черкеса“, — онъ надѣлъ на голову огромную кучерскую шляпу по самыя уши, на плечи напялилъ армякъ съ широкими полами и длиннымъ подоломъ. Въ такомъ нарядѣ всей фигурой онъ казался гораздо ниже своего обыкновеннаго роста. Артистъ и путался въ полахъ армяка, когда говорилъ, что все о войнѣ думалъ до того, что раскипѣлось сердце, и потряхивалъ не по головѣ шляпой, когда поддакивалъ о французѣ, который придетъ „и разоритъ, потому — сила“. А искусно и находчиво умалилъ онъ свой ростъ также и для того, чтобы рѣзче оттѣнить и выпуклѣе представить послѣдующій насмѣшливый окрикъ кухарки:

— Охъ, воины! Сидя на печкѣ — воюете. Видно, не страшна война, только утиши Господи!

Онъ же, С. В. Васильевъ (впрочемъ, какъ и всѣ другіе по неизмѣннымъ московскимъ традиціямъ), не переставалъ играть въ то время, когда ему не полагалось ролей. Исполняя также вводную роль Разлюляева въ „Бѣдность не порокъ“, умѣлъ оживить и подцвѣтить ее. Съ молодцовской ухваткой расхаживалъ онъ щеголькомъ между дѣвицами, пощелкивая орѣшками, и съ ухарскимъ вывертомъ потчивалъ ихъ изъ синяго платочка. Словомъ, все было на счету и полагалось въ смѣтѣ, чтобъ играла жизнь на сценѣ такъ же, какъ и на вольномъ свѣтѣ. И Садовскій въ роли пропойцы Любима Торцова не задумался отыскать и надѣть тотъ сортъ одежи, которая у рядскихъ остряковъ давно извѣстна подъ названіемъ „срамъ-пальто“: не краситъ и не грѣетъ, и удобно лишь въ немъ отъ долговъ бѣгать. Каза-

лось даже и по такимъ мелочамъ, что на этихъ высокихъ праздникахъ рожденія русскаго народнаго театра всѣ, очевидно, воспрянули духомъ и несомнѣнно возликовали сердцемъ. Поддерживая намѣренія автора и служа его высокимъ цѣлямъ, всѣ безъ исключенія, до женскихъ персонажей включительно, помогали ему съ сознаніемъ высокой важности и глубокаго значенія совершавшагося на сценѣ историческаго событія.

Л. П. Косицкая, много уже потратившая силъ на слезливыхъ роляхъ искусственныхъ французскихъ мелодрамъ, достигшая наивысшаго успѣха въ „Материнскомъ благословеніи“ (гдѣ и Сергѣй Васильевъ въ роли савояра прыгалъ подъ пѣсенку некрасовскаго перевода: „За моей женой три су, а за мной всего четыре“), воспрянула въ жизненной поэтической Катеринѣ (въ „Грозѣ“). Здѣсь она очаровала самого автора, а въ роли Дуняши („Не въ свои сани не садись“) вызывала непритворныя слезы, зачастую доводила до истерикъ болѣе впечатлительную и слабую половину театральныхъ зрителей. Сестры Бороздины (особенно Варвара Павловна въ „Грозѣ“) изъ водевильныхъ гризетокъ и ложно-русскихъ горничныхъ преобразились въ подлинныхъ русскихъ дѣвицъ, на всякую стать: скромныхъ и застѣнчивыхъ, бойкихъ и шаловливыхъ, городского пошиба и подлиннаго купеческаго склада.

Всѣ эти исполнительницы (со включеніемъ Васильевой, Екат. Ник.) въ той пьесѣ Островскаго, съ которой несомнѣнно началась новая эра, поставленной въ бенефисъ Косицкой („Не въ свои сани...“), проявили свои таланты въ полную мѣру. Совершеннѣе сыграть было невозможно.

Изъ артистовъ со вторыхъ ролей погодился, придясь ко двору, и Ник. Мих. Никифоровъ, который уже издавна и кстати любилъ пить чай съ купцами въ Охотномъ ряду. Точно также, къ немалому уди-

вленію всѣхъ, любовно и зорко слѣдившихъ за успѣхами сцены, выступилъ въ пьесѣ Островскаго во второстепенной, почти также вводной не легкой роли трактирщика Маломальскаго Степановъ, поразившій мастерскою отдѣлкой ея. Точно и онъ, содержимый въ черномъ тѣлѣ, все время втайнѣ копилъ и сберегалъ свои силы, чтобъ охотливо обнаружить ихъ, когда всѣхъ потребовали къ отвѣту и облегчили его задачами на знакомыя темы. Петръ Гавриловичъ былъ необыкновенный, замѣчательный гримъ, съ такимъ успѣхомъ исполнявшій роль князя Тугоуховскаго (въ „Горе отъ ума"), что императоръ Николай Павловичъ приказалъ вызвать его въ Петербургъ, чтобъ еще разъ доставить удовольствіе императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, признавшей въ этомъ исполнителѣ молчаливой роли одного московскаго сановника. Степановъ, сыгравшій Маломальскаго, удостоился и другой оцѣнки, личнымъ свидѣтелемъ которой былъ Ив. Ѳед. Горбуновъ, оставившій въ своемъ дневникѣ такую замѣтку:

Вскорѣ послѣ перваго представленія комедіи „Не въ свои сани не садись" зашли они пить чай въ трактиръ Пѣгова (гдѣ потомъ былъ ресторанъ „Эрмитажъ").

— Выпили мы „четыре пары", — такъ въ то время опредѣлялась порція чаю, — Петр. Гавр. отдалъ половому деньги. Половой черезъ минуту принесъ ихъ обратно и положилъ на столъ.

— Что значитъ? — съ удивленіемъ спросилъ Степановъ.

— Приказчикъ не беретъ, — съ улыбкой отвѣчалъ половой.

— Почему?

— Не могу знать, — не беретъ. Ту причину пригоняетъ...

— Извините, батюшка, мы съ хозяевъ не беремъ, — сказалъ, почтительно кланяясь, подошедшій приказчикъ.

— Развѣ я хозяинъ?

— Ужъ такой-то хозяинъ, что лучше требовать нельзя! Въ точности изволили представить! И господинъ Васильевъ тоже: „кипяточку!“ На удивленіе!..

— За комплиментъ благодарю, а деньги все-таки возьми.

Я привожу этотъ маленькій случай съ небольшимъ актеромъ собственно для того, чтобы показать, насколько, при давно уже упрочившейся связи театра съ публикой, вліяла сцена на первобытную нетронутую русскую природу, когда заговорили о человѣческихъ чувствахъ на общепонятномъ родномъ языкѣ. До изумительно-точнаго художественно обработаннаго языка Островскаго за народную русскую рѣчь выдавалось на сценѣ такое поддѣльное мѣсиво, которое по всей справедливости слѣдуетъ назвать дурацкимъ. „Филатка и Мирошка“, водевиль актера Григорьева, прославившагося на весь свѣтъ куплетомъ: „По Гороховой я шелъ, но гороху не нашелъ, а на Малой на Морской капли нѣтъ воды морской“, — водевиль, пользовавшійся необыкновеннымъ успѣхомъ даже на дѣтскихъ театрахъ, — считался первымъ произведеніемъ изъ народнаго быта. А между тѣмъ не угодно ли прислушаться къ тому, какъ поютъ на сценѣ мужички петербургскаго издѣлія по наблюденіямъ столичныхъ знатоковъ и сценическихъ изслѣдователей и толковниковъ (кстати сказать, эти пейзаны къ тому же всѣ безъ исключенія патріоты самаго приторнаго свойства). Григорьевскій мужикъ поетъ:

Русскихъ знаетъ цѣлый свѣтъ:
Не съ руки намъ чванство, —
Правду молвилъ я иль нѣтъ —

(обраясь къ публикѣ)

Пусть рѣшитъ дворянство.

Никогда и ни одинъ изъ русскихъ театровъ не достигалъ такой высоты совершенства и вліянія, до какой поднялся къ серединѣ девятнадцатаго столѣтія Московскій театръ. Произошло это, благодаря необыкновенно счастливому соединенію разнообразныхъ талантливыхъ силъ, создавшихъ извѣстныя традиціи, живыя и дѣйствительныя тамъ и въ наши дни, и выразилось въ томъ, что всѣ роды драматическихъ произведеній находили себѣ первоклассныхъ исполнителей. Геніальный трагикъ Мочаловъ, увлекавшій своею игрою до чрезвычайныхъ восторговъ самую требовательную публику, донашивалъ на своихъ могучихъ плечахъ классическую трагедію и драму. Высокая комедія также властительно пользовалась своими законными правами и блистательно отвоевывала ихъ съ такими вождями, какъ Грибоѣдовъ и Гоголь, и такимъ пособникомъ, какъ М. С. Щепкинъ, звѣзда котораго къ тому времени, когда выступилъ Островскій, еще блистала яркимъ свѣтомъ. Подъ особой защитой высокой комедіи укрылся и ужился вѣтренный весельчакъ, безобидный острякъ и безстрастный потѣшникъ, привозный гость — водевиль, счастливѣе и богаче всѣхъ прочихъ заручившійся поклонниками и защитниками. При такихъ условіяхъ сцена, угождая репертуаромъ рѣшительно всякому вкусу, а при подобныхъ исполнителяхъ самому требовательному, возобладала небывалымъ вліяніемъ на общество богатой и купеческой Москвы. Такого вліянія въ равной степени нельзя наблюдать ни въ какомъ другомъ городѣ, хотя бы также университетскомъ и также торговомъ.

Мочалову (едва ли не изъ первыхъ) довелось убѣдиться, на сколько существенно это вліяніе сцены и дѣятельна связь, незримо, но прочно закрѣпляемая ею съ зрителями. Во всякомъ случаѣ онъ первымъ въ счастливомъ избыткѣ воспользовался результатами вліянія своей потрясающей нервы игры

на простыхъ людей, не тронутыхъ образованіемъ, и тотчасъ же, какъ только они возымѣли рѣшимость выйти въ театральную залу изъ затворовъ Замоскворѣчья, оберегавшихся дубовыми воротами и злыми цѣпными собаками. Увлеченіе Мочаловымъ въ наибольшихъ размѣрахъ проявилось именно въ этой средѣ, нуждавшейся въ сильныхъ наркотическихъ средствахъ для подъема душевной энергіи, ежедневно ослабляемой мелкими заботами будничной жизни, направленной исключительно къ наживѣ и сосредоточенной на денежномъ барышѣ и имущественной прибыли. Въ то время, когда художественная, тонкая въ отдѣлкѣ, игра Щепкина въ высокихъ комедіяхъ была здѣсь менѣе внятною, чѣмъ въ интеллигентныхъ столичныхъ слояхъ, — у Мочалова была благодарная, воспріимчивая и имъ же самимъ взрыхленная почва въ среднихъ классахъ.

„Купцы наши московскіе (свидѣтельствуетъ его дочь, Ек. Пав. Шумилова) такъ любили отца, что готовы были полъ-лавки отдать за то только, чтобъ онъ побывалъ у нихъ". Не отставали и француженки въ модныхъ и богатыхъ магазинахъ, разсыпаясь передъ нимъ въ любезностяхъ, когда знаменитый трагикъ съ дочерью являлся за покупками.

Если купеческія дѣти просили матерей лепечущимъ языкомъ, еще безсильнымъ выговаривать правильно фамилію Косицкой, указать имъ ее на сценѣ, то это совсѣмъ не означало, чтобы Л. П. раздѣляла съ Мочаловымъ успѣхи и славу. Лавры ея и всѣхъ прочихъ выросли въ купеческихъ домахъ уже далеко потомъ, а между тѣмъ уже въ это время 12-тилѣтней дѣвочкѣ — дочери Мочалова, лишь изъ любви къ ея отцу, одинъ поклонникъ въ серебряныхъ рядахъ поднесъ прелестное брилліантовое колье на шею. При этомъ замѣчательно то, что Мочаловъ своихъ поклонниковъ не баловалъ и, пробиваясь тернистымъ путемъ и расчищая дикую залежь для

послѣдующихъ сѣятелей, — знамя независимаго артиста держалъ высоко. Какъ передовому — и уже положительно первому — ему приходилось выводить званіе актера изъ ничтожества, изъ того полупрезрительнаго положенія, въ какомъ оно долгое время находилось. Когда, въ виду обычая развозить бенефисные билеты по домамъ, ему совѣтовали поступить такъ же, увѣряя даже, что купецъ Гучковъ приготовилъ въ подарокъ серебряный сервизъ цѣною въ 500 рублей, Пав. Ст. отвѣчалъ рѣзкимъ отказомъ:

— Билеты на бенефисъ актера Мочалова продаются въ кассѣ Большого театра.

Затѣмъ послѣ Мочалова надо было явиться Островскому съ народными драмами и комедіями, чтобы, смягчивъ и уничтоживъ кое-какія противорѣчія и недоразумѣнія, разомъ повернуть симпатіи Москвы въ другую сторону, остановить ихъ на новомъ мѣстѣ и здѣсь навсегда закрѣпить.

Благодаря Островскому, сцена сдѣлалась въ общественномъ мнѣніи своею, родною, „нашей московской“. Театръ изъ храма увеселеній превратился въ школу, и въ ней совершилось неожиданное чудо. Авторъ, проникшій во всѣ тайны темнаго царства и выставившій ихъ на всеобщій судъ и осужденіе, — и артистъ, одухотворявшій съ равнымъ искусствомъ и очевидною правдой и крикливый порокъ и молчаливую добродѣтель, сдѣлались излюбленными друзьями этихъ самыхъ героевъ комедій. Уваженіе обоимъ великимъ художникамъ оказывалось всюду и всѣми также великое. Они сдѣлались дорогими гостями. За высокую честь стали считать ихъ вниманіе и посѣщенія; къ ихъ рѣчамъ съ восторгомъ и благоговѣніемъ прислушивались. И сотворила такія чудеса художественная правда, выведенная на сцену, не только въ средѣ образованныхъ изъ купечества, успѣвшаго зачислиться въ интеллигенцію, но и среди

тѣхъ „дикихъ“ избалованныхъ достаткомъ самодуровъ, которыхъ особенно не щадилъ авторъ, и въ нихъ дѣйствительно еще не кончилась борьба темнаго злого духа съ добрымъ началомъ. И эти въ одинаковой степени широко растворяли двери своихъ крѣпко запертыхъ домовъ прямо въ гостиныя комнаты съ аляповатою мебелью старыхъ рисунковъ, съ застоявшимся затхлымъ запахомъ забытыхъ покоевъ, которые только что передъ приходомъ дорогихъ гостей были подметены и провѣтрены, а открывались и освѣщались лишь на такіе исключительные случаи.

Степень нравственнаго вліянія произведеній Островскаго на публику въ главномъ выдающемся сословномъ представительствѣ ея жителей, съ самыхъ первыхъ пьесъ, сдѣлалась на столько очевидной, что не нуждается въ примѣрахъ и доказательствахъ. Особенно сильное возбуждающее впечатлѣніе на „купеческую“ Москву произвела драма „Бѣдность не порокъ“, съ 25 января 1854 года до послѣдняго дня Масленицы не сходившая со сцены. И все это, между тѣмъ, происходило въ то тяжелое время, когда помрачился политическій горизонтъ и до патріотической русской столицы, хотя и медленно и въ искаженномъ, по обычаю, видѣ доходили недобрыя вѣсти о севастопольскомъ погромѣ.

Очевидецъ, свидѣтель первыхъ успѣховъ этой счастливой пьесы, И. Ѳ. Горбуновъ былъ поставленъ въ благопріятныя условія наблюденій за тѣми впечатлѣніями, какія были вызваны ею въ средѣ московскаго купечества. Мастерскими штрихами наблюдательнаго художника онъ сумѣлъ оттѣнить оба результата, вызванные неподражаемою игрой Садовскаго, съ которымъ Горбуновъ былъ въ это время неразлучнымъ, сопровождая его всюду, откуда получались приглашенія на хлѣбъ-соль или чашку чая.

Въ одномъ случаѣ онъ былъ свидѣтелемъ такого привѣта, полученнаго Садовскимъ:

— Ну, Провъ Михайлычъ, такое ты мнѣ — московской первой гильдіи купцу Ив. Вас. Н—ву — уваженіе сдѣлалъ, что въ ноги я тебѣ долженъ кланяться. Какъ вышелъ ты, я такъ и ахнулъ! Да и говорю женѣ (увидишь, — спроси ее): смотри, говорю, — словно бы это я!... Борода только у тебя покороче была, — ну вотъ, какъ есть! Это, говорю, на меня критика. Даже стыдно стало: сижу въ ложѣ-то, да кругомъ и озираюсь, — не смотрятъ ли, думаю, на меня. Ей-Богу! А какъ заговорилъ ты про тарантасъ, я такъ и покатился! У меня тоже у Макарья случай съ тарантасомъ былъ.

И онъ разсказалъ, какъ съ Нижегородской ярмарки возвращался онъ въ Москву и три дня не вылѣзалъ изъ тарантаса.

Горбуновъ записалъ, между прочимъ, и такую исповѣдь Садовскому одного изъ московскихъ купеческихъ самодуровъ, по поводу именно игры Любима Торцова:

— Вѣрите, Провъ Михайлычъ, я плакалъ. Ей-Богу плакалъ! Какъ подумалъ я, что со всякимъ купцомъ это можетъ случиться... страсть! Много у насъ, по городу[1], ихъ такихъ ходитъ: ну, подашь ему, — а что бы это жалѣть... А васъ я пожалѣлъ, — именно, говорю, пожалѣлъ. Думаю: Господи, самъ я этому подверженъ былъ, — ну, вдругъ! Вѣрьте Богу, страшно стало! Домъ у меня теперь пустой: одинъ въ немъ существую, какъ перстъ. И чудится мнѣ, что я ужъ и на паперти стою, и руку протягиваю... Спасибо, голубчикъ! Многіе, которые изъ нашихъ, можетъ очувствуются. Я теперь, братъ, ничего не пью, — будетъ! Все выпилъ, что мнѣ положено!... Думаю такъ: богадѣльню открыть... Которые теперича старички, — въ Москвѣ много ихъ! — пущай грѣ-

[1] Разумѣя, конечно, Гостиный дворъ съ прилегающими окрестностями. Упомянутый здѣсь случай благотворенія не выдуманъ.

ются. Вотъ именно мнѣ эти ваши слова: „какъ я жилъ, какія я дѣла выдѣлывалъ!“ Ну, честное мое слово, — слезы у меня пошли“.

Сверхъ купеческихъ домовъ, куда на-расхватъ приглашались нашъ драматургъ и его толкователь, компанія Островскаго любила посѣщать по субботамъ веселые и разнообразные вечера Булгакова, — не Павла, бросившаго на сцену кошку вмѣсто букета петербургской танцовщицѣ Андреяновой, а другого брата — Константина Александровича. У этого всѣ друзья Островскаго были своими людьми, умѣло соединенные въ такую бесѣду, подобной которой не было, конечно, во всей Москвѣ, благодаря тому, что и самъ хозяинъ не былъ зауряднымъ человѣкомъ. Онъ было отлично образованъ и даровитъ: прекрасно рисовалъ, мастерски игралъ на рояли и подъ аккомпаниментъ ея безъ голоса умѣлъ обаятельно передавать суть глинкинскихъ романсовъ. Сверхъ всего, владѣлъ онъ необыкновенно добрымъ сердцемъ.

Посѣтители булгаковскихъ вечеровъ, на Дмитровкѣ, въ домѣ Щученка, куда К. А. перебрался по смерти отца, назывались „субботниками“. Заведена была книга-альбомъ, въ который каждый изъ посѣтителей обязанъ былъ, при поступленіи, собственноручно вписывать свою фамилію. Кн. П. А. Вяземскій, при проѣздахъ черезъ Москву бывавшій у Булгакова, значится въ числѣ субботниковъ и въ альбомѣ имѣются его стихотворенія. Вообще стиховъ было много, въ особенности Б. Н. Алмазова. А. Н. Островскій также охотливо, вмѣстѣ съ друзьями, посѣщалъ эти собранія и, слѣдуя общему закону кружка, внесъ и свою лепту, и, по примѣру большинства, также стихотворную — „Къ ней“ или

„О ней“, но во всякомъ случаѣ вызванную молодымъ настроеніемъ въ пору развлеченій и любви. Хотя, благодаря внѣшней формѣ, стихи могли быть прочитаны при постороннихъ свидѣтеляхъ, но въ нихъ все-таки скрывалось истинное увлеченіе влюбленнаго и стихотвореніе предъявлено было въ видѣ признанія, но искусно замаскированнаго шуткой. Свидѣтелями были обычные посѣтители вечеровъ: чуть не ежедневный Садовскій, Мих. Ник. Лонгиновъ, скульпторъ Рамазановъ, музыкантъ-композиторъ Дютшъ, остроумный Б. Н. Алмазовъ и отставной актеръ Максинъ, служившій большимъ утѣшеніемъ и развлеченіемъ общества. Онъ иногда, среди оживленнаго разговора, задавалъ вопросы, совершенно не вытекающіе изъ темы бесѣдъ, и вставлялъ замѣчанія, вызывавшія общую веселость, а временами даже и непріятную досаду. При такомъ-то вмѣшательствѣ Максина, когда онъ, по привычкѣ, усвоенной на сценѣ, всталъ въ важную позу и сдѣлалъ серьезную мину, являя изъ себя видъ знатока, прочиталъ А. Н. Островскій свое стихотвореніе:

Снилась мнѣ большая зала
Свѣтомъ облита,
И толпа подъ звуки бала
Полъ паркетный колебала
Пляской занята.

— Прекрасно! — воскликнулъ Максинъ. — Живая картина!

У дверей — оффиціанты
И хозяинъ самъ.
И гуляютъ гордо франты,
И сверкаютъ брилліанты
И глаза у дамъ.

— Необыкновенная поэтическая картина! Ну-съ! — не отставалъ Максинъ.

— Да не мѣшайте, Петръ Алексѣичъ!

— Я не мѣшаю: я преклоняюсь передъ поэтомъ.

Воздухъ ароматно-душенъ,
Легкимъ тяжело.
Къ атмосферѣ равнодушенъ
Женскій полъ совсѣмъ воздушенъ,
И одѣтъ голо...

— Да! Къ сожалѣнію, въ нашемъ великосвѣтскомъ обществѣ дамы одѣваются...

— Ахъ, Петръ Алексѣевичъ!

— Молчу!

И отважно и небрежно
Юноши глядятъ.
И за дочками прилежно,
Проницательно и нѣжно
Маменьки глядятъ.
Всюду блескъ, кенкеты, свѣчи,
Шумный разговоръ,
Полувзгляды, полурѣчи,
Бѣломраморныя плечи
И бряцанье шпоръ.
Вальсъ въ кунчихахъ неумѣстно
Будитъ жаръ въ крови.
Душно, весело и тѣсно,
Кавалеры повсемѣстно
Ищутъ визави.

— Виноватъ, я думалъ, что это въ великосвѣтскомъ обществѣ, — не переставалъ Максинъ, говоря все тѣмъ же напыщеннымъ тономъ голоса, къ какому привыкъ на сценѣ, играя въ трагедіяхъ.

Вотъ межъ веѣхъ красавицъ бала
Краше всѣхъ одна.
Вижу я, что погибало
Отъ нея сердецъ немало,
Но грустна она.
Для нея толпа пируетъ
И сіяетъ балъ, —
А она неглижируетъ,
Что ее ангажируетъ
Чуть не генералъ.

— Превосходно!

— Да отстаньте, Петръ Алексѣичъ!

Чтеніе прерывается. Стихотвореніе полностью

вносится въ альбомъ Булгакова, какъ въ протоколъ веселаго засѣданія.

Геній думъ ее объемлетъ
И молчатъ уста.
И она такъ сладко дремлетъ,
И душой послушной внемлетъ,
Что поетъ мечта.
Какъ все пусто! То ли дѣло, —
Какъ въ ночной тиши
Милый другъ съ улыбкой смѣлой
Скажетъ въ залѣ опустѣлой
Слово отъ души.
Снятся ей другія рѣчи...
Дворъ покрыла мгла...
И, накинувъ шаль на плечи,
Для давно желанной встрѣчи
Въ садъ пошла она.

. . . . . .

Слѣдомъ за этимъ стихотвореніемъ Щепкинъ собственноручно вписываетъ стихотвореніе Пушкина „Полководецъ". Онъ также читалъ его и здѣсь, какъ равно и любимое стихотвореніе про Жакартовъ станокъ, которымъ онъ всегда занималъ публику на благотворительныхъ концертахъ и литературно-драматическихъ вечерахъ. Это, какъ извѣстно, дало поводъ Б. Алмазову сказать въ одномъ изъ стихотвореній:

И Щепкинъ не разъ про Жакартовъ станокъ
Разсказывалъ намъ со слезами,
И самъ я отъ слезъ удержаться не могъ,
И плакали Корши всѣ съ нами [1].

„Она" стихотворенія Островскаго и его увлек-

[1] Извѣстная семья, замѣчательная выдающимися дѣятелями: старшій, Евгеній Ѳедоровичъ Коршъ, скончавшійся въ глубокой старости, принадлежалъ литературѣ, какъ и братъ его Валентинъ Ѳеровичъ, бывшій редакторъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей". Младшій братъ, Леонидъ, извѣстенъ былъ въ Петербургѣ, какъ владѣлецъ экипажной фабрики, изготовлявшей самыя фешенебельныя и прочныя рессорныя кареты, коляски и проч. Изъ сестеръ одна была замужемъ за извѣстнымъ нашимъ критикомъ Аполлономъ Алекс. Григорьевымъ, другая — за К. Д. Кавелинымъ, третья — за профессоромъ университета Никитой Ив. Крыловымъ. четвертая — за московскимъ богачемъ А. К. Куманинымъ, а пятая расцвѣтала въ дѣвицахъ во время молодости Ал. Ник. Островскаго.

шагося сердца принадлежала къ интеллигентной семьѣ, и въ комедіи, по толкованію его живыхъ комментаторовъ, оказалась въ семьѣ небогатаго чиновника, подъ именемъ Марьи Андреевны. Находилась „она“ въ очень схожихъ условіяхъ жизни, какъ и дочь вдовы Незабудкиной. Вообще на „Бѣдную невѣсту“ будущимъ комментаторамъ придется обратить особое вниманіе, тѣмъ болѣе, что это одна изъ самыхъ раннихъ пьесъ, писалась подъ впечатлѣніемъ ближайшей среды, когда горизонтъ міровоззрѣній автора еше не развернулся въ полную мощь и сумма наблюденій не была еще настолько богата, какъ впослѣдствіи. При обобщеніи характерныхъ чертъ дѣйствующихъ лицъ комедіи свободно и естественно могли подвернуться тѣ, которыя присущи нѣкоторымъ друзьямъ автора, можетъ быть изъ его же кружка, какъ, наприм., Милашинъ, и, кромѣ того, конечно, случайные знакомцы, хотя бы по кратковременной службѣ автора въ одномъ изъ московскихъ присутственныхъ мѣстъ (каковы: старый стряпчій Добротворскій и служащій чиновникъ Максимка Беневоленскій [1]. Въ Хорькова вложены тѣ общія субъективныя черты, которыя присущи робкимъ и безхарактернымъ людямъ коренного русскаго склада, ударяющихся при роковыхъ неудачахъ въ загулъ, но вовсе нѣтъ надобности искать здѣсь какого-то отвѣта коварной измѣнницѣ отъ страстно влюбленнаго и отвергнутаго поклонника. Могло пройти и это событіе живымъ и вчерашнимъ на зоркихъ глазахъ юнаго и впечатлительнаго автора. Конечно, и его исключительному темпераменту, какъ избранника, не только не меньше, но въ значительной степени въ болѣе крупныхъ дозахъ отпущено было запаса нѣжныхъ чувствъ, для проявленія ихъ, какъ законной

[1] Въ Беневоленскомъ знающіе люди находятъ схожія во многомъ черты съ извѣстнымъ оригиналомъ, профессоромъ университета по каѳедрѣ римскаго права.

дани молодости. Затѣмъ всесильная мода на альбомы и всемогущій обычай свидѣтельствовать свои влюбленныя чувствованія стихами извѣстныхъ поэтовъ, а того лучше собственнаго сочиненія, соблазнили и молодого драматурга нашего. И онъ не избѣгъ общей участи: къ нему, конечно, также предъявлялись эти требованія въ ту пору, когда романтическое настроеніе еще не искоренилось, и замоскворѣцкія дѣвы поглядывали на луну и задумывались надъ пылающими сердцами, зарисованными въ ихъ альбомы. Молодой Островскій представлялъ изъ себя стройнаго юношу, одѣтаго щеголевато, а по полученіи первой платы отъ Погодина за „Свои люди", даже по послѣдней парижской модѣ. Онъ пѣлъ романсы и пѣлъ превосходно, очень мелодичнымъ теноромъ, какъ свидѣтельствовала въ печати одна изъ знакомыхъ его въ этой ранней молодости. Съ годами онъ началъ полнѣть, пріобрѣталъ солидную посадку и пересталъ въ довольной мѣрѣ напоминать собою то время, когда онъ былъ еще начинающимъ писателемъ [1]. А такъ какъ въ то же время, онъ становился великимъ, то долгъ нашъ, обязывающій сохранять въ памяти все то живое, чѣмъ высказывался его устанавливающійся характеръ, невольно понуждаетъ кстати и къ слову привести нижеслѣдующій акростихъ, написанный въ скромномъ и теперь уже потерянномъ альбомѣ:

Зачѣмъ мнѣ не данъ даръ поэта,
Его и краски, и мечты?
Нашлась нужда теперь на это.
Аврору, майскіе цвѣты
И всѣ на свѣтѣ красоты
Давно бы описалъ я смѣло,
А васъ писать — другое дѣло.

---

[1] „Вотъ что дѣлаютъ годы: изъ Аполлона я превратился теперь въ Посейдона", — шутливо острилъ надъ собою Ал. Ник. въ кругу близко знавшихъ его въ молодости друзей своихъ въ Петербургѣ.

Рядомъ со стихотворными шутками, облегченными знаніемъ родного языка и его формъ, доведеннымъ, можно сказать, до виртуозности, у Островскаго шло прислужливое изученіе неизвѣстныхъ еще пріемовъ въ живой рѣчи и усыновленіе ихъ, при помощи сцены, въ литературномъ языкѣ. Опыты, какъ извѣстно, оказались настолько удачными, что многія слова и выраженія получили права гражданства и нѣкоторыя изъ нихъ узаконены, какъ новыя пословицы, или уличныя поговорки. Родную рѣчь онъ любилъ до обожанія, и ничѣмъ нельзя было больше порадовать его, какъ сообщеніемъ новаго слова или неслыханнаго имъ такого выраженія, въ которыхъ рисовался новый порядокъ живыхъ образовъ или за которыми скрывался неизвѣстный циклъ новыхъ идей. Это привело его къ серьезной работѣ составленія особаго словаря съ своеобразнымъ толкованіемъ, которая, конечно, за недосугомъ не могла быть доведена до конца. Тѣмъ не менѣе, наслѣдникамъ автора представилась возможность дать 2-му отдѣленію академіи наукъ цѣнный подарокъ въ образчикахъ, которые удалось набросать Островскому въ чернякахъ его посмертныхъ рукописей.

Много словъ, взятыхъ изъ его произведеній, прошло въ обиходъ и досужливому наблюдателю не трудно будетъ выдѣлить ихъ и занести, какъ новость и особенность, въ словарь, подобно словамъ „метеорское званіе“, „доказать“, „патріотъ своего отечества“, „черты изъ жизни“ (на красныхъ носахъ невоздержныхъ гулякъ) и проч., за которыми скрываются цѣльныя представленія и картины, обрисовываются оригинальные характеры и живые типы [1].

---

[1] „Метеорское званіе“, которое носилъ знаменитый Любимъ Торцовъ, и сейчасъ примѣняется съ удобствомъ ко всѣмъ лицамъ подобной печальной профессіи метеоровъ, и которымъ, съ придаткомъ характеристики „тепленькаго“, „чуть тепленькаго“, оттѣняются настоящіе, безвозвратно потерянные. „Доказываетъ“ (свое превосходство) — ломается надменный человѣкъ, не желающій слушать чужихъ мнѣній и не умѣющій отвѣчать по неразвитости; мысли въ разбродѣ и голова

Всѣ, имѣвшіе случаи слушать его бесѣды и принимать въ нихъ участіе, не откажутся подтвердить, какую массу мѣткихъ замѣчаній разбросалъ онъ безслѣдно съ легкостью богатаго и расточительнаго владѣльца.

Глубина наблюденій всегда являлась первою на глаза и вела къ прямому убѣжденію, насколько богато одарена была эта талантливая натура которой, однако, не помирволила судьба. Богатой природѣ не дано было настоящаго образованія въ строгомъ смыслѣ этого слова, по зависимости отъ обстоятельствъ того суроваго времени, когда началъ расти и развиваться самобытный и природный талантъ. Ему не удалось сдѣлаться спеціалистомъ, пригоднымъ на государственную службу, такъ-называемымъ „сихъ дѣлъ мастеромъ", но та же университетская неудача не помѣшала найти путь къ истинному призванію. Немногимъ удавалось выбиваться изъ навязанной или вынужденной колеи и за свой счетъ попасть на прямую дорогу при чрезмѣрныхъ усиліяхъ. Я уже имѣлъ случаи указывать на рѣзкіе и выдающіеся примѣры, подтверждающіе мою мысль, и теперь, при занесеніи въ этотъ списокъ Островскаго, тѣмъ не менѣе, не приходится считать это общеевропейское явленіе кореннымъ русскимъ. Въ самомъ же виновникѣ недовольство собой и эта досада на вынужденное несовершенство было довольно глубоко и искусно скрыто. Въявѣ это могло проявляться (и то лишь отчасти) въ той хвастливости, которую засчитывали Ал. Ник., — явный недостатокъ, правду сказать, рѣзко бросавшійся въ глаза. Въ сущности же неудержимое стремленіе прихваст-

---

занята лишь самимъ собой; гордо глядитъ, односложными словами отвѣчаетъ, покручивая усы и даже мимоходомъ поглядывая въ зеркало, и т. п. Объемъ статьи затрудняетъ дальнѣйшія наблюденія въ этомъ направленіи. Примѣненіе различныхъ выраженій изъ произведеній Островскаго къ случайнымъ обстоятельствамъ обиходной жизни Горбуновъ довелъ также до виртуозности. Модестъ Ивановичъ Писаревъ также зналъ почти всего Островскаго наизусть.

нуть собой и повеличаться небывалыми и даже невозможными въ его положеніи качествами и достоинствами, всего вѣрнѣе слѣдуетъ отнести ко времени выхода изъ незамѣтнаго положенія въ общественной средѣ и къ той забалованной привычкѣ, отъ которой отставать ему не хотѣлось, а окружающіе усиленно не дозволяли. Привычка эта, конечно, пріобрѣтена была имъ главнѣйшимъ образомъ въ ту пору, когда ранніе успѣхи и тотчасъ слѣдовавшая за ними слава захватили его въ молодыхъ лѣтахъ неустоявшимся. Не было опыта жизни и достаточныхъ силъ удержаться отъ угара, чтобъ ослабить охмѣляющій наплывъ лести и слѣпого повсюднаго поклоненія. Эта хвастливость не была, однако, продуктомъ отталкивающаго чванства или гордаго самомнѣнія. Она носила самый невинный характеръ, доходившій нерѣдко до забавныхъ крайностей въ тѣхъ случаяхъ, когда въ виду чужихъ дѣйствительныхъ заслугъ на него быстро нападалъ капризъ равняться и даже попервенствовать на словахъ, какъ бы изъ боязни остаться на задахъ въ обидномъ положеніи неумѣлаго или неспособнаго. Зато если кто изъ людей, къ нему близкихъ, проявилъ извѣстное признанное за нимъ дарованіе, то въ глазахъ и на словахъ Островскаго не было уже человѣка лучшаго и высшаго. Привязанность здѣсь была искренняя и прочная, и даже не безъ крайности и увлеченія. Личная же похвальба во всякомъ случаѣ являлась не только странною, но и совершенно ненужною даже и въ то время. Все, что успѣлъ Островскій сдѣлать въ своей трудовой литературной жизни, произведено было имъ съ образцовымъ и изумительнымъ совершенствомъ, и Александру Николаевичу некому было завидовать.

Мнѣ, между прочимъ, довелось быть свидѣтелемъ того, насколько были вразумительны, сильно трогая и глубоко проникая, тѣ мѣста его произве-

деній, которыя отдѣлалъ онъ съ наибольшимъ успѣхомъ и любовью. И это право отпущено его таланту въ исключительный даръ за то, что онъ съ уваженіемъ относился къ каждой написанной имъ строкѣ; и затѣмъ, конечно, могъ отстоять каждое слово, имъ выпущенное, любой эпитетъ, имъ подвѣшенный, ловко и въ надлежащую мѣрку.

— Слово „упаточилась“ очень извѣстное и употребительное. Да и у меня въ рукописи написано оно такъ четко, что ненадобно и разбирать, — съ явнымъ досаднымъ упрекомъ и замѣтнымъ недовольнымъ чувствомъ отвѣчалъ онъ Горбунову, бывшему еще неизвѣстнымъ переписчикомъ и спросившему его объ этомъ словѣ собственно для того лишь, чтобы въ первый разъ въ жизни услышать его голосъ (до той поры онъ видѣлъ его только издалека).

Живо вспоминается теперь чтеніе А. Н. Островскаго въ одномъ изъ купеческихъ домовъ за Москвой-рѣкой, на Полянкѣ, куда привезъ меня П. М. Садовскій, бывшій въ этой семьѣ своимъ человѣкомъ. Чтеніе назначено было утромъ съ 12 часовъ въ уваженіе болѣзни хозяина, котораго Островскій очень любилъ, но котораго доктора засадили дома и не позволяли засиживаться по вечерамъ. Больному хотѣлось послушать „Воеводу“, о которомъ онъ слышалъ, какъ о пьесѣ очень давно задуманной, а теперь вотъ узналъ, что она, наконецъ, написана.

Уже по рысакамъ у подъѣзда можно было предположить, что хозяинъ вознамѣрился слушать не по-домашнему, запросто, а въ большомъ собраніи и съ нѣкоторою торжественностью, въ праздничной обстановкѣ. Два оффиціанта въ нитяныхъ перчаткахъ, встрѣтившіе насъ въ передней, эту догадку подкрѣпили. Когда же изъ боковой двери и, повидимому, даже безъ особенной надобности, высунулась голова

повара въ бѣломъ колпакѣ, Провъ Михайловичъ кивнулъ въ ту сторону и замѣтилъ, по обычаю отрывисто и кратко:

— Вотъ изволите видѣть! — и, понюхавъ табачку, тотчасъ вывелъ меня изъ недоумѣнія.

— Вотъ какъ у насъ чествуютъ достойныхъ писателей, не то, что какъ въ Санктпетербургѣ! — (Къ слову сказать, Садовскій этотъ городъ иначе не называлъ, очень недолюбливалъ и, вернувшись въ Москву, послѣ первой гастроли своей на Александринскомъ театрѣ, описывалъ его изумительно оригинальными и чрезвычайно остроумными штрихами.)

И потомъ онъ говорилъ, когда мы успѣли осмотрѣться въ гостиной, наполненной посѣтителями (было человѣкъ тридцать):

— Пріѣхалъ отъ васъ не то еврей, не то армянинъ. Покормили его здѣсь въ полное удовольствіе, обласкали. А онъ взялъ да въ благодарность пасквильные стихи написалъ: нашему Ленскому позавидовалъ. Стыдно-съ!

— Да, вѣдь, онъ не армянинъ, а грекъ...

— Все равно-съ. Полухохолъ и полугрекъ, но нѣжинскій, а не мелетскій. Аполлонъ (Григорьевъ) превосходно сказалъ: теперь ему съ выбитымъ зубомъ и огрызаться нечѣмъ.

— Пріѣхали! — кто-то сказалъ сдавленнымъ шепотомъ, но довольно громко.

— И Горбунова привезъ, — замѣтилъ другой сзади меня вполголоса.

— Этотъ уважитъ! Самъ-отъ читать что ли будетъ?

— А зачѣмъ же тебя и позвали?

Вся толпившаяся около дверей залы и въ гостиной публика зашевелилась, освобождая дорожку и устанавливаясь стѣнкой. Устроилось это совершенно такъ, какъ дѣлалось при соборномъ служеніи, когда суровый и строгій митрополитъ Филаретъ входилъ

въ Успенскій соборъ и его также ждали и встрѣчали такими же поясными поклонами, и, кажется, даже съ опущенными глазами встрѣтили и Алек. Ник., который вошелъ своей медленной походкой съ разлитой на лицѣ добродушной и привѣтливой улыбкой. Въ рукахъ у него была листовая въ переплетѣ тетрадь. Онъ положилъ ее на круглый столъ, когда самъ усѣлся на диванѣ, а слушатели размѣстились на тяжелыхъ стульяхъ съ выгнутыми спинками, обитыхъ скользкою волосяною матеріей.

Началось чтеніе мелодичнымъ голосомъ, чистымъ и свѣтлымъ баритономъ, когда ни одно фальшивое удареніе не дерзаетъ оскорблять слуха, какъ случается теперь зачастую на петербургскихъ литературныхъ чтеніяхъ[1]. При чтеніи вслухъ Ал. Ник. выработалъ особенную манеру, отличительную отъ другихъ мастеровъ въ этомъ родѣ, каковы его друзья: именно Писемскій и Ал. Ант. Потѣхинъ. Читалъ онъ очень медленно и спокойно, какъ бы самъ прислушивался къ звукамъ своего ровнаго голоса и каждую отдѣльную, тщательно отдѣланную фразу, пользуясь этимъ благопріятнымъ случаемъ, еще разъ взвѣшивалъ и оцѣнилъ. „Сонъ на Волгѣ“ сталъ оживать въ картинной явѣ, когда у воротъ воеводскаго дома заговорила толпа, раздались крики бирюча и полились затѣмъ ворчливыя рѣчи измученныхъ воеводскими неправдами посадскихъ изъ лучшихъ людей. Съ постепенностью, съ какою онъ вводилъ всѣхъ въ интересы дѣйствующихъ лицъ, навѣвалъ онъ на слушателей то же душевное настроеніе, какимъ несомнѣнно и самъ былъ проникнутъ.

---

[1] Хотя Островскій и считалъ себя (по отцу) костромичемъ, родившись въ Москвѣ, но въ разговорѣ его не замѣчалось признаковъ грубоватаго низкаго говора на о, — онъ, конечно, говорилъ и читалъ высока, низкимъ московскимъ говоромъ и, разумѣется, безъ пересола замоскворѣцкихъ кумушекъ. За то Писемскій упрямо сохранилъ говоръ своей чухломской родины, и это помогало ему доводить до полнаго слухового обмана особенно тѣхъ, кто слушалъ изъ сосѣдней комнаты чтеніе „Плотничьей артели“ и „Горькой судьбины“.

Невозможно было разобраться, что здѣсь лучше: прелестный ли стихотворный размѣръ, или превосходное чтеніе. Явно чувствовалось одно, что авторъ перенесъ насъ въ такое далекое время, когда одна за другою возстаютъ новыя картины, какъ живыя, хотя не виданныя и не слыханныя: свободныя рѣчи недовольныхъ; площадной шутъ, дерзающій обличать грознаго воеводу, и самъ онъ немилостивый, отбивающійся отъ жалобъ и нападокъ лукавыми рѣчали всенародно, на городской площади и на ступеняхъ собора, и т. д.

Читалъ это авторъ при такомъ гробовымъ молчаніи, которое ясно доказывало, что слушатели, какъ бы сговорившись заранѣе между собою, рѣшились ему показать, что они умѣютъ благоговѣйно слушать, что недаромъ пріучала ихъ къ такому способу игра сценическихъ мастеровъ, каковы Щепкинъ и Садовскій, что они всецѣло отдались автору, вѣрятъ всему, что онъ скажетъ, и по мѣрѣ разумѣнія и по силѣ чувствованій, наслаждаются. „Вотъ этакого разумнаго человѣка народилъ Господь и послалъ въ нашу матушку Москву: слушаетъ она его теперь и не можетъ вдоволь наслушаться. То всѣмъ дорого и лестно, что нашъ онъ батюшка, нашъ“.

Много разъ потомъ слушалъ я чтеніе Островскаго въ ежегодніе осенніе и зимніе пріѣзды въ Петербургъ (въ квартирѣ брата, у актера Бурдина, у Некрасова, и проч.), но такой свободной манеры, непринужденной до изящнаго, и художественной простоты, я уже не слыхалъ (читывалъ онъ и стихотворенія). Казалось тогда, что будто слушаешь оперу, построенную на новыхъ мотивахъ, словно древнихъ лѣтъ Баянъ воскресъ и вновь вдохновился.

И рѣчи изъ устъ его вѣщихъ сладчайшія меда лилися.

Прочиталъ Алек. Ник. прологъ „Воеводы“ за одинъ духъ и когда откинулся на спинку дивана,

прося позволенія отдохнуть, — всеобщее молчаніе не нарушалось.

Отдыхалъ авторъ не долго. Не скрылось отъ насъ, что онъ самъ увлекся чтеніемъ и желаетъ его продолжать передъ такими охотливыми и благодарными слушателями. Онъ прочиталъ затѣмъ самый „Сонъ". Когда дошелъ до хвалебнаго стиха Волгѣ, вложеннаго въ уста недруга воеводы, и прочиталъ его съ поразительною простотой и въ увлекательно мягкихъ тонахъ, совершенно не похожихъ на общепринятые прочими поэтами, — въ чрезмѣрно приподнятыхъ тонахъ до неестественной торжественности, — въ средѣ простодушныхъ, но, тѣмъ не менѣе, воспріимчивыхъ слушателей началось неожиданное движеніе. Одинъ глубоко вздохнулъ на всю комнату и этимъ какъ будто подалъ сигналъ, чтобы и прочіе нѣсколько пришли въ себя, оживились и пріободрились. У хозяина навернулись слезы, хотя онъ и старался скрыть ихъ отъ чтеца, но это ему не удалось: Алек. Ник. прекратилъ чтеніе, посвятивши ему времени около часу. Когда вышелъ онъ изъ-за круглаго стола, и всѣ поднялись съ мѣстъ, всеобщее молчаніе еще нѣкоторое время продолжалось, словно не застыли еще въ воздухѣ и носились въ немъ нѣжныя слова привѣта, лаская слухъ и окрыляя мысли:

Кормилица ты наша, мать родная!
Ты насъ поишь и кормишь и лелѣешь!
Челомъ тебѣ! Катись до синя моря!..

Одинъ изъ слушателей простодушно признавался мнѣ:

— Ну, чего тутъ толковать, и о чемъ еще разговаривать? Не хвалить звали — слушать. Неумѣлою похвалой, — да ежели она невпопадъ окажется, — можно обидѣть. Вѣрно, какъ говорили, что лучше нельзя, и никто такъ не можетъ. Вонъ и Провъ Михайлычъ — на что ужъ уменъ и самъ доточливъ, а и тотъ молчалъ: тоже замеръ.

Садовскій хотя и молчалъ, но, тѣмъ не менѣе, дѣйствовалъ: хозяинъ на ушко спросилъ его благословенія, и получилъ его отвѣтнымъ кивкомъ головы:

— Милости просимъ къ хлѣбу-соли!

Засимъ обычная заключительная сцена, на этотъ разъ уже въ залѣ.

Въ залѣ, замѣнившей столовую, началось движеніе: всѣ подходили къ закускѣ; сверкали рюмками. Въ предшествіи старшаго оффиціанта, на манеръ дворецкаго, внесли огромную кулебяку. Дворецкій снялъ съ нея бѣлое покрывало; вытянулъ впередъ губы и сдѣлалъ большимъ ножомъ продольный разрѣзъ. Засочилось. Показалось что-то вродѣ червонца — это былъ яичный желтокъ. За нимъ выскочилъ пѣтушій гребешокъ; подъ нимъ шляпка бѣлаго гриба. Началось присмакиванье, присасыванье. Кто-то свистнулъ, у одного въ лѣвомъ глазу навернулась слеза.

Сѣли за столъ. Уха изъ стерляди съ налимьей печонкой. Телятина банкетная... Впрочемъ, я не буду подробно разсказывать, боясь въ читателѣ возбудить, быть можетъ, несвоевременный аппетитъ. Скажу только одно: нѣтъ теперь такихъ кулебякъ, нѣтъ такой ухи и телятины и нѣтъ такихъ богатырей-ѣдоковъ.

Вотъ какъ описалъ этотъ завтракъ покойный нашъ другъ Ив. Ѳ. Горбуновъ (самъ отличный поваръ), бывшій въ это же время въ числѣ возлежащихъ за трапезой. И эту трапезу, какъ неисчислимое множество на своемъ вѣку, онъ охотливо приправилъ, подсластилъ и оживилъ тѣми своими веселыми и безподобными разсказами, подобныхъ которымъ также не было, нѣтъ и, кажется, никогда не будетъ. Равнымъ образомъ безъ его поддержки и сладкихъ приправъ не обходилось ни одно публичное угощеніе литературными чтеніями, въ основу которыхъ обычно полагались корифеи отечественной словестности и выбирались по возможности хорошіе

чтецы, какъ А. А. Потѣхинъ, А. Ѳ. Писемскій, Вас. А. Слѣпцовъ, поэты Майковъ, Полонскій и театральные чтецы, укрѣпившіеся на сценѣ съ примѣра трагиковъ, но повернувшіе отъ нихъ въ противоположную сторону. Отъ классическихъ восторговъ при взвинченныхъ чувствахъ сдѣланъ былъ удачный, обезпечившійся счастливыми успѣхами переходъ на мотивы гражданской скорби (Модестъ Писаревъ, Полонскій, Никитинъ) и, наконецъ, даже одновременно быстрый скачокъ въ шансонетки французской закройки, но домашняго шитья (Монаховъ и даже Самойловъ).

Литературныя чтенія съ легкой руки Островскаго и его ближайшихъ друзей пришлись по вкусу публикѣ и вошли въ моду. Островскій, Писемскій и Потѣхинъ начали ихъ въ Москвѣ въ частныхъ домахъ купеческихъ и аристократическихъ и, конечно, безплатными, исключительно въ интересахъ личнаго творчества. Впослѣдствіи литературные утра и вечера сдѣлались платными всегда съ благотворительной цѣлью. Съ переходомъ на эстрады общественныхъ и клубныхъ залъ чтенія въ глазахъ публики получили сначала тотъ существенный интересъ, что можно было видѣть вживѣ и въявѣ доселѣ незримыхъ виновниковъ наслажденій эстетическихъ и художественныхъ, вглядѣться въ ихъ обманъ, изъ устъ самихъ услышить ихъ произведенія, а по пути и кстати общепринятыми знаками доказать имъ свою признательность и за доставленныя удовольствія и за поученія. Чтенія во фракахъ сдѣлались новаго вида театральными увеселеніями.

Если бы возникъ вопросъ: который изъ трехъ московскихъ основателей литературныхъ чтеній былъ лучшимъ? — пришлось бы отвѣтить обычнымъ дѣтскимъ способомъ. Каждый внесъ свою монету, и всѣ пользовались одинаковымъ успѣхомъ съ наддачею лишнихъ восторговъ въ сторону котораго-либо изъ

нихъ, въ исключительныхъ случаяхъ подъема духа публики и вслѣдствіе какого-либо особаго, временнаго, ея настроенія. Вообще пріемъ въ публичныхъ чтеніяхъ, усвоенный, наприм., Алек. Ант. Потѣхинымъ, выдѣлялся наибольшею горячностью по сравненію съ двумя остальными, но у него, какъ равно и у Писемскаго, слушатели чувствовали живыхъ лицъ съ оттѣнками ихъ голоса и манеры, а для артистовъ имѣлись намѣченными и готовыми такіе штрихи, которые достаточно облегчали путь и способы къ созданію полныхъ и правдивыхъ типовъ. Писемскій самъ былъ превосходнымъ актеромъ и замѣчательнымъ разсказчиковъ, чего недоставало двумъ другимъ и въ особенности Островскому. Послѣдній пробовалъ участвовать въ своихъ пьесахъ на домашнихъ сценахъ, но лишь превосходно читалъ избранную роль, и совсѣмъ не игралъ, не былъ дѣйствующимъ лицомъ, а лишь постороннимъ участникомъ и какъ бы обязательнымъ свидѣтелемъ игры прочихъ. Многимъ еще памятно одно изъ такихъ представленій въ квартирѣ его шурина (сначала въ Запасномъ дворцѣ у Красныхъ воротъ, потомъ въ казенной квартирѣ въ Кремлѣ). Авторъ превосходно читалъ свою роль, но все время не спускалъ глазъ съ Садовскаго, который, въ числѣ прочихъ артистовъ, избранныхъ и приглашенныхъ на спектакль, сидѣлъ между зрителями. Этотъ странный пріемъ, и притомъ примѣненный во все всемя дѣйствія съ изумительнымъ упорствомъ, вынудилъ настоящаго артиста сдѣлать въ антрактѣ актеру-автору такое замѣчаніе:

— Зачѣмъ вы на меня смотрите? Вѣдь я могу сейчасъ уйти изъ креселъ, чтобы не мѣшать вамъ „играть“.

Островскій всѣми помыслами, можно даже сказать — всѣмъ существомъ своимъ до того былъ преданъ интересамъ сцены и ревнивъ къ ея успѣхамъ до мелочи, что потомъ еще не одинъ разъ

пробовалъ испытывать на ней свои силы, но всякій разъ (наприм., въ домѣ Пановой въ роли Маломальскаго) не пользовался удачами. Не удались ему роль Подхалюзина и другія въ собственныхъ пьесахъ, изъ которыхъ игрались преимущественно еще недопущенныя въ то время на сцену, какъ „Свои люди“ и „Доходное мѣсто“. Зато Писемскій чтеніемъ своимъ (въ особенности „Горькой судьбины“) развертывалъ движеніе цѣлой драмы въ мельчайшихъ оттѣнкахъ характеровъ каждаго изъ дѣйствующихъ лицъ такъ, какъ должно быть на театральной сценѣ и совершенно и безобманно, именно въ такомъ видѣ, какъ оно разыгралось бы и въ жизни крѣпостной деревни и барской усадьбы. За эту художественную правду и мастерскую работу при отдѣлкѣ ея, только эта драма Писемскаго пользовалась большимъ успѣхомъ не столько на столичныхъ, сколько на провинціальныхъ сценахъ, — на послѣднихъ собственно благодаря безупречно правдивому исполненію ролей такими артистами, какъ Стрепетова и Модестъ Писаревъ, съ его всегда обдуманною и цѣльно проникновенною игрой въ роли питерщика Ананья.

Въ судьбѣ обоихъ друзей, Островскаго и Писемскаго [1], неизмѣнно и искренно связанныхъ другъ съ другомъ, безъ малѣйшей задоринки въ недоразумѣніяхъ до конца жизни, случилось какъ разъ обратное: счастливый въ личномъ участіи на сценѣ, Писемскій не имѣлъ возможности наслаждаться продолжительнымъ успѣхомъ своихъ пьесъ; на сценѣ многихъ изъ нихъ ему даже не пришлось видѣть въ исполненіи. Островскій былъ неизмѣримо счастливъ тѣмъ, что около всѣхъ, безъ исключенія, имъ написанныхъ произведеній образовались цѣлыя самостоя-

---

[1] Островскій, какъ извѣстно, участвовалъ въ починѣ литературной дѣятельности Писемскаго въ журналахъ: 4 сентября 1850 г. онъ привезъ Погодину повѣсть „Тюфякъ“, которая и была напечатана въ октябрьской книжкѣ „Москвитянина“.

тельныя труппы артистовъ, а на образцовомъ московскомъ театрѣ нашъ авторъ имѣлъ, въ видахъ исключенія для одного себя, выдающуюся удачу обойтись на первое горячее время безъ помощи такихъ силъ, каковы: громадная Щепкина и весьма значительныя и внушительныя Шумскаго и Самарина: перваго ярко выступавшаго въ водевиляхъ и комедіяхъ, второго — въ комедіяхъ и драмахъ. И кто бы могъ повѣрить, что эти три артиста были закулисными недоброжелателями нашего знаменитаго драматурга: Михаилъ Семенычъ, довольно открытымъ, Сергѣй Васильевичъ изъ подражанія ему, какъ своему покровителю, а Иванъ Васильевичъ, въ то время не успѣвшій вполнѣ установиться на своихъ ногахъ, въ роли нейтральнаго, но съ примѣтнымъ наклономъ въ сторону театральнаго ветерана. Объ этомъ обстоятельствѣ необходимо сказать нѣсколько словъ въ интересахъ правды и полноты воспоминаній.

Во время расцвѣта творческаго таланта Островскаго извѣстная борьба славянофиловъ съ западниками была въ полномъ разгарѣ, въ особенности, когда первымъ удалось основать свой органъ „Русская Бесѣда“ и въ немъ укрѣпиться съ большею послѣдовательностью и независимостью, чѣмъ до тѣхъ поръ въ погодинскомъ органѣ „Москвитянинѣ“ и въ отдѣльныхъ сборникахъ, Во главѣ такъ называемыхъ „западниковъ“ стояли тогда молодые профессора университета: Грановскій, Кавелинъ, Кудрявцевъ, Катковъ и друг. Когда Островскій напечаталъ свою превосходную первую комедію „Свои люди сочтемся“ въ „Москвитянинѣ“, западники легкимъ, скороспѣлымъ способомъ только по одному этому обстоятельству зачислили его въ ряды славянофиловъ. Когда же около погодинскаго журнала опредѣлительно сгруппировалась такъ называемая „молодая редакція“, — западники еще твер-

же укрѣпились въ своемъ ошибочномъ предположеніи.

Островскій на самомъ дѣлѣ могъ оставаться еще подъ нѣкоторымъ сомнѣніемъ, если бы западники взяли трудъ повѣрить себя хотя бы явными фактами. Оказалось бы, что съ славянофилами онъ тѣсно не сближался, хотя въ то же время не искалъ знакомства и съ ихъ противниками. Однако, на приглашеніе Каткова охотно отозвался и читалъ у него свою первую пьесу прежде многихъ другихъ, и едва ли даже не у перваго. Салонъ графини Саліясъ, писавшей подъ псевдонимомъ Евгенія Туръ (составленнымъ изъ обратно переставленныхъ слоговъ фамиліи Тургенева), посѣщаемый исключительно западниками, Островскій изрѣдка навѣщалъ, хотя всѣ его товарищи по редакціи того намѣренно избѣгали, боясь именно встрѣчи съ крайними западниками (и черезъ это попали подъ ихъ гнѣвъ). Ихъ могло еще вводить въ сомнѣніе также и то, что нѣкоторые изъ друзей молодого драматурга, какъ, напримѣръ, болѣе извѣстный и видный между ними, придумалъ для себя оригинальный костюмъ на манеръ славянофильскаго, нѣчто вродѣ поддевки, которую и обратилъ въ обиходный. Григорьева видали и въ широкомъ армякѣ, и въ сапогахъ съ напускомъ, и въ барашковой шапкѣ мужицкаго покроя. Предполагалось, что оба не отпускали бородъ лишь потому, что съ петровскихъ временъ борода находится подъ строгимъ запрещеніемъ: можно рисковать тѣмъ, что сведутъ въ ближайшую казарму и тамъ на барабанѣ полковой цирюльникъ срѣжетъ ее и тупой бритвой подчиститъ. Садовскому, кромѣ того, мѣшаетъ такъ поступать еще и актерское званіе при ежедневномъ обязательствѣ гримировокъ.

Недоразумѣніе выходило полное, и оба особняка устояли въ замкнутомъ и непроницаемомъ видѣ, каждый подъ своей смоковницей, сообразно съ лич-

нымъ тѣмпераментомъ и усвоенными симпатіями. И какіе же это были славянофилы, ученіе которыхъ требовало стойкости и послѣдовательности, если взглянуть на тѣхъ же двухъ изъ компаніи Островскаго? Пылкій, увлекающійся человѣкъ Григорьевъ — человѣкъ замѣчательно своеобразныхъ свойствъ, по самому характеру своему менѣе всего могъ быть зависимымъ отъ какихъ-либо навязанныхъ мнѣній, и устойчиво стоять на одномъ мѣстѣ. Онъ по натурѣ былъ подвижнымъ. „Золотой сотрудникъ", какъ аттестовалъ его Погодинъ, съ которымъ у него были близкія и частыя сношенія. „Много хорошаго вездѣ скажетъ съ чувствомъ", говоритъ ветеранъ-историкъ, но не былъ увѣренъ въ его прямолинейности, и оставался недоволенъ тѣмъ, что не зналъ, какъ приладить къ нему извѣстную мѣрку.

Садовскій же съ первыхъ скитальческихъ лѣтъ съ провинціальными труппами оставался просто русскимъ человѣкомъ до конца жизни, и, сдѣлавшись москвичемъ, замкнулся въ рамки тѣхъ міровоззрѣній, какія свойственны этому коренному и центральному русскому городу, — нѣсколько узкихъ, несомнѣнно крайнихъ, — но такихъ, которыя усвоены были нашимъ великимъ артистомъ безповоротно и замѣчательно твердо. Онъ былъ послѣдователенъ даже до крайностей.

Разсказывается такой случай. Извѣстный художникъ Рамазановъ, близко стоявшій къ кружку Островскаго, вызвавшій извѣстное изреченіе Садовскаго, что севастопольскіе враги насъ побьютъ, но не одолѣютъ, — подвергся со стороны артиста такому простодушному, но искреннему осужденію за то, что выразилъ сомнѣніе въ нашей непобѣдимости:

— Изволите видѣть, какъ татары-то разсуждаютъ, — говорилъ тотчасъ Садовскій.

— Какіе татары?

— А вѣдь Николай-то Александровичъ тата-

ринъ-съ, хотя и санктпетербургскій, а все-таки татаринъ...

— Какъ такъ, Провъ Михайловичъ?

— Рамазанъ... — коротко оправдывался Садовскій, лукаво подсмѣиваясь и обычно понюхивая табачокъ.

Не простилъ онъ ему этого рѣшительно высказаннаго мнѣнія, хотя твердо удостовѣренъ былъ многими случаями, что Рамазановъ былъ искренно русскимъ человѣкомъ.

Слушать страстныя, горячія рѣчи Садовскаго, окружая группами, сходились всѣ купцы, посѣщавшіе извѣстную печкинскую кофейную, — и такому краснорѣчивому патріоту вовсе не было надобности сверхъ этого накидывать на себя еще и искусственную личину славянофила. Онъ былъ только любящій и вѣрующій русскій человѣкъ, не измѣнившій себѣ до конца дней. Извѣстность его въ этомъ направленіи была также очень велика. Въ Москвѣ знали и, между прочимъ, разсказывали такой случай.

На вечерѣ у М. С. Щепкина одинъ изъ ученыхъ западниковъ вдался въ объясненіе того, что вся Русь такова, какъ обрисовалъ купеческую семью Островскій въ первой своей комедіи. Иныхъ людей, кромѣ плутовъ и мошенниковъ, и быть не можетъ.

— Ну, такъ прощайте, мошенники! — сказалъ Садовскій, — и ушелъ.

Расколъ въ ученыхъ и образованныхъ слояхъ Москвы такой высокой важности и глубокаго значенія успѣлъ проникнуть и за кулисы Малаго театра, такъ какъ крупныхъ представителей сцены не чуждалось не только образованное, но и самое высшее столичное общество. Впрочемъ, здѣсь оба эти направленія, занесенныя извнѣ во взаимныхъ сношеніяхъ между собою артистовъ, не имѣли особенно выдающагося и серьезнаго значенія съ послѣдствіями, хотя самое движеніе было очень примѣтно. Образо-

вались двѣ партіи, но ни за тою, ни за другою нельзя было признать указаннаго опредѣленія въ строгомъ смыслѣ. Вѣрнѣе сказать, западницкая была просто щепкинской, а другая — крайняя — островской партіей. Къ послѣдней принадлежали почти всѣ артисты, игравшіе въ пьесахъ Островскаго; на сторонѣ правой стояли особнякомъ только три вышеупомянутые во главѣ со Щепкинымъ, Шумскій и Самаринъ. Въ сущности главнымъ поводомъ къ этому распаденію передовыхъ артистовъ послужилъ именно новый репертуаръ, возобладавшій сценою съ неожиданно-поразительнымъ успѣхомъ. Эти трое не нашли въ немъ себѣ подходящихъ ролей: ни ветеранъ сцены, ни прекрасный въ водевиляхъ (въ то время) Шумскій, ни блестящій первый любовникъ Самаринъ. Типы Островскаго оказались совершенно незнакомыми, и имъ всѣмъ какъ будто приходилось оставаться за флагомъ. Шумскій, ознакомившись съ критическими статьями Григорьева, такъ и говорилъ откровенно въ знакомыхъ домахъ и за кулисами въ уборныхъ:

— Надѣть на актера поддевку да смазные сапоги — еще не значитъ сказать новое слово.

— Бѣдность-то не порокъ, да вѣдь и пьянство не добродѣтель! — ехидно острилъ хитрый ветеранъ сцены, не безъ скрытаго подмигиванья и лукаваго киванья въ прямомъ направленіи.

На защиту выступалъ Степановъ, отличавшійся въ роли Маломальскаго. Онъ говорилъ товарищамъ, втихомолку посмѣиваясь:

— Михайлу Семенычу съ Шумскимъ Островскій поддевки-то не по плечу шьетъ, да и смазные сапоги узко дѣлаетъ: вотъ они оба и сердятся.

Извѣстно, что Щепкинъ играть назначенную ему роль Коршунова (въ комедіи „Бѣдность не порокъ“) наотрѣзъ отказался и рѣзко порицалъ самую пьесу.

Не выдержалъ, наконецъ, и Садовскій, вообще сдержанный и правдивый, когда „хитроумный“ старецъ, въ виду выроставшихъ успѣховъ молодого писателя, началъ не признавать въ его пьесахъ уже никакихъ достоинствъ и въ особенности порицалъ „Гроза“. Послѣ споровъ въ уборной, когда Щепкинъ вышелъ изъ себя, стучалъ кулакомъ по столу, костылемъ въ полъ, Садовскій хладнокровно установилъ свое мнѣніе, высказавъ рѣшающее слово:

— Ну, положимъ, Михайло Семеновичъ западникъ: его Грановскій заряжаетъ, а какой же Шумскій западникъ? — Онъ просто Чесноковъ.

Такой отзывъ быстро распространился, и тѣмъ болѣе угодилъ всѣмъ, что Щепкинъ состоялъ усерднымъ посѣтителемъ собраній западниковъ (чаще у Кетчера), а Грановскій, по его просьбѣ, прочелъ актерамъ лекцію о комментаторахъ „Гамлета“. Что же касается Шумскаго, то дѣйствительно онъ носилъ природную фамилію Чеснокова до поступленія на сцену въ Одессѣ, которую оставилъ для Москвы, но снова туда возвращался и опять вернулся въ Москву на постоянную службу.

Горбуновъ, имѣвшій уже тогда доступъ за кулисы, помнилъ много забавныхъ случаевъ пререканій между театральными западниками и славянофилами, и въ числѣ прочихъ очень остроумно описывалъ шутливый запросъ, сдѣланный актрисамъ (Косицкой и Бороздинымъ) о томъ, къ какой партіи онѣ принадлежатъ, такъ какъ знаменитая актриса Агр. Тим. Сабурова называла театральныхъ западниковъ „хлыстами“.

Пока за кулисами шли эти споры и распри, совершилось событіе, котораго всѣ желали и слѣдовало ожидать. О немъ разсказалъ Горбуновъ, какъ очевидецъ:

„Въ концѣ своей славной жизни, года за три или за четыре до своей смерти, ветеранъ-художникъ

протянулъ руку примиренія Любиму Торцову и сыгралъ его въ Нижнемъ Новгородѣ. Съ потоками слезъ обнялъ онъ Островскаго на литературномъ утрѣ въ четвертой гимназіи, гдѣ мы всѣ участвовали. Сцена была чувствительная. Не помню словъ, какія говорилъ Щепкинъ, но помню, что Алек. Ник. очень растрогался.

— Какой счастливый Алек. Ник.! — сказалъ Садовскій, когда мы пошли домой.

— Чѣмъ?

— Какъ чѣмъ? Михайло-то Семенычъ „пріидите поклонимся“ ему сдѣлалъ“.

Чуждый всяческихъ интригъ и зависти и забавляясь театральными сплетнями, какъ веселымъ развлеченіемъ въ досужіе часы и въ пріятельской компаніи, Островскій вѣрилъ своему призванію столь твердо, что на нападки предпочиталъ отвѣчать дѣйствіемъ, а не словами. Только одинъ разъ, выбитый изъ колеи на пути къ славѣ, онъ рѣшился печатно опровергнуть злобную клевету, но сдѣлалъ это такъ неохотно и неумѣло въ полемическомъ смыслѣ („Москов. Вѣдом.“), что вынужденъ былъ помѣстить (въ „Современникѣ“) новое опроверженіе, изготовивъ его по настоянію друзей и при ихъ существенной помощи. Самолично же онъ поспѣшилъ отвѣтить на клевету пятью новыми пьесами, тотчасъ же выпущенными послѣ заподозрѣнной и составляющими гордость отечественной литературы и украшеніе сцены. Недоброжелательство, укрѣплявшееся на шаткихъ основахъ временныхъ недоразумѣній, стало утрачивать свои силы и совсѣмъ ослабѣло, когда самъ авторъ вышелъ изъ тѣсныхъ рамокъ купеческаго быта и ввелъ въ свои комедіи и драмы новые и живые элементы. Драматическая литература

обогатилась свѣжими художественными типами, взятыми изъ прочихъ сословій государства, и сценическимъ дѣятелямъ предъявлены были иные мотивы, гдѣ можно было показать свои сдержанныя силы и всѣмъ тѣмъ, которые до сихъ поръ намѣренно, изъ притворнаго упрямства, не хотѣли прибавить себѣ лишнихъ успѣховъ на сценѣ. Съ появленіемъ въ числѣ дѣйствующихъ лицъ новыхъ комедій съ ролями чиновниковъ и военныхъ, помѣщиковъ и актеровъ и проч. секретъ былъ открытъ. Самые стойкіе и упрямые вынуждены были соблазниться и покориться. За объятіями Щепкина, хотя, конечно, и безъ прямого вліянія ихъ, послѣдовало негласное, но столь же поучительное примиреніе съ авторомъ его театральныхъ противниковъ. И Шумскій, и Самаринъ доброхотно сдались, но, тѣмъ не менѣе, успѣвши одержать благородную побѣду надъ самими собой и блистательную надъ публикой, когда взялись за тѣ роли въ раннихъ пьесахъ, которыя до того времени обѣгали. Среди выдающихся сценическихъ успѣховъ въ Московскомъ театрѣ не забудется та образцовая мастерская игра, какою отличались: Шумскій въ роли Вихорева (въ „Не въ свои сани . . .“), Добротворскаго („Бѣдная невѣста“), Жадова („Доходное мѣсто“), Оброшенова („Шутники“), Крутицкаго („На всякаго мудреца“), Счастливцева („Лѣсъ“), ростовщика („Не было ни гроша“), и Самаринъ въ роляхъ Телятьева въ „Бѣшеныхъ деньгахъ“ и Линяева въ „Волки и овцы“. Исполненіе роли Самариныхъ въ послѣдней пьесѣ вызвало искренній восторгъ самого автора, сказавшаго, что артистъ въ ней, какъ рыба въ водѣ.

Съ переходомъ Островскаго въ „Современникъ“ стало ослабѣвать и то неблагопріятное предубѣжденіе, которое съ самаго начала его дѣятельности господствовало среди западниковъ, хотя крайніе изъ нихъ, какъ В. Ѳ. Коршъ и переводчикъ Шекспира Кетчеръ, всегда признавали въ немъ великій талантъ.

Талантливая критика Добролюбова („Темное царство“) окончательно разрѣшила вопросъ и примирила западниковъ съ Островскимъ. Онъ сдѣлался постояннымъ и исключительнымъ сотрудникомъ „Современника“, гдѣ дана ему была и подходящая матеріальная оцѣнка, установившаяся разъ навсегда (по 200 руб. за каждый актъ), и остался вѣренъ редакціонной компаніи Некрасова, когда она, послѣ запрещенія „Современника“, взяла въ свои руки „Отечественныя Записки“, гдѣ, какъ извѣстно, Крачевскій оставался лишь номинальнымъ редакторомъ-издателемъ.

Разсѣялись подозрѣнія западниковъ, однако, не безъ нѣкоторыхъ существенныхъ нравственныхъ утратъ для нашего драматурга въ средѣ московскихъ его друзей; исчезла рознь въ закулисномъ мірѣ и число исполнителей увеличилось, обогатившись крупными силами, — и Островскій дѣйствительно сталъ счастливымъ человѣкомъ, какъ подсказалъ Садовскій въ день покаянія и примиренія Щепкина[1].

Зависть, всегда неразлучная спутница всякихъ успѣховъ, а тѣмъ болѣе столь быстрыхъ, не перешла въ ненависть, отъ которой обычно происходитъ много бѣдъ. Во многомъ помогла здѣсь мягкая нѣжная природа самого драматурга, который сдержанностью характера и величавымъ хладнокровіемъ умѣлъ ослаблять силу ударовъ враговъ и сдерживать пылкіе порывы союзниковъ. Вѣтки терновника, вплетенныя въ его лавровый вѣнецъ, не

---

[1] Очень серьезныя недоразумѣнія, возникшія впослѣдствіи въ личныхъ отношеніяхъ между Островскимъ и Садовскимъ, настолько странны и неожиданны, что разъясненіе ихъ приходится предоставить будущему. Они не имѣли особенно важныхъ послѣдствій: Садовскій оставался прежнимъ поклонникомъ таланта и честнымъ исполнителемъ его произведеній; Островскій первымъ рѣшился подать руку примиренія. Однако, прежнихъ теплыхъ и близкихъ отношеній не установилось: не на миръ они побранились (вопреки народной пословицѣ) въ то роковое время, когда отъ неумѣлаго хозяйства въ конецъ распадался московскій артистическій кружокъ, въ который нашъ драматургъ влагалъ всю свою душу.

были для него настолько болѣзненно-колючими, чтобы привести въ раздраженіе. Настоящаго горячаго или стойкаго боя по этой причинѣ не произошло, и даже злому языку водевилиста Ленскаго, искавшаго всюду, хотя бы единую кроху для краснаго словца, здѣсь не было пищи. Слишкомъ ярко выступало привѣтливое обхожденіе съ равными и большими, ободряющая ласка къ малымъ и незамѣтнымъ; съ большимъ тактомъ устраивались и уладились истинно товарищескія, взаимно помогающія отношенія и всегда теплое домашнее гостепріимство и радушная хлѣбъ-соль по-просту, а нерѣдко и съ затѣями.

— Проходилъ мимо Генералова, — говаривалъ дома милый хозяинъ, привычнымъ особеннымъ пріемомъ поправляя свою густую, круто подстриженную бороду: — глядитъ въ окно провѣсная бѣлорыбица, точно сливки...

— Да и у Арсентьевича она не хуже: садитесь — попробуйте, — слѣдовалъ отвѣтъ и наглядное доказательство.

Или такъ:

— Въ кофейной у Печкина на карту поставили супъ изъ сморчковъ...

— Да и въ нашъ супъ они сегодня попали... — и т. под.

Такъ это было, по крайней мѣрѣ, въ тѣ годы, когда возрастала слава и устанавливались литературныя и общественныя отношенія этого дорогого человѣка. Дорогъ онъ былъ своими сердечными упрощенными отношеніями. Шутливымъ совѣтомъ И. Ѳ. Горбунову запастись бѣлою фуражкой съ кокардой, чтобы уже очень не обижали ямщики на бойкомъ Петербургскомъ шоссе и притомъ еще во время ярмарки, проводилъ онъ насъ обоихъ въ путь на Волгу и дальше изъ своего укромнаго и теплаго гнѣздышка. Дружескими совѣтами съ крѣпкимъ

объятіемъ и прощальнымъ словомъ, въ которомъ чувствовалась скрытая жгучая слеза разлуки, любовно напутствовалъ, отечески благословлялъ онъ и меня въ дальній путь по Сибири и на далекій невѣдомый Амуръ. За больнымъ Писемскимъ, возвратившимся изъ путешествія по устьямъ Волги, истощеннымъ астраханскою лихорадкой, онъ ходилъ, какъ за ребенкомъ и посылалъ женѣ его въ деревню успокоительныя письма, а впослѣдствіи заботливо защитилъ его отъ легкомысленныхъ и скороспѣлыхъ обвиненій въ томъ, что онъ изъ поѣздки своей ничего не вывезъ и тамъ ничего не дѣлалъ. Эти доказательства дружескихъ отношеній и братскихъ чувствъ, которымъ и вмалѣ онъ былъ много вѣренъ, приводятся здѣсь не только по чувству личной благодарности, но и съ увѣреніемъ, что подобныхъ примѣровъ въ жизни нашего великаго писателя было много, чрезвычайно много. Къ Садовскому, наприм., онъ простеръ свою дружбу до того, что вмѣстѣ съ нимъ и исключительно для него пріѣхалъ въ Петербургъ на первыя гастроли артиста; зная нелюбовь его къ Петербургу, терпѣливо выдержалъ съ нимъ затворничество въ меблированныхъ комнатахъ Толмазова переулка, и если настояла надобность выѣзда, сопровождалъ его лишь туда, гдѣ его не могли сильно огорчить и самъ онъ не могъ рѣзко проговориться. На защиту обвиняемыхъ друзей въ эпоху всеобщаго отрицанія (какъ, наприм., на обѣденныхъ собраніяхъ у Некрасова) Островскій, здѣсь всегда серьезный и очень сдержанный, болѣе молчаливый и прислушливый, чѣмъ разговорчивый, выступалъ съ горячностью и убѣдительностью.

Не только при этихъ случайныхъ и рѣдкихъ натискахъ, но и вообще во время пріѣздовъ въ Петербургъ, онъ казался далеко не такимъ, какимъ былъ дома въ Москвѣ. Исчезали и безграничное добродушіе, и привѣтливая веселость, — вдругъ

надобилась личина особеннаго смиренія и наложеніе обѣта молчанія. Иногда невозможно было вызвать его на такую оживленную бесѣду, какія были обычны въ присутствіи и при его живомъ участіи вездѣ въ Москвѣ. Здѣсь онъ какъ будто все оглядывался и осматривался, какъ тотъ рѣдкій гость, который пришелъ въ незнакомый домъ и не знаетъ, что дѣлать: сѣсть или стоять, слушать другихъ или начать разговоръ, и даже затрудняется въ томъ, куда дѣвать свои руки. Это не было упорное отчужденіе и намѣренная замкнутость при полномъ затворничествѣ Садовскаго, но нѣкоторая натянутость москвича все-таки проглядывала при всѣхъ его стараніяхъ это скрыть, а въ послѣднія посѣщенія даже и развернуться. Конечно, это въ развязномъ Петербургѣ съ дерзкимъ и вызывающимъ моноклемъ въ глазу нашему скромному гостю совсѣмъ не удавалось развернуться: онъ былъ тяжелъ и неловокъ, не имѣлъ свѣтскаго лоску и не въ силахъ былъ заставить себя отбросить всякое стѣсненіе. Одинъ только разъ помню я, когда рѣчь его заблистала увлекательно и онъ, осиливъ натянутость, обычную при первомъ свиданіи съ незнакомыми, далъ себѣ волю. Это было на одномъ изъ еженедѣльныхъ „вторниковъ“ у Н. И. Костомарова въ то время, когда печатались въ „Вѣстникѣ Европы“ его „Послѣднія годы Рѣчи Посполитой“. Послѣ отвѣта на вопросъ Николая Ивановича, гдѣ авторъ „Минина“ нашелъ извѣстіе о томъ, что этотъ нижегородскій гражданинъ покупалъ плохихъ лошадей, но потомъ въ короткое время онѣ у него такъ отъѣдались, что сами хозяева ихъ не узнавали, — отвѣта, предъявившаго новыя доказательства тому, что, отдаваясь извѣстному изученію, Ал. Ник. доходилъ до корня вдумчиво и основательно, — коснулась рѣчь отношеній Москвы къ Польшѣ, московскихъ посольствъ и переговоровъ. По вѣдомымъ, живымъ образцамъ,

еще уцѣлѣвшимъ въ современной Москвѣ въ средѣ именитаго купечества, и съ тѣмъ художественнымъ проникновеніемъ, которое составляло секретъ Островскаго, онъ развернулъ картину въ художественно-комическомъ видѣ свиданія нашихъ долгополыхъ доморощенныхъ политиковъ, несговорчивыхъ, грубыхъ и упрямыхъ передъ надменными, блестящими кунтушами съ такимъ мастерствомъ, что поразилъ всѣхъ. Болѣзненно-нервный Костомаровъ увлекся такъ, что вскакивалъ съ мѣста, бѣгалъ по комнатѣ, хохоталъ до упаду и топалъ ногами по привычкѣ, усвоенной имъ въ подобныхъ случаяхъ восторговъ и увлеченій. Соревнованіе художника-драматурга съ художникомъ-историкомъ дѣйствительно было полно интереса и увлекательности. На другой день въ „Балабаевской обители“ (какъ шутливо назывался трактиръ въ домѣ Балабина, рядомъ съ Публичной библіотекой), куда послѣ занятій въ библіотекѣ Костомаровъ заходилъ пить чай съ Кожанчиковымъ, Островскій побесѣдовалъ съ ними на подобныя же темы, вновь убѣдивши историка въ глубокомъ изученіи и живомъ пониманіи именно народной русской исторіи. Оба художника были въ восторгѣ другъ отъ друга и одинъ изъ нихъ писалъ мнѣ потомъ: „Молю Бога, да не оскудѣваетъ въ обители Балабаевской обиліе чайное“.

Не отъ избытковъ средствъ теплился и свѣтлѣлъ привѣтливый очажокъ у Серебряныхъ бань, когда нижній этажъ дома отдавался жильцамъ, а самъ хозяинъ ютился сначала и долгое время наверху. Борьба съ нуждой велась незримо для постороннихъ глазъ, но ясна была для окружающихъ, а отъ близкихъ и довѣренныхъ въ крайнихъ случаяхъ и не скрывалась. Далеко было до того довольства, совершенно обезпеченнаго въ матеріальномъ отношеніи Тургенева и даже до того скромнаго, какимъ, наприм., успѣвалъ обставиться Писемскій. Въ не-

многихъ и тѣсныхъ комнатахъ Островскаго не нашлось бы мѣста тѣмъ широкимъ оттоманкамъ Тургенева (привычку къ нимъ не покидалъ онъ и за границей), на которыхъ спокойно велись литературныя бесѣды и беззаботно валялись довольные своимъ настоящимъ: счастливый въ денежныхъ дѣлахъ Некрасовъ, обезпеченные отцовскими наслѣдствами: артиллерійскій офицеръ, только что покинувшій осажденный Севастополь, графъ Л. Н. Толстой, умѣренный и аккуратный А. В. Дружининъ, обезпеченный доходами съ журнала И. И. Панаевъ, очень богатый отъ чайной торговли отца В. П. Боткинъ и друг.

Не помнится, чтобъ у Александра Николаевича былъ даже письменный столъ съ общепринятыми приспособленіями и приличный такому работнику, но уютнаго и уединеннаго кабинета, обставленнаго удобствами, облегчающими занятія, положительно не было и нигдѣ невозможно было замѣтить живыхъ слѣдовъ литературнаго труда. Деревянный домъ принадлежалъ ему совмѣстно съ братомъ (Мих. Ник.).

У Погодина нельзя было поживиться: наприм., Эдельсонъ и другіе получали по 15 руб. съ печатнаго листа мелкаго шрифта, и только Алмазову иногда удавалось счастливо срывать 20--30 руб. Островскій за „Банкрота" получалъ по мелочамъ и всякій разъ съ наставленіями о сбереженіяхъ и воздержаніи, и вдобавокъ за ними надо было еще ѣздить въ даль Дѣвичьяго поля на извозчикѣ. Во всякомъ случаѣ великому драматургу приходилось испытывать горькую судьбу литературнаго дѣятеля въ то время, когда подхваченныя на сценѣ слова и выраженія уже разносились по Гостиному двору, начиная съ Ножовой линіи и черезъ трактиры уходили въ деревни прямо въ народъ. Писатель становился въ полной мѣрѣ популярнымъ и безспорно народнымъ.

При таковыхъ-то условіяхъ матеріальной оцѣнки художественнаго труда, болѣе мѣшающихъ, чѣмъ способствующихъ творческому настроенію, приходилось работать Островскому, по крайней мѣрѣ, на добрую половину его авторской жизни. Ихъ слѣдуетъ знать и помнить при оцѣнкѣ его первыхъ трудовъ и при встрѣчѣ съ недостатками, обличающими торопливость и недодѣланность. Подъ вліяніемъ дружескихъ и товарищескихъ побужденій онъ долженъ былъ поспѣшать отдѣлкой, поспѣвая къ бенефисамъ, и подъ натискомъ нужды — изготовленіемъ новыхъ пьесъ къ сроку выхода казовыхъ новогоднихъ номеровъ журналовъ. Нужда неотступно стояла за плечами, именно, во все осеннее время и усиливалась по мѣрѣ приближенія рождественскихъ праздниковъ. „Сами знаете (писалъ онъ мнѣ въ одномъ изъ своихъ писемъ), въ какомъ я положеніи нахожусь. Къ такому празднику, когда расходы удесятерятся, быть совершенно безъ копейки — вещь очень непріятная. Я не знаю, что мнѣ дѣлать. Я просто теряю голову“.

Въ это время возраставшей нужды и происходили ежегодно наши петербургскія встрѣчи, когда Островскій привозилъ новыя пьесы, читалъ ихъ по вечерамъ избраннымъ кружкамъ, приглашая артистовъ, входилъ въ денежныя соглашенія съ Некрасовымъ; иногда успѣвалъ прочитывать корректуру. Корректуру полнаго собранія довѣрялъ обыкновенно мнѣ съ помощью Горбунова, а разъ избралъ меня посредникомъ при продажѣ шестого тома, въ который вошли: „Горячее сердце“, „Бѣшеныя деньги“, „Лѣсъ“ и „Не все коту масленица“, книгопродавцу Звонареву, а затѣмъ и новаго полнаго собранія сочиненій Д. Е. Кожанчикову. Изъ переписки, усилившейся между нами по этому поводу и имѣющей уже теперь за собою болѣе чѣмъ 25-лѣтнюю давность, изъ этой переписки, которая свято сохранен-

ною лежитъ теперь передъ глазами, воскресаетъ милый образъ. На пожелтѣвшихъ отъ времени листкахъ выступаютъ живыми и яркими тѣ незабвенныя черты его, которыя привлекали и очаровывали всѣхъ при жизни: поразительная скромность — существенный признакъ, свойственный лишь истиннымъ талантамъ и служащій ихъ украшеніемъ; еще неустановившаяся въ себѣ неувѣренность въ силѣ таланта, жаждущая новыхъ проявленій и разсчитывающая на будущія болѣе рѣшительныя доказательства; и полная дружеская откровенность съ простосердечною искренностью, и при всемъ этомъ изумительная деликатность во всяческихъ отношеніяхъ, хотя бы и съ личнымъ ущербомъ.

Между тѣмъ, надвигалась бѣда. Чрезмѣрная работа послѣднихъ лѣтъ оказалась губительною тѣмъ болѣе, что цѣлый годъ производилась порывами и тревожно. Эти волненія и ежедневныя безпокойства въ Москвѣ оказались болѣе убійственными, чѣмъ прежняя умѣренная дѣятельность и правильно налаженныя литературныя занятія, когда привелось написать для русской драматической сцены 44 оригинальныхъ произведенія, кромѣ нѣкоторыхъ переводныхъ пьесъ [1]. Литературныя занятія, какъ всякое тѣлесное упражненіе, могли казаться здоровыми, но, чрезмѣрно возбуждая душевныя силы, въ то же время истощали и убивали тѣло, въ которомъ уже успѣли угнѣздиться тяжелые недуги. Эта-то чрезмѣрность въ трудѣ, а главное — постоянное раздраженіе непріятностями по управленію труппой на податливой почвѣ потрясеннаго организма и сдѣлались роковыми, какъ всякое излишество, когда передъ отъѣздомъ на лѣто въ Щелыково Александръ Николаевичъ еще вдобавокъ и простудился. По цѣлымъ часамъ отъ

---

[1] Переводныхъ пьесъ 8 и написанныхъ въ сотрудничествѣ съ двумя лицами: г. Соловьевымъ 4 пьесы и г. Невѣжинымъ — 1. Изъ оригинальныхъ пьесъ семь написаны стихами.

ревматическихъ болей онъ не могъ пошевелиться и ужасно страдалъ; дорогой впадалъ въ обмороки.

А затѣмъ коротенькій сказъ, торопливое газетное извѣстіе, на легкомъ ходу:

„Утромъ въ Духовъ день 2 іюня (1886 г.) А. Н. Островскому внезапно сдѣлалось дурно, и онъ скончался“.

Совершилось ужасное событіе, и разнеслась по Россіи потрясающая вѣсть:

Островскаго не стало!

Тѣмъ не менѣе, по искреннему и правдивому выраженію, безыскусственно высказанному, между прочимъ, на двадцатилѣтнемъ юбилеѣ его драматической дѣятельности:

Пройдутъ года — дойдетъ отъ дѣдовъ
Ко внукамъ трудъ почтенный твой,
И Пушкинъ, Гоголь, Грибоѣдовъ
Съ тобой вѣнецъ раздѣлятъ свой...

Показывая намъ юмористическую сторону жизни, онъ училъ плакать и смѣяться честно и искренно, — и этимъ особенно дорога намъ его память. Недалеко ходить и за утѣшеніемъ: уже очень давно сказано: „Жить послѣ смерти въ сердцахъ тѣхъ, кого покидаемъ, — не значитъ умереть“.

С. Максимовъ.

Счастливый день.

Сцены изъ жизни уѣзднаго захолустья.

Въ трехъ дѣйствіяхъ.

А. Н. Островскаго и Н. Я. Соловьева.

Дѣйствующія лица:

Иванъ Захарычъ Сандыревъ, почтмейстеръ уѣзднаго города, 50 лѣтъ, занимается болѣе чтеніемъ газетъ, чѣмъ службой.

Ольга Николаевна Сандырева, его жена, свѣжая и росторопная женщина, лѣтъ 45.

Липочка } ихъ дочери.
Настя }

Василій Сергѣевичъ Нивинъ, уѣздный врачъ, лѣтъ 35-ти, задумчивый, исхудалый, рѣчь и движенія вялыя.

Шургинъ, гражданскій генералъ, губернскій начальникъ въ томъ вѣдомствѣ, въ которомъ служитъ Сандыревъ, лѣтъ подъ 50, средней важности, въ золотыхъ очкахъ.

Петръ Степановичъ Ивановъ, чиновникъ при Шургинѣ, чистенькій, приглаженный молодой человѣкъ, въ разговорѣ постоянно конфузливо улыбается и не знаетъ куда дѣть глаза.

Городской голова, корявая личность, неопредѣленныхъ лѣтъ, силится поднять голову повыше, руки опущены, немного растопырены въ мундирѣ.

Михаленко, почтальонъ.

Солдатка } сосѣди Сандыревыхъ.
Мѣщанинъ }

Дѣйствіе происходитъ въ уѣздномъ городѣ.

Дѣйствіе первое.

Дѣйствующія лица:

Сандыревъ.	Нивинъ.
Сандырева.	Михаленко.
Липочка.	Солдатка.
Настя.	Мѣщанинъ.

Дѣйствіе происходитъ въ домѣ Сандыревыхъ.

Сцена — небольшая гостиная въ домѣ Сандыревыхъ. Прямо — растворенная дверь въ залу; на правой сторонѣ (отъ актеровъ), въ углу — дверь во внутреннія комнаты; ближе въ зрителямъ, у стѣны — диванъ, передъ нимъ — круглый столъ и нѣсколько креселъ; съ лѣвой стороны, въ углу — дверь въ канцелярію, на первомъ планѣ — окно, передъ нимъ — ломберный столъ. Мебель старая, разнокалиберная.

Явленіе первое.

Сандыревъ, одинъ, въ старомъ халатѣ, съ длиннымъ чубукомъ сидитъ на диванѣ, облокотясь на столъ; на столѣ передъ нимъ газета и географическая карта.

Сандыревъ (шаритъ пальцемъ по картѣ).

Малый Зворникъ, Малый Зворникъ... Какъ это затруднительно, однако: и депеши читай, и на карту смотри. Малый Зворникъ.. вотъ сей-часъ его подъ пальцемъ держалъ, провалился куда-то. Нѣтъ, впередъ надо булавочками замѣчать: попрошу у жены булавочекъ. Вотъ оно что значитъ недостатокъ географическихъ свѣдѣній! Вчера вдругъ читаю телеграмму изъ „Питсбурга", а гдѣ этотъ „Питсбургъ", въ какомъ государствѣ, въ какой странѣ свѣта? Вотъ тутъ и занимайся политикой! Малый Зворникъ, Малый Зворникъ.

(Сандырева быстро входитъ въ шляпѣ.)

Сандырева.

Ухъ, какъ устала.

Сандыревъ (не глядя на жену).

Новости, Олинька! Важныя новости.

Сандырева (съ досадой).

Какія такія новости? Гдѣ это?

Сандыревъ.

Въ Европѣ, матушка, въ Европѣ.

Сандырева

(опускаясь въ кресло и снимая шляпу).

Господи! что это за человѣкъ! Да что намъ до Европы! Вы взгляните около себя-то, обратите вниманіе на свое семейство! А то, извольте подумать, какой европеецъ! Европа его занимаетъ, видите ли!

Сандыревъ.

Да турки, матушка, турки.

Сандырева.

Злодѣи, вѣдь — они, варвары, да? неправда ли? Ну, такъ знайте же, что вы хуже всякаго турка! Тѣмъ все-таки простительно: они — нехристи; а вы... вы — извергъ, тиранъ, мучитель жены и семейства... Вѣдь мы погибаемъ, завтра мы — нищіе...

Сандыревъ.

Да что, что такое?

Сандырева.

И онъ еще спрашиваетъ! Человѣкъ вы или истуканъ?

Сандыревъ.

Да что за несчастіе? Каша изъ горшка ушла, что ли?

Сандырева.

Ваша голова — горшокъ! Жена мучается, бѣгаетъ, а онъ политикой занимается. Я весь городъ облетала, вездѣ была, всѣмъ визиты сдѣлала; и все это для васъ, для семьи... гдѣ слезами, гдѣ шуткой и любезностями выманивала подписи къ одобрительному адресу о васъ отъ жителей города. Сорокъ подписей готово, и, по пріѣздѣ его превосходительства, адресъ будетъ поданъ самимъ городскимъ головою... Цѣните ли вы это?

Сандыревъ (разсматривая карту).

Цѣню, цѣню, душенька.

Сандырева (качая головой).

„Цѣню“! Безчувственный вы человѣкъ!.. А Михаленко, вы знаете, вернулся изъ губерніи. Я слышала, что онъ донесъ обо всемъ: и поборы съ мужиковъ, и обложеніе содержателей почтъ съ хвоста лошади, и вашъ чубукъ — все, все... И завтра самъ генералъ у насъ на ревизіи, и завтра мы — въ отставкѣ и нищіе.

Сандыревъ (не слушая).

Ну, Слава Богу! ну, очень радъ, очень радъ.

Сандырева.

Вотъ это хорошо, онъ очень радъ; да чему же?

Сандыревъ.

Нашелъ! нашелъ!

Сандырева.

Что? Сто тысячъ?

Сандыревъ.

Нѣтъ, Малый Зворникъ.

Сандырева.

Чудовище! (Входитъ Михаленко.)

Явленіе второе.

Сандыревъ, Сандырева и Михаленко.

Михаленко (вытягиваясь).

Честь имѣю лепортоваться; я прибылъ-съ изъ губерніи...

Сандырева.

Вотъ онъ... и ужъ глазки залиты.

Михаленко.

Никакъ нѣтъ-съ, маковой росинки.

(Сандыревъ откладываетъ газету, затягивается трубкой и смотритъ на Михаленко.)

Сандырева.

Что же ты, злой человѣкъ, наговорилъ тамъ на Ивана Захарыча передъ его превосходительствомъ?

Михаленко.

Ничего-съ... а только, что нѣтъ силы моей, возможности, говорю! Вся ваша воля... ежели меня въ Сибирь, ваше превосходительство, говорю, готовъ, съ удовольствіемъ; но только что...

Сандырева.

И давно бы тебя въ Сибирь слѣдовало, это правда! На что же ты жаловался, чѣмъ ты недоволенъ?

Михаленко.

Чубукъ, говорю, ваше превосходительство, никакого спокойствія, говорю, я себѣ не вижу... Жестокое побіеніе чубукомъ, говорю, получаю отъ ихъ высокоблагородія, г. почтмейстера! Каждодневно эта битва...

Сандыревъ.

А вотъ и сейчасъ будетъ то же самое. (Снимаетъ трубку съ чубука.)

Михаленко.

Извольте-сь, извольте, ваше высокородіе... такъ чтобъ ужъ вполнѣ...

Сандыревъ (вставая съ дивана).

Вполнѣ, вполнѣ получишь, что тебѣ по моему усмотрѣнію слѣдуетъ.

(Михаленко убѣгаетъ въ залу.)

Сандырева.

Оставьте, бросьте, Иванъ Захарычъ!

Михаленко (изъ зала).

И про лошадиные хвосты-съ, и про мужицкіе грошики — все доложилъ ихъ превосходительству. (Убѣгаетъ.)

Сандыревъ (хладнокровно).

Ну, подожди! за мной не пропадетъ. (Снова садится и углубляется въ газету.)

Сандырева.

Что жъ это? опять за газеты? Ну, такъ слушайте! Я брошу васъ и убѣгу куда глаза глядятъ; живите, какъ знаете! Да скажите жъ вы мнѣ на милость, думаете вы хоть сколько-нибудь о домѣ-то, о о семьѣ-то?

Сандыревъ.

Нѣтъ, матушка, ничего не думаю. Мы — черви, и жизнь наша — ничтожество, такъ и думать не стоитъ. (Указывая на газету.) Вотъ тутъ судьбы человѣчества, историческія задачи.

Сандырева.

Да, вѣдь, не намъ онѣ задаются, эти задачи, такъ не намъ ихъ и рѣшать. Наша задача — какъ бы не умереть съ голоду. Вы только посудите, что у насъ на рукахъ Настя и Липочка — невѣсты безъ жениховъ. Нивинъ таскался прежде, посматривалъ будто на Липочку, да теперь съ ума сошелъ: какую-то диссертацію вздумалъ писать; два мѣсяца и глазъ не кажетъ. Я ужъ на штуку пошла: сегодня посылала за нимъ, велѣла сказать, что-де Липа больна. Какого-нибудь толку нужно добиться. Ну, Настя, положимъ, не пропадетъ: эта — въ меня; а Липа, она только и умѣетъ пироги дѣлать, да спать... Теперь дальше-съ: Волю и Вику въ гимназію нужно опредѣлять; Соню, Сашу и Любу въ пенсіонъ везти; для остальной оравы, ну — хотя бурсу какую-нибудь взять; а то — вѣдь срамъ: только и дѣла у нихъ, что сосѣдніе огороды пустошатъ, да сады

добрыхъ людей обиваютъ! Отъ жалобъ на нихъ стонъ стоитъ по городу. (Входитъ солдатка и мѣщанинъ.) Да вотъ извольте послушать.

Явленіе третье.

Сандыревъ, Сандырева, солдатка и мѣщанинъ.

Солдатка.

Будьте отцы-благодѣтели! Защитите хоть малость отъ дѣтокъ-то отъ своихъ!.. Раззорили: всю картошку на огородѣ выпололи до-чиста, а огурчика и отвѣдать не дали!..

Мѣщанинъ.

И я тоже на счетъ этихъ самыхъ дѣловъ... только по яблочной части... У меня въ саду тоже такую отдѣлку произвели... въ лучшемъ видѣ.

Сандырева.

Слышите, Иванъ Захарычъ, слышите-съ? какъ вамъ нравится?

Сандыревъ.

Хм... да... ну, ловите... и къ мировому ихъ!

Сандырева.

Вотъ это мило!

Мѣщанинъ (хохочетъ).

Оченно даже интересно... къ мировому-то? Такъ и мѣшковъ тѣхъ не хватитъ: вѣдь, ихъ никакъ, дѣтокъ-то вашихъ, до дюжины по огородамъ фуражируютъ, помилосердуйте!

Солдатка.

Да и какъ еще ты ихъ поймаешь, скажи! Глядика, какъ они по огороду-то, точно ужи, вьются. И вѣдь какіе озорники! Ты его догонять — ну, ужъ

и бѣжалъ бы безъ оглядки; а онъ еще между грядъ-то колесомъ катится, да языкомъ тебя дразнить.

Сандыревъ

(ударивъ кулакомъ по столу).

Такъ вонъ же вы, невѣжество!

Мѣщанинъ.

А ежели такъ, въ такомъ случаѣ, я направлю стопы свои къ господину исправнику. (Раскланивается и уходитъ.)

Солдатка.

А я вдарюсь къ инвалидному. (Уходитъ.)

Сандыревъ.

Ну, и убирайтесь вы, куда знаете, только провалитесь съ глазъ моихъ! (Углубляется въ газеты.)

Сандырева.

Слышите вы, видите?

Сандыревъ.

Минуточку, дутенька, одну минуточку спокойствія прошу я у васъ.

Сандырева.

Да пень вы или человѣкъ?..

Сандыревъ.

Съ вами, Ольга Николаевна, жить нѣтъ никакой возможности...

Сандырева.

Скажите, пожалуйста! онъ же еще въ претензіи.

Сандыревъ.

Цѣлое утро я искалъ Малый Зворникъ... нашелъ...

Сандырева.

Ну!

Сандыревъ.

Малый Зворникъ нашелъ, такъ Великій Изворъ потерялъ тутъ съ вами... Эхъ! (Беретъ газету и карту, быстро уходитъ въ канцелярію.)

Сандырева.

Старый башмакъ! Что бъ этотъ человѣкъ былъ безъ меня? И все-то, все должна нести на своихъ плечахъ слабая женщина.

(Изъ залы входитъ Липочка, зѣваетъ и потягивается.)

Явленіе четвертое.

Сандырева и Липочка.

Сандырева.

Вотъ еще сокровище-то! Что ты зѣваешь?

Липочка.

Спать хочется.

Сандырева.

Да давно ль ты встала! Хоть бы постыдилась. Будятъ, будятъ, на силу добудятся.

Липочка.

Да зачѣмъ будить-то? что дѣлать-то? ходить цѣлый день взадъ да впередъ по комнатамъ.

Сандырева.

Такъ все и спать?

Липочка.

Да, конечно, лучше: ничего не слышишь, не видишь — и отлично. (Садится въ кресло.) И зачѣмъ это люди родятся на свѣтъ, коли такая жизнь!

Сандырева.

Ну, философію ты оставь — не къ лицу она

намъ съ тобой. Прими болѣзненный видъ: скоро Нивинъ придетъ.

Липочка.

Да какъ же я его приму, когда я здорова?

Сандырева.

Вотъ еще! Что ты, маленькая, что ли? Скажи, что боль подъ ложечкой, ну и голова, бокъ — мало ль что можно наговорить! изнеможеніе этакое представь. А между тѣмъ, поглядывай на него, бросай такіе взгляды... ну, тамъ... грусть... упрекъ...

Липочка.

Ахъ, да вѣдь это — комедія...

Сандырева.

Ну, да, комедія; а ты думала что же? Приданаго-то нѣтъ у васъ, такъ по-неволѣ примешься за комедію. Хочешь ты камнемъ, что ли, повиснуть на шеѣ у матери-то? Такъ, милая, я ужъ и такъ утопаю съ вами.

Липочка.

Обо мнѣ не безпокойтесь... я въ портнихи пойду!

Сандырева.

Да и пойдешь, пойдешь... Ничего тутъ нѣтъ мудренаго. Ну, а покуда, что Богъ дастъ, побудь барышней, да слушайся матери. Охъ! пойти взглянуть, что у насъ дѣется въ канцеляріи. (Уходитъ въ канцелярію: изъ залы входитъ Нивинъ.)

Явленіе пятое.

Липочка и Нивинъ.

Нивинъ (подаетъ руку).

Здравствуйте! Вы больны?

Липочка (съ улыбкой).

Очень!

Нивинъ (садясь).

Чѣмъ же?

Липочка.

Здоровьемъ, должно быть.

Нивинъ.

Въ такомъ случаѣ, я хотѣлъ бы заразиться отъ васъ; зачѣмъ же меня звали-то?

Липочка.

Я не знаю; мамаша говоритъ, что я больна... вотъ у нея и спросите чѣмъ?

Нивинъ.

Интересная практика, нечего сказать... Гдѣ же ваша мамаша?

Липочка.

Сейчасъ придетъ... Василій Сергѣичъ... отравите меня!

Нивинъ.

Ого! То-есть, какъ же это?

Липочка.

Такъ, просто; пропишите яду — я приму и умру. Никто и не узнаютъ, а если и узнаютъ — жалѣть меня нѣкому... А мнѣ ужъ какъ не хочется жить: скука замучила меня.

Нивинъ.

Незамѣтно-съ!

Липочка.

Вотъ то-то мнѣ и досадно: умереть ужасно хочется, а я все росту, да толстѣю... Отравите меня: какъ бы я была вамъ благодарна за это!

Нивинъ.

Какія страсти вы говорите! Надо полагать, въ меланхоліи находитесь.

Липочка.

Все мнѣ опостылѣло, а больше всего сама я себѣ надоѣла.

Нивинъ.

„Не милъ бѣлый свѣтъ?“ — Дадимъ снадобья и пройдетъ, какъ рукой сниметъ, это — я съ удовольствіемъ, а на счетъ яду... нѣтъ, зачѣмъ же! Это предусмотрѣно въ уложеніи о наказаніяхъ; тамъ такая статья, что за это въ Сибирь-съ! Хоть Сибирь — и малонаселенная страна, а все-таки я своей особой увеличивать ея населеніе не желаю.

Липочка.

Нѣтъ, яду, яду, Василій Сергѣевичъ! сдѣлайте такую милость!

Нивинъ.

Вѣдь ужь сказалъ, что не дамъ! Разсчету нѣтъ никакого, себѣ дороже... Погодите: „не все на небѣ будетъ ночь“!

Липочка.

Нѣтъ, для меня ужъ разсвѣту не будетъ. Ну, что за жизнь: ни цѣли, ни радости, ни надежды! Такъ идетъ изо дня въ день, тянется, тащится что-то. Другіе хоть мечтать могутъ, фантазіи разныя себѣ придумываютъ, а я и этого не умѣю, не могу себя даже и обмануть ничѣмъ. Хоть бы работать что-нибудь! Я въ портнихи хочу идти.

Нивинъ.

А дома-то кто жъ вамъ мѣшаетъ работать?

Липочка.

Да какая же у барышень работа? Шить что-ни-

будь нужное, полезное для дома — барышнямъ неприлично, а вышивать подушки, да коврики по канвѣ, вѣдь это — ужъ очень глупо. Когда впередъ знаешь, что работаешь только для виду, что твоя работа никому не нужна, что ее сейчасъ же бросятъ, такъ ужъ надо быть очень малодушной, чтобы прилежно заниматься этой работой... Нѣтъ, лучше въ портнихи...

Нивинъ.

Почему же въ портнихи непремѣнно?

Липочка.

Да я ничего не умѣю больше. Нѣтъ, виновата, умѣю хорошо пироги печь. Какъ это случилось, ужъ я и не знаю: никогда и не училась, и не желала отличаться этимъ мастерствомъ, а вдругъ какъ-то, по вдохновенію.

Нивинъ.

Такъ въ портнихи задумали?

Липочка.

Тамъ, по крайней мѣрѣ, жизнь есть.

Нивинъ.

Ну, не особенно привлекательная.

Липочка.

Все же лучше моей, разнообразіе есть. Недѣлю работаютъ до упаду, что-нибудь выработаютъ, а праздникъ отдыхаютъ, — а я постоянно отдыхаю. Какъ-то неловко смотрѣть на себя: такая я большая, сильная, я только и дѣлаю, что хожу по комнатамъ. Люди желаютъ, просятъ здоровья и силъ, а мнѣ они въ тягость, для меня они лишнія; ну, что я за человѣкъ? Окаменѣть бы какъ-нибудь! Нѣтъ ли такого лѣкарства?

Нивинъ.

Хоть въ аптекѣ такой микстуры нѣтъ, да вы не

безпокойтесь, ея и не нужно, — сама жизнь все это сдѣлаетъ. Вотъ эта скука-то, „изо-дня въ день-то одно и то же безъ цѣли и радости“ помаленьку такъ оболванитъ человѣка, что ужъ никакіе громы не разбудятъ, никакіе гласы не воззовутъ.

Липочка.

„Помаленьку!“ А каково ждать-то?

Нивинъ.

Потерпите, и въ скукѣ могутъ быть варіаціи.

Липочка.

Какія?

Нивинъ.

Можно скучать на разныя манеры, въ разной обстановкѣ: можно скучать въ одиночку, а найдется еще скучающій человѣкъ — придется скучать самъ-другъ.

Липочка.

Вы говорите загадками.

Нивинъ (взглянувъ на часы).

Въ другой разъ, какъ-нибудь на досугѣ, пояснѣй скажу.

(Входитъ Сандырева.)

Явленіе шестое.

Липочка, Нивинъ и Сандырева.

Сандырева.

Василій Сергѣевичъ! сколько лѣтъ, сколько зимъ! (Нивинъ раскланивается.) Забыли, совсѣмъ забыли насъ, Василій Сергѣевичъ.

Нивинъ.

Дома хочется сидѣть, Ольга Николаевна.

Сандырева.

Мы безпокоимъ васъ своими немочами, а вы, кажется, сами не такъ здоровы? Какъ вы похудѣли.

Нивинъ.

Да-съ, я не совсѣмъ-таки...

Сандырева.

Вы много занимаетесь; я слышала, вы пишете диссертацію.

Нивинъ.

Хм... Черезъ какое это агентство вы такія свѣдѣнія получаете?

Сандырева.

Слышали, Василій Сергѣевичъ, слухомъ земля полнится; мы отъ души порадовались.

Нивинъ.

Да-съ, пишу, да и казнюсь. Я люблю медицину, вѣрю въ великую будущность этой науки; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, сознаю, что я-то — уже отставной, мертвый ея членъ! Не мнѣ, уѣздному врачу, двигать науку; мнѣ остается неуклонно посѣщать по утрамъ купчиху Соловую, по случаю ея „вдаровъ въ голову и рѣзи во чревѣ!“, а по вечерамъ — постоянно одержимаго бѣлой горячкой ротмистра Кадыкова. (Встаетъ.) — Я изъ числа тѣхъ людей, которые, послѣ болѣе или менѣе продолжительной борьбы, отдаются теченію, и въ эту минуту я, вмѣстѣ со всѣми обывателями, плыву туда, куда влечетъ насъ нашъ жалкій жребій.

Сандырева.

Какъ вы критикуете нашу провинцію!

Нивинъ.

Помилуйте, я себя не отдѣляю отъ провинціи; я самъ — провинція! Чѣмъ же больна ваша дочь?

Сандырева (Липочкѣ).

Липочка, говори!

Липочка.

Я не знаю, мама.

Сандырева (вспыхнувъ).

Ахъ, мой другъ! Цѣлую ночь не спала, Василій Сергѣевичъ, головная боль и подъ ложечкой...

Нивинъ.

Можетъ быть, дурно пищевареніе? Это пройдетъ.

Сандырева.

И бредъ, Василій Сергѣевичъ, мучительный бредъ прошлую ночь былъ... ужъ такъ бредила... Вообще, она у меня послѣднее время — Богъ ее знаетъ что! (Вздохъ.) И скрываетъ отъ меня: дни ходитъ, какъ тѣнь: ни дѣла, ни мѣста ей... ночи не спитъ, бредитъ просто на яву... Мое сердце болитъ, глядя, Василій Сергѣевичъ! И какъ часто въ бреду она называетъ васъ; ужъ что ей представляется!

Липочка (смѣется).

Мама, ну, что ты выдумаешь.

Сандырева.

Ты очень еще глупа, мой ангелъ! Ты не знаешь. что часто такъ начинаются очень серьезныя и даже неизлѣчимыя болѣзни.

Нивинъ.

Такъ вы хотите лѣчить ее?

Сандырева.

Ахъ, какъ же! Непремѣнно, непремѣнно.

Нивинъ.

Ну, если непремѣнно, такъ мы постараемся обойтись безъ аптеки — зачѣмъ даромъ деньги платить!

Нѣтъ ли у васъ какого-нибудь снадобья: — бузины, смородиннаго листа, магнезіи?

Сандырева.

Какъ не быть, Василій Сергѣевичъ! все это ееть.

Нивинъ.

Такъ дайте что-нибудь.

Сандырева.

Чего же?

Нивинъ.

Это рѣшительно все равно, только немного — какъ рукой сниметъ. (Откланивается.) До свиданія!

Сандырева.

Куда же вы, Василій Сергѣевичъ? Не хотите и посидѣть съ нами? Кофейку не прикажете ли? Удѣлите намъ еще четверть часика!

Нивинъ.

Нѣтъ-съ, мнѣ въ больницу нужно. Честь имѣю кланяться! (Уходитъ.)

Сандырева (провожая его, дочери).

Злодѣйка ты для своей матери. (Уходитъ.)

Липочка.

Вотъ еще положеніе-то! Представлять собой негодный товаръ, который съ рукъ нейдетъ и который насильно навязываютъ покупщику. Эка жизнь! Ахъ, да пусть что хотятъ, то и дѣлаютъ со мной! (Закрываетъ лицо рукой.) (За сценой слышенъ свѣжій голосъ:) „Когда я былъ аркадскимъ принцемъ, когда я былъ аркадскимъ принцемъ! Тра-ла, тра-ла...

(Входитъ Настя.)

Явленіе седьмое.

Липочка и Настя.

Настя.

Тра-ла-ла-ла-ла-ла... — Покойной ночи, сестрица, что во снѣ видишь? Нивина, что ли? (Смотритъ въ окно.) Господи! Да когда же меня, несчастную, кто-нибудь подцѣпитъ? Вотъ бы ухватилась! Хоть бы ужъ плохенькаго какого!.. Ну, вотъ идетъ мимо Сопѣлкинъ, Каптѣлкинъ, какъ его? бухгалтеръ управы... Ну, отчего бы ему не влюбиться и не жениться на мнѣ?.. Голубчикъ, влюбись и женись!.. (Подходитъ къ сестрѣ.) Сестрица, послушай, уступи мнѣ Нивина! Я бы живо его скрутила; а вѣдь ты упустишь — гдѣ тебѣ!

Липочка.

Оставь меня въ покоѣ... Вѣшайся на шею кому хочешь. (Входитъ Сандырева.)

Явленіе восьмое.

Липочка, Настя и Сандырева.

Сандырева.

Нѣтъ, Настя, Нивинъ, видно, сорвался у насъ.

Настя.

А можетъ быть, не совсѣмъ еще... погоди, не печалься! Не она, такъ я, мама, ловить буду его.

Сандырева.

Охъ, я и вздумать не могу безъ ужаса, что ты покинешь меня. Ты, вѣдь, у меня одна: и помощница, и другъ! Нѣтъ, Настя, погоди, ты еще молода. А теперь у насъ съ тобой дѣло есть.

(Липочка встаетъ и идетъ къ двери.)

Настя.

Сестрица! не почивать ли?

Липочка (лѣниво и зѣвая).

Можетъ быть... Лучше спать, чѣмъ пустяки — болтать. (Уходитъ.)

Сандырева.

Ну, съ Богомъ. Что въ ней проку-то! А ты, вотъ, мнѣ съ генераломъ-то что-нибудь придумай, какъ бы замазать, да затуманить наши дѣла-то. Остановится ли у насъ, не остановится ль, а ужъ обѣдать-то, во всякомъ случаѣ, будетъ — вотъ тутъ-то ему дессертъ и нуженъ. Онъ, вѣдь — великій лакомка... понимаешь?

Настя.

Еще бы!

Сандырева.

Глазки, улыбочки... Ваше превосходительство! Ну то, да се...

Настя.

Три года назадъ онъ пріѣзжалъ; я, мама, тогда такой маленькій прыщикъ была, а и то онъ поглаживалъ. А теперь мы смастеримъ кой-что... И какъ интересно его превосходительству глазки строить! Да онъ и остановится у насъ, гдѣ ему остановиться... на постояломъ дворѣ, что ли?

Сандырева.

А вотъ увидимъ... Пронеси, Господи, грозу!

Настя.

А я, мама, умѣю глазки дѣлать, ужъ выучилась. Вотъ такъ если? (Принимаетъ кокетливое положеніе, съ вызывающей улыбкой.)

Сандырева.

Ахъ, прелесть! И умница, и хорошенькая ты у меня (цѣлуетъ ее). Нѣтъ, дешево я тебя не отдамъ... А въ канцеляріи-то у насъ чортъ ногу сломитъ! Почтальоны всѣ пьяны, сортировщикъ совсѣмъ не

явился. Помоги ужъ ты мнѣ, а то я, кажется, умру, не дождавшись и генерала.

Настя.

Не бойся, пойдемъ — все разсортируемъ!

(Слышенъ за сценой быстро приближающійся колокольчикъ.)

Сандырева (всплеснувъ руками).

Батюшки свѣты!

Настя.

Это — онъ, мама! (Убѣгаетъ направо; входитъ Михаленко.)

Явленіе девятое.

Сандырева, Михаленко и Сандыревъ.

Михаленко.

Ихъ превосходительство! Самъ генералъ-съ! (Исчезаетъ.)

(Сандырева бѣжитъ налѣво и въ дверяхъ сталкивается съ мужемъ.)

Сандырева (съ ужасомъ).

Въ халатѣ! Вылѣзьте изъ халата-то, вылѣзьте! Да бросьте вашъ проклятый чубукъ! О, несчастный! несчастный! (Уходитъ. Сандыревъ остается, окаменѣвъ.)

(Занавѣсъ.)

Дѣйствіе второе.

Дѣйствующія лица:

Сандыревъ.
Сандырева.
Липочка.
Настя.
Шургинъ.
Ивановъ.
Городской голова.
Михаленко.

Декораціи 1-го дѣйствія.

Явленіе первое.

Сандырева, парадно одѣтая, потомъ **Липочка.**

Сандырева

(подкрадывается къ затворенной двери въ залѣ и прислушивается.)

Шаговъ не слышно, почиваетъ! (Отходитъ) Не ждать намъ добра: сердитъ, ни съ кѣмъ и не говорилъ, только и словъ было: „я хочу часа два отдохнуть!“ Мое сокровище даже и встрѣтить не успѣлъ. Быть намъ нищими, чуетъ мое сердце. Каковъ чиновникъ съ генераломъ: новый какой-то, лицо — ничего, доброе; ни злобы, ни ядовитости незамѣтно, какъ у этихъ столичныхъ умниковъ! Онъ чуть ли не изъ семинаристовъ... манеры-то, какъ будто... Что они тамъ съ моимъ дражайшимъ въ канцеляріи? Вѣдь мое золото въ состояніи самъ на свою голову нагородить съ политикой-то своей. (Въ дверяхъ направо показывается Липочка.) Куда ты, куда ты! Ты и не показывайся, знай свои пироги, да смотри, чтобы миндальное не подгорѣло.

Липочка.

Да вѣдь это — скучно...

Сандырева.

Пироги .. пироги!.. такъ и умирай надъ ними!

(Липочка уходитъ, изъ канцеляріи выходятъ: Ивановъ съ дѣлами, Сандыревъ съ книгами.)

Явленіе второе.

Ивановъ, Сандыревъ и Сандырева.

Сандырева.

Пожалуйте! Здѣсь вамъ будетъ отлично. Канцелярія у насъ грязна, и посѣтители тамъ безпокоятъ; а здѣсь вы можете вполнѣ углубиться.

Ивановъ.

Да... здѣсь-съ лучше...

Сандырева

(указывая на ломберный столъ).

Вотъ на этомъ столѣ очень удобно; прошу васъ.

(Ивановъ усаживается. Сандыревъ кладетъ книги, закладываетъ руки за спину и безмолвно начинаетъ шагать. Ивановъ разбираетъ дѣла и книги.)

Сандырева (указывая).

Это — входящій, это — исходящій журналъ, здѣсь приходо-расходная, а вотъ страховой корреспонденціи... У насъ порядокъ во всемъ удивительный! Иванъ Захарычъ силъ своихъ не щадитъ для службы. (Сквозь слезы.) — Это — подвижникъ. А что касается доносовъ на него его превосходительству, говорю вамъ по совѣсти — одна клевета, низкая, гнусная, клевета человѣка недостойнаго, презрѣннаго!

Ивановъ (углубляясь въ бумаги).

Я не знаю-съ.

Сандырева (дергая мужа).

А вы, какъ будто и не васъ касается... Да что вы, опомнитесь! Вѣдь нищета грозитъ.

Сандыревъ.

Я, матушка, тридцать лѣтъ прослужилъ, и финтить мнѣ не приходится! Въ отставку — такъ въ отставку. А Михаленка я нинче вздую лучшимъ манеромъ... (Уходитъ направо.)

Явленіе третье.

Ивановъ и Сандырева.

Сандырева (про себя).

Вотъ чадушко-то! (Подходитъ къ Иванову.) Вы разсматриваете страховую?

Ивановъ.

Дасъ-съ, здѣсь нужно кое-что.

Сандырева.

Ахъ, все страховое для Ивана Захарыча — святыня! Онъ, я не знаю... онъ меня даже близко не допускаетъ къ этимъ пакетамъ! Ахъ, позвольте ваше имя.

Ивановъ.

Петръ Степановичъ-съ.

Сандырева.

Петръ Степановичъ, не прикажете ли вамъ чаю, кофе или покушать что-нибудь?

Ивановъ.

Нѣтъ-съ, ужъ я сначала займусь.

Сандырева.

Петръ Степановичъ, а генералъ, кажется, не совсѣмъ здоровъ?

Ивановъ.

Нѣтъ-съ, онъ ничего...

Сандырева.

Или онъ не въ духѣ?

Ивановъ (погружаясь въ бумаги).

Да-съ, дорога... безпокойна...

Сандырева.

Ахъ, извините, я васъ отрываю отъ дѣла.

Ивановъ.

Ничего-съ.

Сандырева.

Я вамъ мѣшать не буду.

(Входитъ Настя, кокетливо одѣтая. Ивановъ разбираетъ бумаги, не замѣчая ее.)

Явленіе четвертое.

Ивановъ, Сандырева и Настя.

Сандырева (Настѣ).

Поразсѣй его! Страховую смотритъ. — Охъ!

Настя (кивнувъ головой).

Я свое дѣло знаю.

Сандырева (Иванову).

Я ухожу, вамъ никто не помѣшаетъ. (Уходитъ.)

Ивановъ (взглянувъ на Настю).

Какая хорошенькая! (Углубляясь въ бумаги, нѣсколько разъ оглядывается, потомъ привстаетъ, кланяется и опять нагибается надъ столомъ.)

Настя (подходя).

Неужели вамъ не надоѣли эти дѣла, бумаги? Отъ нихъ пахнетъ гнилью.

Ивановъ.

Нельзя-съ, служба. — Ихъ превосходительство требуетъ.

Настя.

А вы его очень боитесь?

Ивановъ.

Какъ же-съ, помилуйте, начальникъ.

Настя.

Онъ добрый или сердитый генералъ?

Ивановъ.

Нѣтъ-съ, они очень даже снисходительны къ намъ.

Настя.

Къ кому — къ намъ?

Ивановъ.

Къ чиновникамъ.

Настя.

Ну, а къ прочимъ смертнымъ?

Ивановъ.

Я не знаю-съ, должно быть, тоже-съ.

Настя.

А генеральша ваша какая?

Ивановъ.

У насъ нѣтъ генеральши: они — холостые-съ.

Настя.

Кто жъ у него мать ... сестра?

Ивановъ.

Никого нѣтъ-съ.

Настя.

Такъ одинъ и живетъ, ни одной женщины?

Ивановъ.

У нихъ только экономка-съ, Амалія Карловна!

Настя.

О, нѣмка!.. Старая, въ чепцѣ?

Ивановъ.

Нѣтъ-съ, еще довольно молодая.

Настя.

И хорошенькая?

Ивановъ.

Нельзя сказать-съ ... а ничего-съ.

Настя.

А вы влюблены въ нее?

Ивановъ.

Нѣтъ, помилуйте-съ, какъ возможно-съ?

Настя.

Въ кого же вы влюблены?

Ивановъ.

Я ни въ кого-съ ... я еще ... (нагибается надъ бумагами.)

Настя.

Какъ! Еще совсѣмъ не были влюблены?

Ивановъ.

Да-съ (старается заняться дѣломъ).

Настя.

Отчего же? Не находили по своему вкусу, или, можетъ быть, у васъ сердце каменное?

Ивановъ.

Нѣтъ, не каменное-съ, а не приходилось, еще не было случая-съ.

Настя.

Неужели вы еще ни въ кого не влюблялись? Такъ-таки ни въ кого?

Ивановъ.

Хм ... нѣтъ-съ ... еще я ... я ... не приходилось, не было случая-съ.

Настя.

И я еще ни въ кого не влюблена, тоже не приходилось, да здѣсь и не въ кого ... А мнѣ ужасно

хочется полюбить кого-нибудь: это, должно быть, очень интересно. А такъ, безъ любви, скучно жить.

Ивановъ.

Да-съ, это конечно, вы еще такъ молоды ... и здѣсь въ глуши ...

Настя.

А музыку, театръ, общество вы любите?

Ивановъ.

Да-съ, въ свободное отъ службы время очень пріятно.

Настя.

Какъ я танцовать люблю ... Ахъ, до упаду! А у насъ и танцоровъ нѣтъ; если пойдешь съ кѣмъ, такъ измучаешься, поворачивая своего кавалера! Давайте танцовать сейчасъ!

Ивановъ.

Ахъ, какъ же можно-съ! мнѣ надо дѣло дѣлать ...

Настя.

Ничего ... Давайте, пожалуйста, ну, немножко!

Ивановъ.

А ну какъ генералъ услышитъ, мнѣ какъ же тогда? Это вѣдь — неприлично ... чиновнику-съ ...

Настя.

Мы тихонько ... Да вы, можетъ быть, не умѣете?

Ивановъ (вставая).

Нѣтъ-съ, я умѣю, и если вамъ угодно-съ ... только что могутъ быть непріятности.

(Настя напѣваетъ; они танцуютъ польку.)

Ивановъ (останавливаясь).

Позвольте — довольно-съ (садится къ столу).

Настя.

Ужъ, какъ хорошо! Вотъ наслажденье-то! Вотъ и представьте мое положеніе! Ну, хоть бы раза два, три въ годъ потанцовать какъ слѣдуетъ! А то вѣдь это — ужасъ что за кавалеры!

Ивановъ (нагнувшись).

Да-съ, такой барышнѣ, можно сказать ... такому (шепотомъ) ангелу.

Настя (съ притворной строгостью).

Что, что? Что вы сказали? Кто вамъ позволилъ? Развѣ это можно?

Ивановъ.

Я ничего-съ: это вамъ такъ послышалось.

Настя.

Не отпирайтесь! Нѣтъ, я слышала. Извольте сейчасъ писать стихи мнѣ, въ свое оправданіе.

Ивановъ.

Я бы съ удовольствіемъ, да мнѣ некогда-съ; сейчасъ генералъ спроситъ, а у меня еще ничего-съ ...

Настя.

Пишите, пишите стихи; а то не прощу.

(Звонокъ, входитъ Сандырева.)

Явленіе пятое.

Ивановъ, Настя и Сандырева.

Сандырева.

Кажется, звонокъ?..

Ивановъ.

Да-съ, генералъ ...

Сандырева.

Ахъ, скорѣй прислугу, Настя!

Настя.

Какъ мы мило время провели; какъ мы танцовали, мама, сейчасъ здѣсь съ ними ... (Убѣгаетъ.)

Сандырева.

Извините, она — шалунья у меня; она васъ обезпокоила?

Ивановъ.

Нѣтъ, напротивъ, очень пріятно-съ ...

Сандырева.

Ребенокъ она у меня, чистый ребенокъ! (Уходитъ.)

Ивановъ.

Какая прелесть!.. Талія, ножка ... да вся, что ужъ! И въ губернскомъ у насъ еще поищешь!.. (Разбираетъ дѣла.) Все изъ головы выскочило теперь ... Гдѣ-то тутъ что-то нужно было повѣрить! Ахъ ты пропасть! ничего не помню. Даже въ ознобъ и жаръ бросаетъ! А сейчасъ генералъ ... бѣда. (Двери изъ залы распахиваются, входитъ Шургинъ; Ивановъ привстаетъ и, снова уткнувшись, садится.)

Явленіе шестое.

Ивановъ и Шургинъ.

Шургинъ (ходитъ и чиститъ ногти).

Что канцелярскія книги?

Ивановъ (привставъ).

Не очень-съ ... порядокъ не совсѣмъ ... а все-таки, нельзя сказать, ваше превосходительство!

Шургинъ.

Ничего не понимаю ... говорите коротко и ясно.

Ивановъ.

Страховая-съ, ваше превосходительство, вотъ что-то ... Впрочемъ ...

Шургинъ (останавливаясь).

Я васъ не узнаю! вы всегда отвѣчали мнѣ отчетливо и понятно!..

Ивановъ.

У меня-съ голова, ваше превосходительство ... Что-то у меня въ головѣ-съ ...

Шургинъ.

Такъ отдохните немного, или возьмите холодный душъ и потомъ займитесь. Впрочемъ, кажется, безошибочно можно заключить, что здѣсь порядка никакого, упущеній тьма... Не говоря уже о злоупотребленіяхъ и разныхъ разностяхъ, лошадиные хвосты тамъ, поборы съ мужиковъ .... (Входитъ Сандыревъ.)

Явленіе седьмое.

Шургинъ, Ивановъ и Сандыревъ.

Сандыревъ (вытягиваясь).

Имѣю честь представиться ... Не имѣлъ счастія лично встрѣтить ваше превосходительство.

Шургинъ (киваетъ).

Здравствуйте, здравствуйте! Вы давно служите? Я забылъ. (Ходитъ.)

Сандыревъ.

Тридцать лѣтъ безпорочной службы, ваше превосходительство.

Шургинъ.

Странно! И терпѣлся такой порядокъ, такія злоупотребленія, такая распущенность!

Сандыревъ.

Злоупотребленій никакихъ, ваше пр—ство. Если что, такъ это по обоюдному соглашенію, за мои одолженія и неусыпный трудъ!

Шургинъ

(останавливаясь, возвышаетъ голосъ).

Что вы мнѣ говорите! Служба не терпитъ никакихъ обоюдныхъ соглашеній. Вся ваша служебная дѣятельность опредѣлена закономъ; тамъ нѣтъ обоюдныхъ соглашеній. Входить въ соглашеніе съ частными лицами вы можете только въ ущербъ службѣ, въ ущербъ заведенному порядку. И, вдобавокъ, какой-то чубукъ — чортъ знаетъ что!

Сандыревъ.

Чубукъ-съ! это — мое человѣколюбіе, ваше пр—ство.

Шургинъ.

Какъ — человѣколюбіе? Вотъ не ожидалъ!

Сандыревъ.

Двадцать лѣтъ стараюсь отъ гнуснаго порока исправить человѣка.

Шургинъ.

Чубукомъ?

Сандыревъ.

Точно такъ, ваше превосходительство.

Шургинъ.

Странная филантропія (За сценой голосъ Насти: „Вѣдь лебедь былъ моимъ папашей".) Поетъ!.. кто это?

Сандыревъ.

Моя дочка-съ, Настенька; если безпокоитъ ваше превосходительство, то я прикажу...

Шургинъ.

Нѣтъ, пожалуйста!.. Вы пока мнѣ не нужны, мнѣ предстоитъ подумать. Можете идти и снять вашъ мундиръ.

(Сандыревъ раскланивается и уходитъ. Шургинъ ходитъ, вынимаетъ сигару; Ивановъ, вскочивъ, подаетъ ему огня; Шургинъ закуриваетъ и садится въ кресло.)

Шургинъ (какъ бы про себя).

Да, въ отставку, и нечего толковать, и оставаться здѣсь больше незачѣмъ. Нѣтъ, этихъ древнихъ порядковъ терпѣть нельзя.

Входитъ Настя съ корзиной печенья и горничная съ подносомъ, на которомъ кофе.)

Явленіе восьмое.

Шургинъ, Ивановъ, Настя и горничная.

Настя.

Ваше превосходительство, кофе... не угодно ли?

(Горничная ставитъ кофе на столъ и уходитъ.)

Шургинъ (съ улыбкой).

Благодарю-съ, благодарю... (Ивановъ быстро забираетъ дѣла и уходитъ въ канцелярію.) Если не ошибаюсь, это вы пѣли сейчасъ?

Настя.

Да, я...

Шургинъ.

А у васъ хорошенькій голосокъ.

Настя.

Я вѣдь не училась; я такъ пою, какъ попало.

Шургинъ.

Тембръ хорошъ, свѣжій, звучный. (Пьетъ кофе.)

Настя.

Можетъ быть. Я ничего не слыхала, не видала

въ жизни, такъ сама судить не могу. Ваше превосходительство, я къ вамъ съ просьбой.

Шургинъ.

Что прикажете, весь — вниманіе...

Настя (садясь).

Я хочу служить, ваше превосходительство!

Шургинъ.

Служить? то-есть какъ?

Настя.

Такъ, какъ чиновники; вѣдь теперь, говорятъ, женщины служатъ, имъ разрѣшено...

Шургинъ.

Ха, ха, ха... Какая мысль! прекрасно... Гдѣ же вы желаете служить?

Настя.

Подъ вашимъ начальствомъ, не иначе... Вы такой снисходительный къ подчиненнымъ, я слышала, а то есть ужасно сердитые генералы. Ахъ, тѣхъ я боюсь.

Шургинъ.

Ха, ха, ха... да, женщины служатъ... но частно... не нося мундира!

Настя (кокетливо)

И я буду частно.

Шургинъ.

Вамъ вѣдь большое жалованье нужно дать, ха, ха! а у меня нѣтъ.

Настя.

На первый разъ я буду довольна и небольшимъ.

Шургинъ.

За какой же столъ, къ какимъ дѣламъ мы васъ помѣстимъ

Настя.

Я на все годна понемножку: я вѣдь письмоводителемъ у папа; я всѣ бумаги знаю!

Шургинъ.

Такъ вотъ что! А! такъ вотъ кого мнѣ распекать-то за безпорядокъ.

Настя.

Безпорядокъ! Какіе пустяки! кто это вамъ сказалъ? Вы не вѣрьте, ваше превосходительство. Я ночей не спала, готовясь къ вашей ревизіи, и все отлично! Я жду награды; неужели вы оставите меня безъ вниманія? (Кокетничаетъ и дѣлаетъ глазки.)

Шургинъ.

Оставить васъ безъ вниманія — для меня невозможно; это выше силъ моихъ. (Цѣлуетъ ея руки.) Я взялъ бы васъ въ личные секретари.

Настя.

Возьмите, и вы не будете жалѣть; я постараюсь изучить вашъ характеръ, привычки...

Шургинъ.

Послушайте, вы — очаровательны! (Страстно хватаетъ ее за руки.) Но это... это... (Вставая.) Наконецъ, что я дѣлаю? я долженъ здѣсь выходить изъ себя, долженъ сердиться (проходитъ), долженъ нанести, въ нѣкоторомъ родѣ, ударъ, можетъ быть, неожиданный...

Настя (встаетъ).

Ударъ? кому?

Шургинъ.

Я долженъ... Вашему отцу грозитъ отставка.

Настя.

Въ такомъ случаѣ, отставка и мнѣ... его письмородителю. Нѣтъ, вы этого не сдѣлаете! Ну, генералъ, скажите! И вамъ не жаль меня... я такъ ждала васъ, ждала радости награды, а не казни!

Шургинъ (останавливаясь).

Да, конечно, это безхарактерно, но... но я обезоруженъ. (Хватаетъ ее за руку.) И вы... вы... виновница! Ребенокъ и волшебница въ одно и то же время. (Осыпаетъ ея руки поцѣлуями.) Во что бы то ни стало я дѣлаю васъ своимъ секретаремъ! Вы даете мнѣ право дѣйствовать? (Не выпускаетъ ея рукъ.)

Настя.

Да, но какъ это будетъ?

Шургинъ.

Это — ужъ мое дѣло; только знайте, что все, что сейчасъ послѣдуетъ, будетъ истекать отъ меня и клониться къ тому, что бы вы были моимъ секретаремъ. Вы не заупрямитесь?

Настя.

Я — подчиненный; я исполню безъ возраженій все, что будетъ угодно приказать вашему превосходительству.

Шургинъ.

О! какой у меня секретарь! какой секретарь!

Настя.

Значитъ, по ревизіи все благополучно, да?

Шургинъ.

Ну, ужъ пусть будетъ такъ.

Настя.

Милый, добрый генералъ! Вотъ — за это! (Цѣлуетъ его въ лобъ и убѣгаетъ.)

Шургинъ (одинъ).

Поцѣлуй! Обожгла! я дрожу... что со мной? голова кружится. (Хватаясь за голову.) Огонь во всемъ! Удивительно, удивительно! ребенокъ, и какая сила, какая прелесть женщина!. (Ходитъ.) Эта головка! Нѣтъ, разстаться съ ней невозможно! О, женщины! Есть ли жертва, которой бы я не принесъ для васъ! (Отворяетъ дверь въ канцелярію.) Господинъ Ивановъ, господинъ Ивановъ! пожалуйте сюда! (Ивановъ входитъ.)

Явленіе девятое.

Шургинъ и Ивановъ.

Шургинъ.

Послушайте... вы ужъ тамъ не очень... конечно, порядки не важные, но все-таки довольно сносно, удовлетворительно и злоупотребленій особенныхъ нѣтъ.

Ивановъ.

Слушаю-съ, ваше превосходительство.

Шургинъ.

Понимаете, рука не поднимается. Мнѣ жаль, большая семья! (Садится.)

Ивановъ.

Совершенно справедливо, ваше превосходительство, очень большая.

Шургинъ.

Да? И вы согласны? ну, очень радъ! садитесь. мнѣ съ вами нужно переговорить...

Ивановъ.

Что прикажете, ваше превосходительство? (Садится на концѣ стула.)

Шургинъ.

Вы знаете, какъ я внимателенъ ко всѣмъ моимъ подчиненнымъ, а къ вамъ особенно?

Ивановъ (привскакивая).

Вы — мнѣ второй отецъ, ваше превосходительство.

Шургинъ.

Да! Вотъ по окончаніи нашей поѣздки, вы получите нѣкоторое повышеніе... тамъ я увижу.

Ивановъ (раскланиваясь).

Изъ ничтожества поднимаете, ваше превосходительство, и дѣлаете человѣкомъ.

Шургинъ.

Но-о... вниманіе мое къ вамъ собственно идетъ еще далѣе, именно до отеческой заботы. Я хотѣлъ бы видѣть васъ женатымъ, семейнымъ, вполнѣ счастливымъ человѣкомъ. Вамъ уже пора объ этомъ подумать! Садитесь!

Ивановъ (садится).

Я думалъ-съ и много разъ уже думалъ-съ, ваше превосходительство, но не встрѣчалъ еще въ жизни такого предмета...

Шургинъ.

Не встрѣчали? Ахъ, мой милый, да счастье около васъ, оно „близко“ и „возможно“! Вы видѣли здѣсь дѣвушку... дочь... ну, она пѣла еще?..

Ивановъ.

Видѣлъ-съ, ваше превосходительство.

Шургинъ.

Вотъ вамъ! Берите, берите, не задумывайтесь. Неправда ли, прелестная дѣвушка?

Ивановъ.

Да-съ, она, ваше превосходительство, дѣйствительно...

Шургинъ.

Необыкновенно живая, умница! А какое граціозное созданіе?

Ивановъ.

Дѣйствительно, ваше превосходительство, не въ этой бы ей глуши...

Шургинъ.

Приданаго, конечно, нѣтъ; но, сожалѣя объ ихъ бѣдности, обѣщаю вамъ навсегда мое покровительство.

Ивановъ (вскакивая).

Ваше превосходительство, чѣмъ я могъ заслужить?.. (Стоитъ.)

Шургинъ.

Вашею скромностью, любезнѣйшій, и преданностію мнѣ и дѣлу службы! Еще вотъ что я вамъ скажу: всякая длинная исторія съ ухаживаніемъ, съ продолжительнымъ сватовствомъ не годится для человѣка въ вашемъ положеніи; это мѣшаетъ службѣ; а вотъ такъ, вдругъ! Встрѣча, неожиданное сближеніе — повѣрьте, что здѣсь больше залога для тихаго счастья!

Ивановъ.

Но... но... она, ваше превосходительство, она, пожалуй, не пожелаетъ... можетъ быть, я не понравлюсь?

Шургинъ.

Ручаюсь вамъ за успѣхъ! Вѣрьте, что эта дѣвушка лучше насъ съ вами смотритъ на жизнь. Дѣйствуйте же немедленно! я сегодня же уѣзжаю, а вы останьтесь и сдѣлайте предложеніе. Завтра вы меня въ сосѣднемъ городѣ догоните.

Ивановъ (млѣетъ отъ восторга).

Ваше превосходительство, нѣтъ словъ для выраженія... (Входитъ Настя.)

Явленіе десятое.

Шургинъ, Ивановъ и Настя.

Шургинъ

(указывая глазами Настѣ на Иванова).

Вотъ этотъ молодой человѣкъ имѣетъ до васъ великую просьбу и сегодня заявитъ ее вамъ... Я буду радъ очень, если вы не отвергнете ея — я ему протежирую!

(Настя улыбается. Ивановъ, бросается вонъ. Входятъ: Сандыревъ и Сандырева.)

Явленіе одиннадцатое.

Шургинъ, Настя, Сандыревъ и Сандырева.

Сандырева.

Осчастливьте, ваше превосходительство, не откажите нашего хлѣба-соли откушать.

Сандыревъ.

Осчастливьте, ваше превосходительство!

Шургинъ.

Очень благодаренъ, мнѣ пріятно. (Къ Сандыревой.) Но ваша дочка прелестна, она — очаровательна.

Сандырева.

Страшная шалунья, ваше превосходительство! Такой рѣзвый ребенокъ!

(Входитъ Михаленко, едва держась на ногахъ.)

Явленіе двѣнадцатое.

Шургинъ, Сандыревъ, Сандырева и Михаленко.

Михаленко (простирая руки).

Притекаю къ тебѣ, праведенный судія! (Падаетъ въ ноги.) Ваше превосходительство, явите милосердіе.

Шургинъ.

Онъ, кажется, мертвецки?

Михаленко.

Нин-ни-ни... Мои уста... ни-ни, окромя, помимо святой воды, чтобъ, значитъ, съ чистымъ сердцемъ.

Сандыревъ.

Я, вотъ, сейчасъ съ нимъ... (Хватаетъ изъ угла чубукъ)

Шургинъ.

Опять чубукъ!

(Сандыревъ останавливается съ чубукомъ).

Сандырева.

Нѣтъ никакой возможности, ваше превосходительство, по-человѣчески!

Шургинъ.

Пожалѣйте вы, если не его, хоть ваши чубуки.

Сандыревъ.

Не могу, ваше превосходительство.

(Выталкиваетъ Михаленко въ канцелярію. Изъ залы выходятъ городской голова и Настя.)

Явленіе тринадцатое.

Шургинъ, Сандыревъ, Сандырева, Настя и городской голова.

Городской голова (раскланивается).

Честь имѣемъ явиться къ вашему превосходи-

тельству, какъ есть, я — градской голова здѣшняго города... Да-съ.

Шургинъ.

Очень радъ, благодарю.

Городской голова.

И позвольте, ваше превосходительство, приподнести вашему превосходительству (подаетъ бумагу).

Шургинъ (беретъ).

Что такое?

Городской голова.

Насчетъ ихъ высокоблагородія, прописано все, какъ есть. Вотъ что! Да-съ.

Шургинъ (читаетъ).

Ахъ, это вы одобреніе отъ общества относительно г. почтмейстера!

Городской голова.

Такъ точно-съ, отъ общества-съ. Всѣ мы оченно чувствуемъ удоблетвореніе, ваше превосходительство, и никакихъ, къ примѣру, притензіевъ намъ отъ нихъ, окромя что какъ господинъ почтмейстеръ, Иванъ Захарычъ, хорошій они у насъ человѣкъ. Вотъ и все-съ.

Шургинъ.

Хотя я уже видѣлъ самъ на дѣлѣ... ноо... мнѣ очень пріятно и это подтвержденіе! Я остаюсь съ глубокою признательностію къ обществу, которое такъ цѣнитъ ревность моего чиновника! Общество — лучшій судья!

Городской голова.

Въ такомъ случаѣ, и мы, ваше превосходительство, оченно этому дѣлу рады. И больше ничего.

Шургинъ (оглядывая всѣхъ).

Теперъ, кажется, все кончено?

Сандырева.

Милости прошу, ваше превосходительство, въ залу!

Шургинъ

Благодарю-съ! (Подставляя Настѣ руку.) Позвольте.

(Идутъ. Шургинъ тихо говоритъ Настѣ, она смѣется; Сандырева подлетаетъ съ поклономъ къ головѣ; Сандыревъ беретъ его подъ руку и всѣ уходятъ въ залу.)

Занавѣсъ.

Дѣйствіе третье.

Дѣйствующія лица:

Сандыревъ.
Сандырева.
Липочка.
Настя.
Нивинъ.
Ивановъ.

Декораціи 1-го дѣйствія.

Явленіе первое.

Сандыревъ, въ старомъ форменномъ сюртукѣ съ газетой и трубкой, ходитъ взадъ и впередъ. Сандырева.

Сандырева.

Скажите же мнѣ, что это значитъ?

Сандыревъ.

Не знаю, матушка, не знаю.

Сандырева.

Самъ генералъ уѣхалъ...

Сандыревъ.

Не знаю, матушка.

Сандырева.

Да не перебивайте! Са́мъ генералъ уѣхалъ, а чиновникъ его остался.

Сандыревъ.

Не знаю, матушка, и отстань ты отъ меня! Тутъ такія извѣстія! а она пристаетъ съ глупостями.

Сандырева.

Съ глупостями, а! скажите! Да отецъ вы, или нѣтъ?

Сандыревъ.

Надо думать, что отецъ, коли дѣти есть.

Сандырева.

Дѣти есть! Много дѣтей, очень много! (Утирая

слезы.) Ну, такъ я вамъ объясню, что это значитъ: генералъ съ нами штуку сыгралъ; онъ всегда такъ дѣлаетъ, я слышала. Вотъ онъ отъѣдетъ станцію или двѣ, да оттуда и пришлетъ вамъ отставку, а чиновнику этому предписаніе: принять отъ васъ должность! Вотъ оно-съ!

Сандыревъ (читая).

Ну, и на здоровье.

Сандырева.

Что же тогда? Шарманку на плечи?

Сандыревъ.

Ну, что-жъ, я могу? Вѣдь, ужъ дѣла не поправишь. Сокрушаться прикажете, плакать, рвать на себѣ послѣдніе волосы? Такъ я — человѣкъ благоразумный... Ахайте ужъ вы, а мнѣ не мѣшайте! Тутъ, матушка, государство разваливается, а она... Тамъ поминутно султановъ мѣняютъ, а не то, что почтмейстеровъ. Нѣтъ, лучше уйти отъ васъ, покойнѣе будетъ. (Уходитъ направо.)

Сандырева (вслѣдъ мужу).

Уродъ, уродъ! Нѣтъ больше силъ моихъ, погибаю! Несчастная я женщина.

(Изъ залы входитъ Настя)

Явленіе второе.

Сандырева и Настя.

Сандырева.

Куда онъ пошелъ-то, Ивановъ этотъ?

Настя (весело.)

Завернулъ на большую улицу.

Сандырева.

А Палашка слѣдитъ?

Настя (смѣясь).

Она — по другой сторонѣ, не отставая!

Сандырева.

Не смѣйся, мой другъ: скоро мы, скоро заплачемъ.

Настя.

Нѣтъ, мама, намъ будетъ весело — вотъ посмотришь.

Сандырева.

Откуда веселье! Гдѣ его взять! Волкомъ взвоешь съ вами.

Настя.

Ужь будетъ веселье.

Сандырева.

Ахъ, не разстраивай ты меня!

Настя.

Я на картахъ гадала...

Сандырева.

На картахъ-то только о пустякахъ гадаютъ; а тутъ до серьезнаго дошло. Ложись, да умирай!

Настя (у окна).

Вотъ Ивановъ возвращается. Какъ онъ скоро!

Сандырева.

Вонъ и Палашка изъ-за угла. (Уходя направо.) Не заходилъ ли куда, спросить. (Уходитъ.)

Настя.

Ну, вотъ, идетъ. Генералъ сказалъ: „онъ имѣетъ великое дѣло до васъ"; ну, какое же можетъ быть

дѣло иначе, и зачѣмъ бы Ивановъ остался? Онъ, кажется, будетъ такой послушный... И весело мнѣ, и все-таки страшно.

(Входитъ Ивановъ.)

Явленіе третье.

Настя и Ивановъ, въ одной рукѣ изящный альбомъ, въ другой — портфель съ бумагами.

Ивановъ (поднося альбомъ).

Генералъ приказали-съ вручить вамъ...

Настя (присѣдая).

Merci... Какой хорошенькій! чудо! Вашъ генералъ — милый.

Ивановъ.

Да-съ, они очень... очень... (Теряется, отходитъ къ ломберному столу и начинаетъ выбирать бумаги изъ портфеля.)

Настя (читаетъ въ альбомѣ надпись).

„Моему очаровательному секретарю на память перваго знакомства!“ Merci, merci. (Садится на кресло вдали отъ Иванова и разсматриваетъ альбомъ.) А дѣло, какое это великое дѣло у васъ?

Ивановъ (не оборачиваясь).

Да-съ, это — дѣло-съ... можетъ быть, тутъ нужно выраженіе, а я никогда-съ...

Настя.

Это дѣло, оно тамъ у васъ въ бумагахъ?

Ивановъ (не оборачиваясь).

Нѣтъ-съ, оно у меня въ сердцѣ-съ!

Настя.

Въ сердцѣ?

Ивановъ.

Я никогда еще не имѣлъ такого объясненія-съ;

это — первый разъ въ жизни-съ. Всѣ чувства мои въ безпорядкѣ. (Прячется совсѣмъ въ бумагу.)

Настя.

А голова?

Ивановъ.

И голова-съ... я влюбленъ-съ.

Настя.

Въ кого?

Ивановъ.

Да я не смѣю, я никогда...

Настя.

Не бойтесь, говорите, мы здѣсь одни.

Ивановъ.

Да я въ васъ и влюбленъ-съ! (Уткнувшись въ бумагу.) Только я чувствую, что недостоинъ... и боюсь...

Настя.

Такъ скоро!

Ивановъ

(оборачиваясь и скрывая лицо).

Да-съ, вдругъ-съ, и не успѣлъ опомниться, и самъ не знаю, что-съ! (привстаетъ) Настасья Ивановна, если я не противенъ-съ, я прошу... моя душа... навѣки!.. (садится и снова скрывается въ бумагѣ. Входитъ Сандырева и смотритъ подозрительно на Иванова, не замѣчая Насти).

Явленіе четвертое.

Ивановъ, Настя и Сандырева.

Ивановъ

(привставъ и выглядывая изъ-за бумаги).

Я-съ... генералъ-съ... Его превосходительство, они мнѣ-съ.

Сандырева.

Ахъ. Я предчувствую, что вы скажете — какое для насъ несчастіе!..

Ивановъ (все болѣе теряясь).

Нѣтъ-съ; я хотѣлъ, я... имѣю-съ.

Сандырева.

Сердце мое говоритъ мнѣ! Заступница моя (сквозь слезы). Но за что же, за что же?.. Я догоню генерала, я брошусь ему въ ноги, буду просить, молить выслушать меня и пощадить насъ!.. Это — ужасно!

Ивановъ.

Да я-съ... я вовсе... я-съ.

Сандырева (со слезами).

Знаю, знаю, вы, конечно, только исполняете приказаніе; но, Петръ Степанычъ, войдите въ наше положеніе и помогите! Я умоляю васъ, посовѣтуйте намъ, попросите генерала съ своей стороны, вы къ нему близки! (Хватая его за руки.) Ѣдемте, ѣдемте сейчасъ!

Ивановъ.

Нѣтъ-съ, вѣдь я, вѣдь совсѣмъ... позвольте мнѣ.

Настя

(подбѣгаетъ къ матери, хватаетъ ее за руку и освобождаетъ Иванова)

Совсѣмъ не то, мама!

Сандырева.

Что же, что же? Господи...

Ивановъ.

Я... я-съ дѣлаю предложеніе дочкѣ вашей, то-есть вамъ-съ, то-есть дочкѣ-съ, Настасьѣ Ивановнѣ, и прошу ихъ руки.

Сандырева.

Ахъ! Настя! Господи!

Настя (показываетъ альбомъ).

Подарокъ мнѣ.

Сандырева (вскрикиваетъ).

Ахъ!

Настя.

Это — отъ генерала.

Сандырева.

Ахъ, не могу опомниться, не могу придти въ себя! Что это? жива ли я? Настя! Настя! (обнимаетъ дочь). Если бы вы знали, Петръ Степанычъ, мою любовь къ ней! Жемчужинка моя (хватая Иванова за руку). Простите меня, что я... что я... вѣдь я совсѣмъ обезумѣла... я воображала... Охъ! Такъ неожиданно... благодарю васъ за честь, Петръ Степанычъ... Совсѣмъ растерялась... Пожалуйте къ намъ въ садъ, Петръ Степанычъ, тамъ мы будемъ пить чай, по семейному. Тамъ у насъ чудесно.

Ивановъ.

Съ большимъ удовольствіемъ.

Сандырева (уходя направо).

Я сейчасъ распоряжусь (уходитъ).

Ивановъ (ободрившись).

Настасья Ивановна, я нетерпѣливо жду-съ, во мнѣ ужасное мученіе-съ.

Настя.

Да вы въ самомъ дѣлѣ влюблены въ меня?

Ивановъ.

Безъ ума-съ! Ужъ такъ-съ, что и не знаю!

Настя.

Да, можетъ быть, вамъ генералъ приказалъ?

Ивановъ.

Они мнѣ только совѣтывали, какъ отецъ.

Настя.

Ну, въ садъ! въ садъ! (Хватаетъ его за руку и убѣгаютъ въ дверь залы. Входитъ изъ двери справа Сандыревъ съ газетой, Сандырева тащитъ его за руку.)

Явленіе пятое.

Сандыревъ и Сандырева.

Сандырева.

Оставьте вашу газету, оставьте вашу Европу! Что у насъ-то совершается!

Сандыревъ.

Ну, что такое? Ну, что такое?

Сандырева.

Эхъ ты — премудрость! Ну, угадай, что.

Сандыревъ.

Пожаръ, что ли? Землетрясеніе?

Сандырева.

Вашей дочери Настѣ дѣлаютъ предложеніе...

Сандыревъ.

Предложеніе, да какое же? насчетъ чего?

Сандырева.

Онъ не понимаетъ! просятъ ея руки.

Сандыревъ.

Да!.. ну да, ну, и хорошо. (Смотритъ въ газету.)

Сандырева.

Да вы хоть полюбопытствуйте кто...

Сандыревъ.

Да, да, какъ же, это надо!.. Ну кто же, кто?

Сандырева.

Чиновникъ-съ, этотъ самый чиновникъ.

Сандыревъ.

Чиновникъ? это — хорошо. Какой чиновникъ?

Сандырева.

Генеральскій.

Сандыревъ

Генеральскій? Генералъ, генеральскій...

Сандырева.

Да вы проснитесь! Онъ ужъ не помнитъ, что у насъ было сегодня.

Сандыревъ (третъ лобъ).

Да, ну да, теперь я... да...

Сандырева.

Петръ Степанычъ Ивановъ, чиновникъ его превосходительства, что у насъ на ревизіи... понимаете?

Сандыревъ.

Ахъ... да... да... Такъ онъ это, вотъ какъ?

Сандырева.

Да-съ! вотъ какъ! А генералъ подарилъ ей альбомъ.

Сандыревъ.

Кому альбомъ? Да, да, такъ, чиновникъ подарилъ альбомъ, а генералъ предложеніе!..

Сандырева.

Эхъ, Иванъ Захарычъ, вотъ до чего довела васъ политика!

Сандыревъ.

То есть, да, чиновникъ — предложеніе, а генералъ — альбомъ! Понялъ я. Ну, что тутъ мудренаго!

Сандырева.

Насилу-то, ахъ, тюленюшка! (поднося ему свою руку). Цѣлуйте ручку и благодарите... За что вамъ Богъ послалъ такую жену-то.

Сандыревъ.

Ты, да... благодарю, благодарю...

Сандырева.

То-то! цѣнить-то вы только не умѣете... Отправляйтесь въ садъ, къ жениху! Да бросьте хоть теперь-то. (Вырываетъ газету и кладетъ на столъ.) Ступайте, будьте любезны и веселы (выталкиваетъ). Идите, идите... и я сейчасъ.

Сандыревъ.

Иду, иду... (уходитъ).

Сандырева.

Думано ли, гадано ли, чтобы такая развязка! (подходитъ къ окну). Нивинъ идетъ! (въ окно). Василій Сергѣевичъ, Василій Сергѣевичъ! На минутку. У насъ — радость! (бѣжитъ къ дверямъ въ залъ и встрѣчается съ Нивинымъ).

Явленіе шестое.

Сандырева и Нивинъ.

Сандырева.

Когда же это было прежде, чтобы мимо шли и къ намъ не зашли?

Нивинъ.

Я, право, и не замѣтилъ, что мимо васъ прохожу.

Сандырева.

Вотъ какъ углублены! Прошу же васъ, присядьте на минутку (садятся). Наша ревизія чудесно сошла, Василій Сергѣевичъ! Генералъ былъ очень любезенъ!

Нивинъ.

Очень радъ.

Сандырева.

И радостная новость у насъ!

Нивинъ.

Что такое?

Сандырева.

Чиновникъ его превосходительства сдѣлалъ предложеніе Настенькѣ, Ивановъ по фамиліи; прекрасный молодой человѣкъ.

Нивинъ.

Какъ это скоро у васъ дѣлается.

Сандырева.

Богъ насъ устрояетъ, Василій Сергѣевичъ.

Нивинъ.

Хм... ревизія, сватовство — интересно...

Сандырева.

Именно, что чудесно! Ахъ! гляжу я все на васъ, Василій Сергѣевичъ, какъ измѣнились.

Нивинъ.

Старость подкрадывается.

Сандырева.

Охъ, что вы! Вамъ только еще жить да наслаждаться, Василій Сергѣевичъ! Наука, охъ, наука васъ сушитъ! Довольно бы, право, довольно бы!

Нивинъ.

А что пословица-то говоритъ, Ольга Николаевна? Вѣкъ живи, вѣкъ учись!

Сандырева.

Да чему вамъ, помилуйте? Ужъ вамъ ли чего не знать? Вы все знаете; вамъ кажется, что еще что-то осталось. Конечно, слава! прославиться человѣку хочется, показать всему свѣту свой умъ.

Нивинъ.

Показывать свѣту свой умъ, да еще всему! Ольга Николавна, что вы! Далеко очень.

Сандырева.

Охъ, слава; изстрадается, измучается человѣкъ такъ, что самъ себя не понимаетъ, ну, и — стрѣляются. А вы думаете отчего? Все отъ этого.

Нивинъ.

Такъ-съ, именно, святая ваша рѣчь, Ольга Николаевна.

Сандырева.

Нѣтъ, глупая, дурацкая моя рѣчь, Василій Сергѣевичъ, простите меня; но отъ души, отъ нашего расположенія къ вамъ, не могу удержаться! И думаю я еще: не все-же слава; а развѣ такое счастье хуже! Вести добродѣтельную, семейную жизнь, дѣлать людямъ добро тамъ, гдѣ судьба поселила; много добра! Ахъ, много за такого человѣка проливается горячихъ молитвъ! И какая любовь, какая забота окружаетъ его; онъ родной, дорогой становится для людей окружающихъ! И такъ ему хорошо, и ничего ужъ не хочется, не рвется онъ къ этой громкой, страшной славѣ!

Нивинъ.

Просто плыву; плыву по какой-то волшебной рѣкѣ, подъ тихими, сладкими звуками сиренъ.

Сандырева (встаетъ).

Смѣетесь вы надъ дурой-бабой! Ну, Богъ съ вами! Дай Богъ только вамъ здоровья, да силъ! А какимъ я васъ чайкомъ угощу; мы только-что получили, свѣженькій! Вѣдь, я знаю, что вы любите! я сію минуту! (Уходитъ.)

Нивинъ.

Какова женщина!... Да-съ, дама съ соображеніемъ. (Помолчавъ.) Вотъ такъ-то и плывешь, и плывешь, да какъ задремалъ подъ эту тишину-то — ну, и прощай. Очнешься вдругъ, разбудитъ тебя что-нибудь — ни силы ужъ въ тебѣ, ни мысли, и такъ и тянетъ, такъ и затягиваетъ тебя плыть дальше это тихое море покоя и сна. Вчера изорвалъ я, въ сознаніи своего безсилія, начатую диссертацію, а сегодня... (Увидавъ входящую Липочку) плывемъ!

(Входитъ Липочка со стаканомъ чая.)

Явленіе седьмое.

Нивинъ и Липочка.

Нивинъ.

Какъ вы сегодня интересны, позвольте вамъ сказать.

Липочка (поставивъ стаканъ).

Это что же значитъ?

Нивинъ (прихлебывая чай).

То, что вы очень милы!

Липочка.

Вы ужъ за комплименты взялись, отъ скуки, что ли?

Нивинъ.

Невольно-съ, невольно! Вашъ видъ вызываетъ.

Липочка.

Или насмѣхаетесь? Васъ не разберешь.

Нивинъ.

Ничуть-съ! Вы — такая славная, сдобная, мягкая, свѣжая... Такъ можно выражаться?

Липочка (надувается).

Въ булочной можно.

Нивинъ.

Такъ извините нашу невѣжественность по части изліянія нѣжныхъ чувствъ! Грубъ! грубъ... Нѣтъ, право, вы мнѣ начинаете очень нравиться. Въ васъ такъ полно выражается идея ненарушимаго покоя; какимъ здоровьемъ вѣетъ отъ васъ!

Липочка (смѣется).

Вы, кажется, въ поэзію ударились?

Нивинъ.

Да-съ, я сегодня въ удивительномъ ударѣ; я сегодня такъ хорошо настроенъ.

Липочка.

Что же это значитъ?

Нивинъ.

А значитъ, что человѣкъ разрѣшилъ свою задачу... Къ тихому пристанищу притекъ.

Липочка.

Слышали вы нашу новость?

Нивинъ.

Какъ же-съ, какъ же!

Липочка.

Я теперь буду шить приданое сестрѣ, а потомъ

въ портнихи уйду; надоѣло и мнѣ дома, и я всѣмъ надоѣла.

Нивинъ.

Въ портнихи — дѣло хорошее... А если замужъ, какъ вы думаете, не лучше ли будетъ?

Липочка.

За кого это?

Нивинъ.

Ну, за человѣка солиднаго, благонамѣреннаго, не пьющаго... то есть „запоемъ"... и желающаго вкусить сладостей тихой семейной жизни... Ну, вотъ хоть за меня.

Липочка.

Вы все шутите!..

Нивинъ.

Ни капли шутки... А? ну, думайте, что ли! и сейчасъ повергнемся къ стопамъ родительскимъ! Оно и расходу меньше — двѣ свадьбы заразъ... А ужъ какое ликованье для Ольги-то Николаевны будетъ.

Липочка (надувшись).

Ну, что вы врете?

Нивинъ.

Серьезно-съ, серьезно.

Липочка.

Да это я не знаю, что такое...

Нивинъ.

Помните, я говорилъ, что и въ скукѣ могутъ быть варіаціи? То вы скучали однѣ, а теперь будемъ скучать вдвоемъ.

Липочка.

Но что вы чувствуете ко мнѣ... и что я?.. Я не разберу ничего.

Нивинъ.

Разберемъ и почувствуемъ это мы уже послѣ.

Липочка.

А теперь надо повѣрить вамъ?

Нивинъ.

Полагаю, что надо.

Липочка (серьезно).

Ну, хорошо. Вы — честный человѣкъ?

Нивинъ.

Да-съ, и красоту тѣлесную цѣнить умѣю.

Липочка

(нѣсколько обидясь, сквозь слезы).

Кромѣ тѣлеснаго, я думаю, у меня и умишко есть, хоть небольшой, и сердце...

Нивинъ (горячо пожимая ей руки).

Развѣ я не замѣчаю, развѣ я не замѣчаю!

Липочка (съ улыбкой).

А замѣтили — такъ и слава Богу.

(Входитъ Сандырева.)

Явленіе восьмое.

Липочка, Нивинъ и Сандырева.

Нивинъ.

Ольга Николаевна, благословите насъ! (Сандырева пятится назадъ, ничего не понимая.) Я хочу жениться, и ваша дочь согласна.

Сандырева (всплеснувъ руками.)

Боже мой, да какъ же это случилось!

Нивинъ.

Очень просто: вздумали, да и женимся.

Сандырева.

Василій Сергѣевичъ, какая честь! Липочка, ангелъ мой! (Обнимаетъ дочь, изъ залы входитъ Сандыревъ.)

Явленіе девятое.

Липочка, Нивинъ, Сандырева и Сандыревъ.

Сандырева.

Иванъ Захарычъ, пиши, пиши... записывай.

Сандыревъ.

Что, что, что писать, что записывать?

Сандырева.

Счастливый день — вотъ что. (Указывая.) Вотъ — еще женихъ.

Сандыревъ.

Позвольте, позвольте! что такое?

Сандырева.

Василій Сергѣевичъ проситъ руки.

Сандыревъ.

Да, вотъ что; а я было хотѣлъ спросить у васъ...

Нивинъ.

Что вамъ угодно?

Сандыревъ.

Гдѣ городъ Питсбургъ?

Нивинъ.

Далеко, Иванъ Захарычъ.

Сандырева.

Ахъ, да опомнись ты.

Сандыревъ.

Погоди, матушка! То-то я и говорю; безъ знанія географіи никакъ не догадаешься, гдѣ какой городъ. Вотъ Питсбургъ.

Сандырева.

Да послушай ты, Василій Сергѣевичъ дѣлаетъ намъ честь, проситъ руки Липочки.

Сандыревъ.

Ха, ха, ха! Это что-то ужъ того... какъ въ сказкѣ, двѣ свадьбы. Не ожидалъ, право, не ожидалъ. (Жметъ руку Нивину.) Такая честь... мнѣ пріятно, благодарю васъ.

Сандырева.

А ты все съ Европой.

Нивинъ.

Зачѣмъ вамъ новости изъ Европы, когда у васъ дома такія внутреннія извѣстія!

(Входитъ Настя и Ивановъ.)

Явленіе десятое.

Сандыревъ, Сандырева, Липа, Нивинъ, Настя и Ивановъ.

Сандырева.

Теперь ужъ я не знаю, право, кому кого поздравлять! Настя обними сестру: она — тоже невѣста! Вотъ Василій Сергѣевичъ...

Настя.

Липочка! неужели? (Объятія.) Василій Сергѣевичъ. поздравляемъ. (Рукопожатіе.) А это — мой женихъ, рекомендую. (Нивинъ и Ивановъ раскланиваются.)

Сандырева.

Счастливый, счастливый день нашей жизни!

Настя.

Мы, мама, съ Петромъ Степанычемъ за музыкой послали.

Сандырева.

Веселитесь, дѣти, веселитесь!

(Сандыревъ беретъ со стола газету.)

Сандырева (мужу).

Цѣлуйте ручку, благодарите жену!

Сандыревъ (цѣлуетъ).

Благодарю, благодарю. Господа, это — не жена, это — сокровище; особенно въ нынѣшнее-то время. (Тычетъ пальцемъ въ газету.)

Сандырева.

А! поняли, наконецъ?

Сандыревъ.

Понялъ, матушка, понялъ. Какъ хорошо, покойно мужу-то! Ни объ чемъ не тужи! Какъ ему свободно заниматься политикой-то! (Раскрываетъ газету и идетъ въ дверь направо.)

Сандырева.

Иванъ Захарычъ! Иванъ Захарычъ!

Всѣ.

Куда вы, куда вы?

Сандыревъ.

Веселитесь, веселитесь! а я пойду, дочитаю.

На порогѣ къ дѣлу

Деревенскія сцены.

Въ трехъ дѣйствіяхъ **Н. Я. Соловьева.**

Дѣйствующія лица:

Вѣра Николаевна Лонина, молоденькая деревенская учительница.

Михаилъ Владиміровичъ Дубковъ, мировой судья, человѣкъ среднихъ лѣтъ.

Катерина Владиміровна, его сестра, немолодая дѣвушка.

Акимычъ, старикъ, отставной солдатъ, сторожъ при школѣ.

Буровинъ, отставной волостной старшина

Тесовъ, волостной писарь.

Шалѣевъ, членъ училищнаго совѣта отъ земства, отставной пѣхотный офицеръ, среднихъ лѣтъ.

Лизавета Павловна, его жена, значительно старше его.

Лидія Петровна, почтенная дама.

Жени, ея дочь, дѣвица.

Софья Васильевна, вдовушка лѣтъ 30, изъ петербургскихъ.

Три школьника.

Слуга Дубковыхъ.

Дѣйствіе первое.

Дѣйствующія лица:

Лонина.
Дубковъ.
Буровинъ.
Шалѣевъ.
Шалѣева, Л. П.
Тесовъ.
Акимычъ.
Три школьника.

Дѣйствіе происходитъ въ деревенской школѣ.

Сцена — бѣдная комната при школѣ; мебель — старый столъ, два-три поломанныхъ стула и голая кровать; двери — входная и налѣво боковая въ классную комнату; на правой сторонѣ окно; въ одномъ углу печка; въ теченіе дѣйствія за сценой слышится завываніе вѣтра, а слѣва шумъ школьниковъ.

Явленіе первое.

Акимычъ и три школьника.

(Акимычъ — лицо суровое, въ старой шинели и въ валенкахъ; при поднятіи занавѣса, онъ метлой мететъ комнату; за сценой шумятъ школьники.)

Акимычъ (одинъ.)

Загалдѣли!.. Полоумное стадо!.. Пороть бы васъ хорошенько!.. (Слышно подражаніе различнымъ животнымъ и птицамъ.) Ишь ты, по-собачьи, по-кошачьи!.. Ахъ, вы — мразь! И чего несетъ ихъ сюда: учителя нѣтъ, а всѣ въ сборѣ!.. Баловаться имъ тутъ на свободѣ, а изъ дома-то гонятъ! Вона — какъ ворона кричитъ!.. Я бъ васъ перебралъ, кабы моя воля!

(Школьники пріотворяютъ дверь и дразнятъ его.)

1-й школьникъ.

Пушка!

2-й школьникъ (строитъ рожи).

Пушка, пушка!..

3-й школьникъ.

Инвалидная крыса!

Акимычъ

(бросаясь на нихъ съ метлой).

Ахъ, вы, погань этакая! Шелудивые поросята!..

(Школьниии скрываются.)

Акимычъ (одинъ).

И когда это новый учитель пріѣдетъ?.. Ажно

стрѣльба въ головѣ отъ нихъ. Хуже всякой туретчины, паршивцы!.. (Мететъ.) Эхъ, житье!..

(Школьники опять появляются.)

1-й школьникъ.

Пушка!

2-й школьникъ.

Пушка!

3-й школьникъ.

Крыса!

Акимычъ (бросаясь).

Постой же, погоди! Ахъ, вы!.. (одного ловитъ за волосы и трясетъ; тотъ взвизгиваетъ и вырывается; скрываются).

Акимычъ (одинъ).

Ахъ вы, щенята негодные! Всѣхъ тотчасъ на улицу выгоню! Мразь, дурья порода, сиволапые!.. (Шумъ увеличивается; онъ пріотворяетъ дверь.) Вы, лапотное царство, слышь... всѣхъ передеру до одного, да на улицу! Ахъ, вы, оголтѣлые, аль крышу снять хотите! Да я васъ ... съ перваго до послѣдняго!.. (За сценой слышенъ приближающійся колокольчикъ.) Вотъ постой, левизоръ ѣдетъ, али-бы учитель новый, тотчасъ розогъ навяжу! Онъ вамъ пропишетъ! (Идетъ къ входной двери; нѣсколько головъ высовывается изъ-за двери.)

Явленіе второе.

Лонина, Дубковъ и Акимычъ.

Лонина и Дубковъ одѣты по-дорожному; у Лониной въ рукахъ узелъ.)

Лонина (входя со смѣхомъ).

Однако, хорошо: я и не знаю, кого я должна благодарить ... Кто вы? (Кладетъ узелъ на кровать.)

Дубковъ.

Я — мировой сулья здѣшняго уѣзда, Дубковъ!

Лонина (протягивая руку).

Вы меня просто спасли: я не знаю, какъ бы я нашла лошадь тамъ, на желѣзной дорогѣ, и добралась сюда; эти пять верстъ ужасны!.. (Отряхиваетъ одежду.)

Дубковъ (отряхивая фуражку).

Да, погодка!.. И дороги здѣсь почти нѣтъ. Я очень жалѣю, что мы познакомились уже въ концѣ путешествія ... я вѣдь тоже изъ Москвы, ѣздилъ по дѣлу.

Лонина.

И интересно: мы почти промолчали всѣ пять верстъ.

Дубковъ.

Помилуйте, какой тутъ разговоръ, когда тебѣ такъ и хлещетъ въ лицо! Разгулялась осень!

Лонина (смѣется).

Я вся-то мокрая! (Сбрасываетъ платокъ съ головы; къ Акимычу.) Здравствуйте! Я назначена учительницей сюда.

Акимычъ (вытягиваясь).

Слушаю-съ!

(Дубковъ молча осматриваетъ комнату.)

Лонина.

А вы сторожъ здѣсь?

Акимычъ.

Такъ точно.

Лонина (снимаетъ пальто),

Голубчикъ, пожалуйста, стряхните пальто, — оно мокро: на дворѣ и снѣгъ, и дождь ... да повѣсьте его тамъ гдѣ-нибудь.

Акимычъ (беретъ пальто).

Слушаю! (Уходитъ.)

Лонина

(остается съ большимъ платкомъ на плечахъ; съ улыбкой).

Какой суровый стражъ!

Дубковъ.

Какъ видно, изъ военныхъ!

Лонина.

Мой сослуживецъ и собесѣдникъ! (Садится на кровать и кутается въ платокъ.) Садитесь же, прошу безъ церемоніи!

Дубковъ (садится на стулъ).

Развѣ на минуту — и въ путь. Мнѣ еще до дома верстъ десять, а тамъ ждутъ дѣла. Вы, кажется, озябли?

Лонина (вздрагиваетъ).

Немножко!

Дубковъ (оглядываясь).

Да и здѣсь въ комнатѣ холодно, и какъ мрачно, какое разрушеніе вокругъ!

Лонина.

А знаете, я ничего не вижу и не замѣчаю; я помню только, что я, наконецъ, въ моей любезной школѣ, и какъ я рада! Меня ждетъ дѣло, дѣло великое! Ахъ, сумѣю-ли?

Дубковъ.

Скажите лучше: сможете ли, достанетъ ли силъ на борьбу!

Лонина.

Съ чѣмъ борьба?

Дубковъ.

Съ окружающимъ невѣжествомъ, съ нищетой этой обстановки, съ лишеніями этой жизни.

Лонина.

О, этого я не боюсь! Перенесу всѣ тягости, забуду все за дѣломъ, лишь бы мнѣ имъ овладѣть и увидѣть результатъ. Вспомните Майкова (декламируетъ).

По-печатному читаетъ
Мужикамъ дитя.
Мужички въ глубокой думѣ
Слушаютъ, молчатъ.
Даже съ печки неслѣзавшій
Много-много лѣтъ,
Свѣсилъ голову и смотритъ,
Хоть не слышитъ, дѣдъ.
И пришлося ей, младенцу,
Старикамъ прочесть
Про желанную свободу
Дорогую вѣсть!

Вотъ онъ, результатъ! Есть ли дѣло, есть ли трудъ, скажите мнѣ, выше, лучше этого, благодатнѣй! Для него все можно перенести и претерпѣть! Э, мелочи, пустяки жизни — это ...

Дубковъ.

Какая вы идеалистка!

Лонина.

Почему?

Дубковъ.

Такъ горячо вѣрите, такъ искренно любите! И ни страха, ни сомнѣнья!

Лонина.

Вѣрю, люблю и всю отдамъ себя!

Дубковъ.

Вы мнѣ очень нравитесь: что-то молодое, свѣтлое; смѣлое вижу я въ васъ! Но все-таки боюсь я за васъ!

Лонина.

А что?

Дубковъ.

Не сломали бы васъ эти мелочи-то, какъ вы ихъ называете, и пустяки жизни!

Лонина.

Нѣтъ, нѣтъ! Я вѣдь неизбалованная и готовилась къ этому, думала давно.

Дубковъ.

Желаю вамъ успѣха отъ души, искренно, дружески! Да, дѣло большое, трудъ великій! Вы въ Москвѣ учились?

Лонина.

Да, я тамъ готовилась на педагогическихъ курсахъ.

Дубковъ.

Есть у васъ тамъ родные?

Лонина.

Старушка-мать есть, сестра меньшая, она еще учится въ гимназіи. Какъ онѣ, бѣдныя мои, плакали, провожая меня сюда, какъ на тотъ свѣтъ!.. Ха-ха-ха! Особенно мать: „Куда ты, Вѣрочка, говоритъ, — ѣдешь въ такую глушь, тамъ кромѣ волковъ да медвѣдей никого нѣтъ!..“ А что-же, въ городѣ, въ столицѣ, что-ли, толкаться да прозябать? Нѣтъ, вотъ здѣсь-то, въ глуши, и нужны люди; здѣсь-то и можно принести дѣйствительную пользу!

Дубковъ.

Идеалистка, идеалистка!

Лонина.

Ну, а вы, что вы? Вы, вѣрно, человѣкъ такой положительный: мечтать, увлекаться, любить горячо вы не можете?

Дубковъ.

Не совсѣмъ такъ: когда-то и я былъ — о, о! — горячая голова: вѣрилъ слѣпо, любилъ беззавѣтно, отдавался весь!.. А теперь-съ, — да, угомонился нѣсколько, сталъ тише и подчасъ больше слушаюсь голоса разсудка, чѣмъ отдаюсь горячимъ мечтамъ.

Лонина.

Нѣтъ, не желаю я сдѣлаться какой-то другой когда-нибудь и потерять вѣру! Не хочу я мириться съ этой вашей обыденщиной противной! (Встаетъ.)

Дубковъ (встаетъ.)

Желаю, желаю всего лучшаго! (Протягивая руку.) А пока до свиданья! Если позволите, я буду васъ иногда навѣщать...

Лонина.

Я буду рада! Поговоримъ, поспоримъ...

Дубковъ.

Надѣюсь даже, что когда-нибудь и вы у меня въ деревнѣ побываете; я живу не одинъ, а съ сестрой; оба мы съ ней холостяки и бобыли!

Лонина.

Хорошо, когда-нибудь.

Дубковъ.

А еще вотъ что: если такъ случится, что вамъ станетъ ужъ очень тяжело здѣсь, то, пожалуйста, скажите мнѣ, безъ гордыни, откровенно! (Слышенъ шумъ школьниковъ.)

Лонина.

Нѣтъ, нѣтъ; этого не случится! Если бы вы знали, какъ я люблю ихъ (указывая налѣво). Слышите, они уже собрались и шумятъ, мои друзья! Съ ними всегда мнѣ будетъ хорошо и легко!..

Дубковъ (уходя).

Прощайте, хорошая идеалистка!

Лонина.

Прощайте, положительный человѣкъ!

Лонина

(одна; ходитъ, вздрагиваетъ и кутается въ платокъ).

А какъ, въ самомъ дѣлѣ, холодно здѣсь!.. Хо-о-о!.. (Пробуетъ печку.) Какъ ледъ! Отчего они не топятъ?.. (За сценой слышно завыванье вѣтра.) А вѣтеръ какъ воетъ? (Поднимаетъ руку.) И здѣсь онъ такъ и ходитъ; гдѣ-нибудь здѣсь худо... (Смѣется.) Даже смѣшно: и какъ въ лагерѣ военные! Холодно и смѣшно! (Слышенъ шумъ и голоса школьниковъ.) Собрались, шумятъ, какіе звонкіе голоса!.. Они ждутъ меня, я должна сказать имъ первое слово!.. Голова горитъ, сердце бьется, робость и радость! (Простирая руки вверхъ.) Господи, помоги мнѣ! Иду!.. (Идетъ; въ дверяхъ.) Здравствуйте, мои друзья! (Уходитъ; голоса разомъ затихаютъ.)

Явленіе третье.

Акимычъ.

(Съ вязанкой хворосту и нѣсколькими лучинками въ рукахъ.)

Акимычъ

(бросаетъ вязанку около печки; одинъ).

Идолы, право, идолы!.. Дровъ не добьешься! (Кладетъ хворостъ въ печку.) Хворостиной топи, да еще сырье!.. Какъ же, натопишь ею! А щелей такъ и счету нѣтъ: вѣтеръ — словно въ полѣ! Э-эхъ, житье!.. (Засовывая большую хворостину.) Ну, полѣзай, что-ль! Ишь тебя расперло!.. (Зажигаетъ лучину и подтапливаетъ.) На, вонъ, не берется, не горитъ, чадъ одинъ! (Плюнувши, встаетъ.) Не буду топить, ну ее!.. Замерзать, такъ

замерзать! Пусть какъ знаетъ теперьча сама учительша! (Отворивъ дверь въ классъ.) Ваше благородіе, а ваша благородіе!..

Явленіе четвертое.

Акимычъ и Лонина.

Лонина (со смѣхомъ).

Это вы меня зовете?

Акимычъ.

Такъ точно.

Лонина.

Да какое-жъ я „благородіе?“

Акимычъ.

А какъ-же васъ звать? Извѣстно, — барышня вы тамъ, аль что, а только мы должны сказать: ваше благородіе!

Лонина.

Ха-ха-ха... я не „благородіе“ и не барышня, а просто зовутъ меня Вѣрой Николаевной.

Акимычъ.

Этого мы не могимъ знать, хучь и барышня, а на офицерскомъ положеніи, и выходитъ значитъ: „ваше благородіе!..“ Мы должны...

Лонина.

Ну, хорошо, хорошо, буду „Ваше благородіе“, положимъ, такъ! Что вы меня звали?

Акимычъ.

А вотъ, ваше благородіе, насчетъ, то-есть, топки!

Лонина.

Ахъ, топите, пожалуйста, я замерзаю!

Акимычъ.

Чѣмъ же приказаніе будетъ топить, то-есть, теперьча?

Лонина.

Дровами, конечно! Что вы!

Акимычъ.

Гмъ! знаемъ это, что дровами, а коли ихъ нѣтъ, какой тогда приказъ будетъ?

Лонина.

Ахъ, ну, взять, привезти, какъ тамъ... откуда, я не знаю!

Акимычъ.

И мы не могимъ знать, на то есть начальство!

Лонина.

Какое начальство?

Акимычъ.

Обчество, значитъ, староста есть тоже, а то старшина, а то члены разные!

Лонина.

Ну, вотъ имъ и скажите, возьмите...

Акимычъ.

Не наше это дѣло, ваше благородіе, а начальство должно...

Лонина.

Какое еще начальство?

Акимычъ.

А на это, смѣемъ такъ доложить вашему благородію, что это должны, значитъ, вы сказать имъ и распоряженіе сдѣлать...

Лонина.

Ахъ, скажите вы сами, ну, отъ меня скажите... распорядитесь тамъ, только, ради Бога, топите скорѣй, — холодъ страшный! (Слышенъ шумъ школьниковъ. Убѣгая.) Мнѣ некогда!

Акимычъ (одинъ со вздохомъ).

Эхъ, ваше благородіе, мелко, видно, вы еще плаваете, на свѣтѣ мало пожили и народа еще тутошняго не знаете! Ишь ты, прытко какъ: скажи, распорядись! Нѣтъ, еще не такъ померзнешь!.. Эхе-хе! А пойду, завернусь въ свой кожухъ, да и буду цѣлый день лежать!.. (Идетъ, махнувши рукой.) Какъ знаютъ! (Въ дверяхъ сталкивается съ Буровинымъ.)

Явленіе пятое.

Акимычъ и Буровинъ.

(Буровинъ въ синемъ кафтанѣ, слегка выпивши.)

Буровинъ.

Что выпучилъ глазъ, аль не видишь, кто?

Акимычъ (грубо).

Знаемъ, видали.

Буровинъ (передразнивая).

„Знаемъ, видали!“ Дуракъ!.. Другихъ словъ-то нѣтъ у тебя? Какъ должонъ начальство встрѣчать?

Акимычъ.

У насъ было начальство, а теперьча мы въ отставкѣ, изъ-за хлѣба проживаемъ!

Буровинъ.

Осина! Мало тебя учили тамъ!..

Акимычъ.

Ничего, слава Богу, ученья довольно, другихъ-бы еще поучили теперьча!

Буровинъ.

Ахъ, ты инвалидная крыса!

Акимычъ.

Еще въ инвалидѣ-то никогда не состояли, а по антилеріи, небойсь, — вотъ что!..

Буровинъ.

Пушку тобой затыкали тамъ!

Акимычъ.

Ну, да, „затыкали“! (Идетъ къ двери.) Знаешь ты много, что изъ лаптей-то только въ сапоги влѣзъ!

Буровинъ.

Стой, погоди!

Акимычъ (останавливаясь).

Что стоять-то, ругательство слушать!..

Буровинъ.

Пошелъ — позови учительшу новую... Гдѣ она? Должонъ я ее видѣть...

Акимычъ.

Это зачѣмъ еще?

Буровинъ.

Не твоего это разума дѣло, зачѣмъ... Позвать!..

Акимычъ (уходя налѣво).

Левизоръ тоже явился!..

Буровинъ (одинъ).

Ахъ, ты гниль!.. (Садится, пыхтитъ и икаетъ, поглаживая бороду и оглядывая все кругомъ.)

Явленіе шестое.

Буровинъ и Лонина.

Лонина.

Что вамъ угодно?

Буровинъ.

Не знаете, кто я?

Лонина.

Не знаю.

Буровинъ (встаетъ).

Волостной старшина, значитъ, начальникъ всей волости буду!.. То есть, хотя мы въ настоящее время и въ увольненіи находимся, но, однако, сила и власть при насъ состоитъ и завсегда мы — первые люди въ волости!..

Лонина.

Вамъ что же отъ меня нужно?

Буровинъ (садится).

А желательно намъ экзаментъ этотъ вамъ сдѣлать!

Лонина (удивленно).

Какой экзаментъ?..

Буровинъ.

А вотъ будетъ по пунктамъ произведено.

Лонина.

Пункты! Какіе пункты?

Буровинъ.

Спервоначала, изъ какихъ вы будете?

Лонина.

Какъ изъ какихъ?

Буровинъ.

Ну, то есть изъ духовныхъ или изъ разночинцевъ происходите?

Лонина.

Я дочь отставного офицера морской службы.

Буровинъ.

Ага, стало быть, изъ военныхъ, что по морю... Такъ. Ну, во-вторыхъ: какой вѣры?

Лонина.

Гм! такой же, какъ и вы, какъ и всѣ.

Буровинъ.

Тверды ли въ упованіи?

Лонина.

Гм!.. Какъ это?

Буровинъ.

Есть ли, т. е. надежда, что всѣ мы помереть должны?

Лонина.

Ха-ха-ха! Конечно: я знаю, что умремъ всѣ когда-нибудь.

Буровинъ.

Смѣяться тутъ нечего, не шутка это!.. И не „когда-нибудь", а должны памятовать ежечасно это!.. Теперь въ третьихъ будетъ: заблужденіевъ нѣтъ ли какихъ?

Лонина.

Какія заблужденія? Я васъ не понимаю.

Буровинъ.

Неуваженіе къ начальству тамъ, али фордыбачить какъ-нибудь!..

Лонина.

Ничего я не знаю; знаю я только, что вотъ дана мнѣ школа, я должна трудиться и приносить пользу!..

Буровинъ.

А какъ будете учить, т. е. внушеніе это, къ примѣру, дѣлать?

Лонина.

По звуковому методу!

Буровинъ.

Какой тамъ... методъ... А съ голоса начинать прямо?..

Лонина (съ улыбкой).

Такъ и будетъ.

Буровинъ.

Нѣтъ, не такъ, а вотъ я поучу какъ: прямо пѣть хоромъ, сперва духовное, а тамъ и пѣсни разныя, а дальше ужъ разборка азамъ, пойдемъ по разрядамъ!..

Лонина.

Ха-ха-ха!.. Простите, но я удержаться не могу, вы такъ смѣшно говорите!..

Буровинъ.

А-а-а... Вотъ оно что!.. Вотъ какъ вы передъ начальствомъ-то отвѣчаете!.. (Встаетъ.) Какъ же это вы смѣете такъ?

Лонина.

Ха-ха-ха!.. Извините, на васъ просто мертвый расхохочется!..

Буровинъ.

Ловко! Вотъ такъ отвѣтъ! Гм... видимъ мы теперь, что вы за птица! Н-да! Нѣтъ, мы васъ живо выведемъ на чистую воду, насъ, братъ, не проведешь, сразу можемъ видѣть человѣка и постигать, потому пронзительность имѣемъ! Н-да!.. А ты бы вотъ какъ по настоящему встрѣчу сдѣлала: отвѣтъ должна давать съ почтеніемъ, а не „хи-хи“, акромя того, коли къ тебѣ такіе люди зашли, окажи всякое уваженіе, на столъ что-нибудь поставь, чтобъ не пустой онъ былъ!

Лонина.

Это еще что на столъ?

Буровинъ.

Не знаешь? Въ графинѣ что ставятъ? И закуску при этомъ! Если бъ ты путная-то была! Намъ угощенья твоего не нужно, а, значитъ, честь отдай!

Лонина.

Ха-ха-ха!.. Ну, этого у меня не будетъ!

Буровинъ.

Не будетъ! Такъ и мы съ тобой будемъ!

Лонина.

Послушайте, а вотъ нѣтъ ли у васъ дровъ; не можете ли вы распорядиться, чтобы было чѣмъ топить школу, я замерзаю и дѣти зябнутъ.

Буровинъ.

Дровъ? Это не наша часть: мы свыше наблюдаемъ и смотримъ за всѣмъ и судимъ! А дрова... на то есть сельское общество!

Лонина.

Такъ прощайте! Я занята, у меня классъ! (Идетъ.)

Буровинъ (за ней).

Глянемъ и мы, да поучимъ васъ!

Лонина (останавливаясь).

Нѣтъ, я васъ въ классъ хозяйничать не пущу!

Буровинъ (подпирая бока).

Какъ? Меня? Начальство? Почему и отчего? Какая причина?

Лонина.

Вы не педагогъ!

Буровинъ.

Ого, какое слово! Слово довольно подозрительное! И ежели это слово, я такъ думаю, подъ судъ отдать, — о-о-о! — тутъ твоего и запаха не останется. А знаешь, куда? Туда, въ даль...

Лонина (уходя).

Ну, уходите, вы мнѣ надоѣли!

Буровинъ (одинъ).

Нѣтъ, не уйду, братъ, а дознаюсь, доподлинно дознаюсь, какое такое поученіе отъ тебя будетъ! (Идетъ вслѣдъ; отворяя двери.) Ребята! Знаете, кто я? (Уходитъ; раздается гвалтъ школьниковъ.)

Лонина (пробѣгая черезъ сцену).

Сторожъ, сторожъ!

Явленіе седьмое.

Тѣ же и Акимычъ (появляется въ дверяхъ).

Лонина.

Слушайте, уведите его, пожалуйста! Безобразничаетъ тамъ!

Акимычъ.

Да какъ его уведешь?

Лонина.

Возьмите просто подъ руки!

Акимычъ.

Ишь буйволъ какой! Съ нимъ не сладишь! (Выходя.) Постой, я его по-военному!

Лонина (одна.)

Что жъ это такое? Это ужасно, здѣсь убьютъ!

(Акимычъ тащитъ подъ руку Буровина.)

Буровинъ (упираясь).

Какъ? Меня? Начальство? Заговоръ! Мятежъ!

Акимычъ (подталкивая).

Ступай, ступай! Сидѣлъ бы ужъ тамъ, въ своемъ мѣстѣ, подъ вывѣской, а то лѣзетъ! (Выталкиваетъ за дверь.)

Буровинъ (за дверями).

Караулъ, караулъ! Грабятъ!

Акимычъ.

Ори тамъ, разѣвай глотку!

Лонина.

Зачѣмъ вы его пустили?

Акимычъ.

Кто его пускалъ! Самъ ворвался!

Лонина (закутываясь).

Ахъ, какъ холодно!

Явленіе восьмое.

Лонина, Акимычъ и Шалѣевъ.

(Шалѣевъ одѣтъ франтомъ, въ тепломъ пальто; онъ безпрестанно шаркаетъ и крутитъ усы.)

Шалѣевъ (влетая).

Pardonnez, pardonnez, mademoiselle! Я, какъ медвѣдь, вломился!.. (Снимаетъ пальто; къ Акимычу.) Возьмите!.. (Акимычъ беретъ и уноситъ.) Имѣю честь кланяться!.. Земскій членъ училищнаго совѣта, Шалѣевъ!.. Мнѣ ввѣрено охранять, заботиться о васъ!.. Прошу быть знакомой, и безъ церемоніи!..

Лонина.

Я очень рада.

Шалѣевъ.

Ахъ, васъ, кажется, сейчасъ обезпокоилъ этотъ... негодяй, этотъ пьяница?.. Какъ онъ смѣлъ войти сюда?..

Лонина.

Да, онъ началъ шумѣть здѣсь.

Шалѣевъ.

Ахъ, pardonnez, я приму мѣры, приму мѣры, я его арестую, и впредь чтобы его нога здѣсь не была!.. Pardonnez!.. Моя усадьба вѣдь всего въ полверстѣ отсюда, пройти лишь рощу, — мы будемъ за-просто, надѣюсь: я, моя жена, нашъ домъ — все къ вашимъ услугамъ!.. У насъ есть рояль, книги, бываютъ сосѣди, я прошу васъ войти въ нашъ кружокъ!..

Лонина (садится).

Благодарю васъ! Садитесь.

Шалѣевъ.

Merci, merci! (Садится, оглядываясь кругомъ.) Фи, какъ здѣсь мрачно!

Лонина.

А, главное, смертельно холодно, и дровъ нѣтъ, топить нечѣмъ, а вѣтеръ такъ и ходитъ; домъ, вѣроятно, худъ!

Шалѣевъ.

Ахъ, pardonnez, pardonnez, все это мы сдѣлаемъ, все устроимъ!.. Я приму мѣры!.. Это невообразимо: вы... вы, mademoiselle, — и посреди такой обстановки! Богъ мой! До сихъ поръ здѣсь былъ учителемъ какой-то индивидъ: немытъ, нечесанъ, чѣмъ-то скверно пахнетъ отъ него, я его избѣгалъ, признаюсь, боялся... Мрачность страшная! Но вы... вы... я готовъ все сдѣлать, я буду писать, буду хлопотать, — наше земство такъ сочувствуетъ!

И я-съ, имѣю честь заявить, я — прогрессистъ въ душѣ, я такъ принимаю близко къ сердцу дѣло народнаго просвѣщенія, это одна изъ дорогихъ мнѣ идей нашего времени! Приказывайте, требуйте — я весь къ вашимъ услугамъ!

Лонина.

Вотъ дровъ бы скорѣй. (Встаетъ.)

Шалѣевъ (вскакивая).

Ахъ, дрова, дрова!.. Pardonnez!.. Дрова сегодня же будутъ, я немедля сдѣлаю распоряженіе!..

Лонина.

Не хотите ли взглянуть на классъ?

Шалѣевъ.

Ахъ, если позволите, очень, очень пріятно!

(Лонина идетъ.)

Шалѣевъ (слѣдуя за ней).

Вхожу съ благоговѣніемъ въ вашу аудиторію... (Уходитъ.)

Явленіе девятое.

Лизавета Павловна, Акимычъ и потомъ Шалѣевъ.

(Лизавета Павловна — некрасивая дама, съ злымъ выраженіемъ лица; одѣта пестро и безвкусно; прическа какая-то странная, волосы всклокочены; постоянно жестикулируетъ.)

Лизавета Павловна (влетая).

Гдѣ мой мужъ?.. Онъ здѣсь?

Акимычъ (входя за ней).

Оны издѣсь... (Указывая.) Тамъ, у класи.

Лизавета Павловна.

Зачѣмъ онъ явился сюда?

Акимычъ.

Не могимъ знать.

Лизавета Павловна.

Позови его скорѣй.

(Акимычъ уходитъ.)

Лизавета Павловна (одна)

Что-то новое, любовь къ просвѣщенію!.. До сихъ поръ онъ и не заглядывалъ сюда!

Шалѣевъ (нѣсколько смущенный).

Что тебѣ угодно, душка? Ахъ, такая дурная погода, а ты выходишь изъ дому: можно простудиться!..

Лизавета Павловна.

Не безпокойтесь, не безпокойтесь! Зачѣмъ это вы явились сюда? Интересно!..

Шалѣевъ.

Помилуй, какъ же, я... я членъ, членъ училищнаго совѣта, и долженъ наблюдать, заботиться!.. На мнѣ лежитъ важная обязанность — школа, просвѣщеніе!..

Лизавета Павловна.

Первый разъ слышу, что вы какой-то тамъ членъ!..

Шалѣевъ.

Я недавно выбранъ, милка! Это такъ важно — народное просвѣщеніе!..

Лизавета Павловна.

А сколько жалованья вы будете за это получать?

Шалѣевъ.

Жалованье?.. Жалованья никакого; это почетная, почетная должность; служить дѣлу просвѣщенія — такое высокое назначеніе!..

Лизавета Павловна.

Хороша должность — безъ жалованья!.. Ужъ,

вѣрно, вы на хорошемъ счету: хуже ничего для васъ не нашли; это просто на смѣхъ васъ назначили какимъ-то тамъ членомъ!..

Шалѣевъ.

Ахъ, душка, помилуй!

Лизавета Павловна.

Или вы просто врете, — я узнаю-съ, я все узнаю, я нарочно съѣзжу къ предводителю!

Шалѣевъ.

Милка, что ты!..

Лизавета Павловна.

Да-съ, да! И откуда взялось у васъ это просвѣщеніе? До сихъ поръ лошади, собаки — вотъ было ваше дѣло, а теперь вдругъ просвѣщеніе это... Какой просвѣтитель!

Шалѣевъ.

Нѣтъ, душка, я всегда, всегда сочувствовалъ, но ты пойми...

Лизавета Павловна.

Я знаю только, что вы и носа сюда никогда не показывали!

Шалѣевъ.

Пойми, здѣсь былъ такой учитель, такъ было непредставительно, а теперь... теперь новая учительница, она очень образованная!

Лизавета Павловна (идетъ къ двери).

Позвольте-ка взглянуть, что это такое новое! (Заглядываетъ въ дверь; Шалѣевъ ходитъ въ смущеніи.)

Лизавета Павловна (отходя).

Ахъ, теперь поняла, очень хорошо поняла, почему вы вдругъ заговорили о просвѣщеніи и явились сюда!

Шалѣевъ.

Нѣтъ, милка!

Лизавета Павловна.

Да, она очень представительна!

Шалѣевъ.

Душка, ты думаешь что-то другое!

Лизавета Павловна.

Я думаю то, что есть на дѣлѣ, что я вижу! Какъ же, вы сейчасъ готовы увлечься: какая-нибудь дѣвченка, съ румянцемъ, съ таліей, однимъ словомъ — восемнадцать лѣтъ, и вы готовы на все, вы приходите въ безуміе! Ужъ растаялъ, — вижу!

Шалѣевъ.

Совсѣмъ не то, душка, здѣсь просвѣщеніе, а ты...

Лизавета Павловна.

Знайте, что вамъ не позволятъ увлекаться этимъ вашимъ просвѣщеніемъ; вы должны помнить, что вы мужъ и отецъ! Слышите!

Шалѣевъ.

Милка, но вѣдь невозможно, согласись: я избранъ, я долженъ, я обязанъ передъ земствомъ! И такое высокое назначеніе!

Лизавета Павловна.

Я ничего не хочу знать!

Явленіе десятое.

Тѣ же и Лонина.

(Лонина молча кланяется; Лизавета Павловна едва отвѣчаетъ; Шалѣевъ ходитъ.)

Лизавета Павловна.

Вы назначены сюда учительницей?

Лонина.

Да.

Лизавета Павловна.

Гдѣ вы сами-то учились?

Лонина.

Въ Москвѣ была на педагогическихъ курсахъ.

Лизавета Павловна.

Удивляюсь! Кто это тамъ назначаетъ такихъ учителями!.. Я думаю, у васъ въ головѣ-то еще романы, а вовсе не занятіе съ мальчишками.

Лонина.

Вы ошибаетесь.

Шалѣевъ.

Душка!.. Что ты, помилуй!.. Мы такъ довольны, такъ ждали!..

Лизавета Павловна.

Молчите! Съ вами не говорятъ... Я знаю, знаю, что вы-то ждали такихъ и очень довольны!

Шалѣевъ.

Я... я, милка... ты...

Лизавета Павловна
(не слушая его, къ Лониной).

Лучше бы вы сдѣлали, если бы, вмѣсто вашего просвѣщенія, женишка поискали себѣ; вы такая интересная: вы можете быть безприданницей.

Лонина (съ улыбкой).

Благодарю васъ за совѣтъ.

Шалѣевъ.

Душка, душка!

Лизавета Павловна.

А еще посовѣтую вамъ поменьше слушать (ука-

зываетъ на мужа) этого господина: онъ вамъ распишетъ... языкъ безъ костей; но ему вовсе не до васъ и не до вашего просрѣщенія: онъ долженъ помнить, что онъ — мужъ и отецъ. Пойдемте-съ!

Шалѣевъ.

Но мнѣ нужно, душка...

Лизавета Павловна.

Ничего вамъ не нужно. Ваше мѣсто не здѣсь. Идите, говорю вамъ. (Къ Лониной.) Прощайте-съ! (Уходитъ.)

Шалѣевъ (расшаркиваясь).

Pardonnez, pardonnez, mademoiselle... Моя жена — нервная очень женщина, она такая раздражительная... она, знаете, бываетъ странна. Но мы скоро увидимся... я все устрою, я распоряжусь...

Лизавета Павловна (за дверью).

Иванъ Антонычъ, я васъ жду-съ!

Шалѣевъ (жметъ руку Лониной).

Au revoir, au revoir, mademoiselle! Мы скоро увидимся. (Уходитъ.)

Лонина (одна, смѣется).

Вотъ чета! Что за странные люди! Она, кажется, его ревнуетъ.

Явленіе одиннадцатое.

Лонина и Акимычъ.

Акимычъ держитъ въ одной рукѣ большой бѣлый чайникъ и чашку, въ другой — мѣдный чайникъ.)

Акимычъ (ставя все на столъ).

Приказывали, ваше благородіе, насчетъ чаю; самовара у насъ не заводилось, а въ чайникъ вотъ досталъ кипятку у сосѣда.

Лонина.

Благодарю васъ, голубчикъ! (Развязываетъ узелъ, вынимаетъ и всыпаетъ чай.) Напьемся мы съ вами чаю, авось согрѣемся; вы хотите чаю?

Акимычъ.

Нѣтъ-съ, не потребляемъ, ваше благородіе, отродясь.

Лонина.

Можетъ быть, вамъ на что-нибудь деньги нужны? Я дамъ, немножко-то у меня ееть. (Вынимаетъ кошелекъ.)

Акимычъ.

Благодаримъ покорно, ваше благородіе!

Лонина (даетъ нѣсколько мелочи).

Возьмите, пожалуйста, это вамъ для моего пріѣзда.

Акимычъ (беретъ).

Много лѣтъ здравствовать, ваше благородіе!

Лонина.

Благодарю васъ. Ахъ, какая досада! Эти разные посѣтители не дали мнѣ хорошенько познакомиться съ учениками; отпустила я ихъ такъ. (Садится и пьетъ чай.) А славныя есть дѣтки.

Акимычъ.

Больно озорны, ваше благородіе, прутъ нуженъ. Прикажите, я заготовлю.

Лонина (смѣется).

Нѣтъ, ужъ мы обойдемся безъ этого. Они, должно быть, безъ дѣла васъ тревожили здѣсь?

Акимычъ.

Да хуже, ваше благородіе, всякой туретчины, вотъ чистыя тебѣ оголтѣлыя. Нѣтъ, безъ прута никакъ невозможно.

Лонина.

Вотъ возьмутся за дѣло — посмотрите, какія станутъ. А съ вами мы будемъ жить въ ладу, будемъ друзьями. Вотъ холодно-то у насъ очень, голубчикъ!

Акимычъ.

Да второй день, молъ, не топлено, ваше благородіе. Хворостина не горитъ. А коли что, сегодня ужъ такъ посидимъ, а на завтра я за заборъ возьмусь; пусть тогда судятъ, — не замерзать стать!

Лонина.

Ха-ха-ха! Берите тамъ, что попадется, и топите, авось тогда скорѣе дровъ намъ дадутъ.

Акимычъ.

Да вотъ пойду тотчасъ, попробую тронуть заборъ.

Лонина.

Отлично.

Акимычъ (уходя).

Истуканы! Вотъ народъ-то, совсѣмъ Азія! Дровъ не допросишься!

Лонина

(одна, встаетъ. За сценой вѣтеръ).

Первый разъ въ жизни я такъ — одна. Жутко. (Ходитъ, смотритъ въ окно.) Какая тьма! Тучи, буря, ничего живого не видно... А въ Москвѣ свѣтло теперь, фонари вездѣ, люди ходятъ, ѣздятъ... И у насъ дома тепло, свѣтло въ нашей маленькой комнаткѣ, уютно такъ... Мать, вѣрно, сидитъ гадаетъ, что ея Вѣрочка теперь? Оля, сестра, около нея сидитъ за урокомъ; Акулина чулокъ вяжетъ и дремлетъ, — смѣшная! Милыя мои, какъ я люблю васъ и какъ хорошо у васъ! А я одна, одна... и холодно мнѣ, и скучно мнѣ... (Слезы; быстро отираетъ.)

Ну, вотъ и дрянь, барышня, кислятина! Нюни распустила! Слышите — чтобъ этого не было! (Беретъ изъ угла нѣсколько книгъ, бумагу и карандашъ.) Забуду все, стану думать о завтрашнемъ урокѣ. (Садится къ столу.) Составлю планъ. (Задумывается.) Какой разсказъ имъ взять лучше?

(За сценой подъ окномъ слышны звуки гитары и мужской голосъ напѣваетъ: „Подъ вечеръ осенью ненастной въ пустынныхъ дѣва шла мѣстахъ и тайный плодъ любви несчастной держала въ трепетныхъ рукахъ".)

Лонина (прислушивается и встаетъ).

Что за серенада? Кто это?

Явленіе двѣнадцатое.

Лонина и Тесовъ.

(Онъ въ пестромъ потертомъ пиджакѣ и въ цвѣтномъ галстучкѣ, съ гитарой въ рукахъ.)

Тесовъ (пріотворяя дверь).

Дозвольте войти-съ... на минутку!

Лонина.

Входите.

Тесовъ (шаркая).

Извините-съ, можетъ быть, безпокойство сдѣлалъ-съ.

Лонина.

Да что вамъ нужно и кто вы?

Тесовъ.

А я-съ... мы... я письмоводитель здѣшней волости... и единственно только потому, чтобы засвидѣтельствовать вамъ свое наиглубочайшее-съ. Будьте знакомы-съ, барышня... Мы тоже изъ ученыхъ-съ и здѣсь погибаемъ во мракѣ...

Лонина (садится).

Вы слишкомъ поздно пришли: я устала.

Тесовъ.

Нѣтъ-съ, будьте покойны. Я даже утромъ намѣреніе имѣлъ-съ, но занятіе, знаете. И только вотъ теперь-съ могъ, въ прохладѣ вечерней, на свободѣ-съ. (Садится.) Вы, вѣрно, барышня, скучаете съ?

Лонина.

Нисколько.

Тесовъ.

Это не можетъ быть-съ. При вашей образованности — и въ такой странѣ: цевелизаціи здѣсь никакой-съ, одни звѣри вокругъ, даже никакой имансипаціи не знаютъ. Вы, сдѣлайте одолженіе, не стѣсняйтесь-съ, поговорите съ нами-съ. Мы можемъ объ чемъ угодно даже продолжать, потому понятіе у насъ есть-съ. И можемъ всякое развлеченіе доставить.

Лонина.

Говорю вамъ, что я устала и ничего не хочу теперь, кромѣ отдыха.

Тесовъ.

Ахъ, въ такомъ случаѣ, извините-съ!.. (Встаетъ.) Дозвольте ваши книжечки посмотрѣть?

Лонина (зѣваетъ).

Смотрите.

Тесовъ (разсматриваетъ).

„Ариѳметика“ — во-первыхъ! „Грамматика“ — во-вторыхъ! „Руководство для веденія сельской школы“ — въ-третьихъ!.. Скучныя все книги-съ!.. Нѣтъ, вотъ у меня есть, такъ ужъ можно сказать, наслажденіе: „Черная женщина“, а то — „Алексисъ, или домикъ въ лѣсу“, а то-съ — „Молодой дикой, или пагубное стремленіе первыхъ страстей!“ Такія книги — какъ взялся, цѣлую ночь не ото-

рвешься!.. Не угодно ли будетъ вамъ почитать-съ, я принесу? (Садится.)

Лонина.

Не трудитесь; я терпѣть не могу такихъ глупыхъ книгъ!

Тесовъ.

Ахъ, какъ вы это жестоко-съ! Слѣдственно, вы даже уничтожаете всякія любовныя чувства и не вѣрите въ пламя сердецъ!..

Лонина.

Не вѣрю.

Тесовъ.

Первый разъ слышу-съ!.. Не могу вѣрить, чтобы при такой красотѣ и молодости...

Лонина.

Остановитесь, остановитесь!..

Тесовъ.

Ха-ха-ха... Какъ вы очень сердиты-съ!.. Не прикажете ли спѣть что-нибудь, я много романсовъ самыхъ чувствительныхъ знаю!

Лонина.

Пойте, если хотите...

Тесовъ (наигрываетъ и поетъ).

Черный цвѣтъ, мрачный цвѣтъ,
Ты мнѣ милъ будешь вѣкъ!

Лонина.

Довольно, довольно!..

Тесовъ.

Вамъ это не нравится... я другой-съ... я много знаю!..

Лонина (встаетъ).

Нѣтъ, пожалуйста, уходите, я хочу спать!..

Тесовъ (вскакивая).

Очень это даже для насъ странно: такъ рано изволите почивать!..

Лонина.

Вы мнѣ страшно надоѣли!.. Уходите!..

Тесовъ.

Первый разъ встрѣчаю такихъ сердитыхъ барышень!.. Адье-съ! Позвольте въ другой разъ зайти!

Лонина.

Только безъ гитары и днемъ, а еще учше, если никогда не придете!..

Тесовъ.

Ха-ха-ха... Нѣтъ-съ, это какъ можно!.. Вы только извольте насъ хорошенько разучить: мы даже очень, очень можемъ развлеченіе доставить!.. Прощайте-съ!..

Лонина.

Прощайте.

(Онъ уходитъ, напѣвая и наигрывая.)

Лонина (одна).

Боже!.. Какъ я устала... Ничего не сдѣлала, а устала... И страхъ какой-то за будущее!.. (Ложится на голую кровать; вѣтеръ за сценой отчаянно завываетъ.) А вѣтеръ-то, а буря-то надрывается: плачетъ, стонетъ, словно хоронитъ кого... Не меня ли?..

Явленіе тринадцатое.

Лонина и Акимычъ.

(У него въ одной рукѣ зажженная сальная свѣчка; въ другой — старая солдатская шинель.)

Акимычъ (входя).

Заборъ пощупалъ: топка у насъ на завтра бу-

детъ знатная!.. (Ставитъ свѣчу на столъ и подходитъ съ шинелью къ Лониной.) Вотъ, ваше благородіе, покройтесь-ка, оно будетъ лучше!..

Лонина.

Какой вы добрый!.. Что это?.. Шинель?

Акимычъ.

Служилая-съ, изъ амуниціи!.. Она толста, а ничего, согрѣетъ; жару въ ней много, потому жару много видѣла, въ двухъ мѣстахъ пулей украшена!.. Прикройтесь!..

Лонина.

Пожалуй, давайте!... (Прикрывается.) Ха-ха-ха... Я — подъ солдатской шинелью!..

Акимычъ.

Она... ничего, вѣрно служитъ!..

Лонина.

Еще бы!.. Отлично, очень тепло!..

Акимычъ.

Горячая-съ, на морозѣ не остынетъ!.. Желаемъ вашему благородію покойной ночи, пріятныхъ сновъ!..

Лонина.

Благодарю васъ!.. Добрый вы... вы добрѣй и лучше всѣхъ здѣсь!..

Акимычъ.

Счастливо оставаться, ваше благородіе!.. (Идетъ.

Лонина.

Спите и вы съ Богомъ!.. А замерзнемъ, тогда схоронятъ!..

Акимычъ (ухода).

Ничего-съ, на казенный счетъ!

Лонина.

Ха-ха-ха... Да, да! (Одна, помолчавъ.) Нѣтъ, страшенъ только первый шагъ, а тамъ будетъ легко! (За сценой гитара и пѣніе.) А писарь не унимается! Попробую задремать подъ эти звуки! Прощайте, мои милые московскіе друзья! Что-то увидитъ во снѣ ваша Вѣрочка подъ солдатской шинелью?

(Занавѣсъ.)

Дѣйствіе второе.

Дѣйствующія лица:

Лонина.
Буровинъ.
Тесовъ.
Шалѣевъ.
Шалѣева.
Дубковъ.
Акимычъ.

Дѣйствіе происходитъ въ деревенской школѣ. Декораціи тѣ же, что въ перв. дѣйствіи.

Явленіе первое.

Лонина и потомъ Акимычъ.

Лонина

(лицо у нея грустное и болѣзненное; она — въ одномъ платьѣ, ходитъ).

Батюшки, какъ натопилъ! Я задыхаюсь, я мѣста не нахожу! И кажется, угаръ: сердце бьется (прикладывая руку къ головѣ), въ виски стучитъ! (Пробуетъ печку.) Дотронуться нельзя — огонь! Удружилъ!

Акимычъ (входя).

Что, ваше благородіе, тепленько?

Лонина.

Да ужъ такъ тепло, что и жить нельзя! То отъ холода погибала, а теперь отъ жару не знаю, куда дѣваться!

Акимычъ.

Оно ничего, ваше благородіе: „паръ костей не ломитъ!“ Да и выдуетъ живо, — хоромы-то наши, что рѣшето!

Лонина.

И угарно: у меня такъ голова разболѣлась, что я не могла заниматься и распустила на сегодня учениковъ... Нѣтъ, вы, пожалуйста, откройте трубу.

Акимычъ.

Слушаю-съ! Трубу можно открыть; а знатно натопилъ; цѣлый десятокъ досокъ изъ забора спалилъ!

Лонина.

А дровъ у насъ еще нѣтъ?

Акимычъ.

Никакъ нѣтъ, не привезено еще, ваше благородіе. А забора я ужъ порядкомъ разобралъ: я все изъ середки, чтобъ не больно въ глаза лѣзло; а теперь поглядываю къ сосѣду: нѣтъ ли чего подходящаго намъ.

Лонина.

Цѣлый мѣсяцъ я уже здѣсь, цѣлый мѣсяцъ прошу, и все нѣтъ дровъ!

Акимычъ.

Оттого отъ самаго, ваше благородіе, что члены, много членовъ разныхъ, всякаго начальства, и идетъ это у нихъ разное на бумагѣ промежь себя, пока тамъ до настоящаго положенія дойдетъ, а ты тутъ вотъ сиди да щелкай зубами! Ну, а народъ здѣсь — азіятъ, чистый черкесъ! Э! Вотъ и запамятовалъ, ваше благородіе: цыдулка къ вамъ есть, давеча мальчишка принесъ... (Вынимаетъ изъ кармана записочку и подаетъ.)

Лонина.

Ото кого это?

Акимычъ.

Не могимъ знать! Тамъ, говоритъ, онѣ узнаютъ отъ кого (Уходя.) А трубу можно открыть...

Лонина (одна, читаетъ).

„Увидя васъ, очаровательная, сердце мое вспыхнуло, и я вяну, какъ цвѣтокъ, сломанный бурей!.. Не будьте такъ жестоки, какъ вы были: въ противномъ случаѣ, я умереть долженъ отъ вашей холодности во младости лѣтъ моихъ и во цвѣтѣ силъ. Богиня моя! Милліонъ двѣсти пятьдесятъ-пять тысячъ разъ припадаю къ ножкѣ вашей милой и цѣлую слѣды

ея даже въ скверной грязи!.. По гробъ жизни страдалецъ неизмѣнный и вамъ небезызвѣстный!.. Лети, лети, зефиръ, неси мой стонъ!" (Рветъ и бросаетъ.) Что за галиматья!.. Кто это? Да, должно быть, этотъ писарь!.. Фу, какая жара!.. Голова все больше разбаливается!.. А какъ я мало сдѣлала за этотъ мѣсяцъ съ моими учениками, — я ужасаюсь!.. То замерзаешь, то угаръ; едва ноги таскаю!.. Изнемогаю я, изнемогаю и духомъ, и тѣломъ!.. Боже, подкрѣпи меня, подкрѣпи бѣдную, безсильную Вѣрочку!.. Ахъ, какъ голова болитъ! (Накидываетъ на голову платокъ и надѣваетъ пальто.) Пойду на воздухъ... лучше будетъ... (Уходя налѣво.) Здѣсь умереть можно...

Явленіе второе.

Буровинъ и Тесовъ.

(У Буровина изъ кармановъ торчатъ бутылки; Тесовъ одѣтъ особенно щеголевато, весь — пестрота; въ движеніяхъ какая-то рѣшимость, въ рукѣ узелокъ изъ краснаго платка.)

Буровинъ.

Инвалидная крыса провалилась и самой учительницы нѣтъ — пустой домъ!

Тесовъ (заглянувъ въ дверь налѣво).

И здѣсь — никого!.. Должно, отлучились куда. (Кладетъ узелокъ на столъ и уходитъ.)

Буровинъ

(опускаясь съ трудомъ на стулъ).

Можно присѣсть да обождать... будемъ покамѣсть за хозяевъ и за гостей. (Пыхтитъ и икаетъ.) Охъ, грѣхи наши!.. Тяжело что-то!.. Аль я ужъ больно переложилъ позавчерась на крестинахъ у Карпухи... Охъ!.. Такъ душу и тянетъ вонъ, а въ головѣ ровно кузня! (Тесовъ молча садится, крѣпко ударяетъ кулакомъ по столу и опускаетъ голову на руки.)

Буровинъ.

Что голову-то повѣсилъ, а?

Тесовъ (поднявъ голову).

Будетъ ли такъ, Степанъ Ивановичъ?.. Жисти своей не пощажу!

Страдать иль умереть,
Иль счастьемъ наслаждаться

Одинъ конецъ! (Опять ударяетъ кулакомъ.)

Буровинъ.

Дѣвица она изъ себя... ничего... тѣлосложенія надежнаго... и съ румянцемъ!..

Тесовъ.

Красоты неописанной, Степанъ Ивановичъ, — ну, равнодушность чувствъ при этомъ жестокая!

Буровинъ.

Хм... вляпался ты въ нее!..

Тесовъ.

Такъ я врѣзался, такъ врѣзался, — свѣтъ мнѣ божій не милъ!.. И съ перваго взгляда на нее случилось со мной!.. Меланхолія, Степанъ Иванычъ! (Снова ударъ по столу.) Сегодня ужъ амурное посланіе ей написалъ...

Буровинъ.

Ты часто захаживалъ-то къ ней?

Тесовъ.

Рѣдкій день былъ безъ этого, да что толку-то: то въ классѣ учитъ, то сидитъ запершись, книжку читаетъ, стукнешь: „занята, не могу принять“! И пойдешь оплеванный... Ввечеру ужъ сорвешь горе: пошелъ ныть взадъ-впередъ подъ окнами съ гитарой, а въ карманъ бутылку рябиновой, да и то ужъ не беретъ!.. Такъ до полночи каждый разъ,

а собаки на деревнѣ надрываются: тутъ брехтъ, тутъ лай!.. Эхъ!

Отгадай, моя родная,
Что случилося со мной!

Буровинъ.

Дѣло поправимъ, не робѣй, Пантелѣй!.. А я, признаться, съ того самаго раза, какъ пріѣхала, и не былъ здѣсь; толкнулся какъ-то на заговѣнье, да поздно — заперлись: хотѣлъ-было глянуть, что тутъ дѣлается... Антиресно главное мнѣ было дознаться, какой она вѣры и какое-такое внушеніе отъ нея есть!.. Подозрительна она мнѣ вотъ!

Тесовъ.

Пропадай, моя голова, а не жить мнѣ безъ нея!.. Въ океанъ-море кинусь!..

Буровинъ.

Ничего! Говорю, не робѣй! Постой — погоди, мы ее возьмемъ, расшевелимъ! Будетъ она наша, — ну, вотъ будетъ!.. Ужъ сосватаю!..

Тесовъ (хватаетъ Буровина за руку).

Степанъ Иванычъ, вторымъ отцомъ будешь мнѣ! (Объятіе.)

Буровинъ.

Говорю, сосватаю! Ахъ, какой!.. Не будь я Степанъ Буровинъ, коли вывернется изъ нашихъ рукъ! А только, чтобъ ужъ свадьбу на отличку!

Тесовъ.

Разговаривать тамъ еще!.. Въ одномъ красномъ тебя выкупаю... безъ подмѣси!

Буровинъ.

Чтобъ двадцать троекъ съ бубенчиками, съ колокольчиками!.. Эхъ, вы, фюю!.. Растворяй шире ворота, свадьба ѣдетъ, Буровинъ сватомъ!..

Тесовъ (ударяя Буровина по плечу).

Тридцать будетъ! Хо!.. Съ градомъ!.. Тесовъ вѣнчается!..

Буровинъ.

Музыку изъ города, чтобъ барабановъ побольше, трубъ!..

Тесовъ.

Невидаль!.. одни трамбоны будутъ!.. Гуди!..

Буровинъ.

А послѣ того кататься по деревнѣ!..

Тесовъ.

До города домчимъ, а тамъ балъ съ приказными сдѣлаемъ!

Буровинъ.

Что жъ, теперь давай запой начинать... (Вынимаетъ одну бутылку.) Запасъ есть у насъ... романея!.. (Вынимаетъ другую и ставитъ на столъ.) А ей вотъ медку... небойсь нашего не кушаетъ!.. (Откупориваетъ свою бутылку и прикладываетъ прямо ко рту.) Ну-ка, не прокисъ ли... а душа мѣру знаетъ!..

Тесовъ.

Ахъ, Степанъ Иванычъ, оживилъ ты меня!

Буровинъ (принимая бутылку).

Уфъ! Кажется, ничего! (Обтираетъ губы и подаетъ Тесову.) Валяй-ка?

Тесовъ (пьетъ и закашливается).

Нѣтъ... духъ захватило... крѣпко!..

Буровинъ.

То и хорошо, геройства больше явится!.. Дай-ка еще, не раскушалъ я!.. (Выпивши еще.) Важно! (Закупориваетъ и прячетъ въ карманъ.) Теперь наше дѣло въ шляпѣ!

Тесовъ (обнимаетъ Буровина).

Душа, Степанъ Иванычъ, то-есть по гробъ жизни моей первый тебѣ почетъ отъ меня и первое мѣсто, коли если обстряпаешь эту самую исторію!.. Осчастливишь ты меня!..

Буровинъ.

У меня сказано, — все одно, что сдѣлано! Не таковъ есть человѣкъ на свѣтѣ Буровинъ, другого не найдешь подобнаго! Помнишь, какъ въ волости повертывалъ: не моги пикнуть мнѣ. Н-да!.. А что меня скопали мошенники, это для меня ничего не значитъ, плюю я: былъ первымъ человѣкомъ и остался первымъ!.. Кто богаче меня? Кто сильнѣй?.. Ну, говори!

Тесовъ.

Никого нѣтъ, Степанъ Иванычъ!..

Буровинъ.

Вотъ то-то и есть! Кто пьетъ-ѣстъ слаще меня, живетъ веселѣй?

Тесовъ.

Да, одинъ ты у насъ безпечальный!.. (Встаетъ.) Озолочу я тебя, Степанъ Иванычъ, коли ежели такъ совершится и мечты мои сбудутся!..

Буровинъ.

Дѣйствуй прямо съ натиска, а я поддержу!.. я поддержу!.. я вотъ какъ поддержу, что чувствія сразу лишится она, и бери ее тогда, прямо и бери, куда хочешь, безъ владѣнія!

Тесовъ (ходитъ).

Теперь я хоть въ огонь, и льва не испугаюсь!

Буровинъ.

И вали напроломъ, прямо героемъ!.. Не забудь, — двадцать троекъ чтобъ!..

Тесовъ.

Тридцать.

Буровинъ.

Музыка!

Тесовъ.

Одни тромбоны... что тутъ!

Явленіе третье.

Тѣже и Лонина.

Она появляется слѣва и останавливается въ дверяхъ, пораженная.)

Буровинъ (встаетъ).

Вотъ и самъ тотъ, кто намъ нуженъ! Ну, здравствуй, барышня!

Тесовъ (расшаркиваясь).

Почтеніе-съ, барышня, наше наиглубочайшее-съ!.. Извините-съ, что осмѣлились!

Лонина

(не можетъ еще придти въ себя).

Что вамъ нужно?

Буровинъ.

Что нужно, скажемъ! А вы принимайте насъ ласковѣй, глядите веселѣй! Мы будемъ гости не пустые и съ большимъ даже антересомъ къ вамъ! (Садится.)

Тесовъ (поднося узелокъ).

Дозвольте-съ сей предметъ вамъ!

Лонина (не беретъ).

Что такое?

Тесовъ.

Насчетъ нѣкоторыхъ сладостей тутъ-съ, примите-съ!

Лонина.

Что вы выдумали! Я не возьму!

Тесовъ.

Ахъ-съ, что же вы такъ-съ! Это очень даже большой конфузъ для насъ!.. Мы отъ одной нѣжности чувствъ, со всей горячностью сердца! (Кладетъ узелокъ.)

Буровинъ.

Не щетинься, не щетинься! Сказываю тебѣ, — гости мы къ тебѣ не спроста, и будетъ у насъ большая до тебя причина...

Тесовъ

(вынимаетъ пачку папиросъ изъ кармана, закуриваетъ и подноситъ пачку Лониной).

Не угодно ли-съ? Турецкій султанъ-съ!

Лонина.

Я не курю.

Тесовъ.

Въ такомъ случаѣ, какъ угодно, извините-съ! (Далѣе онъ ходитъ, лихо затягиваясь папироской; изрѣдка останавливается, чтобы закурить новую папироску. Лонину пожираетъ глазами.)

Буровинъ.

А что касательно того, что страха я на тебя напустилъ тогда, помнишь, какъ первый разъ, такъ нельзя мнѣ, — начальство я, — поняла это? А теперь я буду съ тобой по-другому, теперь и по головкѣ поглажу! Я человѣкъ обходительный со всякимъ, ты меня только пойми, какой я!.. О-о-о, затруднительный я человѣкъ, меня не скоро раскусишь!

Лонина.

Зачѣмъ вы пришли?

Буровинъ (встаетъ).

Постой, постой, рѣчь будетъ впереди! Нагналъ

я на тебя тогда холода! ну, нагналъ — ужъ знаю! А теперь хочу приголубить! Вотъ какой я! Видишь! (ударяя себя по карману съ бутылкой) это у насъ тутъ по нашей части, отъ этого у тебя душа выскочитъ! (Поднимая бутылку на столъ.) А тебѣ вотъ что захватилъ, безъ градуса!..

Лонина (закрывъ лицо руками).

Господи! Что мнѣ дѣлать?

Буровинъ.

Ты что сегодня во снѣ видѣла, а?

Лонина (вскакивая).

Подите вонъ! Убирайтесь сейчасъ, — здѣсь школа, а не трактиръ! Слышите!

Буровинъ.

Вона, что выдумала! Нѣтъ, ты погоди! Что ты во снѣ видѣла въ сію нощь? Можешь ли ты понять, что я скажу тебѣ сейчасъ, и какое тутъ твое счастіе заключено...

Лонина.

Если вы не уйдете, я...

Буровинъ.

Постой, погоди, матушка, не горячись! Еще глупа ты!

Лонина (кричитъ).

Сторожъ, сторожъ!

Буровинъ (встаетъ).

Ну, еще что?

Тесовъ

(хватаетъ узелокъ и собирается на-утекъ; замѣтно струсилъ).

Нѣтъ, пойдемте, Степанъ Иванычъ, что жъ, коли имъ непріятно!

Буровинъ.

Аль ты трусу праздновать? Мы не токмо, мы какую хочешь канонаду выдержимъ! (Къ Лониной.) Ахъ ты, недоумокъ! Ничего-то еще не смыслишь, а еще ученая. Ну-ка, глянь на этого молодца: каковъ на твои глаза?

(Тесовъ ободряется и щеголевато повертывается на каблукахъ.)

Буровинъ.

Это что? Не человѣкъ, а чистая кукла! Небойсь въ столицѣ такого еще поискать!

Лонина.

Что вамъ нужно, что вамъ нужно отъ меня, наконецъ?

Буровинъ.

Что нужно? Хочу я счастье тебѣ предоставить и къ мѣсту настоящему тебя предѣлить!.. Хочу участь твою рѣшить! (Указывая на Тесова.) Вотъ тебѣ женихъ!..

Тесовъ (бросаясь и простирая руки).

Богиня моя!

Лонина

(опускается со стономъ и закрываетъ лицо).

Господи, Господи!

Явленіе четвертое.

Тѣ же и Шалѣевъ.

Шалѣевъ

(влетаетъ и останавливается пораженный).

Это что здѣсь, — что это значитъ?

Лонина

(встаетъ, задыхаясь отъ слезъ).

Не знаю, я не знаю!.. Меня... меня оскорбляютъ!

Шалѣевъ (угрожающе).

Вонъ, вонъ, негодяи!

(Тесовъ бросается къ двери; Буровинъ беретъ бутылку и дѣлаетъ шагъ за нимъ.)

Шалѣевъ (толкнувъ Буровина).

Пошелъ вонъ, скотина!

Буровинъ (въ дверяхъ).

Полегче, баринъ! Видали мы и пострашнѣй! А ты, барышня, пожалѣешь, помяни мое слово! (Скрывается.)

Шалѣевъ.

Вонъ!

Явленіе пятое.

Шалѣевъ и Лонина.

Шалѣевъ.

Pardonnez, pardonnez! Это ужасно, это невообразимо!..

Лонина.

Не знаю, гдѣ я, что со мной!

Шалѣевъ.

Успокойтесь, успокойтесь, я приму мѣры, я ихъ сегодня же засажу, и больше они здѣсь не будутъ! Я отдамъ ихъ подъ судъ!.. (Рукопожатіе.) Ваше здоровье, mademoiselle?

Лонина.

То замерзаю, то отъ угара не знаю, куда дѣваться!

Шалѣевъ.

Ай, ай! Какія условія! И вы, вы посрединѣ всего этого!.. Вы, mademoiselle, которая такъ молода, такъ прекрасна, душистый, чудный цвѣтокъ въ этомъ болотѣ!.. Нѣга, комфортъ должны васъ окружать,

все должно быть къ вашимъ услугамъ, у вашихъ ногъ!.. (Садятся.)

Лонина.

Комфорта и нѣги я не желаю, а, по крайней мѣрѣ, чтобы жить было можно и дѣло дѣлать, а вѣдь это я не знаю что.

Шалѣевъ.

Pardonnez!.. Я устрою, я все устрою! Я буду писать, буду хлопотать!

Лонина.

Наконецъ, эти пришли сегодня ужъ съ бутылками, и писарь дѣлаетъ мнѣ предложеніе!

Шалѣевъ.

Ахъ, канальи! Подъ судъ, подъ судъ ихъ! Упеку непремѣнно! Все это время и не могъ быть у васъ: жена была больна, а сегодня она уѣхала въ городъ на нѣсколько дней, и я теперь болѣе свободенъ; она, знаете, нервная очень женщина и болѣзненная; она бываетъ странна, но не нужно обращать вниманія, — она все-таки добрая женщина! И вотъ-съ, теперь на свободѣ мы займемся, мы подумаемъ, mademoiselle, какъ все это устроить! Ахъ, мнѣ бы хотѣлось, чтобы ни одна забота, ни одна тревога не касалась васъ, mademoiselle! Безъ комплиментовъ, вы — прелестное созданіе! Нѣтъ, не здѣсь, въ этой грязи, въ этомъ чадѣ, мракѣ, въ вознѣ съ этими дикими мальчишками, — не здѣсь ваше мѣсто и назначеніе! Для блеска, для свѣта вы созданы: вихрь вальса, упоеніе музыкой, бальный воздухъ, — вотъ что ваше! Ахъ, я самъ здѣсь умираю! А какъ я любилъ вальсировать, ахъ, какъ я любилъ! И могу сказать, недурно у меня выходило, — когда-то-съ я считался первымъ танцоромъ въ полку!

Лонина.

О вальсахъ я никогда не мечтала и не готовилась къ нимъ, а дѣло учительницы, мнѣ кажется, я люблю искренно и для этихъ, какъ вы ихъ назвали, дикихъ, я готова отдать мои лучшія силы!

Шалѣевъ (встаетъ и прохаживается).

Ахъ, pardonnez! Я преклоняюсь передъ вашимъ подвигомъ! Высокое назначеніе, конечно, но... что же дѣлать, если вы такъ чудно созданы, такъ хороши... не можетъ быть, чтобы та... иная жизнь не манила, не звала васъ иногда! Вѣдь это преподаваніе — довольно сухая матерія, хотя... хотя, конечно, очень важно!.. (Вдругъ взглянувъ въ окно испуганно.) Моя жена... жена моя!.. Она вернулась! Какъ это случилось? Ахъ, прошу васъ, она, кажется, сюда.. скажите, что меня здѣсь нѣтъ!.. Знаете, она такая нервная!.. (Быстро уходитъ налѣво.)

Лонина (одна).

Вотъ еще положеніе!

Явленіе шестое.

Лонина и Лизавета Павловна.

Лизавета Павловна (влетая).

Гдѣ мой мужъ? Онъ, вѣроятно, здѣсь... у васъ?

Лонина.

Хм... не знаю!

Лизавета Павловна.

Какъ вы не знаете, сударыня! Очаровали, успѣли очаровать!.. Поздравляю! И еще прячете!

Лонина.

Я никого не прячу! Ха-ха-ха!

Лизавета Павловна.

Стыдитесь! Молодая дѣвушка... и такъ лжетъ! Какая безнравственность! Онъ здѣсь, — я знаю, мнѣ сказали... я только что за ворота, а онъ — сюда, къ вамъ! Онъ не ожидалъ, я нарочно вернулась, чтобы... чтобы убѣдиться...

Лонина.

Въ такомъ случаѣ, ищите его и берите, только отстаньте, пожалуйста, отъ меня!..

Лизавета Павловна.

И найду-съ, и найду-съ! Онъ долженъ помнить, что онъ — мужъ и отецъ!.. (Слезы.) Я — несчастная женщина, я должна вѣчно страдать! (Бросаясь налѣво.) О, я найду его... я его!.. (Отворяетъ дверь.) Такъ и есть: онъ — за шкапомъ... (Уходитъ: слышенъ шумъ борьбы и паденіе чего-то изъ мебели.)

Лонина (одна).

Батюшки! Они, кажется, подрались... Какія сцены! Этого еще не доставало!

Явленіе седьмое.

Тѣ же и Шалѣевъ.

Шалѣевъ

(вылетая со спутанной прической).

Душка, милка, успокойся!

Лизавета Павловна.

Нѣтъ-съ, нѣтъ, я этого не оставлю... я донесу... я въ газетахъ напечатаю... Скажите, пожалуйста, какая безнравственность! Хороша учительница, — мужчинъ прячетъ у себя!

Лонина.

Вы клевещете... Вашъ мужъ самъ спрятался!

Впрочемъ, не стоитъ говорить, слишкомъ унизительно оправдываться!

Шалѣевъ.

Душка, ты очень разгорячилась!

Лизавета Павловна.

Нѣтъ, еще вамъ не то будетъ! Членъ какой, попечитель, просвѣтитель... Они вотъ что здѣсь затѣяли: амуры, таинственныя свиданія!.. Вотъ ихъ просвѣщеніе!..

Шалѣевъ.

Милка, приди въ себя!

Лизавета Павловна.

Хорошо-съ, хорошо, сударыня, мы съ вами сочтемся! Не на такую налетѣли! Какая низость, — разрушать семейство, пользоваться слабостью этого безмозглаго господина... О, я несчастная!.. (Слезы.)

(Лонина быстро уходитъ налѣво.)

Лизавета Павловна.

Безсовѣстный, неблагодарный человѣкъ! Вспомните, изъ какого ничтожества вы взяты, — вы сапогъ не имѣли. На васъ обратили вниманіе, васъ призрѣли, экипировали, дали вамъ положеніе!.. Сердце, жизнь вамъ отдали! И вотъ онъ!.. Несчастная, несчастная я!..

Шалѣевъ.

Тебѣ, душка, представилось, ты вообразила... ничего этого нѣтъ!

Лизавета Павловна.

Не смѣйте оправдываться, — я знаю васъ, не первый годъ мучаюсь! Вы не пропустите ни одной горничной, ни одной деревенской бабы...

Шалѣевъ.

Милка... успокойся! (Подходя.) Позволь поцѣловать твою ручку!

Лизавета Павловна.

Отойдите прочь!.. Ничтожество!.. Идите сію минуту домой, идите... тамъ я съ вами поговорю!

Шалѣевъ.

Но... но пойми, — на мнѣ обязанность... я долженъ...

Лизавета Павловна (хватая его за руку).

Вамъ говорятъ, вамъ приказываютъ! (Тащитъ.) Идите!

Шалѣевъ.

Душка, милка!

Лизавета Павловна (въ дверяхъ).

А васъ, сударыня, я отдѣлаю какъ нельзя лучше! (Уходитъ.)

Лонина (входитъ; одна).

О, какъ они мнѣ противны всѣ! Ушли, наконецъ-то, ушли. И что же? Терпѣть, переносить дольше? Да можно ли сдѣлать-то что-нибудь здѣсь? Вѣдь нельзя, нѣтъ! Здѣсь можно только мерзнуть, угарать, задыхаться, болѣть и душою, и тѣломъ! (Проходитъ и останавливается.) Нѣтъ, не смѣй... ты безсильная... Все можно перенести и сдѣлать дѣло!.. (Садится на кровать и опускаетъ голову на руки.)

Явленіе восьмое.

Лонина и Акимычъ.

Акимычъ

(съ большой деревянной чашкой въ рукахъ).

Ваше благородіе, покушайте-ка, похлебку сварилъ: кажись, ничего, ѣсть можно!.. (Ставитъ на столъ.)

Лонина.

Я не хочу, голубчикъ, — голова у меня болитъ, и скучно мнѣ...

Акимычъ.

Что жъ бы это, ваше благородіе, такое, скука эта?

Лонина.

Такъ, скучно! Присядьте-ка...

Акимычъ.

Какъ можно, ваше благородіе; — и постоимъ!

Лонина.

Нѣтъ, я васъ прошу, пожалуйста!

Акимычъ.

Коли приказаніе есть, и присядемъ... (Садится на конецъ стула.) Скука! Хмъ... Поди ты, что такое это!

Лонина.

А вамъ никогда не бываетъ скучно?

Акимычъ.

Хмъ... такъ это быдто что-то, ваше благородіе часомъ ночью придетъ въ голову!

Лонина.

Что же придетъ?

Акимычъ.

Ну, будто человѣкъ ты тоже есть, ваше благородіе, на свѣтѣ, и единъ, какъ перстъ, и похоронить тебя некому.

Лонина.

Э, схоронить-то схоронятъ; а вотъ какъ прожить-то на свѣтѣ?

Акимычъ.

А наше житье, ваше благородіе, за пушкой прошло, какъ одинъ день, безъ печали, безъ воздыха-

тія, а знай-пали, какъ скомандуютъ! Вотъ наше житье!

Лонина.

Но были же вы молоды когда-то, любили кого-нибудь, жена у васъ была... семья?

Акимычъ.

Всѣ померли, ваше благородіе! Изъ службы вернулся, — ни кола, ни двора... одинъ, какъ есть, весь тутъ!

Лонина.

А вспомнится все-таки иногда молодость-то?

Акимычъ.

Ха-ха-ха... вотъ будто все это ужъ во снѣ я вижу: ничего и не было, и нѣтъ, не мое!... Все одно, ваше благородіе, какъ солдатикъ у насъ одинъ на перевязкѣ: ногу у него отняли, — смѣху что было, — ухватилъ онъ это... эту самую ногу свою, да и разглядываетъ: „нѣтъ, говоритъ, не моя это нога!“ Не узнаетъ!... Ха-ха-ха! А тамъ какъ заплачетъ да заоретъ: „отдайте мнѣ мою ногу!“ Смѣялись долго...

Лонина.

Сравненіе очень удачно!

Акимычъ (со вздохомъ).

Было, было, — все было, а теперьча, ваше благородіе, ничего не стало, отрубокъ отрубкомъ! Была и жинка: хорошая баба, какъ помнится, а тамъ, Богъ ее знаетъ!

Лонина.

Плакала, я думаю, какъ васъ въ солдаты взяли?

Акимычъ.

Ха-ха-ха, тутъ реву было! Объ постѣ объ великомъ сдача была, помню: запрягли это лошадь въ городъ меня везти, я это ничкомъ въ сани упалъ, а

мать съ женой на меня повалились, да въ два голоса какъ взялись до самаго до города, а я на гармонійкѣ играю! Музыка — первый сортъ! Ажно, навстрѣчу намъ горшечникъ ѣхалъ, лошадь у него испугали, такъ всѣ горшки и выкатила, въ черепки до единаго... Ужъ онъ ругался!

Лонина.

Ахъ-ха-ха... и все горе, все горе! Сквозь смѣхъ слезы!

Акимычъ.

Да не по полю оно, ваше благородіе, ходитъ, а по людямъ! Да что наше горе: и горе у насъ глупое, и радость тоже... Вотъ вашей милости, ваше благородіе, такъ въ другой разъ, небойсь, подумаешь надъ задачей, поломаешь голову!

Лонина.

У всякаго есть свое, голубчикъ, и дорогое, и больное!

Акимычъ.

Это такъ точно-съ! А только сдается мнѣ такъ, — дико вамъ въ здѣшнемъ мѣстѣ, ваше благородіе, и пріятности мало!

Лонина.

Дико; дико!

Акимычъ.

Черкесъ, черкесъ — народъ! Край совсѣмъ сибирный! А защиты и утѣхи — никакой, хучь бы тебѣ одинъ человѣкъ надежный! Аль вы, ваше благородіе, въ сиротствѣ ужъ такъ, что васъ закинуло сюда, нужда лихая загнала?

Лонина.

Нѣтъ, я хотѣла служить, думала принести пользу.

Акимычъ.

Хм... только себя измучаете, ваше благородіе, а

сдѣлать тутъ что — никакъ невозможно, потому — Азія!

Лонина

(опускаетъ голову на руки; слышны слезы).

Тяжело мнѣ, очень тяжело!...

Акимычъ.

Спаси и сохрани тутъ только, абы не погубить душу свою съ ними! Глядѣть на васъ жалко, ваше благородіе, что птичка вы въ клѣткѣ!

Лонина (вдругъ вскакивая въ слезахъ).

Пустяки все это! Но вотъ что, — вѣру, вѣру я въ себя потеряла! (Опускаясь на стулъ). Я готова отступить, готова бѣжать! (Закрываетъ лицо.)

Акимычъ (разводя руками).

Да и мы въ другой разъ, солдаты, ваше благородіе, отступали, когда видишь, что нѣтъ силы-возможности твоей! (Прислушиваясь.) Никакъ кто-то къ намъ! (Быстро выходитъ.)

Лонина

(одна; встаетъ и отираетъ глаза).

Безсильная, безсильная, смѣшная, жалкая ты, Вѣрочка!

Явленіе девятое.

Лонина и Дубковъ.

Дубковъ (входя).

Здравствуйте.

Лонина

(въ смущеніи; старается казаться веселой)

Здравствуйте! (Рукопожатіе.)

Дубковъ.

По первому снѣгу къ вамъ... славно ѣхать!

Лонина.

Я рада, что вы пріѣхали; садитесь... (Садятся.)

Дубковъ.

И не грѣшно вамъ: на прошлой недѣлѣ присылали мы лошадей за вами; сестра такъ просила меня познакомить ее съ вами; и вы не поѣхали!

Лонина.

Простите! Знаете, — хотѣлось высидѣть, выдержать себя здѣсь...

Дубковъ.

Самъ я давно собирался къ вамъ, да то занятъ, то непогодь поднимется... Какъ поживаете, какъ дѣла ваши идутъ?

Лонина (нерѣшительно).

Поживаю... ничего, дѣла идутъ не совсѣмъ такъ, какъ думала, а все-таки подвигаются!

Дубковъ.

У васъ больное лицо, вы очень измѣнились!

Лонина.

Немножко угорѣла сегодня, а то я здорова, и бодра, и весела.

Дубковъ

(встаетъ и проходитъ; останавливаясь).

Позвольте не повѣрить вамъ, что вы здоровы, бодры и веселы!

Лонина.

Какъ хотите, — не вѣрьте, а только это такъ!

Дубковъ (ходитъ).

Я много думалъ о васъ, часто вспоминалъ, и почему-то мнѣ кажется, что встрѣча наша не случайная, у насъ что-то завяжется!

Лонина.

Что же? И я думала о васъ, вспоминала! Что же завяжется-то?

Дубковъ.

Ну, я — старый, уходившійся идеалистъ, вы — молодая, ретивая идеалистка; но въ чемъ-нибудь мы, можетъ быть, и сойдемся, и поладимъ? Только гордыни у васъ — о-о-о, сколько. Но мнѣ это нравится, — нравится все въ васъ!

Лонина.

Никакой у меня нѣтъ гордыни!

Дубковъ (останавливаясь).

Напримѣръ: вы говорите, что вы здоровы и веселы.

Лонина.

Да, здорова и весела!

Дубковъ.

Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! Это — неправда! Вы — больны, вы страдаете, вамъ тяжело здѣсь, я вижу на вашихъ глазахъ еще недавнія слезы!

Лонина

(опускаетъ голову; голосъ ея дрожитъ).

Только голова сегодня немножко болитъ и больше ничего.

Дубковъ.

Видите, какая вы! А все это изъ гордости: „не выдамъ себя я, не скажу, что мнѣ тяжело!“

Лонина

(вдругъ встаетъ; вырываются слезы; она закрываетъ лицо).

Ну, тяжело мнѣ, тяжело! Что же, вы довольны, вы рады, что сбылись ваши предсказанія? Такъ нѣтъ же, нѣтъ, я не примѣръ; есть сильнѣй меня,

лучше, есть и такія, которыя могутъ бороться, и не сломаетъ ихъ ничто! (Опускаясь на стулъ.) Не всѣ такія слабыя, жалкія!

Дубковъ.

Вы хороши, вы хороши и въ своемъ безсиліи!

Лонина.

Нѣтъ, я не уважаю себя!

Дубковъ (беретъ ее за руку).

Полноте, успокойтесь! И вотъ что: я вѣдь пріѣхалъ съ тѣмъ, чтобы увезти васъ къ себѣ, и теперь уже сестра велѣла просто взять васъ силой... никакихъ отговорокъ! Завтра день ея рожденія, она такъ проситъ васъ, и мы отлично прокатимся! Мятелица... славно.

Лонина (встаетъ)

Нѣтъ, не поѣду. Я такая растерзанная, что я буду...

Дубковъ.

Говорю серьезно, — вы меня и сестру обидите!

Лонина.

Ну, право же! И я хочу наказать себя: я должна быть одна, бичевать себя внутренно и снова овладѣть собой! Нѣтъ, я не должна отступать, — иначе я презираю себя!...

Дубковъ.

Отлично! Но все это вы успѣете, и все это такъ будетъ, я не сомнѣваюсь! (Съ улыбкой.) Вы — силачъ, вы — несокрушимая!

Лонина.

Вы смѣетесь! Да и что же, кромѣ смѣха, могу я возбуждать теперь?

Дубковъ.

Если бы вы знали, какое искреннее дружество у меня къ вамъ, и если я улыбнулся, такъ это улыбка — такой братской любви! Ѣдемъ? Я не отступлю отъ васъ!

Лонина.

Не знаю, не хочется! А какъ же школа-то, классъ?

Дубковъ.

Завтра вѣдь праздникъ, а вечеромъ завтра я васъ доставлю назадъ... (Хватая ее за руки.) Ѣдемъ, ѣдемъ!

Лонина.

Какъ же такъ? нужно переодѣться, я думаю!

Дубковъ.

Ничего не нужно! Сестра дала свою шубу, я васъ укутаю и отлично?

Лонина.

Ха-ха-ха!.. вы не даете мнѣ опомниться! И что-то мнѣ страшно и скучно, какъ будто я не вернусь сюда!

Дубковъ.

И хорошо, если бы случилось это!

Лонина.

Что вы, что вы! Такъ я не поѣду.

Дубковъ.

Вы хотите умереть отъ угара? Вотъ уже я чувствую, что у меня шумитъ въ ушахъ? Завтра, я обѣщаю вамъ, вы будете назадъ! (Ведетъ ее.) Идемъ, идемъ?

(Въ дверяхъ появляется Акимычъ.)

Лонина.

Прощайте, голубчикъ, ѣду!

Акимычъ.

Надолго отъѣзжать изволите?

Лонина.

Завтра вернусь.

Акимычъ (провожая).

Счастливо оставаться, ваше благородіе!..

Явленіе десятое.

Акимычъ (одинъ).

Акимычъ

(черезъ минуту возвращаясь).

„Вернусь!“ А Богъ-вѣсть, вернется ли! Не сладко здѣсь! (Махнувши рукой.) Осиротѣлъ ты тогда опять, Акимычъ! Э! Заколочу окна, буду лежать да смерти ждать! Эхе-хе-хе... (Взглянувъ въ окно.) И ночь на дворѣ, кажись, и вьюга поднимается! Какъ-то доѣдутъ! (Слышенъ вой вѣтра; на сценѣ все темнѣетъ.) Не буду и огня вздувать, не для чего! (Садится на кровать, опускаетъ голову на руки и кашляетъ.) Такъ все и заложило въ нутрѣ! А кости-то ноютъ, ноютъ!.. Охъ!.. Смерть!.. Гдѣ же она, моя смерть?.. Въ какомъ углѣ прячется, аль на большой дорогѣ гдѣ поджидаетъ?.. (За сценой слышна гитара и пѣніе; поднимая голову и прислушиваясь.) Это такъ, это ужъ онъ — писарь-мотыга, свой часъ знаетъ, ночь на дворѣ, и онъ — здѣсь! И чего таскается! собакъ всѣхъ... смаялъ (Зѣваетъ и дремлетъ; сквозь сонъ.) Родится человѣкъ, зачѣмъ родится? И смерть, смерть!.. Адъ, геенна огненная, змѣи, скорпіоны, души грѣшныя!.. Косточки ноютъ, батюшки, ноютъ!.. (Засыпаетъ; гитара все тише, наконецъ замолкаетъ.)

Явленіе одиннадцатое.

Акимычъ и Тесовъ.

(Тесовъ съ гитарой отворяетъ дверь, озирается и крадется,)

Тесовъ (тихо).

Темно, тихо!.. Почила ты, заснула, богиня моя... (Простирая руки къ кровати.)

Ты звѣзда ль моя ненаглядная,
Ты услышь меня, полюби меня,
Радость дней моихъ, раскрасавица!

Пропадать, такъ пропадать, а ужъ возьму тебя!.. (Подходя.) Не хочешь волей, возьму силой!.. Нѣтъ моей моченьки, умираю!.. Сорву сладкій поцѣлуй одинъ въ жизни, а тамъ хоть на плаху! (Наклоняется и лбомъ сталкивается съ Акимычемъ.)

Акимычъ (во снѣ).

Съ нами крестная сила, съ нами крестная сила!

(Тесовъ въ ужасѣ отступаетъ, при этомъ валитъ стулъ, и гитара издаетъ отрывистый звукъ.)

Акимычъ (вскакивая).

Кой чортъ здѣсь?

(Тесовъ бросается къ двери.)

Акимычъ (бросаясь за нимъ).

Нѣтъ, стой, не уйдешь! (Хватаетъ за шиворотъ; Тесовъ молча вырывается и исчезаетъ.)

Акимычъ

(шаркаетъ спичкой по стѣнѣ).

Что за оказія! (Освѣщаетъ.) Это такъ: али бы домовой, али писарь!.. Тьфу ты, пропади ты?..

Занавѣсъ.

Дѣйствіе третье.

Дѣйствующія лица:

Дубковъ.
Лонина.
Дубкова, Кат. Влад.
Шалѣевъ.
Шалѣева.
Софья Васильевна.
Лидія Петровна.
Жени.
Буровинъ.
Тесовъ.
Слуга Дубковыхъ.

Дѣйствіе происходитъ въ домѣ Дубковыхъ.

Сцена — залъ: большая комната; двери боковыя и входная; мебель старинная: на одномъ изъ столовъ среди сцены газеты и книги; все просто, но порядочно.

Явленіе первое.

Дубковъ и Лонина.

(Они входятъ изъ противоположныхъ дверей.)

Дубковъ (протягивая руки).

Живы, здоровы?

Лонина.

Совершенно. Весь угаръ мой прошелъ!

Дубковъ.

Хорошо заснули?

Лонина.

Отлично спала.

Дубковъ.

А я вѣдь струсилъ вчера, не за себя, а за васъ!

Лонина

За меня? Отчего?

Дубковъ.

А замерзли бы, — вьюга — не свой братъ!

Лонина.

Что же... Судьба, значитъ!

Дубковъ.

И погибли бы въ снѣгахъ великія стремленія и горячія мечты!

Лонина.

Да вы смѣетесь...

Дубковъ.

Нисколько! Нѣтъ, не шутя, — вьюга была отчаянная: какъ вы думаете, — мы верстъ тридцать проплутали!

Лонина.

А хорошо!.. Какъ она свиститъ, мчится, крутится!.. Я первый разъ въ жизни видѣла вьюгу, — у нея свои пѣсни!

Дубковъ.

О, цѣлыя оперы!

Лонина.

Въ которомъ часу мы пріѣхали?

Дубковъ.

Было два часа ночи, сестра уже заснула. Ну, а Домна Ивановна все тамъ вамъ устроила?

Лонина.

Ахъ, какая она добрая! Напоила меня чаемъ, уложила...

Дубковъ.

Нашъ старый слуга, — еще меня няньчила! Сестра сейчасъ встаетъ, и вы познакомитесь... Къ намъ уже пріѣхалъ кой-кто изъ сосѣдей...

Лонина.

Ай, гости! Если бы знала, ни за что бы не поѣхала.

Дубковъ.

Ничего-съ, изрѣдка не мѣшаетъ взглянуть на людей: увидите одну почтенную маменьку съ воплощенной невинностью — ея дочкой, одну вдовушку изъ Петербурга, — пріѣзжала сюда сбыть все наслѣдственное для дальнѣйшихъ своихъ вояжей, остальные — карты, однѣ карты: ихъ присутствія вы и не замѣтите! Да, еще увидите знакомую уже вамъ чету Шалѣевыхъ!

Лонина.

И они здѣсь?

Дубковъ.

Здѣсь.

Явленіе второе.

Тѣ же и Катерина Владиміровна.

Дубковъ.

Вотъ и моя сестрица!

Катерина Владиміровна.

Да какъ васъ Богъ донесъ вчера?

Дубковъ.

Всѣми правдами-неправдами, матушка! (На Лонину.) Насилу вытащилъ!

Катерина Владиміровна.

Здравствуйте, здравствуйте, гордая!

Лонина.

Совсѣмъ не гордая!

Катерина Владиміровна.

Ждала я, ждала... (Объятія.) Давно бы сама къ вамъ прикатила, да немочи мои, все болѣю, простите! (Садятся. Дубковъ ходитъ.) Я васъ уже отчасти знаю...

Лонина.

Какимъ образомъ?

Катерина Владиміровна.

Изъ разсказовъ моего братца.

Лонина.

Онъ смѣялся, вѣроятно, надо мной?

Дубковъ.

Смѣю ли я, могу ли я?

Катерина Владиміровна.

Нѣтъ, онъ говорилъ, что вы — энергичная, горячая, смѣлая... однимъ словомъ, — дѣвушка новаго времени!

Лонина.

Ну, смѣялся! Передъ вами — слабая, смѣшная, разочарованная въ своихъ силахъ Вѣрочка!

Дубковъ.

Не вѣрь, не вѣрь! Это — та же гордыня, только прикрытая смиреніемъ! (Уходя.) Я иду къ гостямъ.

Явленіе третье.

Лонина и Катерина Владиміровна.

Катерина Владиміровна.

Нѣтъ, право, онъ меня страшно заинтересовалъ вами...

Лонина.

Что во мнѣ? Самая обыкновенная, дюжинная я!

Катерина Владиміровна.

Вы можете представить, что мой дорогой байбакъ, какъ я его зову, до сихъ поръ былъ просто ненавистникомъ женщинъ: одна — пуста, другая — глупа, третья — зла, или все это вмѣстѣ заключено, — вотъ его обыкновенный отзывъ о женщинахъ! Онъ вѣчно бѣгалъ отъ нихъ, а онѣ его преслѣдовали, влюблялись въ него, въ невѣсты набивались ему — и счету нѣтъ, сколько! И теперь даже вотъ вы увидите здѣсь: одна барышня и одна вдовушка, онѣ млѣютъ, таютъ, а онъ — все въ лѣсъ! И послѣ этого-то вдругъ о васъ слышу, говоритъ такъ горячо, такъ искренно! Не интересно ли?

Лонина (потупясь).

Не знаю, не понимаю; ничего — во мнѣ!

Катерина Владиміровна.

А я ему чуть не каждый день твержу: „женись ты, наконецъ, байбакъ!“ Злится: „отвяжись съ глупостями!“ А ужъ какъ бы я была рада! Мы вѣдь съ нимъ чистые бобыли, у насъ совершенная пустыня... иногда какъ расхандримся оба! О себѣ я вамъ только скажу, что была я когда-то молода и, говорятъ, хороша, да вышла бездольнымъ человѣкомъ! Теперь мнѣ уже роковой-сороковой, значитъ, старая дѣва я, застрахована отъ всякихъ глупостей! Ха-ха-ха... И люблю я на свѣтѣ только, только моего байбака теперь! А вы что, — вы ни словечка не сказали мнѣ о себѣ?

Лонина.

Вотъ что: зовите меня просто Вѣрочкой и „ты“ говорите мнѣ: какъ дома со мной!

Катерина Владиміровна.

Хорошо! Такъ скажи же мнѣ что-нибудь о себѣ.

Лонина.

Что сказать? Я еще и не знаю хорошенько, что я такое? Вотъ избрала дорогу себѣ по душѣ, да ужъ и озадачилась! Ха-ха-ха... Ахъ, какія здѣсь приключенія со мной, если бъ вы знали! И горько, и смѣшно вспомнить!

Катерина Владиміровна.

Не робѣй!

Лонина.

Я и не робѣю — была минута, струсила я, а теперь оправилась и буду бороться до послѣдней капли!

Катерина Владиміровна.

А если вздумаешь полюбить человѣка, Вѣрочка, полюби, пожалуйста, вотъ такого, какъ байбакъ мой: этотъ не измѣнитъ, не обманетъ и сумѣетъ любить! Золотое сердце... (Встаетъ.) Мы еще наговоримся съ тобой досыта сегодня, я только на минутку взгляну, что тамъ дѣлается, а ты пока посмотри (указывая на столъ), здѣсь новыя книги есть... (Уходитъ.)

Лонина (одна).

Вспомнился мнѣ мой родной уголокъ, Москва моя милая! Здѣсь я сразу, какъ дома! Славные они люди! (Смотритъ книги.)

Явленіе четвертое.

Лонина и Шалѣевъ.

Шалѣевъ (влетая).

Mademoiselle! Вы здѣсь, я только что узналъ! Pardonnez! (Рукопожатіе.) Ваше здоровье?

Лонина.

Благодарю, здорова.

Шалѣевъ (садится).

Pardonnez! Я вчера такъ недолго былъ у васъ, мы не успѣли поговорить: жена, знаете, она такая нервная, раздражительная, бываетъ странна, но не нужно обращать вниманія; на-дняхъ она опять собирается по дѣламъ въ городъ, и тогда я сейчасъ же явлюсь къ вамъ...

Лонина.

Да особой-то надобности нѣтъ, вотъ только дровъ до сихъ поръ не даютъ...

Шалѣевъ.

Ахъ, дрова, дрова! Pardonnez! Каковы канальи! Я давно сдѣлалъ распоряженіе... сегодня же это

строжайше подтвержу! Но, вы, mademoiselle, вы... я не нахожу словъ... Вы сегодня очаровательны! О, если бы я былъ совершенно свободенъ въ настоящую минуту, я упалъ бы къ вашимъ ногамъ, и — вашъ рабъ до гроба!

Лонина.

Что вы говорите вздоръ!

Шалѣевъ (вскакивая).

Parole d'honneur! Вы прелестны! Здѣсь сегодня, вѣроятно, составится небольшое soirée, у нихъ хорошенькій рояль; Катерина Владиміровна вѣдь виртуозка; надѣюсь, мы потанцуемъ сегодня, mademoiselle, — я давно не танцовалъ!

Лонина.

Я не люблю и почти не умѣю танцовать.

Шалѣевъ.

Помилуйте, это ужасно, что вы говорите, mademoiselle! Нѣтъ, я васъ просто возьму въ плѣнъ и увлеку, увлеку! Вихрь вальса! Что можетъ быть лучше на свѣтѣ? Вспомнишь старину! Или... или... мазурка! (Напѣваетъ и подплясываетъ.) Тра-та-та...

Явленіе пятое.

Тѣ же и Лизавета Павловна.

Лизавета Павловна

(безъ поклона, покосившись на Лонину; къ мужу).

Вы уже здѣсь, — такъ я и знала!

Шалѣевъ (смущенъ).

Душка, что тебѣ угодно, душка?

Лизавета Павловна.

Какую это репетицію вы продѣлываете?

Шалѣевъ.

Нѣтъ, это я, милка... мы говорили о дѣлахъ!

Лизавета Павловна.

Оно и видно! Дѣловой человѣкъ! Вы, кажется, намѣрены пуститься въ плясъ, но вамъ это не удастся! Понимаете?

Шалѣевъ.

Душка!

Лизавета Павловна.

Да-съ! А извольте, сейчасъ составится карточная партія, извольте садиться, я вамъ дамъ денегъ, только ужъ, пожалуйста, играйте безъ вашего дурацкаго риска, больше рубля я вамъ не дамъ.

Шалѣевъ.

Душка, но... но... пойми, мнѣ нужно поговорить... школа, просвѣщеніе!

Лизавета Павловна.

Вамъ, кажется, еще было мало отъ меня за это ваше просвѣщеніе! Вы уже забыли? (Беретъ его за руку и ведетъ.) Пойдемте-съ!

Шалѣевъ.

Милка! (Къ Лониной.) Pardonnez, pardonnez! (Уходитъ.)

Явленіе шестое.

Лонина, Дубковъ, Софья Васильевна, Лидія Петровна и Жени.
(Дубковъ входитъ впередъ съ Софьей Васильевной, которая что-то горячо ему говоритъ; за ними Лидія Петровна и Жени. Софья Васильевна щуритъ и закатываетъ глаза, кокетничаетъ самымъ отчаяннымъ образомъ и то и дѣло прикладываетъ лорнетку къ глазамъ; Лидія Петровна — дама съ тономъ; Жени — воплощенная невинность, одѣта мотылькомъ; все это бросаетъ вопросительный взглядъ на Лонину.)

Дубковъ

(рѣзко оставляетъ Софью Васильевну и подходитъ къ Лониной).

Пойдемте, Вѣра Николаевна, я покажу вамъ нашъ домъ, библіотеку мою.

Лонина.

Пойдемте.

Дубковъ (беретъ ее подъ руку; идутъ).

Есть у насъ и картины; вы любите живопись?

Лонина.

Очень. (Уходятъ.)

Явленіе седьмое.

Тѣ же, кромѣ Дубкова и Лониной.

Софья Васильевна

(съ улыбкой презрѣнія лорнируя имъ вслѣдъ).

Qui est donc cela? (Къ Лидіи Петровнѣ.) Вы не знаете, Лидія Петровна?

Лидія Петровна.

Не знаю, я не знаю... Первый разъ вижу.

Софья Васильевна.

Какое вниманіе, какая любезность! Онъ бросаетъ всѣхъ.

Лидія Петровна.

Да, да. Что-то особенное.

Софья Васильевна.

Я его первый разъ вижу такимъ дамскимъ кавалеромъ. Обыкновенно онъ — волкъ, бирюкъ. Какая это счастливица!

Лидія Петровна.

Глядитъ она очень дерзко. Прямо замѣтно, что дурного тона. (Садятся.)

Софья Васильевна.

Да, какъ видно, это... это изъ тѣхъ... ну, какъ ихъ кличутъ? — знаете, ходятъ почти по-мужски и ухватки такія... Чему-то онѣ тамъ учатся, что-то

проповѣдуютъ... волосы стригутъ. У этой еще цѣлы, — ну, да все равно. Нигилистки, однимъ словомъ.

Лидія Петровна.

Богъ мой! И здѣсь онѣ, неужели?

Софья Васильевна.

Я васъ увѣряю, — это одна изъ нихъ. Я вѣдь насмотрѣлась на нихъ довольно въ Петербургѣ; я ихъ сейчасъ узнаю.

Лидія Петровна.

Скажите, я слышала, у нихъ и этотъ гражданскій... (Говоритъ на ухо.)

Софья Васильевна.

Ха-ха-ха, еще лучше! Просто натуральный, naturel... Встрѣтились, ну и... безъ всякихъ тамъ церемоній, ха-ха-ха! У нихъ это дѣлается очень просто и коротко; близость къ природѣ, онѣ говорятъ.

Лидія Петровна.

Ахъ, ахъ! Жени, я тебѣ приказываю, слышишь: не подходи къ этой и... ни слова съ ней.

Жени.

Хорошо, мама. Она, мама, страшная, злая, да?

Лидія Петровна.

Ты, мой другъ, ничего не должна еще знать. Видите, моя Жени — какой ребенокъ: она еще ничего не понимаетъ. Это моя гордость. Но я удивляюсь Михаилу Владиміровичу.

Софья Васильевна.

Не понимаю и я; впрочемъ, догадываюсь, отчасти догадываюсь: не намѣренъ ли онъ пригласить ее pour la compagnie de sa soeur, имѣя здѣсь свои цѣли?

Явленіе восьмое.

Тѣ же и Лизавета Павловна.

Софья Васильевна (встаетъ навстрѣчу).

Мы въ недоумѣніи, мы поражены, Лизавета Павловна.

Лидія Петровна (за нею).

Да, да, не можемъ понять.

Лизавета Павловна.

Что такое?

Софья Васильевна.

Кто это такая, эта... это новое лицо здѣсь?

Лизавета Павловна.

Ахъ, я вамъ сейчасъ скажу: это просвѣтительница!.. какъ же, наша новая учительница.

Софья Васильевна.

Вотъ кто!

Лидія Петровна.

Неважная птица! А какъ онъ къ ней внимателенъ — удивительно!

Лизавета Павловна.

Еще не то будетъ, погодите! Ужъ моего супруга она отуманила; у него и такъ-то здѣсь (показывая на голову) небогато, а то и совсѣмъ-было рехнулся: видите — въ члены его тамъ какіе-то на смѣхъ выбрали, безъ жалованья, — просвѣщеніе это... И что же? Гляжу — ужъ онъ въ одно прекрасное время у нея въ училищѣ въ шкапъ спрятанъ, — вотъ какъ у насъ просвѣщаютъ! Ну, да я повернула по-своему; я сразу осадила моего. Ну, вотъ теперь она за другого взялась, и увидите — приворожитъ. Это — ядъ, чума, зараза. И все подъ видомъ просвѣщенія!

Софья Васильевна.

Понимаю теперь, понимаю. Я не ошиблась въ моей догадкѣ.

Лидія Петровна.

Жени, еще повторяю: избави Боже тебя, хотя одно слово съ ней... хотя одно. Презрѣнія, одного презрѣнія она достойна.

Жени.

Я не буду съ ней, мама, и не подойду.

Лидія Петровна.

Михаилъ Владиміровичъ... кто ему пара, на того не обращаетъ вниманія, а съ такой...

Лизавета Павловна.

Да-съ, вотъ у насъ какія проявились. Я такъ и слѣжу теперь за моимъ, съ глазъ не спускаю мое сокровище; вѣдь такъ его и тянетъ, — околдовала-съ!

Софья Васильевна.

Ничего нѣтъ страннаго: она представляетъ для мужчинъ такую легкую добычу, а они на это падки! Ахъ, мужчины! рѣшительно они не умѣютъ цѣнить женщинъ и не видятъ ихъ, не хотятъ ихъ понять. Какъ они пусты!

Явленіе девятое.

Тѣ же, Дубковъ, Лонина и Шалѣевъ.

(Дубковъ говоритъ неслышно съ Лониной; Шалѣевъ ихъ преслѣдуетъ; Лидія Петровна и Жени отходятъ въ сторону, садятся и шепчутся, косясь на Лонину съ Дубковымъ: Софья Васильевна тоже садится, презрительно лорнируя ихъ.)

Лизавета Павловна (подлетая къ мужу).

Вы опять! Вамъ указано было мѣсто!

Шалѣевъ.

Душка, милка...

(Лизавета Павловна отводитъ его вдаль, сажаетъ около себя, придерживая за руку; онъ покручиваетъ усы, то и дѣло порывается къ Лониной, но Лизавета Павловна убиваетъ его взглядомъ.)

Дубковъ

(подходя къ столу, громко Лониной).

Вотъ здѣсь есть очень интересныя иллюстраціи.

Лонина.

Покажите.

(Онъ развертываетъ книгу; Лонина садится и смотритъ.)

Софья Васильевна.

Михаилъ Владиміровичъ, удѣлите минуту забвеннымъ; мнѣ хочется поговорить съ вами.

Дубковъ (подходя)

Къ вашимъ услугамъ.

Софья Васильевна.

Садитесь, прошу васъ. (Указываетъ мѣсто около себя. Дубковъ садится; она отчаянно кокетничаетъ; пауза; Жени бросается къ столу, чтобы посмотрѣть иллюстраціи.)

Лидія Петровна.

Жени, Жени, ты забыла?

Жени.

Ахъ! (Возвращается и замѣтно получаетъ выговоръ отъ матери.)

Софья Васильевна

(съ глубокимъ вздохомъ).

Итакъ, Михаилъ Владиміровичъ, прощайте, я завтра ѣду.

Дубковъ.

Счастливой дороги.

Софья Васильевна.

Когда-то увидимся опять, Михаилъ Владиміровичъ? Ахъ!

Дубковъ.

Богъ знаетъ!

Софья Васильевна.

И увидимся ли?

Дубковъ.

Говорятъ: гора съ горой только не сходится. Впрочемъ, дороги-то наши разныя: вы — женщина свѣта, столицъ; можетъ быть, теперь укатите еще заграницу; а я — человѣкъ глубокой провинціи, — пожалуй, никогда и не увидимся, не встрѣтимся больше. Да и незачѣмъ, право: интересы наши совершенно различны.

Софья Васильевна.

Ахъ, какъ это холодно, какъ это жестко: „никогда... незачѣмъ!“ Понятно, если не хотятъ встрѣтиться; а бываетъ, что люди ищутъ другъ друга, стремятся, ждутъ встрѣчи, и нѣтъ для нихъ ни разстояній, ни времени. Ахъ! Я, конечно, не такъ счастлива, чтобы разсчитывать на это. Теперь ясно. Да, все зависитъ отъ людей, отъ ихъ желаній, чувствъ.

Шалѣевъ (привскакивая).

Совершенно вѣрно-съ. Я, будучи переведенъ по полку въ 1865 году, въ мартѣ мѣсяцѣ, изъ Казани въ Астрахань, летѣлъ-съ на почтовыхъ въ самую распутицу, и ничего-съ, прелестно!

(Лизавета Павловна сажаетъ его.)

Явленіе десятое.

Тѣ же и слуга.

Слуга.

Михаилъ Владиміровичъ, старый старшина тамъ, Буровинъ, и писарь Тесовъ къ вамъ-съ.

Дубковъ.

Что имъ нужно? Пусть послѣ придутъ.

Слуга.

Очень нужное, говорятъ; съ какой-то бумагой... важная, говорятъ.

Дубковъ (уходя).

Какая тамъ такая важность? (Слуга уходитъ за нимъ.)

Шалѣевъ (какъ бы про себя).

Канальи! Еще нужно ихъ подъ судъ упечь. Непремѣнно.

Лизавета Павловна (встаетъ).

Вамъ бы самимъ-то слѣдовало баню хорошую задать, и съ вашимъ просвѣщеніемъ. Вѣроятно, скоро сядутъ за карты, — пойдемте.

Шалѣевъ.

Душка, но... но... мнѣ...

Лизавета Павловна (уводя его).

Идите, вамъ говорятъ, и чтобъ больше вы не шатались.

Шалѣевъ.

Милка, душка...

(Уходятъ.)

Явленіе одиннадцатое.

Лидія Петровна, Жени, Софья Васильевна и Лонина.

Софья Васильевна

(къ Лониной иронически).

Mademoiselle, извините... Позвольте къ вамъ обратиться и спросить: вы профессорствуете, кажется?

Лонина (отрываясь отъ книги).

Нѣтъ, я просто сельская учительница.

Софья Васильевна.

Ахъ, что вы! Вы слишкомъ скромны: я столько слышала о вашихъ лекціяхъ... даже есть у васъ лекціи чисто для взрослыхъ людей, такія интересныя, увлекательныя...

Лонина.

О какихъ лекціяхъ вы говорите?

Софья Васильевна (встаетъ).

Ха-ха-ха! А ваши лекціи о нѣжныхъ чувствахъ... ваше примѣненіе ихъ на практикѣ, я слышала, имѣетъ особенно громадный успѣхъ; я сама даже воочію имѣла случай въ этомъ убѣдиться сейчасъ: въ васъ всѣ влюблены здѣсь безъ ума.

Лонина (встаетъ).

Какъ вы дерзки!

Софья Васильевна.

Ха-ха-ха! Гіена! (Уходя.) Она — гіена... Я боюсь ея!

Лонина (про себя).

Боже мой! И здѣсь... (Садится и опускаетъ голову на руки.)

Лидія Петровна (встаетъ).

Хороша и Софья Васильевна: эта барыня на глазахъ всѣхъ вѣшается ему на шею! Какое безстыдство! Ахъ, Михаилъ Владиміровичъ, Михаилъ Владиміровичъ, не видитъ, не видитъ, кто ему пара! Жени, уйдемъ отсюда, а то дождемся и мы какой-нибудь дерзости!

Жени

(прижимаясь къ матери и косясь на Лонину).

Я боюсь, мама, я боюсь ея!

Лидія Петровна (уходя съ дочерью).

Первый разъ въ жизни я въ такомъ обществѣ! Это ужасно!

Лонина (встаетъ въ слезахъ).

И здѣсь оскорбляютъ меня! Зачѣмъ я ѣхала сюда, зачѣмъ? Уйду пѣшкомъ, убѣгу отсюда! Нѣтъ, тамъ въ школѣ одна я, въ холодѣ, въ угарѣ, а все — лучше! (Быстро уходитъ.)

Явленіе двѣнадцатое.

Дубковъ (одинъ).

Дубковъ
(входя съ бумагой въ рукѣ).

Ничего не пойму, какое дѣло у нихъ! (Читаетъ бумагу.) „Имѣемъ честь донести высшему начальству необычайный случай и событіе весьма важное, угрожающее даже тишинѣ и благоденствію нашего уѣзда". Эка чушь (Прячетъ въ карманъ.) Какія-нибудь кляузы! Лѣзутъ вѣдь! (Проходитъ.) Мысли путаются! (Садится на стулъ и опускаетъ голову на руки.) Что съ моей головой, съ моимъ сердцемъ?

Явленіе тринадцатое.

Дубковъ и **Катерина Владиміровна.**

Катерина Владиміровна (подходя).

О чемъ задумался? (Садится около и кладетъ руку на его плечо.)

Дубковъ.

Такъ что-то, не знаю!

Катерина Владиміровна.

Хандра опять, и для моего дня рожденія! Нѣтъ, байбакъ, развеселись, ужъ кутнемъ на порогѣ моего рокового-сорокового.

Дубковъ.

Да я ничего.

Катерина Владиміровна.

А премиленькая эта Вѣрочка, — я полюбила ее!

Дубковъ.

При условіяхъ изъ нея можетъ выйти хорошая женщина, — есть серьезные задатки!

Катерина Владиміровна.

Братъ, вотъ бы тебѣ такую женку!

Дубковъ.

Что ты болтаешь, Катя! Сватаетъ меня чуть не каждый день, одно только и есть на языкѣ: „женись, женись!“

Катерина Владиміровна.

А что же, засвѣтило бы у насъ тогда красное солнышко, перестали бы мы хандрить съ тобой!

Дубковъ.

Полно тебѣ врать!

Катерина Владиміровна

(заглядывая ему въ лицо).

Да вѣдь она тебѣ нравится ... очень?

Дубковъ.

Мало ли, что нравится, такъ и жениться непремѣнно! У нея совсѣмъ другія цѣли и стремленія!

Катерина Владиміровна.

Э, школу-то она и здѣсь можетъ завести, да еще лучше; а тамъ свои дѣти будутъ, дѣлай тогда изъ нихъ людей, клади на нихъ свое призваніе!

Дубковъ (встаетъ).

Катя, я думалъ, ты шутишь, а ты ужъ серьезно!

Катерина Владиміровна.

Ха, ха, ха, испугался!

Дубковъ (ходитъ).

Нѣтъ, а о такихъ вещахъ какъ можно... такъ легко и скоро... такія вещи... ихъ долго обдумываютъ, соображаютъ, такой шагъ...

Катерина Владиміровна.

Пошелъ, пошелъ свое: обдумывать да соображать! Нѣтъ, васъ такъ и нужно, такихъ закоренѣлыхъ холостяковъ, съ вами такъ только и можно что-нибудь сдѣлать: взять васъ, схватить, да и женить! Ха-ха-ха... А то вы такъ и останетесь на мели!

Дубковъ.

Гмъ, что правда, то правда! Но только въ настоящемъ-то случаѣ, конечно, ничего не можетъ-быть!

Катерина Владиміровна (уходя).

Ха-ха-ха, постой-ка я ее поищу, куда она скрылась!

Дубковъ.

Катя, ты ей еще не вздумай что-нибудь говорить!

Катерина Владиміровна.

Слушаю-съ!

Дубковъ (одинъ).

Гмъ, что выдумаетъ! Даже глупо, что со мной дѣлается! Ну, люблю, очень люблю! Такъ что же? Все-таки ничего не будетъ, не можетъ быть!

Явленіе четырнадцатое.

Тѣ же и Лонина.

Катерина Владиміровна
(держитъ Лонину за руку).

Можешь представить, — она собралась въ бѣгство, скучно ей у насъ! (Садится.)

Дубковъ.

Что вы это, Вѣра Николаевна?

Лонина.

Нѣтъ, мнѣ нездоровится, я домой хочу!

Катерина Владиміровна.

Не пущу я тебя, вотъ и все!

Лонина.

Мнѣ, право, тяжело, хочется одной быть!

Дубковъ.

Останьтесь хотя до обѣда!

Катерина Владиміровна.

Да я ея совсѣмъ не пущу!

Лонина (вскакивая съ испугомъ).

Это какъ?

Катерина Владиміровна.

А такъ! Ты болѣе не вернешься въ свою холодную, угарную, мрачную школу?

Лонина.

Что вы ... что вы? Избави Боже! Бросить, оставить дѣло, — да я презирать себя буду!

Катерина Владиміровна.

Постой, у насъ есть свободный, отдѣльный флигель, мы устроимъ свою школу, я буду помогать тебѣ; дѣло у насъ пойдетъ отлично! (Сажаетъ ее и обнимаетъ.) Вѣрочка, голубчикъ, рѣшайся!

Дубковъ.

А вѣдь чудесная мысль. Я былъ бы искренно вамъ благодаренъ: я давно подумывалъ о школѣ, да учителя по душѣ не было.

Катерина Владиміровна.

А теперь онъ у васъ есть, вотъ онъ!

Лонина.

Нѣтъ, это невозможно! Лучше и не говорите! Я должна быть тамъ!

Катерина Владиміровна.

Э, ничего нѣтъ невозможнаго! Особенно теперь я въ этомъ убѣдилась! (Къ Лониной.) И знаешь, что меня убѣдило?

Лонина.

Что?

Катерина Владиміровна.

Да вотъ что ... я ужъ начала, и теперь окончу: мой братецъ, котораго ты видишь ... я было такъ ужъ и рѣшила, что нѣтъ и не будетъ на свѣтѣ женщины, которую бы онъ полюбилъ! А она явилась, она есть ... и онъ полюбилъ, крѣпко полюбилъ! Ужъ я вижу, — отъ меня не скроется!

Дубковъ (смущенъ).

Катя, Катя, замолчи, пожалуйста!

Катерина Владиміровна.

Не умолкну! Да, онъ полюбилъ! Онъ тебя полюбилъ, Вѣрочка!

Лонина

(вспыхнувши и опуская голову, тихо).

Что вы говорите, вы шутите!

(Дубковъ не знаетъ, куда дѣваться, за что взяться.)

Катерина Владиміровна.

Безъ шутокъ! Полюби и ты его, и вы будете счастливы! А ужъ какъ я рада буду!

Дубковъ.

Катя!

Катерина Владиміровна (жметъ ея руку).

Протяните ему эту ручку, съ вѣрой, съ упованіемъ!

Дубковъ (вдругъ подходя).

Она сказала правду, Вѣра Николаевна, я люблю васъ!

(Лонина встаетъ въ сильномъ смущеніи, Дубковъ беретъ ее за руку.)

Дубковъ.

Вѣра Николаевна, скажите что-нибудь!

Лонина.

Я ... вы ... я не знаю ... вы мнѣ тоже нравитесь! Но школа ... не могу, я, я хочу ... я должна служить!

Дубковъ.

Школу я устрою, она будетъ у насъ!

Катерина Владиміровна
(хватая Лонину за руку).

А я твоей помощницей!

Лонина.

Что я скажу? Не знаю, что сказать!

Катерина Владиміровна.

Только скажи, что ты наша, моя, его, наша!

Лонина (быстро убѣгая),

Дайте мнѣ помолиться!

Дубковъ.

Катя, что ты дѣлаешь, Катя?

Катерина Владиміровна.

Я дѣлаю, чего бы ты никогда не собрался сдѣлать! (Обнимаетъ его.) И оживутъ эти стѣны, зазвенитъ, зазвучитъ здѣсь у насъ новая, молодая жизнь. И шумите, шумите больше: вашъ говоръ и смѣхъ будетъ разгонять хандру старой дѣвы!

Дубковъ.

Катя, ахъ, Катя! Большой это вопросъ!

Катерина Владиміровна.

Посмотрите, какъ вы будете счастливы, и ты не раскаешься. А теперь пойдемъ къ гостямъ, и—какъ ничего не бывало, а послѣ ужъ поразимъ ихъ! (Идутъ рука за руку.)

Дубковъ.

Удивительно! Я ничего не могу еще сообразить, что это, какъ, что ты дѣлаешь!

Катерина Владиміровна.

Крѣпость, вашу крѣпость беру. (Уходятъ.)

Явленіе пятнадцатое.

Слуга, Буровинъ и Тесовъ.

Слуга (въ дверяхъ).

Ахъ, народъ! Вамъ говорятъ, гости, занятъ! Ну принялъ бумагу и ждите!

Буровинъ.

А коли важное, можешь ты это постигать, такое важное, что . . .

Тесовъ.

Нужно доложить еще, онъ забылъ, можетъ быть.

Буровинъ.

Тутъ прямо на почту сейчасъ отсылаемъ, экстренно, къ губернатору! Ты это понялъ?

Тесовъ.

Къ начальнику губерніи прямо!

Слуга.

Я пойду — доложу; только смотрите, какъ бы вамъ не было отъ него, да и мнѣ съ вами достанется! (Уходя.) Неотесы, право!

Буровинъ (вслѣдъ).

Ахъ ты, лакейская харя!

Тесовъ.

При милости на кухнѣ, на заднемъ столѣ съ музыкантами ...

Буровинъ.

А ловко мы ее отбрили!

Тесовъ.

Ничего, будетъ довольна барышня!

Буровинъ.

И мастеръ ты, шельма, строчить: къ мѣсту все это у тебя приклеено; ну, и насчетъ грамматики, бестія, ловкачъ!

Тесовъ

(самодовольно ерошитъ волосы).

Можемъ отшлифовать въ лучшемъ видѣ, что угодно.

Буровинъ.

А какъ думаешь, что ей будетъ? Вѣдь не помилуютъ!

Тесовъ.

Ха-ха-ха! да, не погладятъ по головкѣ!

Буровинъ.

Я думаю такъ: конецъ ей здѣсь, вонъ ее откомандируютъ.

Тесовъ.

Не иначе, что такъ!

Буровинъ.

А то, пожалуй, и въ ссылку, — Макара искать съ телятами!

Тесовъ.

Очень возможно, что такая случайность произойдетъ! Насъ не задѣвай!

Буровинъ.

Н-да, не фордыбачь, не дери носъ! А то, ишь ты, Миликтриса какая.

Явленіе шестнадцатое.

Буровинъ, Тесовъ и Дубковъ.

Дубковъ (съ бумагой въ рукѣ).

Да что вамъ нужно, наконецъ, отъ меня? Я началъ читать вашу бумагу, ничего не понимаю, и не ко мнѣ, кажется, это относится.

Буровинъ.

Это такъ точно, къ губернатору это!

Тесовъ.

Къ начальнику губерніи-съ!

Дубковъ.

Такъ зачѣмъ же вы ко мнѣ-то обращаетесь?

Буровинъ.

А, значитъ, всепокорнѣйше просимъ прочитать это самое отъ начала до конца, и какое ваше мнѣніе будетъ, такъ какъ начальство вы тоже у насъ по уѣзду.

Дубковъ (быстро пробѣгаетъ).

А-а-а, вотъ оно что! (Съ улыбкой идетъ къ двери и зоветъ.) Господа! Всѣ, всѣ сюда! А вы, Вѣра Николаевна, особенно, дѣло о васъ идетъ. (Всѣ входятъ.)

Явленіе семнадцатое.

Лонина, Катерина Владиміровна, Шалѣевъ, Лизавета Павловна, Софья Николаевна, Лидія Петровна, Жени и Дубковъ.

Дубковъ (къ Лониной).

Вы — подсудимая! Прошу васъ принять подо-

бающее положеніе: сейчасъ будутъ читать обвиненіе!

(Лонина вопросительно смотритъ на Буровина и Тесова; тѣ, замѣтно не ожидали ея появленія, перешептываются между собою.)

Дубковъ.

А кстати здѣсь и Иванъ Антоновичъ. (Къ Шалѣеву, подавая бумагу.) Потрудитесь прочитать вслухъ, это вамъ и приличествуетъ, какъ члену училищнаго совѣта.

Шалѣевъ (беретъ бумагу).

Avec plaisir.

(Когда онъ читаетъ, Лизавета Павловна стоитъ съ нимъ рядомъ и киваетъ головой, какъ бы говоря: „такъ, такъ, отлично!" и торжествующе-злобно глядитъ на Лонину; Шалѣевъ между чтеніемъ изрѣдка вставляетъ: „канальи!" Тогда она его злобно одергиваетъ; Софья Николаевна всѣхъ лорнируетъ; Лидія Петровна нашептываетъ что-то Жени; Дубковъ подходитъ къ Лониной и Катеринѣ Владиміровнѣ, что-то имъ говоритъ; онѣ улыбаются; Буровинъ перемигивается съ Тесовымъ, который стоитъ съ авторской гордостью, ероша волосы и переставляя ноги.)

Шалѣевъ (читаетъ).

„Имѣемъ честь донести высшему начальству необычайный случай и событіе весьма важное, угрожающее даже тишинѣ и благоденствію нашего уѣзда. Хотя мы живемъ въ глухой странѣ, но чувства отечественной любви въ насъ очень сильны, и мы даже можемъ проникнуть всякую опасность. А въ чемъ оная оказалась въ теченіе настоящаго времени, ниже слѣдуетъ: мѣсяца сентября текущаго года назначено, — кѣмъ — намъ неизвѣстно, — въ наше училище учительшей какое-то неизвѣстное намъ лицо: поломъ — дѣвица, а можетъ быть, и дама, только женскаго рода, а по имени — Вѣра, по отчеству — Николаевна, по фамиліи — Лонина. И сія оная женскаго пола учительша видомъ — дерзка, одѣяніе ея — странное, прическа по модѣ! На вопросъ: какой вѣры, отвѣта не дала. Упованія и надежды никакой не имѣетъ, и такъ нужно полагать, въ великомъ заблужденіи находится и самыхъ опасныхъ

свойствъ, что даже угрожаетъ нашей отечественности и всему уѣзду, потому — зараза проникнуть можетъ всюду. Въ классъ никого не допускаетъ, — по сей причинѣ неизвѣстно, какое ученіе отъ нея истекаетъ, а только ребята дѣлаются остры не по годамъ и даютъ отвѣтъ старшимъ на все быстро, чего даже на землѣ нѣтъ, а насчетъ звѣздъ и подземнаго царства... Житіе же домашнее сей дѣвицы подозрительное: людей не принимаетъ и сама никуда не ходитъ, всегда назаперти, или пишетъ что-то, или читаетъ и никому не показываетъ онаго, а даже прячетъ при входѣ всякаго посторонняго человѣка. Вслѣдствіе всего вышеизложеннаго мы имѣемъ честь всепокорнѣйше просить ваше превосходительство вникнуть въ сей случившійся случай и сдѣлать достодолжное распоряженіе относительно вышерѣченной дѣвицы. За симъ, мы уповаемъ и смиряемся въ ожиданіи. Бывшій старшина закутинской волости Степанъ Ивановъ Буровинъ. Волостной писарь Тесовъ".

Дубковъ (ко всѣмъ).

И вообразите, господа: эта-то „опасныхъ свойствъ дѣвица" — моя невѣста!

(Беретъ Лонину за руку; Катерина Владиміровна обнимаетъ ее; всѣ поражены, каждый по-своему: Софья Николаевна, вспыхнувши, прикладываетъ лорнетку и ядовито улыбается; Лидія Петровна всплескиваетъ руками и качаетъ головой; Жени, испуганно озираясь на всѣхъ, жмется къ матери; Лизавета Павловна подноситъ съ улыбкой палецъ къ носу мужа; онъ цѣлуетъ ея руку, и они представляютъ счастливую чету; Буровинъ, разводя руками, кланяется; Тесовъ боязливо прячется за него.)

Буровинъ (къ Дубкову).

Слѣдственно, ваше высокоблагородіе, какъ же намъ теперьча, въ этакомъ ономъ случаѣ неожиданномъ поступить?

Дубковъ (съ улыбкой).

А ужъ это какъ знаете!

Буровинъ (къ Тесову).

По сей причинѣ, братецъ, что жъ намъ теперьча, —

отступленіе значитъ! (Съ поклономъ къ Дубкову.) Просимъ ужъ васъ, по оному, это оное къ уничтоженію, и то есть предать дѣло забвенію! А васъ имѣемъ честь поздравить!.. (Всѣ подходятъ съ поздравленіемъ.)

(За сценой шумъ и голоса.)

Явленіе восемнадцатое.

Тѣ же и слуга съ Акимычемъ.

Слуга (удерживая Акимыча).

Постой... погоди... говорятъ!..

Акимычъ (рванувшись).

Пусти... Некогда! (Къ Лониной.) Ваше благородіе! Пріемку надо дѣлать... дрова привезли... Ну и полѣно... отборное!.. (Общій смѣхъ.)

Занавѣсъ.

Блажь.

Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ

А. Н. Островскаго и П. М. Невѣжина.

Дѣйствующія лица:

Серафима Давыдовна Сарытова, вдова помѣщица, пожилая женщина, молодистая не по лѣтамъ, попечительница и крестная мать своихъ сестеръ.

Ольга }
Настя } сестры и крестницы Сарытовой.

Семенъ Гаврилычъ Бондыревъ, богатый помѣщикъ.

Прасковья Антоновна, жена его, сестра отца Сарытовой, пожилая женщина.

Степанъ Григорьевичъ Баркаловъ, управляющій имѣніемъ Сарытовой, молодой человѣкъ.

Гурьевна, уѣздная сваха и комиссіонеръ, переносчица вѣстей и попрошайка.

Лизгуновъ, очень богатый молодой человѣкъ, сосѣдъ Сарытовой.

Митрофанъ, воспитанникъ Гурьевны, лѣтъ 25-ти.

Марья, горничная Сарытовой.

Дѣйствіе происходитъ въ имѣніи сестеръ Сарытовой.

Дѣйствіе первое.

Дѣйствующія лица:

Бондырева, П. А.	Сарытова.
Баркаловъ.	Ольга.
Гурьевна.	Настя.
Марья.	Бондыревъ.

Сцена — Садъ. Съ правой стороны (отъ актеровъ) видна часть большого помѣщичьяго дома, выходъ въ садъ изъ нижняго этажа черезъ стеклянную дверь съ однимъ приступкомъ. Передъ домомъ площадка, которая ограждена рѣдкими рѣшетками изъ вьющихся растеній съ большимъ полукруглымъ навѣсомъ надъ площадкой. Рѣшетка доходитъ до половины сцены. Наплощадкѣ садовая мебель: скамья, кресла и столики. Налѣво густой садъ; въ глубинѣ, въ лѣвомъ углу, выдается часть флигеля, отъ котораго идетъ чрезъ всю сцену садовая изгородь, съ калиткой посрединѣ.

Явленіе первое.

Гурьевна и Марья.

Марья.

Такъ-таки и отнялъ?

Гурьевна.

Отнялъ... вырвалъ изъ рукъ — и шабашъ.

Марья.

Какую волю забралъ!

Гурьевна.

Да ужъ соколъ, — нечего сказать!

Марья.

Жаль даже глядѣть на барышню, какъ она мучится!

Гурьевна.

Да что ужъ! Сладко ли!

Марья.

Барышни ѣхали изъ пансіона, думали, что сестрица такъ имъ на шею и бросится, думали — царствовать здѣсь по старому, анъ теперь вонъ что въ домѣ-то!

Гурьевна.

А что же прежде-то было?

Марья.

Да помилуйте! Серафима Давыдовна въ нихъ

души не чаяла. Вѣдь ужъ до чего! Одѣвать ихъ, бывало, никому не позволяютъ, сами на нихъ чулки надѣвали! Какъ, говоритъ, хотите, да какъ прикажете; вы, говоритъ, здѣсь хозяйка, а я ваша экономка!

Гурьевна.

Да, да, да! Ну, какъ же помню!

Марья.

Такъ это имѣніе молодыхъ барышень, а у Серафимы Давыдовны есть свое небольшое, только хозяйничать тамъ не у чего!

Гурьевна.

Да знаю, знаю!

Марья.

Такъ вотъ и судите! Барышня Настасья Давыдовна сказывали: я, говоритъ, изъ пансіона-то какъ на крыльяхъ летѣла, думала, маменька мнѣ такъ на шею и бросится, такъ и замретъ отъ чувствъ, а на мѣсто того, выговоръ получила.

Гурьевна.

За что же выговоръ?

Марья.

Серафима Давыдовна желали, чтобы барышни на вакансію не пріѣзжали и еще на годъ въ пансіонѣ остались, чтобы тверже всякія науки знать, а онѣ не послушались и пріѣхали.

Гурьевна.

А Ольга Давыдовна что жъ дома не живетъ?

Марья.

Онѣ у тетеньки, у Прасковьи Антоновны гостятъ. Серафима Давыдовна желаютъ, что бъ онѣ тамъ по-

дольше погостили, такъ какъ у нихъ домъ богатый и пріѣздъ большой, такъ чтобъ обращенію занимались!

Гурьевна.

А не проще ли сказать, моя милая, что для простору ихъ спроваживали изъ дому, чтобъ на глазахъ не вертѣлись, — тоже, чай, стыдъ-то вѣдь есть!

Марья.

Ну, ужъ мы про это разсуждать не можемъ. Вонъ Настасья Давыдовна идутъ. (Уходитъ.)

Явленіе второе.

Гурьевна и **Настя** (выходитъ).

Гурьевна.

Барышня, вѣдь бѣда!

Настя.

Что такое?

Гурьевна.

Вырвалъ изъ рукъ письмо-то ваше! Каково это вамъ покажется?

Настя.

Какъ вырвалъ, кто?

Гурьевна.

Кому жъ кромѣ его; Все онъ же — управляющій вашъ! Иду я, ротъ-то разинула, а письмо въ рукахъ держу; вдругъ откуда онъ не возьмись, налетѣлъ да и цапъ изъ рукъ! Вырвалъ, прочиталъ, да и заливается-смѣется, такъ и заливается.

Настя (сквозь слезы).

Ахъ, отвратительный!

Гурьевна.

Какъ я теперь Серафимѣ Давыдовнѣ покажусь? Ну, нажила я съ вами хлопотъ, барышня! — Вонъ онъ идетъ! Уйти отъ грѣха! (Уходитъ.)

Настя.

Обида невыносимая! Долго ли жъ это будетъ продолжаться! Ну, да пускай читаетъ, я его расписала тамъ отлично; пускай онъ узнаетъ, какъ я о немъ думаю.

Явленіе третье.

Настя и Баркаловъ (входитъ).

Баркаловъ.

А, вы здѣсь? Вотъ и кстати! Знакомо вамъ это рукописаніе? (Показываетъ письмо.)

Настя.

Знакомо. Но кто вамъ позволилъ читать? Это не къ вамъ, какъ же вы смѣли распечатать?

Баркаловъ.

По почерку я думалъ, что это какой-нибудь горничной.

Настя.

Все-таки вы не имѣли права...

Баркаловъ.

Ну, ужъ права свои я самъ знаю, не вамъ меня учить. Вамъ самимъ-то бы еще доучиться надо, больно рано со школьной скамейки соскочили!

Настя (быстро).

Да не ваше дѣло! Ахъ, какая обида! Что же это? И заступиться некому.

Баркаловъ.

Ну, да какъ же, всѣ обижаютъ, всѣ. Заплачьте! Трогательнѣй будетъ!

Настя.

Не шутите со мной, я не маленькая! Я и говорить-то съ вами не хочу!

Баркаловъ.

Конечно, гдѣ мнѣ такой чести дождаться! Вотъ съ прислугой, со скотницей Хавроньей по угламъ шептаться — это ваше дѣло. Наслушаетесь ихъ умныхъ рѣчей, да и хмуритесь, какъ курица передъ дождемъ!

Настя (строго).

Что вамъ угодно отъ меня?

Баркаловъ.

Да вотъ хочется узнать, что говорятъ обо мнѣ Хавронья и прочіе?

Настя.

Такъ у нихъ и спрашивайте!

Баркаловъ.

Не скажутъ; это вы только пользуетесь ихъ откровенностью, только вамъ такое счастье!

Настя.

Съ кѣмъ хочу, съ тѣмъ и разговариваю; никто мнѣ не запретитъ.

Баркаловъ.

Ну и разговаривали бы по душѣ, коли это вамъ пріятно, а вы этимъ не довольствуетесь; вы всѣ ихъ сплетни и глупости сестрѣ прописываете. (Указываетъ на письмо.) Да еще ругаете меня, бранитесь... Вотъ ужъ это не хорошо, барышнѣ браниться стыдно.

Настя.

Правду писать не стыдно.

Баркаловъ.

И какого комиссіонера выбрали! Стыдитесь! Вотъ вамъ мой совѣтъ: въ другой разъ, если вздумаете писать къ сестрицѣ, отдавайте письмо мнѣ, я поправлю грамматическія ошибки и пошлю.

Настя.

Я лучше васъ знаю грамматику: сами-то вы неучъ!

Баркаловъ.

Отлично! Вотъ такъ барышня! Ахъ вы, моя паинька! (Подходитъ.)

Настя.

Не подходите, закричу! Какъ вы смѣете! Вотъ нахалъ!

Явленіе четвертое.

Тѣ же и Сарытова (входитъ).

Сарытова.

Что у васъ тутъ такое?

Баркаловъ.

Вотъ полюбуйтесь, какъ ведутъ себя образованныя барышни!

Настя.

Запрети этому господину приставать ко мнѣ.

Сарытова.

Что это за вѣчные капризы! Ахъ, Настя, какъ тебѣ не стыдно!

Настя.

Да какіе капризы? Я въ своемъ домѣ нигдѣ себѣ мѣста не нахожу; онъ смѣется, издѣвается

надо мной... я и такъ по цѣлымъ днямъ сижу безвыходно въ своей комнатѣ.

Сарытова.

И сочиняешь письма къ сестрѣ. Ты слишкомъ молода для того, чтобы осуждать кого-нибудь, а тѣмъ болѣе меня, твою вторую мать!

Настя.

Я не осуждаю.

Сарытова.

Хуже, ты бранишься!

Настя.

Я писала правду.

Сарытова.

Ты вотъ даже и со мной огрызаешься, а еще на людей жалуешься. Если Степанъ Григорьевичъ съ тобой шутитъ, такъ ты должна это цѣнить! Что ты такое? Дрянная дѣвченка и больше ничего! Тебѣ оказываютъ вниманіе, ты должна быть благодарна!

Настя.

Не надо мнѣ никакого вниманія, я не хочу ни говорить съ нимъ, ни видѣть его.

Сарытова.

Ну, Настя, не хотѣлось мнѣ, но ты сама заставляешь меня ссориться съ тобой. Ты сдѣлаешь то, что мнѣ будетъ противно видѣть тебя.

Настя.

Будетъ! Тебѣ ужъ и теперь противно, это я вижу, вижу... что я за несчастная! (Убѣгаетъ со слезами.)

Явленіе пятое.

Сарытова, Баркаловъ, потомъ Марья.

Сарытова.

Другъ мой, будьте съ ней поласковѣе.

Баркаловъ.

Да невозможно. Видите, какой она перецъ. Живемъ въ одномъ домѣ, нельзя же не встрѣчаться и не разговаривать... съ ней пошутишь, а она огрызается. Нѣтъ, ее надо отучить отъ этого.

Сарытова.

Ну, я васъ прошу, будьте поласковѣе съ ней. Хорошо ли вы обѣдали?

Баркаловъ (цѣлуя ей руку).

Благодарю васъ, какъ вы меня балуете. Что за обѣдъ, что за вино!

Сарытова (садится).

И подкутили?

Баркаловъ.

Немножко.

Сарытова.

Гости ваши что дѣлаютъ?

Баркаловъ.

Козыряютъ. Я ихъ усадилъ въ карты играть, а самъ пошелъ отдохнуть къ вамъ, подлѣ васъ. Фу! Жарко... усталъ... (Садится.)

Сарытова.

Я боюсь, что Настя напишетъ Ленѣ и та пріѣдетъ.

Баркаловъ.

Пусть пріѣдетъ, бѣды особенной не вижу!

Сарытова.

А какъ хорошо было все устроилось: Лена гоститъ у тетки, Настя въ пансіонѣ, ничто не мѣшало нашему счастью.

Баркаловъ (ероша волосы).

Все это вздоръ, пустяки! Пускай пріѣзжаетъ кто хочетъ... я управляющій, живу во флигелѣ, что тутъ подозрительнаго? Что я кучу, живу не по средствамъ? Такъ всякій управляющій имѣетъ подразумѣваемое обыкновеніе воровать; вотъ въ этомъ пускай меня и обвиняютъ, а въ чемъ другомъ...

Сарытова

(закрываетъ ему ротъ рукою).

Шалунъ!

Баркаловъ.

Молчу, молчу! (Цѣлуетъ ея руку.)

Сарытова.

Будете ли вы любить меня такъ, какъ бы я хотѣла, долго, долго, всегда?

Баркаловъ.

Развѣ сомнѣваетесь?

Сарытова.

Я гораздо старѣе васъ, а лѣта...

Баркаловъ.

Вы очаровательны и до сихъ поръ, такія женщины всегда молоды.

Сарытова.

Вы мнѣ льстите!

Баркаловъ.

Я говорю правду. Что такое лѣта? Жизнь, страсть, доброе, горячее сердце, — вотъ что вле-

четъ человѣка. Молодыхъ много. А много ли женщинъ съ такой пылкой душой, какъ вы?

Сарытова (зажмурясь).

Ахъ, мой другъ, какъ хорошо мнѣ, когда вы такъ говорите! Да, когда я васъ вижу, слушаю, ко мнѣ возвращаются дни молодости и увлеченій.

(Входитъ Марья.)

Марья.

Гурьевна чаю напилась, сбирается въ городъ, такъ спрашиваетъ, можно ли васъ видѣть?

Сарытова.

Какъ некстати! А дѣлать нечего — и она человѣкъ нужный. (Марьѣ.) Позови!

Баркаловъ.

Пойду къ гостямъ, посмотрю, что тамъ дѣлается. Я не засижусь съ ними, прибѣгу къ вамъ скоро! (Отходитъ, встрѣчается съ Гурьевной, строго взглядываетъ на нее и уходитъ.)

Явленіе шестое.

Сарытова и Гурьевна.

Гурьевна.

Что это, какъ онъ глаза-то выпучилъ на меня?

Сарытова.

Значитъ, ты стоишь! Давно ли ты въ почтальоны-то записалась?

Гурьевна.

Въ почтальоны? Нѣтъ, матушка, Серафима Давыдовна, я на это не согласна.

Сарытова.

А Настино письмо?

Гурьевна.

Такъ неужели бъ я не сумѣла отправить его, если бъ захотѣла? Не несла бъ я его, какъ нищій суму, чтобъ всѣ видѣли? Отказаться-то было неловко, а попалась я, такъ что жъ дѣлать, молъ, грѣхъ попуталъ.

Сарытова.

Плутъ ты, Гурьевна!

Гурьевна.

Ахъ, матушка, наша должность такая. А писемъ переносить отъ барышень я не согласна, за это затылкомъ отвѣтишь. Вышла замужъ, чепецъ надѣла, ну тогда пиши, къ кому хочешь; а покуда ты дѣвица, такъ сиди и облизывайся.

Сарытова (хохочетъ).

Ха, ха, ха! Вѣдь и ты дѣвица, значитъ и ты облизываешься?

Гурьевна.

А то какъ бы вы думали! Нѣтъ, матушка, это теперь свободно стало, а прежде куда какъ строго было: чуть что замѣтятъ, сейчасъ ножницами косу бжикъ, — вотъ и кулафюра испорчена и ходи стриженой. Да и закрыть нечѣмъ было, хвостовъ на голову не наматывали!

Сарытова.

А воспитанникъ твой откуда взялся?

Гурьевна.

Пріемышъ, матушка, чужой, чужой. Такъ взяла его, что ребенокъ очень занятный былъ. И выростила, грѣхъ пожаловаться, истинно себѣ на утѣшеніе.

Сарытова.

Что жъ онъ, при мѣстѣ при какомъ-нибудь?

Гурьевна.

Дома покуда. Мѣсто для него самое настоящее — управляющимъ быть. И такъ онъ крестьянское положеніе и крестьянскую нужду понимаетъ, что дешевле его никто у мужика ничего не купитъ. Холстъ ли, масло ли, али что прочее, чуть не даромъ беретъ; мужикъ-то плачетъ, а продаетъ: крайность, ничего не подѣлаешь. Вотъ этимъ манеромъ и перебиваемся.

Сарытова.

Я его иногда здѣсь вижу.

Гурьевна.

Да онъ вездѣ бродитъ, любятъ очень; и сейчасъ у Степана Григорьевича сидитъ, гостей забавляетъ; потому какъ онъ много смѣшныхъ словъ знаетъ и на гитарѣ играетъ.

Сарытова.

Ну, довольно о пустякахъ-то! Денегъ достала?

Гурьевна.

Не знаю, какъ сказать. Никакъ его не уломаешь; тугъ онъ очень на деньги-то!

Сарытова.

Да кто „онъ-то“?

Гурьевна.

Фарафонтовъ. Былъ чиновникъ, да за шкапомъ остался.

Сарытова.

Какъ за шкапомъ?

Гурьевна.

А такъ за шкапомъ; по нашему — съ мѣста долой, а по ихнему — за шкапомъ!

Сарытова (хохочетъ).

За штатомъ, а не за шкапомъ!

Гурьевна.

Ну, ужъ я по ученому не знаю, а все одно и то же выходитъ, что не при должности.

Сарытова.

Это твой другъ-то, что ли?

Гурьевна.

Да какой другъ! А конечно, пользуюсь отъ него крупицами за маклерство; вотъ вся и дружба.

Сарытова.

Какія же условія?

Гурьевна.

Три процентика въ мѣсяцъ и закладъ.

Сарытова.

Да вы оба съ ума сошли! Какой закладъ?

Гурьевна.

Бриллiантики есть у васъ, я знаю.

Сарытова.

Да вѣдь они дѣтскіе!

Гурьевна.

Что жъ за бѣда? Выкупите!

Сарытова.

Ну, я подумаю; только проценты очень велики.

Гурьевна.

И то часъ цѣлый торговалась, — подай четыре, да и все тутъ. Да вамъ когда нужны деньги-то?

Сарытова.

На дняхъ: надо Лизгунову отдавать.

Гурьевна.

Да, ужъ этотъ не помилуетъ. Вотъ, матушка, дѣдушка его лакеемъ былъ, тарелки лизалъ, оттого у нихъ и фамилія-то пошла: Лизгуновъ, отецъ пуды да четверики на стѣнѣ мѣломъ чертилъ, а онъ у насъ первый листократъ.

Сарытова.

Почему ты его аристократомъ называешь?

Гурьевна.

Какъ же его назвать-то? Въ коляскахъ ѣздитъ, на всѣхъ пальцахъ перстни. Одна его бѣда, невѣсты все не найдетъ!

Сарытова.

Отчего же?

Гурьевна.

Въ хорошіе, дворянскіе дома не пускаютъ, да и пускать нельзя: глаза очень безстыжіе.

Сарытова.

Какой языкъ у тебя, Гурьевна!

Гурьевна.

Что жъ, матушка, языкъ? Я своимъ языкомъ очень довольна: онъ меня кормитъ! Если бы я была вредная какая, вы бы первыя меня на порогъ не пустили. Нѣтъ, матушка, коли я что говорю, такъ говорю человѣку, къ которому я всей душой; а то такъ, хоть всѣ зубы повыдергай, — ничего отъ меня не узнаешь. А вотъ для васъ, что не спросите, такъ и отпечатаю!

Сарытова.

Спасибо. А что говорятъ про моего управляющаго?

Гурьевна.

Хвалятъ, матушка, хвалятъ... Отважный молодой человѣкъ и поступки его всѣ такіе еройскіе.

Сарытова.

Какіе „еройскіе“? Говори ты по-человѣчески!

Гурьевна.

Ну, извѣстно, какіе въ холостой компаніи бываютъ. Какъ въ городъ пріѣдетъ, такъ у нихъ и компанія. Сначала все здоровья другъ другу желаютъ, а ужъ какъ совсѣмъ станутъ здоровы, надо это здоровье куда-нибудь дѣвать. Сейчасъ тройки и кататься, и женскій полъ съ ними!

Сарытова.

И часто это у нихъ бываетъ?

Гурьевна.

Да какъ въ городъ поѣдетъ, такъ и компанія.

Сарытова.

А не врешь ты?

Гурьевна.

Съ мѣста не сойти, коли лгу. Третьяго дня меня самоё чуть въ прахъ не раздавили, маленько Богъ помиловалъ. Гаркаютъ, свищутъ...

Сарытова.

Ну, довольно! Денегъ ищи, Гурьевна, скорѣй, нужно очень! На три процента я согласна.

Гурьевна.

Искала, матушка, искала. Обгложи меня тараканы, искала! Всѣ ноги оттоптала, всѣ башмаки износила!

Сарытова.

Вижу, къ чему ты подговариваешься!

Гурьевна.

Мучки бы...

Сарытова.

Найди денегъ, — дамъ!

Гурьевна.

Теперь бы хоть осьминку.

Сарытова.

Хорошо. Вонъ Степанъ Григорьичъ, ему скажу! Подожди!

Гурьевна.

Благодарю, матушка, подожду. (Уходитъ.)

Явленіе седьмое.

Сарытова, Баркаловъ, потомъ Марья.

Баркаловъ.

Что съ вами? Вы разстроены?

Сарытова.

Вы еще спрашиваете! Это ужасно! Чему же вѣрить послѣ этого?

Баркаловъ.

„Ужасно?“ „Чему вѣрить?“ Не на мой ли ужъ это счетъ?

Сарытова.

Какое притворство! Вы думали, что ваши городскія похожденія всегда останутся тайной для меня?

Баркаловъ (смѣется).

Такъ вотъ въ чемъ дѣло!

Сарытова.

Онъ еще смѣется... Я думаю, мнѣ кажется, вамъ нужно оправдываться!

Баркаловъ.

Оправдываться? И не подумаю! Въ чемъ оправдываться? Въ томъ, что я въ городѣ кучу?

Сарытова.

Неужели этого мало?

Баркаловъ.

Да вѣдь все это дѣлается для вашей пользы.

Сарытова.

Для моей пользы? Право, вы считаете меня сумасшедшей, или дурой!

Баркаловъ.

Ни то, ни другое. Выслушайте спокойно! Хорошо ли будетъ, если я стану избѣгать общества, сторониться отъ каждой женщины? Подумаютъ, что я боюсь какого-то невидимаго глаза и именно — вашего? Хотите этого? Извольте, я готовъ! Теперь же, если я кучу, то вѣдь я управляющій, а какой же управляющій не крадетъ? Ну, и пускай думаютъ. Но если вы не вѣрите мнѣ и хотите стѣснять мою свободу, я долженъ буду васъ покинуть. Я не перенесу такой обиды!

Сарытова.

Другъ мой, я желала бы только, чтобъ вы воздержались отъ этихъ прогулокъ и пирушекъ. Мнѣ начинаютъ ставить въ вину ваши неумѣренные расходы. Опека придирается, ужъ слишкомъ внимательно просматриваетъ отчеты. Вотъ до чего дѣло дошло. Я ужъ сто рублей обѣщала, чтобъ только не привязывались съ отчетомъ. Вамъ необходимо быть осторожнѣе, необходимо!

Баркаловъ.

Нѣтъ, Серафима Давыдовна, довольно; я не могу быть игрушкою вашего каприза.

Сарытова.

Какъ вы безжалостны! Если бы я не любила васъ, я бы слушала про ваши кутежи равнодушно! Но я люблю васъ страстно, безгранично, какъ нынче не умѣютъ любить; какъ же мнѣ не ревновать васъ? Вы — все для меня! Моя молодость прошла безъ радостей, и я не растратила моего чувства! Я знала только одну привязанность, — къ моимъ сестрамъ и только теперь, когда встрѣтила васъ, я узнала, какъ можно любить! Какъ же мнѣ не огорчаться отъ такихъ слуховъ?

Баркаловъ.

Я знаю, что ревность происходитъ отъ любви, да мнѣ-то отъ этого не легче.

Сарытова.

Я не знала въ жизни, что такое счастье, и если оно такъ поздно улыбнулось мнѣ, какъ же мнѣ не беречь его! Пощадите же меня и не говорите о разлукѣ! Я готова на все для васъ!

Баркаловъ.

Если бъ не ваши капризы, и я для васъ готовъ на все!

Сарытова.

О, не столько, сколько я! Нѣтъ жертвы, какую бы я не принесла для васъ.

Баркаловъ.

Посмотримъ. Я буду помнить ваши слова.

Сарытова.

Меня не страшитъ ни молва, ни опека, ничто на свѣтѣ! Я только молю васъ, любите меня!

Марья (входитъ).

Барыня, пожалуйте; барышня пріѣхали. (Убѣгаетъ.)

Сарытова.

Ахъ, какъ некстати! (Уходитъ.)

Баркаловъ.

Кто это ей сплетничаетъ? Это непремѣнно Гурьевна! Погоди, голубушка, я съ тобой расправлюсь! Эка досада, не успѣлъ денегъ попросить! Игра начинается, а у меня хоть шаромъ покати! (Уходитъ.)

Явленіе восьмое.

Бондыревъ, Бондырева, Сарытова, Ольга и Настя (входятъ всѣ).

Бондырева.

Знаю, что не ожидала, да нужно, такъ и пріѣхала!

Бондыревъ.

Что, Серафима, я еще молодецъ? Хоть ты похвали!

Сарытова.

Потолстѣлъ-таки.

Бондыревъ.

Ну, ужъ едва ли! Все меня моціонятъ: посидѣть всласть не даютъ, а ужъ не то, чтобъ соснуть послѣ обѣда! Боятся, что ожирѣю.

Бондырева.

Не жиру боятся, а кондрашки!

Бондыревъ (лаская Настю).

Э, братъ! Ты все еще такая куцая?

Настя.

Да какая я куцая, дядя? Я ужъ давно длинныя платья ношу.

Бондырева (Сарытовой).

Съ покосомъ управились, а рожь еще не поспѣла, вотъ улучила времячко и пріѣхала!

Бондыревъ.

У васъ полонъ дворъ экипажей. Ты ступай къ гостямъ, о насъ и племянницы позаботятся.

Сарытова.

Это гости у управляющаго, а не у меня!

Бондырева.

Ахъ, да! Ну такъ вотъ что: ѣсть хочу!

Бондыревъ.

Да, червячекъ-то того, шелеститъ. Моціоньте, да хоть кормите!

Сарытова.

Пойдемте въ столовую, сейчасъ подадутъ! (Уходитъ съ Бондыревымъ.)

Явленіе девятое.

Ольга и Настя.

Ольга.

Настя, скажи, ради Бога, что у васъ тутъ дѣлается? До насъ дошли слухи, что вѣрить страшно.

Настя.

Ахъ, Оля! Я совсѣмъ измучилась! Ужъ теперь мы не хозяйки; меня никто не слушаетъ; этотъ отвратительный Баркаловъ забралъ все въ свои лапы. Ну, понимаешь, безъ него ничего не дѣлается, ничего! Что онъ скажетъ, то и свято! А онъ такой ужасный, отвратительный! Охъ, Оля, что тутъ было, я тебѣ и передать не могу. Что я только не перенесла! Пристаетъ, смѣется, глумится, а пожалуешься —

я же виновата: видишь, характеръ у меня непокойный! И каждый-то день я тутъ плакала. До того доплачусь, что губы себѣ искусаю до крови отъ злости!

Ольга.

Постой, Настя, постой, я такъ ровно ничего не пойму. Пожалуйста, не волнуйся, а спокойно разскажи все. Отчего этотъ господинъ забралъ такую власть?

Настя.

Какъ отчего? Мало ли отчего? Подольстился! О, онъ мастеръ на это, — она и растаяла!

Ольга.

Это мы слышали, а больше ты ничего не знаешь?

Настя.

Что знать-то? Что жъ больше? Просто, мама насъ разлюбила! У, противная! Ахъ, Оля, если бъ ее хорошенько, хорошенько! Да мы и примемся! Вотъ будетъ хорошо-то!

Ольга.

Да постой же, Настя! Скажи мнѣ, по крайней мѣрѣ, что говорятъ объ управляющемъ?

Настя.

Говорятъ очень нехорошо!

Ольга.

Что же именно?

Настя.

Нехорошо и даже страшно. Говорятъ: пуститъ онъ по-міру Серафиму Давыдовну, да и барышень. Раздѣваясь, я спрашиваю Марью, какъ идетъ у насъ хозяйство, а она мнѣ на это: „хватитъ управителя ублаготворять!“ Какъ тебѣ это нравится? (Подумавъ,)

Еще какъ нехорошо-то! Я всѣ окна проглядѣла, ожидая тебя!

Ольга.

Присматривалась ли ты къ нимъ, Настя, когда они между собою разговариваютъ?

Настя.

Конечно.

Ольга.

Что же ты замѣтила?

Настя.

Знаешь, Оля, она бѣлится, румянится, рядиться стала... мнѣ кажется, она влюблена въ него. Какъ ты думаешь, правду я говорю?

Ольга.

Можетъ быть. Это мы все увидимъ!

Настя.

Только я боюсь, Оля, не надѣлалъ бы онъ тебѣ дерзостей, если ты вмѣшаешься. Надо осторожнѣе. Онъ такой буянъ.

Ольга.

Настя, меня не испугаетъ никакой Баркаловъ. Мы должны быть ко всему готовы, и, конечно, болѣе къ грустному, но... я не уступлю... Я поняла теперь все! Ахъ, Настя, мнѣ тяжелѣе, чѣмъ тебѣ!

Настя.

Отчего же?

Ольга.

Я скажу тебѣ по секрету: у меня есть женихъ; онъ умный, ученый, только небогатый. Мнѣ хотѣлось, чтобъ онъ управлялъ нашимъ имѣніемъ; онъ бы привелъ все въ порядокъ!

Настя.

Ты мнѣ его покажи!

Ольга.

Да какъ ему явиться сюда, что онъ здѣсь увидитъ? Прежде надо прогнать управляющаго.

Настя.

Да вотъ мы съ тетей за него примемся, вотъ посмотри!

Ольга.

Нѣтъ, ужъ ты не мѣшайся; я и тетю попрошу, чтобъ она была потише. Я скандаловъ не люблю! Что хорошаго, только себя же срамить. Надо дѣло устроить мирно.

Настя.

Съ нимъ-то мирно? Этого не возможно! Ты посмотри, какой онъ нахалъ!

Ольга.

Можно, Настя, можно! Мнѣ сейчасъ одна мысль въ голову пришла!

Настя.

Какая? Скажи!

Ольга.

Нѣтъ, еще рано, послѣ скажу. Вотъ что значитъ полюбить-то, сейчасъ и поумнѣешь. Мнѣ бы прежде никогда такой штуки на умъ не пришло!

Явленіе десятое.

Тѣ же, Бондырева, потомъ Сарытова и Баркаловъ.

Бондырева.

Ѣды не дождешься, только тарелками стучатъ.

Настя.

Тетя, я сейчасъ пойду, прикажу.

Бондырева.

Погоди, не юли! Ну ужъ порядокъ, нечего сказать! Некому стола накрыть, никого не дозовешься. Да кому у васъ прислуга-то служитъ — барынѣ или управляющему?

Настя.

Ахъ, тетя, заступитесь за насъ, у насъ въ домѣ такое безобразіе, такое безобразіе! Она бы должна намъ примѣръ подавать, у неясестры — взрослыя дѣвушки, а она вонъ что...

Ольга.

Ну, что она, что? Вѣдь сама не знаешь, а болтаешь.

Настя.

Я не знаю, да люди такъ говорятъ!

Ольга.

А не знаешь, такъ и не болтай, пожалуйста!

Бондырева.

Я слышала, что и Лизгуновъ здѣсь, и Гурьевну видѣла. Это ужъ послѣднее дѣло. Ихъ ни въ одинъ порядочный домъ не пускаютъ, это ростовщики самые лютые: гдѣ они покажутся, тамъ раззореніе вѣрное. Ну, друзья мои, теперь я вамъ скажу, зачѣмъ я сюда пріѣхала. Я пріѣхала, чтобы закончить все это безобразіе.

Настя.

Хорошенько ихъ, тетя, хорошенько!

Ольга.

Только, пожалуйста, тетя, безъ шуму! Погодите немножко!

Бондырева.

Нѣтъ ужъ, матушка, годить не хочу я. Я съ этимъ управляющимъ такъ управлюсь, что онъ отсюда горошкомъ выкатится.

Сарытова (входитъ).

Прошу закусить. Готово.

Бондырева (идетъ).

Иду. Отощала, подвело!

(Входитъ Баркаловъ.)

Сарытова.

Позволь тебѣ представить: Степанъ Григорьевичъ Баркаловъ.

Бондырева.

Слышала. (Сухо кланяется и уходитъ; за ней Ольга и Настя.)

Явленіе одиннадцатое.

Сарытова и Баркаловъ.

Баркаловъ.

Денегъ, ради Бога, денегъ!

Сарытова.

Опять у васъ игра? Опять проигрышъ? Посмотрите на себя, на что вы похожи! Вѣдь васъ всѣ видятъ.

Баркаловъ.

Даю клятву! Послѣдній разъ... молю васъ! Проигралъ... Вы не захотите осрамить меня.

Сарытова (даетъ деньги.)

Охъ!.. возьмите. Это послѣднія. Вы знаете, зачѣмъ она пріѣхала? Выжить васъ отсюда.

Баркаловъ.

Еще это старуха на-двое сказала. Я ее скорѣй прогоню! Бѣгу метать на ваше счастье! Благодарю! Не браните! (Цѣлуетъ руку и убѣгаетъ.)

Сарытова

(съ любовью смотритъ вслѣдъ ему. Уходя).

И надо бы бранить, да не могу: я такъ люблю его!

Занавѣсъ.

Дѣйствіе второе.

Дѣйствующія лица.

Сарытова.	Бондырева.
Ольга.	Лизгуновъ.
Настя.	Баркаловъ.
Бондыревъ.	Марья.

Декорація 1-го дѣйствія.

Явленіе первое.

Марья (входитъ) и Баркаловъ.

Баркаловъ.

А, фрелина, жалуйте съ вѣстями!

Марья.

Вѣстевъ даже очень довольно.

Баркаловъ.

Ну, и катай по порядку!

Марья.

Пріѣзжая барыня ходила по всѣмъ мѣстамъ, и на скотную, и въ поле, и вездѣ васъ ругательски ругала и проходимцемъ-то и прощалыгой!

Баркаловъ.

Ладно, ладно! Эка у тебя ума-палата! Ты бы еще что-нибудь!

Марья.

Сами же приказывали, чтобы все!

Баркаловъ.

Въ домѣ-то что говорила?

Марья.

А въ домѣ... этого и сказать никакъ невозможно, потому неблагородно и даже конфузно!

Баркаловъ.

Ха, ха! Ишь какая конфузливая! Ты не ломайся, говори! Не было ли разговору о какихъ-нибудь намѣреніяхъ?

Марья.

Намѣреніевъ никакихъ не слыхала, а ужъ, кажется, какъ слушала: и къ окну подкрадывалась и за дверью стояла. А если бы что, такъ я бы сейчасъ. Потому мы всѣ за васъ готовы куда угодно.

Баркаловъ.

Ну и молодцы! Будетъ мнѣ хорошо, будетъ и вамъ хорошо, особенно тебѣ... (Беретъ за подбородокъ) Востроглазая!

Марья.

И, ухъ, какіе вы безстыдники! А ну, увидятъ

Баркаловъ.

И то правда, стыдливость ты воплощенная!

Марья.

Да не то, что стыда, на васъ страха нѣтъ.

Баркаловъ.

Разумѣется, нѣтъ.

Марья (кокетливо).

Такъ-таки ни стыдочка, ни страха?

Баркаловъ.

Ни того, ни другого. Можно прожить и безъ этого.

Марья.

Да ужъ, на васъ глядя, и мы думаемъ, что можно.

Баркаловъ.

Ну, такъ смотри же, не проронн словечка! За это тебѣ къ свадьбѣ самое пунцовое платье въ подарокъ. (Слышенъ громкій разговоръ.)

Марья.

Слышите? Скорѣй уйти отъ грѣха! (Уходитъ въ домъ. Баркаловъ во флигель.)

Явленіе второе.

Бондырева и Сарытова (входятъ).

Бондырева.

Ты это другому разсказывай, а не мнѣ. Рѣпу отъ печенки отличу. Какое это хозяйство? Французъ ходилъ. Непорядокъ, запущенье, разгромъ.

Сарытова.

Кое-что и не въ порядкѣ, у всѣхъ такъ.

Бондырева.

Кое что? Одолжила! Что въ порядкѣ-то, ты мнѣ скажи! Сколько у васъ скота?

Сарытова.

Штукъ пятьдесятъ!

Бондырева.

А было?

Сарытова.

Было больше.

Бондырева.

Вотъ это хорошо „больше!“ Втрое больше!

Сарытова.

Онъ перемѣняетъ породу.

Бондырева.

Скажи лучше, переводитъ. Это значитъ изъ шляпки бурнусъ дѣлаетъ! Пропадешь!

Сарытова.

Ну, пускай, ужъ это мое дѣло!

Бондырева.

Не будь у тебя опеки, никто бы тебѣ и не мѣшалъ на старости пустить себя по міру; но у тебя младшія сестры, все равно, что дочери.

Сарытова.

А развѣ я забыла?

Бондырева.

Забыла, а то не держала бы въ домѣ такого прощалыгу!

Сарытова.

Послушай, вѣдь я не ѣзжу къ тебѣ съ наставленіями?

Бондырева.

Еще бы! Я живу по-Божески, какъ совѣсть велитъ, а на тебя только, только что пальцами не показываютъ!

Сарытова.

Что такое?

Бондырева.

А ты какъ бы думала? Шила въ мѣшкѣ не утаишь!

Сарытова.

Ну, всему есть предѣлъ! Прошу не передавать мнѣ глупыхъ разговоровъ.

Бондырева.

Какіе разговоры! Дѣло видимое для всякаго: скота мало, лошади не тѣ, экипажи проданы!

Сарытова.

Экипажи проданы за ненужностью.

Бондырева.

Отчего же, когда у тебя не было управляющаго этого, все это нужно было, а теперь не нужно

стало? А гдѣ лѣсъ? Я сегодня поглядѣла — какъ косой покошено!

Сарытова.

Лѣсъ былъ нуженъ для ремонту для поправокъ хозяйственныхъ строеній!

Бондырева.

Да какой ремонтъ, какія поправки? Нигдѣ даже новой подпорки не видать: все валится, все рушится.

Сарытова.

Порубки, крестьяне воруютъ.

Бондырева.

Воруютъ, да только не крестьяне.

Сарытова.

Я не желаю больше продолжать этотъ разговоръ.

Бондырева.

Ну, такъ я тебѣ, Серафима, коротко скажу: чужимъ нельзя такъ распоряжаться. Вѣдь это хорошо, пока у васъ предводитель разиня, а наскочишь на другого, такъ не ту пѣсню запоешь. Теперь ты протоколистамъ овесъ да масло посылаешь, такъ все шито да крыто.

Сарытова.

Ты мнѣ угрожаешь?

Бондырева.

Я пока не угрожаю, я говорю, потому что люблю и жалѣю своихъ племянницъ и сердцемъ болѣю, глядя, какъ расхищается наше родовое добро. За нихъ, бѣдныхъ, заступиться здѣсь некому!

Сарытова.

Ты меня обижаешь; они ближе мнѣ, чѣмъ тебѣ, роднѣе.

Бондырева.

Да что толку, что ты родня, коли ты не хозяйка у себя въ домѣ? Здѣсь есть другой хозяинъ: онъ задаетъ пиры, сдаетъ землю безъ смысла, скотъ, экипажи летятъ за безцѣнокъ... А куда дѣваются деньги, неизвѣстно. Сама ты живешь скромно, а у него картежная игра, кутежъ! Управляющій! Скажите, пожалуйста!

Сарытова.

Прошу тебя, потише!

Бондырева.

На что тебѣ управляющій? Возьми хорошаго мужика старостой — и чудесно! Дѣло во сто разъ лучше пойдетъ; а этотъ проходимецъ тебя и сестеръ съ сумой пуститъ. Только я не допущу!

Сарытова.

Что ты кричишь? Это ни на что не похоже!

Бондырева.

На площади скажу, что онъ проходимецъ! Любя, говорю.

Сарытова.

Ахъ, да не нуждаюсь я ни въ любви твоей, ни въ попеченіяхъ! Оставь меня!

Явленіе третье.

Тѣ же, Бондыревъ (входитъ; за нимъ) **Ольга и Настя.**

Бондыревъ.

Ну, васъ, отвяжитесь! (Ольгѣ и Настѣ.) Отстаньте! Ну, васъ!

Сарытова.

Что вы тормошите дядю?

Ольга.

Нельзя, на мѣстѣ преступленія пойманъ.

Бондырева.

Опять заснулъ?

Ольга.

Еще какъ сладко. если бъ вы видѣли и слышали!

Бондырева.

Ему неймется! Дождешься ты!

Бондыревъ.

Напророчь еще! Отстаньте! Нигдѣ нѣтъ покою! А все ты, куцая!

Настя.

Дядя, пойдемте въ садъ!

Бондыревъ.

Еще куда? Опять моціонить! Нѣтъ, ужъ довольно, я здѣсь посижу. (Садится на скамью.)

Бондырева.

А ты, Серафима, подумай, хорошенько подумай!

Сарытова (тихо).

Хоть при нихъ-то оставь!

Бондырева.

А ты смотри на нихъ, чаще смотри; можетъ быть, жалость придетъ.

(Сарытова уходитъ. Бондырева за ней.)

Настя.

Оля! Вотъ тетя молодецъ-то! Такъ и отчитываетъ. Я готова прыгать отъ удовольствія.

Ольга.

Какая ты злая. Нѣтъ, Настя, я не чувствую никакого удовольствія, а, напротивъ, сердце болитъ,

плакать хочется. Я только и жду случая поговорить съ ней!

Настя.

Говори, пожалуй, толку не будетъ. Нѣтъ, тетя молодецъ у насъ, молодецъ! Откуда у ней что берется? Такъ и отчитываетъ, такъ и отчитываетъ! Куда мама, туда и она! Вотъ хорошо-то, вотъ хорошо! Ты посмотри-ка мамѣ въ лицо, что съ ней дѣлается, а сказать ей нечего. А я думаю себѣ: „что хорошо тебѣ, хорошо!“ Вотъ послушай-ка, это, видно, не со мной!

Ольга.

А ты рада видѣть маму въ такомъ положеніи?

Настя.

А зачѣмъ она промѣняла насъ на него, зачѣмъ меня не слушается, зачѣмъ разлюбила? Она думаетъ, что всѣ глупы, что всѣ молчать будутъ!

Ольга.

Только, Настя, право, тутъ радоваться нечему.

Настя.

А не дѣлай такъ! Вѣдь не хорошо она дѣлаетъ, не хорошо? Ну, скажи!

Ольга.

Разумѣется, не хорошо, да только...

(Бондыревъ потягивается.)

Настя.

Ахъ, дядя опять заснулъ!

Бондыревъ.

Анъ и врешь! Ахъ ты, куцая!

Настя.

Дядя, милый, вѣдь вамъ вредно!

Бондыревъ.

Знаю, дружокъ, что вредно, да ничего не подѣлаешь. Какъ поѣлъ, такъ тебѣ подушка передъ глазами и замелькала, такъ вотъ тебя и манитъ, какъ русалка въ рѣку. Искушеніе, да и только!

Явленіе четвертое.

Тѣ же и Баркаловъ.

Баркаловъ.

Мое почтеніе. Отдохнули послѣ дороги?

Бондыревъ.

Н-да, ничего-таки.

Баркаловъ.

А вы, Ольга Давыдовна?

Ольга.

Я и не устала!

Бондыревъ (встаетъ).

Пойти покурить!

Баркаловъ.

Не прикажете ли папироску?

Бондыревъ.

Нѣтъ, мы со старухой трубочку.

Настя.

Я вамъ, дядя, трубку набью, я умѣю!

Бондыревъ.

Ну, ну, шустрая ты, я вижу! (Уходитъ съ Настей.)

Баркаловъ.

Уходятъ отъ меня. (Смѣется.) Думаютъ, что огорчили!

Ольга.

Никто ничего не думаетъ. Тутъ съѣхались все родные, близкіе родные; мы можемъ и ссориться и мириться, это уже наше дѣло; вы для насъ человѣкъ совершенно чужой, и, слѣдовательно, при всѣхъ нашихъ разговорахъ и объясненіяхъ, совершенно лишній!

Баркаловъ.

Судя по вашему тону, вы, кажется, хотите пѣть главную партію въ семейномъ концертѣ?

Ольга.

Думайте, какъ вамъ угодно, но, во всякомъ случаѣ и, несмотря ни на что, я буду вести себя прилично и соотвѣтственно тому положенію, которое я должна занимать въ этомъ домѣ. Вонъ идетъ моя сестра, моя крестная мать, я хочу съ ней говорить; прошу васъ удалиться!

Баркаловъ.

Слушаю-съ. (Уходитъ.)

Явленіе пятое.

Ольга и **Сарытова** (входитъ).

Сарытова.

Скажи мнѣ, Оля, неужели тетка успѣла вооружить и тебя? Ты не подходишь ко мнѣ, не приласкаешься.

Ольга.

Меня никто не можетъ вооружить противъ тебя; я живу своимъ умомъ. Я люблю тебя, но...

Сарытова.

Что же?

Ольга.

Я не могу притворяться и я никогда не притво-

рялась. Мы перестали быть для тебя тѣмъ чѣмъ были прежде. Но, мнѣ кажется, я всего говорить тебѣ не имѣю права!

Сарытова.

Ты боишься въ глаза осудить меня? Послушай, Оля! Ты дѣвушка взрослая, я не хочу тебя обманывать, я также не хочу притворяться передъ тобой! Но ты слишкомъ молода, чтобы понять все; ты только слушай и вѣрь мнѣ и... пожалѣй меня. Ты думаешь, и счастлива? Я васъ выростила, я васъ люблю, какъ дѣтей своихъ; а вы бѣжите отъ меня, какъ отъ чумы. Всѣ клянутъ меня за мою страсть, всѣ смѣются надо мною, а у меня нѣтъ силъ бороться съ собою. (Плачетъ.)

Ольга.

Мама, мнѣ жаль тебя; но я ничего не могу сказать тебѣ въ утѣшеніе, ничего!

Сарытова.

Да, потому что ты не знаешь, что такое любовь, что такое страсть!

Ольга.

Можетъ быть, я и знаю, что такое любовь!

Сарытова.

Ты знаешь и ничего не найдешь сказать мнѣ въ утѣшеніе?

Ольга.

Ничего. Я знаю любовь, только понимаю ее иначе. Женщина создана для любви; полюбить человѣка умнаго, образованнаго, отъ котораго ждешь себѣ пользы, добра, очень естественно! Но за что ты любишь его, чѣмъ оправдать твою любовь?

Сарытова.

Нѣтъ, ты еще молода. То, что ты говоришь, не

любовь, а резонерство. Любовь слѣпа, страсть не разсуждаетъ, она мучитъ, губитъ человѣка.

Ольга.

Губить? Мама, ты губишь не одну себя, ты губишь и насъ. Подумай, мы только начинаемъ жить, а что ждетъ насъ? Разореніе и бѣдность. Когда я думаю объ этомъ, я замѣчаю, что мое чувство къ тебѣ пошатнулось; оно можетъ совсѣмъ исчезнуть. Мама, соберись съ силами, отрекись отъ него, это приведетъ насъ всѣхъ къ согласію и счастію.

Сарытова.

Правда твоя, Оля; но что же мнѣ дѣлать, если онъ завладѣлъ моей душой! Если бы онъ покинулъ меня, я бы могла забыть его, но самой оттолкнуть... (Сквозь слезы.) Оля, я соберу всѣ мои силы... я постараюсь... только прошу васъ, не оскорбляйте меня и его.

Ольга.

Мама, за себя я ручаюсь, я попрошу тетю и Настю быть поласковѣй съ нимъ, только ужъ и ты скажи ему, чтобъ онъ велъ себя съ нами поприличнѣй и поскромнѣе. Я побѣгу къ нимъ. (Уходитъ.)

Явленіе шестое.

Сарытова и Баркаловъ (входитъ).

Баркаловъ.

Что съ вами? Растроганы вы или разстроены? (Сарытова закрываетъ лицо руками.) Даже вотъ какъ! Недурно! Значитъ, таки доняли васъ! Остаться мнѣ или уйти? (Молчаніе.) Что сей сонъ значитъ? Не хотите говорить? Ну, какъ угодно! (Идетъ.)

Сарытова.

Послушайте!

Баркаловъ.

А! Слушаю...

Сарытова.

Мнѣ нужно съ вами много и серьезно говорить!

Баркаловъ.

И много, и серьезно? Если серьезно, такъ нельзя ли покороче. Да вамъ не нужно ли, чтобы я убирался изъ вашего дома, такъ объ этомъ не стоитъ разговаривать, черезъ часъ меня не будетъ, если вамъ угодно.

Сарытова.

Зачѣмъ вы это говорите?

Баркаловъ.

Я вижу, въ чемъ тутъ дѣло. Ну, и Богъ съ вами. Вы думаете, я заплачу?

Сарытова.

Вамъ все равно, потому что вы меня не любите!

Баркаловъ.

А вы меня любите! Хороша любовь, нечего сказать! Сестрица приласкала, тетка побранила, и прощай любовь! Отлично! Что значили и чего стоили всѣ ваши клятвы? Э, да лучше убраться поскорѣй, чѣмъ глядѣть на эту фальшь.

Сарытова.

Фальшь? Вы ошибаетесь. Если бы вы знали мое сердце!

Баркаловъ.

Не желаю. Я знаю, что тамъ ничего не найду!

Сарытова.

Онъ же меня оскорбляетъ! Какъ я несчастна!

Баркаловъ.

Ну, такъ будьте счастливы и прощайте! (Идетъ)

Сарытова.

За что вы такъ грубы со мною? Что я вамъ сказала или сдѣлала?

Баркаловъ.

Я не глупъ и не слѣпъ. Я слышу, о чемъ на цѣлый домъ кричатъ ваши родные, а вы, при видѣ меня, закрываете лицо и молчите. Или мнѣ дождаться, чтобъ меня выбросили за окно? Вы задѣли мою гордость!

Сарытова.

Человѣкъ, которому я отдала мою душу, не хочетъ понять меня. Я мучусь, терзаюсь, а онъ только думаетъ о себѣ и о своей гордости.

Баркаловъ.

Неправда (съ жаромъ). Говорите прямо, безъ ужимокъ, что вамъ нужно отъ меня! Я готовъ на все: по одному вашему слову я умру для васъ. Скажите, какую жертву долженъ я принести? По одному вашему слову я погибну!

Сарытова.

Зачѣмъ, зачѣмъ опять вы заговорили этимъ голосомъ, онъ проникаетъ мнѣ въ душу. Я не могу устоять противъ него. Лучше презирайте, ненавидьте меня и уйдите, уйдите!

Баркаловъ.

Я уйду не съ ненавистью, а съ разбитымъ сердцемъ.

Сарытова (нѣжно смотритъ на него).

Уйдете совсѣмъ? Нѣтъ, не могу. Послушайте, я скажу имъ, что вы измѣнитесь, будете скромнѣе, не будете расточительны. Да? Вы обѣщаете? Умоляю васъ!

Баркаловъ.

Клянусь вамъ, я измѣнюсь, и меня не въ чемъ будетъ упрекнуть!

Сарытова.

Благодарю, теперь и покойна!

Баркаловъ.

Вонъ, кажется, Павелъ Спиридоновичъ пріѣхалъ.

Сарытова.

Не за деньгами ли? Вотъ бѣда-то! У меня нѣтъ денегъ. Гурьевна обѣщала достать на дняхъ.

Баркаловъ.

У меня есть основаніе предполагать, что онъ, несмотря на свою скаредность, согласится подождать.

Сарытова.

Устройте какъ-нибудь! Хлопочите, спасайте меня (Уходитъ.)

Явленіе седьмое.

Баркаловъ и Лизгуновъ (входятъ).

Лизгуновъ (не громко).

Здравствуйте. Скажите, вы ничего не предчувствуете, ничего?

Баркаловъ.

Ровнехонько ничего. Что это вы такъ таинственно? Не пойдемъ ли ко мнѣ?

Лизгуновъ.

Нѣтъ, я хочу быть здѣсь, хочу видѣть ее! Понимаете, ее!

Баркаловъ.

Любовная муха укусила?

Лизгуновъ.

И не говорите! Вчерашній день былъ для меня рѣшительнымъ. Рокъ совершился. Я не спалъ всю ночь... понимаете, видѣніе... я и такъ, я и эдакъ, не тутъ-то было. Стоитъ передо мной и не исчезаетъ. Помогите!

Баркаловъ.

Я! Какъ это я буду помогать вамъ? Вы красивы, богаты...

Лизгуновъ (перебиваетъ).

Все это прекрасно, но я не люблю рисковать. Я долженъ знать, положительно знать ея мысли, ея мнѣніе обо мнѣ. Хотя я надѣюсь... но чего не бываетъ? Вдругъ отказъ, при моей-то гордости! Да я не перенесу такого удара, какъ тогда мнѣ смотрѣть на людей! Итакъ, добрѣйшій мой, я на васъ надѣюсь.

Баркаловъ.

Для васъ все и всегда!

Лизгуновъ.

Скажите, ну, что она? Какъ обо мнѣ отзывается?

Баркаловъ.

Ничего — хвалитъ.

Лизгуновъ.

Да? Очень радъ! Но вчера... дорожное платье, маленькій безпорядокъ... чудо, прелесть!

Баркаловъ.

Вы не очень еще радуйтесь. Тутъ есть одно препятствіе.

Лизгуновъ.

Неужели соперникъ есть?

Баркаловъ.

Ну, вотъ стоитъ о соперникахъ говорить! Нѣтъ,

болѣе существенное: Серафимѣ Давыдовнѣ деньги нужны — четыре тысячи. Сочтетесь послѣ, а теперь раскошеливайтесь?

Лизгуновъ.

Она и то мнѣ много должна, но это пустяки, лишь бы вѣрно было.

Баркаловъ.

Я ничего не знаю, это ваше дѣло! Вы просите помочь вамъ, я и указываю, съ какого конца надо начинать.

Лизгуновъ.

Благодарю отъ души. Если мнѣ удастся, и готовъ сжечь вашъ вексель. Я такъ тронутъ, что не пожалѣю...

Баркаловъ.

Павелъ Спиридонычъ, вы меня обижаете. Деньги? мнѣ? Я небогатъ, но подаянія не беру. Обѣдъ, стаканъ шампанскаго, да! Пойдемте-ка лучше любоваться на нее изъ моего флигеля. (Уходятъ.)

Явленіе восьмое.

Бондырева (въ очкахъ, съ работой въ рукахъ) **Ольга** и **Настя** (всѣ входятъ).

Ольга.

Тетя, зачѣмъ вы завели этотъ разговоръ? Мама совсѣмъ разстроена; она плачетъ.

Бондырева.

А что жъ такое? Говорю, потому что правда. Не хвалить же мнѣ ее! А что она разстроена, такъ это и прекрасно, одумайся!

Настя.

Тетя, милая, какъ я васъ полюбила, какъ я васъ полюбила!

Ольга.

Погоди! Помолчи, Настя! Тяжело видѣть, невыносимо тяжело, когда люди относятся другъ къ другу безъ жалости.

Бондырева.

Какая тутъ жалость? Что за нѣжности! Она уходитъ, да отмалчивается, думаетъ, тѣмъ дѣло и кончится. Не придется. Дойму, охъ, дойму! Я на все пойду! Коли словомъ ее не возьмешь, дѣломъ доѣдемъ.

Настя.

Такъ, такъ, тетя милая!

Ольга.

Ахъ, Настя, ты невыносима!

Настя.

Вотъ, тетя, она меня всегда бранитъ, она меня глупой называетъ!

Бондырева.

Ну, вотъ еще! У насъ глупыхъ-то и въ роду нѣтъ! Задорные водятся, а глупыхъ нѣтъ. Нѣтъ, Оленька, дружокъ мой, ты вотъ что послушай. Вашъ отецъ точно предчувствовалъ, что не все будетъ ладно. Онъ просилъ меня не забыть его послѣдней просьбы и помочь вамъ, если будетъ надобность. Ты думаешь, что Серафима потомъ не скажетъ мнѣ спасибо? Ой-ой, какъ скажетъ!

Ольга.

Тетя, да зачѣмъ вы горячитесь? Совсѣмъ не то нужно, нужно другое. Что за крики, что за брань! Они возмущаютъ меня: вѣдь у меня есть сердце. Я придумала, какъ кончить это дѣло миромъ.

Бондырева.

А придумала, такъ и дѣлай; спасибо скажемъ!

Ольга.

Да я одна не могу, мнѣ нужна ваша помощь!

Бондырева.

Какая еще помощь? Въ чемъ дѣло?

Ольга.

А вотъ, во-первыхъ, не разстраивайте маму и будьте поласковѣе съ управляющимъ.

Бондырева.

Зачѣмъ же это поласковѣе, коли я его видѣть не могу?

Ольга.

Такъ нужно, тетя! Вотъ вы увидите!

Бондырева.

Посмотримъ. Изволь, изволь!

Ольга.

Вотъ онъ идетъ.

Бондырева.

Такъ ты хочешь, чтобъ я была съ нимъ ласковѣе?

Ольга.

Да, тетя, сдѣлайте для меня это одолженіе.

Бондырева.

Изволь, изоль, у меня за лаской дѣло не станетъ.

(Входитъ Баркаловъ и останавливается поодаль.)

Явленіе девятое.

Тѣ же и Баркаловъ.

Баркаловъ.

Прасковья Антоновна!

Бондырева (не глядя на него).

Что еще?

Ольга (съ упрекомъ).

Тетя.

Баркаловъ.

Вы сегодня обходили хозяйство и остались недовольны?

Бондырева.

Была, видѣла, насмотрѣлась! Ну, а вамъ-то что?

Баркаловъ (смиренно).

Я управляющій!

Бондырева.

Такъ что жъ, сударь? (Ольгѣ.) Вѣдь ласково, Оля?

Ольга.

Ахъ, тетя!

Баркаловъ.

Вы опытная хозяйка, пріятно поучиться у васъ...

Бондырева.

Эва что! Учить? Не желаю, понимаете, не желаю и не стоитъ!

Ольга.

Тетя, развѣ это дурно, что молодой человѣкъ желаетъ поучиться? Это дѣлаетъ ему честь. Зачѣмъ же отказывать ему въ добромъ совѣтѣ?

Настя.

Да тебѣ что за дѣло? Зачѣмъ ты въ чужіе разговоры мѣшаешься! Тетя знаетъ, что говоритъ.

Баркаловъ.

Я хочу учиться для пользы вашихъ же родныхъ.

Бондырева.

Для этой пользы нужно совсѣмъ другое, такъ-то-съ!

Баркаловъ.

Что же, именно? Можетъ быть, я могу?

Бондырева.

Вы? Можете, какъ не мочь? Стоитъ только запречь лошадей, а вамъ сѣсть да укатить совсѣмъ отсюда, тутъ ужъ начнется дѣйствительная польза для моихъ родныхъ. Другой пользы не знаю и прошу у меня не спрашивать; а то я человѣкъ тяжелый, не ровенъ часъ, обмолвлюсь, скажу что-нибудь вамъ не по мыслямъ.

Ольга (подойдя къ Баркалову).

Степанъ Григорьевичъ, вы не огорчайтесь на тетю. У ней ужъ такая манера говорить, а сердце у ней доброе и нѣжное.

Настя.

А! Такъ ты вотъ какъ! Ну, хорошо же! (Убѣгаетъ.)

Баркаловъ.

Богъ съ вами! За что вы обижаете бѣднаго человѣка?

Бондырева.

Богъ всегда со мной, это правда; а есть люди, что и Бога забыли! Да вы маску-то снимите, полно Лазаря-то пѣть! Понимаемъ мы, не маленькіе! (Смѣется.) Управляющій!

Баркаловъ.

Сударыня, воздержитесь! Только въ этомъ домѣ вы и можете говорить со мной.

Бондырева.

А въ другомъ-то я на васъ и не посмотрю. „Воздержитесь!“ Туда же. (Онъ уходитъ.)

Ольга.

Ну, что вы надѣлали! Теперь опять пойдетъ брань, да раздоръ. А еще обѣщали быть ласковой!

Бондырева.

Да что жъ мнѣ дѣлать, коли я его видѣть не могу. Какъ только увижу его мину богопротивную, такъ у меня даже колотья подступаютъ.

Ольга.

Тетя, я васъ предупреждаю, онъ человѣкъ дерзкій, онъ ни передъ чѣмъ не остановится.

Бондырева.

Ну, вотъ еще! Стану я его бояться!

Ольга.

Да ужъ повѣрьте мнѣ: будетъ скандалъ большой; а все это отзовется на насъ, дурная-то слава про все семейство пойдетъ. Вы знаете, что у меня есть женихъ, такъ пріятно ли мнѣ, когда разговоръ о нашихъ семейныхъ дрязгахъ по всей губерніи разойдется. Говорю вамъ, не мѣшайте мнѣ, у меня дѣло хорошо обдумано.

Бондырева.

Такъ, что такое, скажи!

Ольга.

Послѣ, послѣ, тетя, а теперь подите къ мамѣ, успокойте ее хоть немного! Вѣдь жалко!

Бондырева.

Охъ, ты, жалостливая! Что жъ, я пойду, коли тебѣ надо, да будетъ ли толкъ?

Ольга.

Будетъ, будетъ!

(Бондырева уходитъ.)

Явленіе десятое.

Ольга и Настя (входитъ).

Ольга.

Что ты убѣжала? Ты разсердилась на меня?

Настя.

Нѣтъ, что жъ сердиться! Только не ожидала я отъ тебя этого, не ожидала!

Ольга.

Чего не ожидала?

Настя.

Что бъ ты на его сторону перекинулась.

Ольга.

Наконецъ, это изъ рукъ вонъ! Чего жъ тебѣ хочется отъ меня! Что бъ я вмѣстѣ съ тобой бранилась съ нимъ? Этого ты отъ меня никогда не дождешься.

Настя.

Да я знаю, знаю. Васъ теперь трое противъ меня: она, онъ и ты!

Ольга.

Какія глупости! Ты ничего не понимаешь.

Настя.

Ужъ конечно! Я только и слышу отъ тебя, что и глупа и зла. Ну, и отлично! Мы и безъ тебя обойдемся: за меня тетя заступится, да я и сама...

Ольга.

Ты сама? Что ты выдумываешь? Что ты можешь сдѣлать?

Настя.

Что сдѣлаю? Вотъ ты узнаешь.

Ольга.

Ахъ, Настя, ты только мѣшаешь моему плану. Какъ это скучно! То тетя, то ты... не хотите вы подождать немного!

Настя.

Дождешься тебя, я измучилась. (Утираетъ слезы.) Нѣтъ, ужъ я рѣшилась!

Ольга.

На что ты рѣшилась?

Настя.

Ужъ я знаю. Это мое дѣло.

Ольга.

Ну, сдѣлай милость, скажи! Развѣ хорошо отъ сестры скрывать!

Настя (осматриваясь).

Слушай! Я возьму... я возьму у скотницы Хавроньи мышьяку и отравлю его.

Ольга.

Что ты? Что ты? Вѣдь это уголовное преступленіе...

Настя.

Я знаю. Я все разскажу на судѣ, все, я плакать буду, меня оправдаютъ.

Ольга.

Тебя оправдаютъ, а грѣхъ-то? Ты и забыла?

Настя (подумавъ).

Такъ я сама отравлюсь.

Ольга.

Ну, вотъ еще! Кому же ты угрозишь?

Настя.

Да я не могу такъ жить, не могу, понимаешь.

Ольга.

Вѣдь ужъ долго ждала; подожди еще немного. Мнѣ самой надоѣло!

Настя.

Немного?

Ольга.

До завтра.

Настя.

И завтра ты его выгонишь отсюда?

Ольга.

Непремѣнно.

Настя.

А если нѣтъ?

Ольга.

Тогда дѣлай что хочешь: отравляй его или сама отравляйся; я ужъ не скажу ни слова.

Занавѣсъ.

Дѣйствіе третье.

Дѣйствующія лица.

Сарытова.	Баркаловъ.
Ольга.	Лизгуновъ.
Настя.	Гурьевна.
Бондыревъ.	Митрофанъ.
Бондырева.	Марья.

Декораціи I-го дѣйствія.

Явленіе первое.

Марья (входитъ) **Гурьевна** (въ рукахъ небольшой ковровый мѣшокъ)

Гурьевна.

Что, Машенька, можно видѣть Серафиму Давыдовну?

Марья.

Онѣ не здоровы, другой день изъ спальни не выходятъ.

Гурьевна.

Что жъ это съ ней сдѣлалось?

Марья.

Да такъ, ничего важнаго; ежели онѣ разстроены, такъ у нихъ всегда нездоровье отъ нервовъ.

Гурьевна.

Такъ я прямо къ ней въ спальню и пойду.

Марья.

Никакъ невозможно это. Подождите, когда выйдутъ.

Гурьевна.

Что это у васъ за новая мода? Я всегда прямо ходила.

Марья.

Ужъ это не наше дѣло. Не велѣли никого допущать, ну мы и не должны.

Гурьевна.

Ужъ она не отъ родни ли запирается?

Марья.

Мы этого знать не можемъ.

Гурьевна.

Рано вчера управляющій-то изъ городу пріѣхалъ иль вовсе не ночевалъ? Я его тамъ видѣла!

Марья.

Ишь вы какъ люты на разспросы-то! Нуженъ онъ вамъ, что ли? Такъ и его позову.

Гурьевна.

Нѣтъ, нѣтъ, ну его, на что онъ мнѣ. Такъ я пойду, въ дѣвичьей посижу. (Идетъ къ калиткѣ. Входятъ Бондырева и Ольга. Гурьевна низко кланяется и уходитъ. Марья уходитъ въ домъ.)

Явленіе второе.

Бондырева и Ольга.

Ольга.

Тетя, милая, ну что вамъ стоитъ?

Бондырева.

Да что ты выдумываешь? Какъ это возможно!

Ольга.

Одно средство, тетя, самое простое и самое вѣрное.

Бондырева.

Да что я тебѣ — кукла, что ли, досталась? Молода еще ты вертѣть старухой теткой, какъ игрушкой.

Ольга.

Тетя, пожалѣйте сиротъ!

Бондырева.

Да какъ мнѣ вывернуть-то себя? Всю жизнь правдой живу, а тутъ на-ка поди! Да я и слова-то такія, всякія забыла!

Ольга.

Подумайте, такъ вспомните!

Бондырева.

Отойди ты, грѣховодница!

Ольга.

Такъ не хотите?

Бондырева.

Еще бы ты заставила меня на палочкѣ верхомъ кружить! Такъ тебя и слушать?

Ольга.

На васъ будемъ плакаться: могли, да не захотѣли.

Бондырева.

Да отстань! Статочное ли это дѣло, чтобъ я... да, Господи, помилуй!

Ольга.

Вамъ бы только браниться съ утра до вечера, вотъ это ваше удовольствіе, а пожалѣть племянницъ, помочь имъ, такъ васъ нѣтъ.

Бондырева.

Пожалѣть, пожалѣть! Да какъ ты смѣешь! Развѣ я васъ не жалѣю? А ужъ кататься колесомъ подъ старость лѣтъ, матушка моя, заставить меня трудно!

Ольга (отходя въ сторону).

Какъ хотите. Богъ вамъ судья!

(Входятъ Сарытова и Марья.)

Бондырева.

Вышла изъ заключенія?

Сарытова.

Ахъ, оставь, пожалуйста! Полегче стало, ну, я вышла подышать воздухомъ.

Бондырева.

Ну, дыши, дыши! (Ольгѣ.) А ты что губы-то надула? Пойдемъ, потолкуемъ еще, хоть посмѣюсь на твою выдумку! (Уходитъ съ Ольгой.)

Явленіе третье.

Сарытова, Марья и Баркаловъ.

Сарытова.

Степанъ Григорьевичъ дома?

Марья.

Дома-съ.

Сарытова.

Попроси его ко мнѣ. (Марья уходитъ во флигель.) Какое невыносимое положеніе! Прикидывайся больной, запирайся въ спальнѣ, лишь бы не видѣть и не слышать ничего. Долго ли это продолжаться будетъ. Не прогнать же мнѣ дядю съ теткой, а сами не догадаются, не уѣдутъ.

(Входитъ Баркаловъ и Марья.)

Баркаловъ (Марьѣ, на ходу).

Распорядитесь-ка, чтобы мнѣ закусочку прислали! Надо голову поправить, болитъ со вчерашняго!

Марья.

Что прикажете?

Баркаловъ.

Чего хочешь, все равно, только кислой капусты не забудь.

Марья.

Это по нашему бланманже называется. (Уходитъ.)

Баркаловъ (Сарытовой).

Наконецъ, вы показались на свѣтъ Божій.

Сарытова.

Вы были вчера въ городѣ?

Баркаловъ.

Былъ.

Сарытова.

Не видали вы Гурьевну?

Баркаловъ.

Я ее никогда не вижу. Это она меня постоянно видитъ, да вамъ сплетничаетъ.

Сарытова.

Ахъ, оставьте, мнѣ она нужна.

Баркаловъ.

Зачѣмъ вамъ? Ее надо гонять изъ усадьбы.

Сарытова.

Она мнѣ обѣщала денегъ достать.

Баркаловъ.

Если вы о деньгахъ, то не безпокойтесь. Деньги есть, у меня во флигелѣ сидять, завтрака дожидаются.

Сарытова.

Лизгуновъ? Да вѣдь я ему и такъ много должна.

Баркаловъ.

Ничего не значитъ. Тутъ есть маленькое соображеніе. (Тихо.) Влюбленъ...

Сарытова.

Очень рада, но что жъ изъ этого?

Баркаловъ.

Да только и всего, что у него можно денегъ взять.

Сарытова.

Я васъ не понимаю. Я увѣрена, что изъ его любви не выдетъ ничего серьезнаго. Лелѣ онъ, кажется, не нравится.

Баркаловъ.

И я увѣренъ, что не выдетъ ничего серьезнаго, но онъ этого не долженъ знать.

Сарытова.

Что жъ вы хотите, чтобъ я обманомъ выманила у него деньги?

Баркаловъ.

Зачѣмъ обманомъ, обманъ — слово не хорошее; а ловкостью, умомъ, — это другое дѣло. Вы только разберите...

Сарытова.

Ничего не хочу и разбирать. Я вижу, что вы совѣтуете мнѣ что-то нехорошее, а я неблагородно не поступала никогда. Если бы я надѣялась на что-нибудь серьезное, я бы могла рѣшиться, взяла. Такія обстоятельства! Но я не надѣюсь и поэтому прошу мнѣ не говорить объ этомъ.

Баркаловъ.

Носитесь вы съ своимъ благородствомъ и доноситесь до того, что эта ноша васъ придавитъ. Съ кѣмъ церемониться! Вы знаете ли, сколько вы ему должны?

Сарытова.

Четыре тысячи съ небольшимъ.

Баркаловъ.

А съ процентами будетъ и всѣхъ пять. Онъ молчитъ и не требуетъ только потому, что надѣется породниться съ вами, а какъ узнаетъ, что нѣтъ надежды, тогда распорядится по-своему. Не ждите пощады!

Сарытова.

Это ужасно, ужасно!

Баркаловъ.

Еще ужаснѣе будетъ, когда отнимутъ и продадутъ за безцѣнокъ ваше имѣніе. Много ли у васъ останется, за вычетомъ долга и разныхъ проторей и убытковъ? И придется вамъ ужъ не опекуншей быть, а идти въ приживалки, или на хлѣбы къ вашимъ сестрамъ, или къ этому бульдогу, къ вашей тетушкѣ.

Сарытова.

Да, да, ужасно, ужасно представить! И отчего онъ такъ ей и всѣмъ женщинамъ противенъ? Красивъ, богатъ...

Баркаловъ.

Ну, ужъ это не наше дѣло. Теперь-то много ли денегъ вамъ нужно?

Сарытова.

Мнѣ необходимо тысячъ около трехъ.

Баркаловъ.

Такъ я и предполагалъ, что надо будетъ просить четыре. Вамъ около трехъ, мой векселишка рублей въ шестьсотъ надо у него выкупить, а остальные мнѣ на мелкіе расходы. Да, такъ точно, четыре тысячи.

Сарытова.

Да... но какъ же? Я право не знаю.

Баркаловъ.

Вы не согласны? Хорошо! Я пойду, такъ и скажу ему. (Идетъ.)

Сарытова.

Постойте. Что же я должна дѣлать!

Баркаловъ.

Очень мало. Скажите, что вы и очень бы рады, но обстоятельства ваши и сестеръ вашихъ такъ дурны, что вы не можете объ этомъ и думать, что нужны расходы, приличіе требуетъ... ну, и прочее... Онъ сейчасъ пойметъ и предложитъ; а какъ деньги получите, тогда пускай вѣдается самъ съ Ольгой Давыдовной. Что жъ тутъ дурного? Чисто и аккуратно. Позвать?

Сарытова (закрывая лицо).

Дайте подумать!

Баркаловъ.

Подумайте, это дѣло хорошее. (Прохаживается и посвистываетъ.) Ну, довольно, я иду звать!

Сарытова.

Зовите.

Баркаловъ.

Вотъ и хорошо подумать, а то какъ, не думавши. (Уходитъ.)

Явленіе четвертое.

Сарытова, потомъ Лизгуновъ.

Сарытова.

До чего я дошла! Я падаю, падаю и не вижу дна этой пропасти! Что мнѣ дѣлать? Остается только закрыть глаза, пусть будетъ, что будетъ.

Лизгуновъ (входитъ).

Я счастливъ, что вижу васъ и могу выразить мое чувство расположенія къ вамъ!

Сарытова.

Прошу. (Садятся.)

Лизгуновъ.

Я пришелъ искать и найти въ васъ такое же расположеніе...

Сарытова.

Я всегда... что могу...

Лизгуновъ.

Буду кратокъ и откровененъ, — это лучше всего. Считаете ли вы меня достойнымъ быть вашимъ зятемъ? Я надѣюсь...

Сарытова.

Отчего же... но...

Лизгуновъ.

Но? Что значитъ это „но"? Не пугайте меня! Зачѣмъ „но"?

Сарытова.

Это касается меня, а не васъ.

Лизгуновъ.

Слава Богу, а то мнѣ показалось... я такой нервный. Что же такое?

Сарытова.

Мои обстоятельства... наши обстоятельства... приличіе требуетъ... я не могу рѣшиться, я не отказываюсь въ своемъ согласіи, но...

Лизгуновъ (смѣется).

Понимаю! Это такіе пустяки. Напрасно вы за-

трудняетесь сказать прямо. Вѣдь будемъ же свои люди. Итакъ я, имѣю ваше слово?

Сарытова.

Что касается меня, и очень рада. Это было всегда моимъ желаніемъ.

Лизгуновъ.

И прекрасно. Въ расположеніи Ольги Давыдовны я, кажется, сомнѣваться не долженъ. Гордость моя не допускаетъ этой мысли! Если человѣкъ, съ моимъ состояніемъ и съ моими достоинствами, не ищетъ приданаго — тутъ долго не думаютъ!

Сарытова.

Ужъ это ваше дѣло! Я ходатайствовать за васъ не берусь!

Лизгуновъ.

О, не безпокойтесь, я самъ... я краснорѣчивъ. Позвольте вашу ручку. (Цѣлуетъ.) Сколько же вамъ нужно денегъ?

Сарытова.

Тысячи четыре.

Лизгуновъ.

Ого! Впрочемъ, что жъ, я готовъ. Когда же вамъ нужно?

Сарытова.

Если можно, теперь.

Лизгуновъ.

Съ собой такой суммы не имѣю, но сейчасъ съѣзжу за ней, а вы приготовьте какой-нибудь незначительный документикъ, векселекъ, конечно.

Сарытова.

Вы мнѣ не вѣрите?

Лизгуновъ.

Помилуйте, вѣрю... но порядокъ такой!

Сарытова.

Нѣтъ, значитъ, вы не довѣряете мнѣ. Благодарю васъ, не нужно.

Лизгуновъ.

Прошу не горячиться! Брать документы у меня привычка, или, лучше сказать, правило въ моей жизни, отъ котораго я ужъ ни подъ какимъ видомъ не отступлю. Я рубля не дамъ безъ документа даже отцу родному. Васъ, можетъ быть, бланкъ затрудняетъ, надо въ городъ посылать? Такъ, вотъ, извольте. (Достаетъ изъ кармана и подаетъ вексельный бланкъ.) Со мной всегда есть!

Сарытова.

Вы привезите мои старые векселя, да Степана Григорьевича тоже, я за него заплачу; мы сдѣлаемъ одинъ вексель.

Лизгуновъ.

Съ удовольствіемъ. Лечу легкій, чтобы прилетѣть тяжелымъ. (Уходитъ.)

Сарытова.

Наконецъ-то! Какая пытка!

Явленіе пятое.

Сарытова, Марья, потомъ Ольга.

Марья.

Гурьевна пришла, въ дѣвичьей дожидается!

Сарытова.

Не до нея мнѣ, пусть подождетъ. Гдѣ Оленька?

Марья.

Въ гостиной сидятъ.

Сарытова.

Одна?

Марья.

Нѣтъ, съ тетенкой-съ.

Сарытова.

Такъ попроси ее сюда ко мнѣ. (Марья уходитъ.) Развѣ я могу, развѣ я посмѣю требовать отъ нея такой жертвы? А что если она согласится? Вѣдь я погублю ее на всю жизнь. Я должна беречь ее, а не губить, вѣдь она мнѣ сестра, крестница, почти что дочь. Господи! Да что же я все твержу себѣ: „я должна, должна!“ А въ душѣ-то нѣтъ ни любви къ сестрамъ, ни чувства долга, ни сознанья своихъ обязанностей, а только страхъ передъ бѣдой и чувство самосохраненія. За что бы ни ухватиться, только бы удержаться... хоть ужъ не спастись, хоть только отсрочить свою погибель!

Ольга (входитъ).

Мама, что тебѣ?

Сарытова (съ дрожью въ голосѣ).

Оля, спаси меня!

Ольга.

Я рада, да какъ? Скажи!

Сарытова.

Оля, за тебя сватается Лизгуновъ.

Ольга (съ испугомъ).

Ахъ, что ты! Нѣтъ, нѣтъ!

Сарытова.

Одно средство... послѣднее... я гибну...

Ольга.

Нѣтъ, нѣтъ! Мама, не требуй отъ меня жертвы,

я молода... я хочу жить... я люблю... у меня есть женихъ.

Сарытова.

Какъ? Ты любишь, и я ничего не знаю... я отъ тебя не ожидала...

Ольга.

Не говори, не говори! Ты не имѣешь права судить меня!

Сарытова.

Ты меня убиваешь!

Ольга.

Я уйду... ты меня мучишь... за что? Что я тебѣ сдѣлала? О чемъ ты просишь, подумай! Тебѣ нужны деньги, такъ вѣдь?

Сарытова (со слезами).

Да, Оля... крайностъ...

Ольга.

Какой же цѣной ты хочешь добыть эти деньги? Ты хочешь отнять у меня счастье, загубить всю жизнь мою, что бъ добыть себѣ денегъ! Да вѣдь я тебѣ сестра, я дочь твоя... вѣдь ты насъ ростила, воспитывала, ты желала намъ добра... ты забыла, ты все забыла... Нѣтъ, мама, ты думай, думай! Ты растерялась совсѣмъ!

Сарытова.

Ахъ, прости меня! Да... я слабая женщина... Оля... Олинька...

Ольга.

Что, мама?

Сарытова.

Ты хоть не совсѣмъ отказывай-то ему, не вдругъ. Скажи, что ты подумаешь, чтобъ онъ подождалъ.

Ольга.

Нѣтъ, лгать не стану. Да ты не безпокойся, мама! Ты ужъ очень разстроена, тебѣ все въ черномъ цвѣтѣ представляется. Будь увѣрена, что я сдѣлаю все, что могу, чтобы помочь тебѣ. Ты успокойся, успокойся, все будетъ хорошо. Пойдемъ, я провожу тебя. (Уходятъ въ домъ.)

Явленіе шестое.

Гурьевна (входитъ въ калитку; потомъ) **Митрофанъ.**

Гурьевна.

Сказала, что барыня въ саду, а ея и нѣтъ. Что она, какъ молодой мѣсяцъ, покажется, да и спрячется! Подожду. Какъ бы только на этого побѣдителя не налетѣть! (Митрофанъ идетъ изъ флигеля къ калиткѣ.) Митроша!

Митрофанъ (оглядываясь).

А?

Гурьевна.

Что ты, какъ галка, ротъ-то разинулъ! Поди сюда!

Митрофанъ.

Почто? (Подходитъ.)

Гурьевна.

Ишь ты, какой взъерошенный, точно шавка!

Митрофанъ.

Такъ что? Кому нужно!

Гурьевна.

Молчи ты, безтолковый! Здѣсь барышни ходятъ!

Митрофанъ.

Ну, и пущай! Я сторонкой, меня не увидятъ!

Гурьевна.

А зачѣмъ сторонкой? Что ты, воръ, что ли, укралъ что? Отъ кого тебѣ прятаться? Ходи прямо, ходи браво! Развѣ ты свою планиду знаешь? А можетъ быть...

Митрофанъ.

Ужъ это ты грезишь! Не такъ я стачанъ, фасонъ не тотъ.

Гурьевна.

Какой еще фасонъ нашелъ?

Митрофанъ.

Фасонъ а ла мужикъ. Отъ нихъ мы кормимся, съ ними намъ и жить.

Гурьевна.

Ну, не скажи: на грѣхъ-то мастера нѣтъ! (Достаетъ изъ мѣшка банку, мѣшокъ кладетъ на землю и засучаетъ рукава.)

Митрофанъ.

Ты это что? Кого мыть собираешься?

Гурьевна.

Помадить тебя хочу. (Помадитъ.) Вонъ она опять всѣ деньги растранжирила... Не вертись! Опять за Гурьевну. Ну я сказала, что Фарафонтова деньги, а свои даю, да по три процентика въ мѣсяцъ, да брилліанты подъ залогъ... Не вертись!

Митрофанъ.

А какъ это хорошо, когда богатый человѣкъ проматываться задумаетъ. Тутъ ужъ только карманъ подставляй.

Гурьевна.

Говорятъ тебѣ не вертись! (Легкая пощечина.)

Митрофанъ.

Ты что дерешься! Такъ вотъ на же! (Ерошитъ волосы.) Такъ и буду ходить. (Отходитъ.)

Гурьевна.

Ну, Митроша, ну, поди сюда, причешу. (Тотъ подходитъ, она причесываетъ.) Вотъ такъ-то помѣщичье добро и попадетъ въ наши руки.

Митрофанъ.

А кто жъ виноватъ? Что жъ намъ, жалѣть ихъ, что ли?

Гурьевна.

Зачѣмъ жалѣть; я къ слову говорю. Вотъ ужъ ты хуторокъ купилъ, а тамъ и имѣніе купишь, а потомъ можно и за барышню посвататься.

Митрофанъ.

Только не очень высокаго полета! А я вчера три цѣлковыхъ выигралъ.

Гурьевна.

Въ карты? Да я тебя убью!

Митрофанъ.

Нѣтъ, на гитарѣ. Заставляютъ пьяные ночью пѣсни играть. Коли дадите, говорю, по гривеннику за пѣсню, такъ стану играть, а то спать пойду. Дали. Я имъ на три цѣлковыхъ и наигралъ!

Гурьевна.

Вотъ и молодецъ, деньги-то годятся, а выспаться-то и днемъ можно. Ты куда идешь?

Митрофанъ.

Къ писарю; нужно на мужиковъ условіе писать. (Уходитъ въ калитку).

Явленіе седьмое.

Гурьевна и Баркаловъ (выходитъ изъ флигеля, нѣсколько румянѣй обыкновеннаго).

Баркаловъ.

А! Это вы?

Гурьевна.

Я-съ.

Баркаловъ.

Зачѣмъ пожаловали?

Гурьевна.

Насчетъ дѣловъ-съ.

Баркаловъ.

Къ кому же это?

Гурьевна.

Конечно, не къ вамъ, а къ благодѣтельницѣ своей.

Баркаловъ.

А я полагаю, что къ пріѣзжимъ на бѣдность попросить. Вонъ мѣшокъ-то какой принесла!

Гурьевна.

Это вы совсѣмъ напрасно.

Баркаловъ.

Не ходи къ пріѣзжимъ господамъ, не совѣтую, по дружбѣ не совѣтую. Онъ индюкъ, а она рычитъ, какъ бульдогъ, куритъ трубку, какъ фельдфебель, очки вотъ какіе, чубукъ вотъ какой!

Гурьевна.

Да мнѣ все равно, какіе бъ ни были.

Баркаловъ.

Ну, нѣтъ, не все равно. Попробуй-ка ей не понравиться, она сейчасъ чубукъ-то и приложитъ. Она

говоритъ, что отъ зубовъ куритъ, ты ей не вѣрь. Она для того и куритъ, что бъ, на всякій случай, чубукъ подъ руками былъ: какъ что не по ней, она и приласкаетъ.

Гурьевна.

Да какое мнѣ дѣло! Я не къ нимъ, я къ Серафимѣ Давыдовнѣ.

Баркаловъ.

Къ Серафимѣ Давыдовнѣ не пущу. Поворачивай оглобли назадъ!

Гурьевна.

Да какъ же это возможно, бывши въ усадьбѣ, да не показаться. У меня дѣло до нихъ, за мной присылали.

Баркаловъ.

Никакихъ дѣлъ не нужно; маршъ обратно; тѣмъ же трактомъ на старое мѣсто, откуда пришла!

Гурьевна.

Что вы, Степанъ Григорьевичъ, проходу мнѣ не даете, завсегда обижаете.

Баркаловъ.

Полно казанской-то сиротой притворяться.

Гурьевна.

Что я бѣдная, такъ и нападаете! Это вамъ должно быть совѣстно!

Баркаловъ.

Ну да какъ же, конечно, совѣстно, очень совѣстно. А знаете, какая мнѣ счастливая мысль въ голову пришла?

Гурьевна.

Почемъ же я могу чужія мысли знать.

Баркаловъ.

Я васъ какъ-нибудь собаками затравлю.

Гурьевна.

За это отвѣтите, нынче на всѣхъ законъ есть.

Баркаловъ.

Это вы совершенно справедливо изволите говорить. (Смотритъ на нее.) Позвольте васъ поцѣловать.

Гурьевна.

Всякія я отъ васъ обиды видѣла, Степанъ Григорьевичъ, а ужъ такой не ожидала. Даже неблагородно.

Баркаловъ.

Да развѣ я обижаю? Полно притворяться-то. Васъ хочетъ поцѣловать молодой человѣкъ пріятной наружности. Признайтесь, вѣдь вы давно не испытывали такого удовольствія?

Гурьевна.

Тьфу! Тьфу! Прости Господи мои прегрѣшенія. Ахъ, что вы, что вы? Можно ли такія слова дѣвицѣ говорить?

Баркаловъ.

А что жъ такое! Вѣдь я съ благороднымъ намѣреніемъ! Много ль у тебя денегъ припрятано? Откровенно скажи, не скрывай.

Гурьевна.

Какія у меня деньги! Изъ-за хлѣба на квасъ перебиваешься.

Баркаловъ.

Когда у васъ будетъ пятьдесятъ тысячъ, я вашъ женихъ, а пока приди въ мои объятія! (Хочетъ ее обнять.)

Гурьевна.

Что вы, что вы, я закричу. Я сама благородная, у меня папенька былъ чиновникъ.

Баркаловъ.

Да вѣдь я женихъ. Развѣ я не имѣю права сказать тебѣ: милая, очаровательная Гурьевна, и задушить въ своихъ объятіяхъ...

Явленіе восьмое.

Тѣ же, Бондыревъ, потомъ Бондырева.

Бондыревъ (входитъ).

Молодой человѣкъ, что это вы на старушку-то польстились?

Баркаловъ.

Вы насъ не судите, мы старинные пріятели.

Гурьевна.

Господи помилуй! Да что онъ это такое?

Баркаловъ.

Я ее люблю за остроуміе. Вы ее послушали бы сейчасъ, она цѣлый уѣздъ перебрала. Васъ назвала индюкомъ; жену вашу — бульдогомъ и фельдфебелемъ.

Гурьевна.

Я? Да это вы назвали. Что это вы съ больной головы да на здоровую?

Баркаловъ.

Видите, вертится? У-у! Язычница! Вы ее также хорошенько, она въ наши мѣста вмѣсто сибирской язвы послана. (Уходитъ.)

Гурьевна.

Милостивый государь, вы ему не вѣрьте! Провалиться въ преисподнюю, никакъ васъ не называла.

Конечно, мнѣ вѣры нѣтъ, и человѣкъ бѣдный. (Плачетъ въ голосѣ.) А съ нимъ безъ вины виноватъ будешь!

Бондырева (входитъ).

Съ кѣмъ ты тутъ?

Бондыревъ.

Ты послушай, что тутъ за исторія! Вотъ потѣха-то!

Гурьевна.

Матушка, не называла! О-охъ! Не называла. Подъ очистительную пойду!

Бондырева.

Кого? какъ называла?

Бондыревъ.

Управляющій сказалъ, что она меня назвала индюкомъ, а тебя бульдогомъ и фельдфебелемъ. (Хохочетъ.)

Бондырева.

Что ты зубы скалишь! Постыдись хоть немножко! Передаешь ты всякую гадость, очень нужно мнѣ слушать. (Гурьевнѣ.) Убирайся ты съ своимъ управляющимъ! На кой шутъ вы оба-то здѣсь? Буду я разбирать васъ, какъ же! Убирайся! (Гурьевна уходитъ.) А и ты хорошъ! Ввязываешься во всякія дрязги! Тебѣ нужно? Башка вся лысая, а ума не нажилъ. Ну, скажи ты, пристало ли тебѣ съ ними связываться? Подумай ты хоть разъ въ жизни, бочка сороковая!

Бондыревъ.

Чего тутъ думать? Если говорятъ, такъ какъ же! Уши заткнуть, что ли?

Бондырева (перебиваетъ).

Съ тобой говорить, что мякину сѣять. (Уходитъ.)

Бондыревъ (одинъ).

Ишь ты расходилась; должно быть прозваніе-то въ самый разъ попало. Меня и самого смѣхъ разбираетъ! (Хохочетъ.) Выдумалъ же, каторжный!

Явленіе девятое.

Бондыревъ и Баркаловъ.

Баркаловъ.

Ну, что, призналась? Я вамъ сказалъ, что язва. Помилуйте, чѣмъ вы индюкъ!

Бондыревъ.

Ну, на старуху-то не напрасно ли? Не сами ли вы? А это нехорошо!

Баркаловъ.

Вы думаете, что я — и что это нехорошо? Значитъ, вы находите, что я оскорбилъ васъ!

Бондыревъ.

Да, если это вы!

Баркаловъ.

Ну, я!

Бондыревъ.

Вы? (Про себя.) Вотъ те разъ, какъ же теперь быть? (Вслухъ.) Это, милостивый государь, весьма неблагородно! Ишь ты какой! Это вамъ не пройдетъ даромъ!

Баркаловъ.

А что мнѣ будетъ? Интересно знать. Можетъ быть, вы меня на дуэль вызовете?

Бондыревъ.

На дуэль! Вона! Экъ куда махнулъ! Да съ чего вы выдумали?

Баркаловъ.

Да вѣдь вы мнѣ угрожаете? Чѣмъ же, позвольте спросить?

Бондыревъ.

Развѣ дуэлью? И безъ дуэли вамъ хвостъ-то прижмутъ за безобразіе въ этомъ домѣ.

Баркаловъ.

Я не индюкъ, хвоста у меня нѣтъ, значитъ и прижимать нечего; а безобразіе въ домѣ дѣлаю не я, а ваша супруга. (Подвигается.)

Бондыревъ.

Вы не извольте, однако, на меня такъ наступать!

Баркаловъ (идетъ еще ближе).

Нѣтъ, я васъ словами покорнѣйше прошу!

Бондыревъ.

Позвольте, позвольте, чего вы лѣзете? (Отступаетъ.)

Баркаловъ.

Будто, я лѣзу? Я не лѣзу, а только покорнѣйше прошу. (Наступаетъ. Бондыревъ скрывается въ дверь.) Высадилъ, а старуху еще чище высажу. Вы у меня сегодня же уберетесь!

(Бондырева быстро входитъ съ чубукомъ въ рукѣ.)

Явленіе десятое.

Баркаловъ, Бондырева, потомъ Бондыревъ.

Бондырева.

Это что такое? Что вы въ кабакѣ, что ли? Думаете, на васъ управы нѣтъ?

Баркаловъ.

Пощадите. За что? Не пугайте! Я человѣкъ нервный, робкій.

Бондырева.

Нѣтъ, вы не робкій, а безстыдный человѣкъ!

Баркаловъ.

Ну, хорошо, такъ и запишемъ. Что далѣе?

Бондырева.

Оборванца взяли изъ милости.

Баркаловъ (дерзко).

Какъ? Кто меня взялъ изъ милости? Вы, что ли? Какъ вы смѣете мнѣ это говорить? (Подходитъ.)

Бондырева.

Только шагъ еще! Я не Семенъ Гаврилычъ, я, коли на то пошло, для васъ и чубука своего не пожалѣю!

Баркаловъ.

Вы думаете, что если хозяйка деликатна, такъ вы и можете, какъ одичалая корова, ревѣть на всѣхъ въ этомъ домѣ!

Бондырева.

Ахъ, негодный?

Баркаловъ.

Ну, еще что?

Бондыревъ (въ дверяхъ).

Да брось ты его! (Она поворачивается, чтобы уйти.)

Баркаловъ.

Позвольте! (Бондырева останавливается.) Вы или отправляйтесь, или сидите въ домѣ смирно, — я въ усадьбѣ шумѣть не позволю!

Бондырева.

Ахъ, пропадай ты тутъ пропадомъ! Оставаться больше нельзя, Семенъ Гаврилычъ. (Уходитъ съ мужемъ.)

Баркаловъ.

Фу! Работа, кажется, нетрудная, а какъ усталъ. Теперь надо похлопотать, чтобъ Лизгуновъ какъ-нибудь не встрѣтился съ Ольгой Давыдовной. Прежде съ него денегъ возьмемъ, а тамъ пусть, какъ хотятъ, разговариваютъ. Хоть придется и уйти отсюда, все-таки не съ пустыми руками.

Явленіе одиннадцатое.

Баркаловъ и Ольга.

Ольга.

Позвольте мнѣ съ вами поговорить.

Баркаловъ.

Съ большимъ удовольствіемъ. Что вамъ угодно?

Ольга.

Вы оскорбили нашихъ родныхъ.

Баркаловъ.

Не будемъ говорить объ этомъ. Ваши родные сами виноваты, а съ вами я не имѣю ни малѣйшаго желанія ссориться, съ вами я желалъ бы мира и согласія.

Ольга.

Невозможно, Степанъ Григорьевичъ; вы выгоняете изъ нашего дома родныхъ, компрометируете наше семейство.

Баркаловъ.

Какой толкъ отъ этихъ разговоровъ? Вы будете доказывать, что я поступаю нехорошо, а я буду говорить, что меня вынудили на это.

Ольга.

Я не буду касаться того, правы ли вы, или не правы; я вамъ скажу только, что мы не желаемъ,

чтобъ вы управляли нашимъ имѣніемъ. Мы убѣдительно просимъ васъ отказаться отъ этой должности.

Баркаловъ.

Очень жалѣю, что не могу исполнить вашей убѣдительной просьбы. Вы не желаете, чтобъ я былъ управляющимъ, а Серафима Давыдовна желаетъ; чье же желаніе я исполнять долженъ?

Ольга.

Но вѣдь она только опекунша, а хозяйки мы: я и Настя. Поймите, что нельзя же служить управляющимъ, или чѣмъ бы то ни было противъ воли хозяевъ. Если бы мы не побоялись огласки, мы бы удалили васъ не обращаясь къ вамъ съ просьбой.

Баркаловъ.

Такъ и дѣйствуйте! Желаю вамъ успѣха.

Ольга.

Вамъ все равно?

Баркаловъ.

О, рѣшительно!

Ольга.

Сердце найти въ васъ я не надѣялась, къ нему и не обращаюсь: я разсчитывала на ваше самолюбіе.

Баркаловъ.

Самолюбія довольно, не безпокойтесь! На ногу себѣ наступить не позволю!

Ольга.

Въ васъ не самолюбіе, а дерзость!

Баркаловъ.

Барышня, потише!

Ольга.

Смѣлость и дерзость тоже хорошія качества въ

глазахъ нѣкоторыхъ людей. Одну старуху уже свели съ ума, теперь другая сходитъ.

Баркаловъ (про себя).

Это еще что за извѣстіе!

Ольга.

Желаю вамъ успѣха на этомъ пути!

Баркаловъ.

Благодарю. Извините, и жду гостя.

Ольга.

Я васъ не удерживаю; я все сказала, что мнѣ надо было.

Баркаловъ (уходя).

Про какую еще старуху она говоритъ? (Уходитъ.)

Явленіе двѣнадцатое.

Ольга, Бондыревы и Настя (входитъ), **Марья** (у двери).

Бондырева.

Мы сейчасъ ѣдемъ. Ну, старикъ, сбирайся!

Бондыревъ.

Да что мнѣ сбираться, я готовъ; везите, куда хотите. Перевозите меня съ мѣста на мѣсто, — я багажъ; запакуютъ, налѣпятъ ярлыкъ, уложатъ — и отправляйся по назначенію.

Бондырева.

Ну, милыя мои, мы отсюда къ предводителю. Думала я уладить дѣло мирно, по родственному, — не удалось, не захотѣла она родныхъ слушать, такъ давай отвѣтъ чужому. Съ опекунства ее долой и надъ ея имѣніемъ опеку назначить; она расточительница, — это всѣму свѣту извѣстно.

Настя.

Да, тетя, расточительница, расточительница!

Бондырева.

Она со вчерашняго дня сидитъ въ спальнѣ запершись, а мы — ходи по комнатамъ, да углы считай! Сбирайтесь!

Настя.

Я, тетя, сейчасъ! (Убѣгаетъ.)

Бондырева (Ольгѣ).

А ты что жъ?

Ольга.

Я не поѣду.

Бондырева.

Что ты, что ты, зачѣмъ ты останешься въ этомъ омутѣ?

Ольга.

Моя сестра, моя вторая мать гибнетъ, и мой долгъ — оставаться при ней!

Бондырева.

Я знаю, что она задолжала еще немного, тысячъ десяти не наберется, я бы и заплатила, да что толку! Сегодня заплати, а она завтра опять задолжаетъ. Вотъ отчего она гибнетъ-то и спасти ее нельзя!

Ольга.

Можно, да вы не хотите.

Бондырева.

Мало ль ты что еще выдумаешь, такъ мнѣ по твоей дудочкѣ и плясать?

Ольга.

Такъ поѣзжайте, у меня есть средство спасти ее! (Утираетъ слезы.)

Бондырева (съ участіемъ).

Какое, какое!

Ольга.

Лизгуновъ проситъ руки моей.

Бондыревъ (машетъ руками).

Что ты, Господь съ тобой!

Бондырева.

Не допущу, не допущу!

Ольга.

Онъ скоро пріѣдетъ, я должна дать рѣшительный отвѣтъ.

Бондырева.

Изъ-за нея да себя губить!

Ольга (съ чувствомъ).

Такъ спасите насъ обѣихъ, сдѣлайте то, что я васъ просила!

Бондырева.

Охъ, тяжело, Оля, охъ, трудно, на старости-то! Ну, да ужъ что съ тобой дѣлать, — изволь! (Обнимаетъ Ольгу.)

Настя (входитъ).

Я готова. Ѣдемте!

Бондырева.

Не торопись, поспѣемъ!

Бондыревъ.

Перевозка меня, по непредвиденнымъ причинамъ, отлагается.

Настя.

Какъ, что такое? Вы ужъ всѣ противъ меня, и дядя, и тетя? Ну, Богъ съ вами! (Плачетъ). Я одна къ предводителю поѣду! Прощайте!

Ольга.

Настя, вѣдь я просила тебя подождать.

Настя.

Ты просила подождать до нынѣшняго дня, я и ждала!

Ольга (обнимая Настю.)

День-то еще не прошелъ!

(Бондыревы окружаютъ Настю).

Бондырева.

Погоди, егоза, день-то еще не прошелъ!

Бондыревъ.

Погоди, куцая, не прошелъ еще день-то!

(Настя закусываетъ губу, топаетъ ногой и задумывается.)

Занавѣсъ.

Дѣйствіе четвертое.

Дѣйствующія лица:

Сарытова.	Баркаловъ.
Ольга.	Лизгуновъ.
Настя.	Гурьевна.
Бондыревъ.	Митрофанъ.
Бондырева.	Марья.

Декораціи 1-го дѣйствія.

Явленіе первое.

Гурьевна (выходитъ изъ калитки съ небольшой корзинкой въ рукахъ. Потомъ) — Митрофанъ.

Гурьевна.

Вотъ и крадешься, какъ воръ. Не знаешь, за что ухватиться, къ кому поддѣлываться, кому потрафлять-то! Кабы знать, кто здѣсь утвердится, ужъ я бы какъ-нибудь подладилась. А, кажется, этому соловью разбойнику не сдобровать. Да ужъ и будетъ, пора честь знать; награбилъ, и довольно, дай мѣсто и другимъ. Вотъ бы Митрошу устроить на это мѣсто! Куда хорошо! (Изъ флигеля идетъ Митрофанъ.) Митроша, Митроша!

Митрофанъ (подходитъ).

А?

Гурьевна.

Говорила тебѣ, не каркай, будь поучтивѣе, говори: чего изволите-съ?

Митрофанъ.

Ну, ладно, ладно!

Гурьевна.

Вотъ тебѣ корзинка, ступай въ рощу за грибами.

Митрофанъ.

Вотъ нужно очень! Какой мнѣ разсчетъ? Я вчера полтора пуда купилъ за безцѣнокъ, по 30-ти коп. на фунтъ наживу; вотъ ты и считай!

Гурьевна.

Да глупый, не въ разсчетѣ дѣло. Ты покупать-то покупай, что подъ руками плыветъ, того пропускать не надобно, — а и впередъ-то гляди!

Митрофанъ.

А что тамъ впереди-то?

Гурьевна.

Барышня въ рощу пошла; постарайся познакомиться, да понравиться!

Митрофанъ.

Все это журавли въ небѣ, ихъ руками не достанешь.

Гурьевна.

Съ умомъ все достанешь. Ты слушай: я таки пробралась въ спальню къ Серафимѣ Давыдовнѣ. Ты, говоритъ, мнѣ, Гурьевна, нужна будешь. Ты меня не оставляй. Что, говоритъ, дѣлать, хоть и обидятъ, ужъ какъ-нибудь перенеси. Да я, говорю, матушка, за васъ рада побои принять. Я ей денегъ-то задамъ, да заберу въ руки, тогда ты можешь здѣсь управляющимъ быть. А тамъ, по времени, чѣмъ чортъ не шутитъ, можно и за барышню посвататься. Понялъ ты?

Митрофанъ.

Какъ не понять. Да на счетъ опойка-то я сомнѣваюсь.

Гурьевна.

Какого опойка?

Митрофанъ.

А физіономіи-то?

Гурьевна.

Полюбится и сатана лучше яснаго сокола. Ты

не изъ красавцевъ, да и не пугало воронье. Возьми корзинку-то, повѣсь на руку! Да ты ходи по благородному, вотъ такъ! (Идетъ, покачиваясь и поднявъ голову кверху.)

Митрофанъ.

По верхамъ-то грибовъ не ищутъ, они по землѣ растутъ, да еще на сучекъ наткнешься, глазъ выколешь!

Гурьевна.

Тебѣ грибы, что ль нужны, — корысть-то въ нихъ не велика; ловкость, да благородныя манеры, — вотъ что тебѣ нужно. Ну, ступай! И я тоже пойду, издали на тебя смотрѣть буду. (Уходятъ.)

Явленіе второе.

Бондырева, Ольга (выходятъ изъ дому), **Марья** (въ дверяхъ).

Ольга.

Я нарочно Настю съ дѣвушками за грибами отправила, чтобъ она не мѣшала тутъ.

Бондырева.

А лошадей я все-таки откладывать не велѣла, мало я на твои хитрости надѣюсь.

Ольга.

А вотъ увидимъ, отчаяваться никогда не нужно. Конечно, я еще молода, мало знаю людей, а говорятъ, что всякаго человѣка можно на какую-нибудь удочку поймать.

Бондырева.

Машутка, позови управляющаго.

(Марья уходитъ во флигель.)

Ольга.

Я подожду въ залѣ, чѣмъ кончатся ваши пере-

говоры. Тогда ужъ я буду знать, какъ съ Лизгуновымъ разговаривать, онъ, того гляди, и пріѣдетъ.

(Уходитъ въ домъ. Изъ флигеля выходятъ: Баркаловъ и Марья. Марья проходитъ въ домъ.)

Явленіе третье.

Баркаловъ и Бондырева.

Баркаловъ.

Вы меня звали? Что вамъ угодно?

Бондырева.

Прежде всего, что бы вы сѣли здѣсь.

Баркаловъ.

О! Это что-то новенькое!

Бондырева.

Что жъ съ вами подѣлаешь, когда вы больно ершисты? Надо по-другому начать.

Баркаловъ.

Напрасно будете трудиться, я знаю, что вы хотите!

Бондырева.

Едва ли знаете вы, чего вы сами-то хотите.

Баркаловъ.

Расчудесно! У васъ не спрошу!

Бондырева.

А лучше бы спросить. Потому что вы петлю надѣли и себѣ, и ей. Долго не надышите.

Баркаловъ.

Это до васъ не касается. Что вамъ угодно? Въ участіи вашемъ я не нуждаюсь.

Бондырева.

Да его и нѣтъ! Что вы мнѣ? Я хотѣла выпроводить васъ, потому что вы тутъ не къ мѣсту. Понимайте, какъ знаете. И выпроводила бы, да обижать васъ мнѣ не разсчетъ. Ну, и нашла я нужнымъ посбавить тону и поговорить съ вами откровенно.

Баркаловъ.

Это любопытно. Должно быть, хороша откровенность будетъ. Денегъ хотите дать? Навѣрное денегъ?

Бондырева.

Вотъ и ошиблись. Я знаю, что денегъ вы отъ меня не возьмете. Я васъ хорошо поняла. Вы сколько денегъ-то черезъ руки пропустили, а вѣдь, небось, въ карманѣ вѣтеръ свиститъ, все разбросано и ничего не припрятано. Вотъ вы какой!

Баркаловъ.

Ну, я такой. Ну, что жъ дальше? Развѣ вы обо мнѣ добраго мнѣнія? Не вѣрю. Все-таки и вамъ противенъ и вы меня или ненавидите, или презираете.

Бондырева.

Нисколько. За что? Что вы безобразничали? Эва! Посердилась, правда, а какъ подумала, такъ даже одобрила васъ. Всякій свою шкуру бережетъ. Мы на васъ; вы на насъ. И дошли мы до того, что всѣмъ намъ можетъ быть скверно. Неужели это вамъ любо?

Баркаловъ.

А зачѣмъ меня трогаете? Я и теперь думаю что не лучше ли намъ разойтись по добру, по здо рову, а то опять договоримся до войны. У васъ горло, ой-ой, да и я не отстану, — вотъ и Мамаево побоище!

Бондырева.

Нѣтъ, мы теперь будемъ тихимъ манеромъ. Довольно! Полюбовную сдѣлку сдѣлаемъ!

Баркаловъ.

Какую же вамъ угодно сдѣлку мнѣ предложить?

Бондырева.

Да самую простую: хотите вы идти ко мнѣ въ управляющіе?

Баркаловъ.

Какъ? Къ вамъ? (Хохочетъ.) Вотъ одолжили! (Хохочетъ.)

Бондырева.

Что вы горло-то дерете? И ничего-таки тутъ смѣшного нѣтъ. Да, ко мнѣ!

Баркаловъ (хохочетъ).

Лопну!

Бондырева.

Подожду и посмотрю!

Баркаловъ.

Фу! Ну такъ какъ же, въ управляющіе?

Бондырева.

Я говорю серьезно.

Баркаловъ.

Не вѣрю.

Бондырева.

Напрасно. Надо вѣрить и соглашаться поскорѣй, пока предлагаютъ.

Баркаловъ.

Подумайте! Что вы! Не вы ли говорили, что я дрянь и ничего не понимаю въ хозяйствѣ, а теперь зовете къ себѣ. Какъ же это согласовать?

Бондырева.

Я и теперь говорю, что вы ничего не понимаете; а будете жить у насъ въ домѣ, волюшки такой вамъ не будетъ, станете дѣлать то, что я скажу и человѣкомъ будете. Разсчитывайте: у меня въ имѣніи 5,000 десятинъ, а тутъ полторы тысячи; у меня хлѣбъ родится самъ двѣнадцать, а тутъ — самъ другъ; у меня тысяча рублей жалованья, а тутъ съ сумочкой, да съ Богомъ по морозцу.

Баркаловъ.

Гм! Странное предложеніе! Оно бы ничего, мнѣ все равно, но я вамъ не вѣрю.

Бондырева.

Зачѣмъ вѣрить? Мы контрактъ сдѣлаемъ, задатку дадимъ хоть сейчасъ, вотъ и дѣло въ шляпѣ. Да, вы меня еще не знаете. Если вы мнѣ по нраву пришлись, да будете угождать, да буду я вами довольна... (смотритъ на него) вотъ такъ и вамъ хорошо будетъ.

Баркаловъ

(смотритъ на нее пристально).

Гм!.. Хорошо будетъ? Подумаемъ...

Бондырева.

Подумать? Это на что лучше. Я къ вамъ Семенъ Гаврилыча пришлю, вы пока раскиньте умомъ. Да что тутъ? Какъ и вижу... Эхъ вы, перецъ! Подумайте, подумайте, подите!

Баркаловъ (въ раздумьи).

Я вамъ скоро дамъ отвѣтъ. Мнѣ прежде нужно видѣться съ однимъ господиномъ, съ которымъ у меня есть серьезныя дѣла. Я его жду, онъ скоро пріѣдетъ. (Уходитъ.)

Явленіе четвертое.

Бондырева и Ольга.

Ольга (входитъ).

Ну, тетя, какъ дѣла у васъ?

Бондырева.

Колеблется.

Ольга.

Хорошо, что не отказался сразу.

Бондырева.

Прежде чѣмъ дать отвѣтъ, онъ хочетъ повидаться съ какимъ-то господиномъ, съ которымъ у него дѣла.

Ольга.

Я догадываюсь, онъ хочетъ повидаться съ Лизгуновымъ и попробовать, нельзя ли занять у него побольше денегъ. Тогда онъ, конечно, откажется. Вотъ отчего онъ и колеблется.

Бондырева.

А вѣдь займутъ, пожалуй, и все это на нашу шею.

Ольга.

Да, займутъ много, за большіе проценты и...

Бондырева.

И деньги размотаютъ.

Ольга.

А мы примемъ мѣры. Я постараюсь прежде ихъ поговорить съ Лизгуновымъ, тогда ужъ они не займутъ, и онъ колебаться перестанетъ. Тетя, навязала я вамъ управляющаго, что-то вы съ нимъ будете дѣлать?

Бондырева.

А что жъ? Ничего. Дадимъ ему въ задатокъ

побольше денегъ и пусть живетъ да учится. Дѣла ему будетъ довольно: жатва, а потомъ молотьба. Пусть мѣшки считаетъ, да въ амбары ссыпаетъ. А задуритъ, такъ прогонимъ. Только и убытокъ, что задатокъ пропадетъ, — такъ это еще бѣда не велика: здѣсь-то его оставлять, такъ дороже обойдется. А можетъ, и за дѣло возьмется, можетъ, и человѣкомъ будетъ. Еще молодъ, жаль его. Конечно, изъ десяти такихъ шалопаевъ только развѣ одинъ поправляется, да, можетъ быть, это одинъ-то онъ и есть. А не захочетъ по честной дорожкѣ идти, такъ чорту баранъ, — такъ турну его, что и своихъ не узнаетъ. Дамъ изъ милости пятьдесятъ рублей на дорожку, цѣлуй ручку и убирайся!

Ольга.

Тетя, кто-то подъѣхалъ... Это Лизгуновъ. Вотъ хорошо; я его сейчасъ и встрѣчу.

Бондырева.

Ну, я уйду. (Уходитъ.)

Явленіе пятое.

Ольга и Лизгуновъ.

Лизгуновъ (позируя).

Какая пріятная встрѣча! Это вы? Мое почтеніе!

Ольга

Здравствуйте!

Лизгуновъ.

Очень радъ, что вижу васъ, я такъ желалъ этого. (Ольга молчитъ.) Позвольте мнѣ вамъ такъ же откровенно высказать, какъ и вашей сестрицѣ...

Ольга.

Что же такое?

Лизгуновъ (восторженно).

Я... люблю васъ.

Ольга.

Вы? Вотъ не ожидала!

Лизгуновъ.

Не ожидали? Я этому не удивляюсь. Ухаживать я предоставляю другимъ, но если я имѣю намѣреніе, благородное намѣреніе, то и прямо... вы понимаете?

Ольга.

Нѣтъ.

Лизгуновъ.

Нѣтъ? Гм! Я прошу вашей руки. Сегодня и имѣлъ удовольствіе говорить съ вашей сестрицей и она согласна.

Ольга.

Это мнѣ все равно. Я не согласна и прошу прекратить этотъ разговоръ.

Лизгуновъ.

Вамъ даже непріятно мое предложеніе?

Ольга.

Да, непріятно, потому что вы мнѣ — не нравитесь.

Лизгуновъ (въ изумленіи).

Это удивительно! Не нравлюсь. Помилуйте! Да мнѣ только стоитъ посвататься, и за меня съ радостію пойдетъ губернаторская дочка. Я слишкомъ разборчивъ, я многихъ не удостаиваю своимъ расположеніемъ; за мной гоняются невѣсты, а не я за ними. Употребляютъ разныя ухищренія, ставятъ мнѣ ловушки, и, кромѣ того, сколько я вижу ухищреній...

Ольга (перебивая).

Извините, все это не интересно для меня. Вы слишкомъ самонадѣянны.

Лизгуновъ.

Помилуйте, я еще никогда такъ не робѣлъ, какъ съ вами.

Ольга.

Хороша робость! Вы не дали себѣ труда узнать меня и даже полюбопытствовать, какъ я смотрю на людей, что желаю найти въ своемъ мужѣ. Вы удостоили меня вашего расположенія, пожелали жениться и для васъ довольно: это мѣщанскій обычай.

Лизгуновъ.

Извините, я не зналъ васъ. Вы мнѣ позвольте надѣяться, когда узнаете лучше...

Ольга.

Да ни теперь, ни послѣ, никогда!

Лизгуновъ.

А! Вотъ какъ! Интересно! Право, интересно! Въ такомъ случаѣ, извините... посмотримъ.

Ольга.

Вы, кажется, угрожаете кому-то?

Лизгуновъ.

Да-а! Они узнаютъ!

Ольга (смѣется).

Кто же?

Лизгуновъ.

Они должны были знать ваше мнѣніе обо мнѣ.

Ольга.

Конечно, я его не скрывала.

Лизгуновъ.

Но они меня обманули; они мнѣ говорили, что вы меня...

Ольга.

Что?

Лизгуновъ.

Хвалите. (Ольга смѣется.) Судя по ихъ словамъ, я не могъ сомнѣваться въ вашемъ согласіи.

Ольга.

Какъ вы просты, какъ легко обмануть васъ...

Лизгуновъ.

О, нѣтъ, я не простъ. Они воспользовались тѣмъ, что я влюбленъ; влюбленные довѣрчивы... но я теперь разочарованъ и поступлю строго.

Ольга.

Только прошу, не обвиняйте сестру, — она вынуждена была!

Лизгуновъ.

Ужъ я виноватаго найду!

(Баркаловъ выходитъ изъ флигеля.)

Ольга.

Вотъ и прекрасно! Найдите и поступите съ нимъ, какъ слѣдуетъ. (Кланяется и уходитъ въ домъ.)

Явленіе шестое.

Баркаловъ, Лизгуновъ, потомъ **Бондыревъ** и **Марья.**

Лизгуновъ.

А! Вы здѣсь! Очень кстати!

Баркаловъ.

Къ вашимъ услугамъ.

Лизгуновъ.

Благодарю-съ, благодарю! (Горячо.) Вы думали, вы хотѣли...

Баркаловъ.

Не горячитесь, не горячитесь, говорите толкомъ!

Лизгуновъ.

Но я не простъ, нѣтъ...

Баркаловъ.

Да ну, тише же! Я не люблю...

Лизгуновъ.

Вы хотѣли поймать меня на такую пустую штуку!

Бондыревъ

(входитъ и подавая руку Лизгунову).

Что это вы, Павелъ Спиридонычъ, горячитесь?

Лизгуновъ.

Помилуйте, какую, было, ловушку поставили, да плохо разочли, соображенія не хватило. (Хохочетъ.)

Баркаловъ.

Ну, да будетъ, наконецъ! Довольно, говорю я вамъ...

Лизгуновъ.

О, я этого не прощу! (Ходитъ взадъ и впередъ.)

Баркаловъ.

Скажите вашей супругѣ, что я согласенъ.

Бондыревъ.

Хорошо, скажу. Къ индюку служить желаете?

Баркаловъ.

Ахъ, полноте! Повѣрьте, что я сумѣю стать во всякія отношенія.

Бондыревъ (пожимая руку Баркалову).

Очень пріятно, очень пріятно!

Лизгуновъ (Баркалову.)

На-дняхъ вы будете имѣть честь принимать дорогого гостя, судебнаго пристава. Я представлю ко взысканію векселя Серафимы Давыдовны.

Бондыревъ.

Я по нимъ заплачу.

Баркаловъ (Бондыреву.)

И по моему, прошу васъ: всего шестьсотъ рублей!

Бондыревъ.

И по векселю г-на Баркалова.

Лизгуновъ.

Тѣмъ лучше, меньше хлопотъ. Честь имѣю кланяться... (Уходитъ.)

Марья (входитъ).

Степанъ Григорьичъ! Барыня приказала сказать, чтобы вы подождали здѣсь, онѣ сейчасъ выдутъ. (Уходитъ.)

Бондыревъ.

Поговорите съ ней, а я пойду къ женѣ, скажу, что вы согласны.

Баркаловъ.

Сдѣлайте одолженіе.

Бондыревъ.

Да и сбирайтесь! Мы напишемъ старостѣ приказъ, чтобы васъ приняли, какъ слѣдуетъ, если вы раньше насъ пріѣдете. (Уходитъ.)

Баркаловъ.

Похожденіямъ моимъ здѣсь приходитъ конецъ. Все-таки пожилъ такъ, какъ другому и во снѣ не приснится.

Явленіе седьмое.

Баркаловъ и Сарытова.

Сарытова.

Наконецъ-то, я вижу васъ! Скажите, что Лизгуновъ... она, вѣрно, очень рѣзко отказала ему? Онъ разсердился?

Баркаловъ.

Ничего я не знаю. Знаю только одно, что въ домѣ мнѣ оставаться нельзя.

Сарытова.

Вамъ? Послушайте, другъ мой, не пугайте меня, не шутите такъ неосторожно.

Баркаловъ.

Это далеко не шутка, я говорю серьезно. (Твердо.) Я долженъ уѣхать отсюда и сегодня же я исполню это намѣреніе.

Сарытова.

Да? Вы должны? (Совсѣмъ растерянная.) Сонъ это, или я въ бреду? Посмотрите на меня. Вы не улыбаетесь, вы смотрите зло!

Баркаловъ.

Не зло, но и не съ такимъ малодушіемъ, какъ вы. Оставьте, прошу васъ, всѣ эти нѣжности и выслушайте меня. Вамъ необходимо со мной разстаться.

Сарытова.

Почему это такъ сдѣлалось вдругъ необходимо?

Баркаловъ.

Оттого, что обстоятельства перемѣнились, и вамъ нужно помириться съ родными, а пока я здѣсь, это невозможно.

Сарытова.

Я не прошу вашихъ заботъ обо мнѣ, — родные

отреклись отъ меня и Богъ съ ними; тѣмъ болѣе дороги вы мнѣ. Вы для меня все: и жизнь, и радость! Мнѣ не нужно вашихъ заботъ, мнѣ нужно ваше сердце!

Баркаловъ.

Опомнитесь! Вамъ ли объ одномъ сердцѣ думать? Вы не молоденькая. — Однимъ словомъ, мы должны разстаться, — рѣшено, иначе невозможно. Разстанемся же, какъ добрые друзья, безъ неудовольствія.

Сарытова.

Какъ это легко и просто! Разстанемся! Нѣтъ, и не говорите мнѣ!

Баркаловъ.

А что жъ такое? Можно было — жили дружно, а нельзя — разъѣхались.

Сарытова.

Нужна была, хорошо, а не нужна стала, можно бросить — благородный разсчетъ! Да гдѣ же всѣ ваши клятвы, увѣренія?

Баркаловъ.

Вы никакъ не хотите разстаться безъ упрековъ.

Сарытова.

Не я говорю, а мое разбитое и растоптанное чувство.

Баркаловъ.

Какое чувство? Никакого чувства и не было.

Сарытова.

Вы не смѣете этого говорить! Я доказала, я очень доказала!

Баркаловъ.

Что вы доказали?

Сарытова.

Любовь свою къ вамъ. Для васъ я пожертвовала состояніемъ, родными.

Баркаловъ.

Для меня? Позвольте, я тутъ не при чемъ.

Сарытова.

Боже мой! Я стыжусь, что приблизила къ себѣ такого безумнаго человѣка. Онъ разорилъ, опозорилъ меня и надо мной же издѣвается!

Баркаловъ.

Вы сами себѣ надѣли петлю, а я только затянулъ ее. Слышите, раззорилъ! Мальчишкѣ, недоучкѣ-гимназисту, получавшему 20 рублей въ мѣсяцъ, наполняютъ карманъ деньгами и говорятъ: трать! Я не былъ такъ уменъ, чтобъ читать вамъ мораль и лекціи о бережливости, и не былъ такъ глупъ, чтобъ отказаться отъ денегъ. Я сталъ хлестать направо и налѣво, да и дохлестался. Сталъ мотать, обманывать, однимъ словомъ, велъ себя достойно моей роли и не жалѣлъ васъ, потому что вы не заслуживали сожалѣнья отъ меня.

Сарытова.

О, если бы я поняла васъ, всю вашу низкую, неблагородную душу!

Баркаловъ.

Что намъ съ вами о благородствѣ говорить? Гдѣ оно тутъ? Не къ лицу мнѣ говорить съ чувствомъ, но теперь я чувствую. Если бъ вы меня дѣйствительно любили, вы бы не допустили меня пасть такъ низко. Если мнѣ придется за свои дѣла отвѣтъ держать и каяться, горькимъ словомъ помяну я васъ, Серафима Давыдовна! Какое тутъ благородство, какая любовь? Эти слова нейдутъ къ намъ, — это не любовь, — это — блажь!

Сарытова.

Это выше силъ! Безсовѣстный! Идите, и пусть проклятіе мое преслѣдуетъ васъ всю жизнь.

Баркаловъ.

Проклинайте! А я — такъ напротивъ, я желаю всего хорошаго. Затѣмъ вамъ поклонъ, а самъ вонъ! (Уходитъ.)

Сарытова.

Какая жизнь, какая жизнь! Въ душѣ только тоска и горе! Больше нѣтъ ничего и впередъ не видать, не видать ничего! Да еще трепещи, что у тебя все отнимутъ и не будешь знать, гдѣ голову преклонить. Лучше ужъ смерть! Я убита, я совсѣмъ убита... и что это такое... какъ я ослабѣла. У меня нѣтъ силъ дойти до дому, подняться на лѣстницу... (Садится на скамью. За сценой звонъ колоколчиковъ.)

Явленіе восьмое.

Сарытова Марья, потомъ **Бондырева.**

Сарытова (слабымъ голосомъ).

Маша, пріѣхалъ, что ли, кто?

Марья.

Никакъ нѣтъ-съ. Степану Григорьевичу лошадей закладываютъ; коренная не стоитъ смирно, вотъ колокольчикъ и побрякиваетъ, да и бондаревскія лошади запряжены стоятъ, того гляди, подавать велятъ.

Сарытова.

Развѣ уѣзжаютъ?

Марья.

Уѣзжаютъ и съ барышнями, ужъ давно собирались, только Настасья Давыдовна еще гуляетъ въ

рощѣ, да ужъ и онѣ домой идутъ, ихъ съ крыльца видно за ригой.

Сарытова.

Значитъ, я одна... Проводи меня хоть проститься.

Марья.

Да вотъ Прасковья Антоновна сюда идетъ.

(Входитъ Бондырева.)

Бондырева.

Ну, прощайте! Спасибо за щи, за кашу, за ласку вашу!

Сарытова.

Всѣ! Всѣ вдругъ меня покидаютъ!

Бондырева.

Что жъ намъ дожидаться, пока ты прогонишь?

Сарытова.

Нѣтъ, ты прости, пощади меня! Помнишь, мы съ тобой ровесницы и подруги, ты здѣсь жила у отца моего... мы съ тобой вмѣстѣ росли, вмѣстѣ играли въ этомъ саду. Протяни мнѣ руку!

Бондырева.

Гм... Да! Ну, что жъ, извѣстное дѣло. Крестъ на шеѣ есть у меня. Что же тебѣ?

Сарытова.

Спаси меня!

Бондырева.

Да „спаси“! Что жъ... конечно — совсѣмъ-то погибнуть не дадимъ, ты не чужая.

Сарытова.

Помири меня съ сестрами.

Бондырева.

Да что, что тутъ мирить-то? Что онѣ такое? Дѣвченки! Приласкай — вотъ и все!

Явленіе девятое.

Сарытова, Бондырева, Бондыревъ и Ольга.

Бондырева.

Ну, вотъ тебѣ и Ольга!

Сарытова.

Я не знаю, какъ и начать!

Бондырева.

Начнемъ. Что тутъ мудренаго! Оля, вотъ твоя сестра и мать крестная думаетъ, что она была виновата предъ вами. Она объ этомъ сокрушается, хочетъ помириться съ вами.

Сарытова.

Оля, мнѣ нѣтъ оправданія, и знаю, но я прошу тебя, прошу...

Бондырева.

Будетъ толковать-то, да старую дрянь ворошить. Миръ, такъ миръ!

Оля (обнимаетъ Сарытову).

Мама, я забыла, забыла!

Явленіе десятое.

Тѣ же, Настя, Митрофанъ и Гурьевна.

Бондырева.

Ну, бѣги сюда, цѣлуй сестру!

Настя (запыхавшись).

Нѣтъ, погодите, дайте духъ перевести! (Отдохнувъ немного.) Я выхожу замужъ!

Бондырева.

Ахъ, батюшки, мои! Чего только этой егозѣ въ голову не придетъ!

Ольга.

Настя, что съ тобой, въ умѣ ли ты?

Бондыревъ.

Вотъ одолжила! Ахъ ты, куцая!

Настя.

Вотъ мой женихъ! (Указывая на Митрофана.)

Бондырева (всплеснувъ руками).

Матушки мои!

Ольга.

Ахъ, Настя, Настя!

Настя (указывая на Сарытову).

Это и ей на зло! Онъ хочетъ къ предводителю просьбу написать, чтобъ намъ дали другихъ попечителей, и будетъ управлять нашимъ имѣніемъ.

Бондырева.

Нѣтъ, тебя нужно запереть. (Строго.) Полно глупости-то болтать, поди, поцѣлуй сестру! Баркалова прогнали, теперь ты сама будешь полной хозяйкой.

Настя.

И мама будетъ меня слушаться?

Сарытова.

Буду, буду!

Настя (бросаясь на шею Сарытовой).

Ахъ, мама, мама!

Гурьевна.

Что жъ вы нами очень брезгуете? Онъ по хозяйственной части даже очень хорошо понимаетъ.

Бондырева (Гурьевнѣ).

Ты у меня смотри, я тебѣ такое хозяйство задамъ! Я до тебя доберусь! (Сарытовой.) Вотъ, Серафима, всегда такъ бываетъ въ семействахъ, когда голова-то съ пути собьется: и поползутъ разные Лизгуновы, да Гурьевны, а дѣвушки хоть за волостныхъ писарей рады, только бъ изъ дому вонъ!

Настя (кланяясь Митрофану).

Не надо, не надо! Прощайте!

Митрофанъ.

Я говорилъ, что намъ съ тобой журавлей въ небѣ не поймать. Пойдемъ, будемъ ловить синицъ!

(Уходятъ съ Гурьевной.)

Бондырева.

Всѣ въ сборѣ, только управляющаго не достаетъ!

Сарытова.

Ахъ, прошу васъ, не напоминайте мнѣ!

Бондыревъ.

Да не того, другого.

Бондырева.

У Оленьки женихъ есть, онъ не нынче, завтра пріѣдетъ. Вотъ ужъ это будетъ законный, настоящій управляющій!

Настя.

Оля, Оля, какъ я рада! (Бросаясь къ Сарытовой.) Мама, мама!

Бондырева.

А теперь на мировой, на радостяхъ, шампанскаго выпьемъ; не все же онъ окаянный вино-то вылакалъ!

Бондыревъ.

Важно! Ну, ужъ и теперь кондрашки не побоюсь, выпью!

Занавѣсъ.

Каталогъ изданій
Книгоиздательскаго Товарищества
„ПРОСВѢЩЕНІЕ“.

С.-Петербургъ, Забалканскій пр., с. д. № 75.

Сочиненія справочнаго характера.

	Р.	К.
Большая Энциклопедія. [4] Словарь общедост. свѣдѣній по всѣмъ отрасл. знанія, подъ общ. редакц. *С. Н. Южакова.* 10,000 рис., картъ и план. въ текстѣ и на 1000 отд. прил. — 220 в. по 50 к. или 22 т. въ роск. полукож. перепл. по 6 руб.	132	—
Географическій атласъ. 84 л. картъ и 16 л. плановъ городовъ въ 8⁰. — 15 в. по 40 к., въ роск. полукож. перепл.	7	80

Изящная литература.

Всемірная библіотека. Собр. соч. лучш. иностр. и русскихъ писателей.

	Р.	К.
Крыловъ, И. А. [1, 10] Редакція *В. В. Каллаша.* Худож. прил. — 4 т. по 75 к. въ изящн. кол. перепл.	5	—
Пушкинъ, А. С. [4, 8, 10] Редакція *П. О. Морозова* и *В. В. Каллаша.* 30 худож. прил. — 8 т. 7 р. 50 к., въ изящн. кол. перепл.	9	—
Кольцовъ, А. В. Редакція *А. И. Введенскаго.* 1 томъ. Цѣна 1 руб., въ изящн. кол. перепл. . .	1	50
Лермонтовъ, М. Ю. [4, 8, 10] Редакц. *А. И. Введенскаго.* 15 худож. прил. — 4 т. по 75 к., въ изящн. кол. перепл.	5	—
Гоголь, Н. В. Редакція *В. В. Каллаша.* 36 худож. прил. — 9 т. 9 р., въ изящн. кол. пер.	13	50
Максимовъ, С. В. Со вступительной статьей *Н. В. Быкова.* 20 томовъ 20 руб., въ изящн. кол. перепл.	30	—
Помяловскій, Н. Г. [8, 10] Портр и біогр. автора, составл. *Н. А. Благовѣщенскимъ. 10-е изданіе.* — 2 т. 3 р., въ изящн. кол. перепл.	4	—
Островскій, А. Н. [4, 8, 10] Ред. *М. И. Писарева.* Факсимиле, портреты автора и др. худож. прил. — 12 т. 19 р. 20 к., въ изящн. кол. перепл.	25	20
Потѣхинъ, А. А. [4, 8, 10] Ред. *автора.* Портр. и факсимиле его. — 12 т. 12 р., въ изящн. кол. пер.	18	—
Аксаковъ, С. Т. Редакція *А. Г. Горнфельда.* Портреты и худ. прил. 6 т. 6 р., въ изящн. пер.	9	—
Чарльзъ Диккенсъ. Пер. съ англ. *Ир. Ив.*		

Подробные иллюстрирован. проспекты высылаются по требованію безплатно; первый выпускъ каждаго изданія, для ознакомленія съ нимъ, — за 6 семикоп. марокъ. Допускается разсрочка платежа.

	Р.	К.
Введенскаго, М. А. Шишмаревой и др., со вступ. статьей *Д. Н. Сильнскаго.* 30 том. по 75 к., въ изящн. коленк. перепл.	37	50
Георгъ Брандесъ. Перев. съ датск. и вступ. статья ***М. В. Лучицкой.*** 20 том. по 75 коп., въ изящн. коленк. перепл.	25	—
Элиза Оржешко. Перев. съ польск., подъ редакціей и со вступит. статьей ***С. С. Зелинскаго.*** 12 том. по 75 коп., въ изящн. коленк. перепл.	15	—
Гюи де Мопасанъ. Переводъ съ франц., со вступительн. статьей ***З. А. Венгеровой.*** Богато иллюстр. изданіе. 15 т. 15 р., въ изящн. кол. пер.	2	50
Эдгаръ По. Собраніе сочиненій, съ критико-біогр. очеркомъ ***М. А. Энгельгардта.*** 3 т. 3 руб., въ изящн. коленк. перепл.	4	50
Театръ Еврипида. Стихотворный переводъ, съ греческ., съ введеніемъ и объяснит. статьями ***И. О. Анненскаго.*** 1 т. 6 р., въ изящн. перепл.	7	25

Сочиненія по исторіи, исторіи культуры, литературы и искусства.

	Р.	К.
Исторія человѣчества *(Всемірная исторія).*[4, 7] Общ. редакція ***Г. Гельмольта.*** Пер. съ доп. изв. русск. ученыхъ. 260 прил. — 90 в. по 50 к., 9 т.	54	—
Исторія первобытной культуры. Соч. д-ра ***Г. Шурца.*** Пер. и доп. проф. *Н. Н. Смирнова*, подъ редакц. и съ предисловіемъ *Д. А. Клеменца.* 434 рис. и 24 худож. прил. — 15 в. по 50 к., въ роск. полукож. пер.	8	60
Исторія нѣмецкой литературы съ древнѣйш. врем. до настоящ. времени. [1, 2, 9] Соч. профф. ***Фр. Фогта*** и ***М. Кохъ.*** Пер. проф. *А. Л. Погодина.* 98 худож. прил. — 15 в. по 50 к., въ роск. полушагр. перепл.	8	60
Какъ англичане критикуютъ свои государственные расходы. Соч. акад. ***Ив. Ив. Янжула.*** Цѣна 1 р. 25 к., въ роскошн. полукож. перепл.	1	75
Соціальные этюды. Соч. акад. ***Ив. Ив. Янжула.*** 2-ое изд. Цѣна 3 р., въ изящн. пер.	3	75
Главныя теченія польской политич. мысли (1863—1907 г.г.). Соч. проф. ***А. Л. Погодина.*** Цѣна 3 р., въ изящн. перепл.	3	75
Исторія искусства всѣхъ временъ и народовъ. [8] Соч. проф. ***К. Вёрмана.*** Пер. подъ ред. *А. И. Соловьева.* 1500 иллюстр. и 130 худож. прил.— 60 в. по 40 к. или 3 т. въ роск. полукож. перепл.	27	—
Сокровища искусства. 100 геліогравюръ размѣромъ 51×38,5 сант. 25 в. по 3 р., въ худож. перепл.	82	—

Подробные иллюстрирован. проспекты высылаются по требованію безплатно; первый выпускъ каждаго изданія, для ознакомленія съ нимъ, — за 6 семикоп. марокъ. Допускается разсрочка платежа.

Сочиненія по естествознанію и медицинѣ.

	Р.	К.
Вселенная и человѣчество. [4, 6] Сочин. проф. ***Г. Крэмера.*** Пер. подъ ред. проф. *А. С. Догеля.* 2000 рис. и мн. прил. — 100 в. по 40 к., или 5 т. въ пер. по 11 руб.	55	—
Мірозданіе, общедост. астрономія. [3, 4, 5, 10] Соч. д-ра ***В. Мейера,*** бывш. директ берл. „Уранія". Пер. съ дополн. и указат. по русск. астрон. л-рѣ проф. *С. П. Глаженка.* 287 рис., 41 худож. прил. — 15 в. 7 р. 50 к., въ роск. полукож. перепл.	8	60
Исторія земли. [1, 2, 4, 6] Сочиненіе проф. ***М. Неймайра.*** Пер. съ дополн. проф. *Чихолкъ* изд., съ дополн. по геолог. Россіи и указат. по русск. л-рѣ, подъ ред. проф. *А. А. Иностранцева.* 1129 рис., 38 худож. прил. — 30 в. 12 р. 80 к. — въ 2 роск. полукож. перепл.	15	—
Жизнь природы. Соч. д-ра ***Вильгельма Мейера.*** Пер. подъ ред. проф. *Н. А. Гезехуса.* 29 худож. прил. — 15 в. по 50 к., въ роск. полукож. перепл.	8	60
Земля и жизнь. Соч. проф. ***Ф. Ратцеля.*** Пер. подъ ред. проф. *И. И. Кротова.* 400 рис. и 67 худож. прил. — 30 в. по 50 к., или 2 т. въ роск. полукож. перепл.	17	—
Жизнь растеній. [1, 4, 6] Соч. проф. ***А. Кернера фонъ-Мариланна.*** Пер. съ дополн. и библіогр. указат., подъ ред. проф. *И. И. Бородина.* 2100 рис. и 65 худож. прил. — 30 вып. 12 р. 80 к., или 2 т. въ роск. полукож. перепл.	15	—
Происхожденіе животнаго міра. [4, 5, 6] Соч. проф. ***В. Гаакe.*** Пер. подъ ред. проф. *Ю. Н. Вагнера.* 469 рис. и 21 худож. прил. — 15 в. 6 р., въ роск. полукож. перепл.	7	—
Жизнь животныхъ Брэма. [4, 5, 6, 10] Перев. подъ ред. профф. ***А. С. Догеля*** и ***И. Ф. Лесгафта.*** 1179 рис. и 81 худож. прил. — 60 выпуск. по 35 коп., въ 3 роск. полушагр. перепл.	24	—
Человѣкъ. [1, 4] Соч. проф. ***І. Ранке.*** Пер. подъ ред. проф. *Д. А. Коропчевскаго.* 1398 рис. и 41 худож. прил. — 30 в. 12 р., или 2 т. въ роск. полукож. пер.	14	20
Народовѣдѣніе. [8, 9] Соч. проф. ***Фр. Ратцеля.*** Пер. съ дополн. проф. *А. Коропчевскаго.* 1103 рис. и 62 худож. прил. — 36 в. по 35 к., или 2 т. въ роск. полушагр. перепл.	15	—
Красота формъ въ природѣ. Соч. проф. ***Э. Геккеля.*** Пер. подъ ред. проф. *А. С. Догеля.* 100 больш. табл. съ опис. текстомъ. — 20 в. по 1 р. и 1 дополн. вып. 50 к.; въ изящн. перепл.	23	50
Африка. [8, 10] Соч. проф. ***В. Сиверса*** и ***Ф. Гана.*** Пер. проф. *Д. А. Коропчевскаго,* 200 рис. и 32 худож. прил. — 15 в. по 50 к., въ роск. полукож. перепл.	8	50
Азія. Соч. проф. ***В. Сиверса.*** Перев. подъ ред. проф Харьк. унив. *А. Н. Краснова.* 180 рис., 16		

Подробные иллюстрирован. проспекты высылаются по требованію безплатно; первый выпускъ каждаго изданія, для ознакомленія съ нимъ, — за 6 семикоп. марокъ. Допускается разсрочка платежа.

	Р.	К.
картъ и 20 худож. прил. — 15 вып. по 50 коп., въ роскошн. полукож. перепл.	8	50
Сѣверная Америка. Соч. д-ра ***Э. Декерта.*** Перев. проф. Варшавск. унив. *А. Л. Погодина.* 130 рис. въ текстѣ, 12 картъ и 21 худож. прил. — 14 вып. по 50 коп., въ роскошн. полукож. перепл. . .	8	—
Южная и Средняя Америка. Соч. проф. ***В. Сиверса.*** Перев. со 2-го нѣм. изд. проф. Варш. унив. *А. Л. Погодина.* 141 рис. въ текстѣ, 11 картъ въ краскахъ и 20 хромолитогр. и гравюръ. Въ роск. полукож. перепл.	8	—
Австралія, Океанія и Полярныя страны. Соч. профф. ***В. Сиверса*** и ***В. Кюкенталя.*** Пер. со 2-го переработаннаго нѣм. изд. *Г. Г. Генкеля,* съ дополн. проф. харьк. унив. *А. Н. Краснова.* 198 рис. въ текстѣ, 14 картъ и 24 хромолитографіи, гравюры и автотипіи. Въ роск. полукож. перепл.	8	50
Европа. Соч. проф. ***А. Филиппсона.*** Пер. со 2-го вновь переработаннаго нѣм. изд. съ дополн. ст. о Россіи *В. П. Воронцова,* 144 рис. и картъ въ текстѣ и 36 отдѣльныхъ приложеній (картъ, хромолит., гравюръ и автотипій). Въ роск. полук. перепл.	8	50
Книга о здоровомъ и больномъ человѣкѣ. 8. 10 Соч. проф. ***К. Э. Бока.*** Пер. съ нѣм. Рисунки и худож. прил. — 2 т. по 2 р., въ изящн. кол. перепл	6	—
Новый способъ лѣченія. Сочин. *М. Плетена.* Перев. подъ ред. д-ра мед. А. Н. Зеленкова. Около 600 рис., 63 прил. — 4 т. въ роск. перепл.	25	

Популярно-научные альбомы картинъ по естествознанію и географіи.

Альбомъ картинъ по зоологіи млекопитающихъ. 1. 6. 10 Текстъ проф. ***В. Маршалля.*** Пер. *Г. Г. Якобсона* и *Н. Н. Зубовскаго,* съ пред. проф. *Ю. Н. Вагнера.* 258 рис. Въ перепл.	1	75
Альбомъ карт. по зоол. птицъ. 1. 4. 6. 10 Текстъ проф. ***В. Маршалля.*** Пер. *Г. Г. Якобсона* и *Н. Н. Зубовскаго,* съ пред. проф. *Ю. Н. Вагнера.* 238 рис. Въ изящн. кол. перепл.	1	75
Альбомъ карт. по зоолог. рыбъ. 1. 4. 6. 10 Текстъ проф. ***В. Маршалля.*** Пер. *Г. Г. Якобсона* и *Н. Н. Зубовскаго.* 208 рис. Въ перепл. . .	1	75
Альбомъ картинъ по зоологіи низшихъ животныхъ. 4. 8. 10 Текстъ проф. ***В. Маршалля.*** Пер. *Г. Г. Якобсона.* 292 рис. Въ изящн. кол. перепл.	1	75
Школьный атласъ картинъ изъ „Жизни животныхъ" Брэма. 8. 10 *Отдѣлъ зоологіи.* 55 табл. Больш. альбомъ in folio въ папкѣ	1	75

Подробные иллюстрированн. проспекты высылаются по требованію безплатно; первый выпускъ каждаго изданія, для ознакомленія съ нимъ — за 6 семикоп. марокъ. Допускается разсрочка платежа.

	Р.	К.
Альбомъ картинъ по географіи растеній. 8 10 Текстъ д-ра ***М. Кронфельда.*** Пер. прив.-доц. *А. Г. Генкеля.* 216 рис. Въ изящн. кол. перепл.	1	75
Альбомъ картинъ по географіи Европы. 5. 6. 7. 10 Текстъ д-ра ***А. Гейстбека.*** Пер. съ доп. *А. П. Нечаева,* съ пред. *Д. А. Коропчевскаго.* 233 рис. Въ изящн. кол. перепл.	1	50
Альбомъ картинъ по географіи внѣевропейскихъ странъ. 5. 6. 7. 10 Текстъ д-ра ***А. Гейстбека.*** Пер. *А. П. Нечаева,* съ пред. проф. *Д. А. Коропчевскаго* 325 рис. Въ изящн. кол. перепл.	1	75

Серія сочиненій „Промышленность и техника".

	Р.	К
Исторія и современная техника строительнаго искусства. 8. 10 Пер. подъ ред. и съ дополн. проф. ***В. В. Эвальда.*** 900 рис. и 14 прил. — 10 в. по 50 к., въ роскошн. полукож. перепл.	6	--
Силы природы и ихъ примѣненія. 6. 8. 10 Пер. подъ ред. проф. ***И. А. Гезехуса.*** 1000 рис. и 3 прил. — 10 в. по 50 к., въ роск. полукож. перепл.	6	—
Электричество, его добываніе и примѣненія въ промышленности и техникѣ. 9 Пер. подъ ред. и съ дополнен. проф. ***В. В. Скобельцына.*** 900 рис. и 13 прил. — 10 в. по 50 к., въ роск. полукож. перепл.	6	—
Сельское хозяйство и обработка важнѣйшихъ его продуктовъ. Перев. подъ ред. и съ дополн. профф. ***В. Я. Добровлянскаго*** и ***А. В. Ключарева*** и др. 629 рис. и 9 прил. — 10 вып. по 50 коп., въ роскошн. полукож. перепл.	6	—
Горное дѣло и металлургія. 6 Пер. съ дополн. подъ ред. профф. ***И. В. Мушкетова*** и ***В. И. Баумана.*** 600 рис. и 12 прил. — 10 в. по 50 к., въ роск. полукож. перепл.	6	—
Технологія металловъ. 8. 9. 10 Пер. съ дополн. подъ ред. проф. ***А. Н. Митинскаго.*** 1600 рис. и 6 прил. — 10 в. по 50 к., въ роск. полукож. перепл.	6	—
Обработка камней и земель и технологія химическ. производствъ. 8. 10 Переводъ подъ ред проф. ***В. В. Эвальда.*** 600 рис. и 3 прил. — 10 вып. по 50 к., въ роск. полук. перепл.	6	—
Обработка волокнистыхъ веществъ, Пер. съ доп. подъ ред. проф. ***С. А. Ганешина.*** 680 рис., 5 прил.—10 в. по 50 к., въ роск. полукож. перепл.	6	—

Подробные иллюстрированные проспекты высылаются по требованію безплатно; первый выпускъ каждаго изданія, для ознакомленія съ нимъ, — за 6 семикоп. марокъ. Допускается разсрочка платежа.

	Р.	К.
Пути сообщенія. Пер. подъ ред. проф. ***Н. Н. Митинскаго.*** 764 рис. и 14 прил. — 10 в. по 50 к., въ роск. полукож. перепл.	6	—
Міровыя сношенія и ихъ средства. Пер. подъ ред. проф. ***Н. А. Гезехуса.*** 285 рис. и 3 прил. — 10 в. по 50 к., въ роск. полукож. пер.	6	—

Маньчжурія. Соч. ***А. Домбровскаго и В. Воронилова.*** Составл. по новѣйш. даннымъ. Приложенія (геогр. карта, русско-китайскій словарь и пр.). Цѣна 1 р. 60 к.

Сибирь и ея экономическая будущность. Соч. ***Кл. Оланьона,*** съ предисл. *Фр. Пасси.* 15 иллюстрир. прилож. Цѣна 2 руб., въ изящн. коленкор. пер. — 2 р. 50 к.

Жизнь бабочекъ. Соч. проф. ***Штандфуса.*** Пер. и доп. подъ ред. *И. Я. Шевырева.* 200 рис. Цѣна 2 р. 50 к., въ изящн. коленкор. перепл. — 3 р. 25 к.

Изданіе ***рекомендовано*** *Уч. Ком-томъ М-ства Народн. Просв. для фунд. библ. ср. уч. зав-ній, въ котор. препод. естествовѣдѣніе, а равно и учит. инст. и сем-ій.*

Хрестоматія для устн. и письм. соч., съ приложен. 15 картинъ. Составили преподаватели ***В. Н. Куницкій*** и ***А. Л. Погодинъ.*** Цѣна 60 коп.

Очерки изъ прошлаго и настоящаго Японіи. Соч. ***Т. А. Богдановичъ.*** Составл. по новѣйш. источникамъ, съ прилож. текста японской конституціи. 440 стр., 25 худож. прил. Цѣна 1 р. 25 к., въ изящн. кол. пер. — 1 р. 75 к.

Японцы о Японіи. Статьи о Японіи, сост. выд. японск. дѣят. подъ ред. ***Стэда.*** Пер. съ англ., подъ ред. съ пред. и дополн. ***Д. И. Шрейдера.*** Цѣна 3 р. 75 коп., въ роскошн. переплетѣ — 5 руб.

---

[1] *Изданіе* ***рекомендовано*** *Уч. Ком-томъ М-ства Нар. Просв. для фунд. и учен., старш. возр., библ. средн. учебн. заведеній М-ства.*

[2] *Изданіе* ***рекомендовано*** *Уч. Ком-томъ Собств. Его Импер. Величества К-ріи для фунд. библ. средн. учебн. зав. В-ства учр. Имп. Маріи.*

[3] *Изданіе* ***рекомендовано*** *Уч. Ком-томъ М-ства Земл. и Гос. Им. для библ. подвѣд. М-ству учебн. зав-ній.*

[4] *Изданіе* ***рекомендовано*** *Гл. Упр-мъ военно-учебн. зав-ній въ библ. кад. корпусовъ.*

[5] *Изданіе* ***одобрено*** *Уч. Ком-томъ М-ства Народн. Пр. для фунд. и учен., старш. возр., библ. средн. учебн. зав., для безпл. учит. инст. и сем. и для безпл. нар. чит. и библ.*

[6] *Изданіе* ***одобрено*** *Уч. Ком-томъ М-ства Земл. и Гос. Им. для библ. подвѣд. М-ству учебн. зав-ній.*

[7] *Изданіе* ***одобрено*** *Учебн. Ком-томъ Собств. Его Импер. Величества К-ріи по учр. Имп. Маріи для учен. библ., ср. и старш. возр., ср. учебн. зав-ній и для библ. старш. возр. Маріинскихъ уч-щъ.*

[8] *Изданіе* ***допущено*** *Уч. Ком-томъ М-ства Нар. Просв. въ библ. средн. учебн. зав-ній и въ библ. учит. инст. и семин., а также въ учит. библ. гор. уч-щъ.*

[9] *Изданіе* ***допущено*** *Уч. Ком-томъ М-ства Земл. и Гос. Им. для библ. подвѣд. М-ству ср. учебн. зав-ній.*

[10] *Изданіе* ***допущено*** *Уч. Ком-томъ М-ства Нар. Просв. въ безпл. нар. чит. и библ.*

Подробные иллюстрирован. проспекты и каталоги высылаются по требованію безплатно.

Типо-лит. Т-ва „Просвѣщеніе“. Спб., Забалканскій пр., с. д. № 75.

~~4/7~~
2/1
1/12

Duke University Libraries
D02782096Y